Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19.

Библіотека для юношества. Книга 13-я.

К. П. Ягодовскій.

ВЪ СТРАНѢ ПОЛУНОЧНАГО СОЛНЦА.

Воспоминанія о Мурманской экспедиціи.

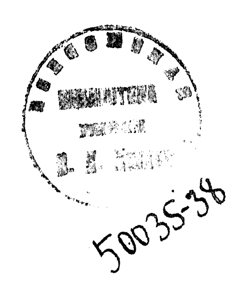
Съ 152 рисунками въ текстѣ. Съ 8 иллюстраціями, отпечатанными въ краскахъ, и портретомъ начальника экспедиціи проф. Н. М. Книповича. Къ книгѣ приложены четыре карты.

Обложка художника К. Н. Фридберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914 г.

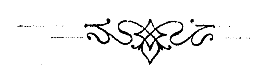

4570

Обложка, портретъ, рисунки и клише исполнены въ художественной фото-цинкографіи С. М. Прокудина-Горскаго. С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, д. 22.

Оглавленіе.

Списокъ рисунковъ.

РИСУНКИ ВЪ ДВѢ КРАСКИ.

КАРТЫ.

Предисловіе.

Широко раскинулась Россія! Всѣ государства Западной Европы вмѣстѣ занимаютъ меньше пространства, чѣмъ одна Европейская Россія! Если же принять во вниманіе безпредѣльныя равнины Сибири и другихъ азіатскихъ владѣній, то жутко становится предъ этой колоссальной поверхностью нашей родины!

Сколько чудныхъ картинъ, сколько интереснѣйшихъ явленій разбросала природа на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ! И песчаныя спаленныя зноемъ пустыни, и безпредѣльно тянущіяся зеленыя степи, и горы съ недосягаемыми, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами, и моря, таящія въ своихъ пучинахъ милліоны своеобразныхъ существъ, — все это можно встрѣтить, не выѣзжая за предѣлы нашей родины!

Не менѣе разнообразны и проявленія человѣческой жизни... Въ какой изъ странъ вы встрѣтите на ряду съ фабричнымъ производствомъ, поставленнымъ по послѣднему слову науки XX вѣка, полудикихъ кочевниковъ, перегоняющихъ свои стада съ одного пастбища на другое, охотниковъ, почти не покидающихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, дающихъ имъ и кровъ и пищу, безстрашныхъ мореплавателей, стремящихся завладѣть сокровищами морскихъ пучинъ, искателей золота и драгоцѣнныхъ камней, какъ кроты роющихся въ землѣ и т. д. и т. д.?!

Какой громадный, какой безпредѣльно интересный матеріалъ и для ученаго изслѣдователя, и для простого путешественника, интересующагося жизнью природы и человѣка!

За послѣдніе годы все больше и больше начинаютъ развиваться въ Россіи поѣздки съ цѣлью изученія родины. Многія школы каждую весну отправляютъ своихъ питомцевъ въ различные уголки нашего обширнаго отечества. Конечно, никакія книги, никакія описанія не дадутъ имъ такого яснаго представленія о природѣ Россіи и о жизни ея населенія, какое получатъ они во время этихъ поѣздокъ. Все чаще и чаще пускаются въ путешествія и отдѣльныя лица. Всѣ стремятся своими глазами увидѣть то, о чемъ читали и о чемъ слышали.

Большинство стремится на югъ. Всѣхъ влекутъ къ себѣ такія мѣста, какъ Крымъ и Кавказъ. Югъ намъ всегда кажется болѣе величественнымъ и болѣе интереснымъ. Почти никто не ѣдетъ на нашъ крайній сѣверъ. Сѣвера боятся и тамъ не ожидаютъ найти что-либо интересное; и сѣверъ Россіи мы знаемъ хуже другихъ ея уголковъ.

Конечно, много прелести въ ласкающихъ тонахъ южнаго берега Крыма; массу своеобразныхъ, необычныхъ для жителя россійской равнины впечатлѣній даетъ путешествіе по Кавказу; но развѣ менѣе интересны, менѣе поучительны суровые, дикіе берега, омываемые волнами Ледовитаго океана?! Развѣ не поразительно, что и тамъ, далеко за полярнымъ кругомъ жизнь бьетъ ключемъ?! Развѣ не заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія то, какъ приспособился человѣкъ къ жизни на нашемъ крайнемъ сѣверѣ?! А сіяющее въ полночь солнце и ночная тьма въ полдень? А непрерывно продолжающійся въ теченіе больше мѣсяца лѣтній день и такая же продолжительная зимняя ночь? Развѣ все это не дѣлаетъ полярные уголки Россіи не менѣе интересными и поучительными, чѣмъ южныя ея окраины?

Я благословляю тотъ случай, который далъ мнѣ возможность познакомиться именно съ полярной Россіей. Много приходилось мнѣ потомъ путешествовать, многіе красивѣйшіе уголки Россіи и Западной Европы удалось мнѣ посѣтить, но нигдѣ я не испыталъ тѣхъ яркихъ ощущеній, тѣхъ своеобразныхъ переживаній, которыя далъ мнѣ нашъ русскій крайній Сѣверъ.

Это и заставило меня написать предлагаемую книгу. Если она пробудитъ въ васъ, читатель, интересъ къ русской полярной окраинѣ, и если подъ ея впечатлѣніемъ кто-либо пожелаетъ вмѣсто ласкающаго юга посѣтить описываемыя мною мѣста, я буду удовлетворенъ вполнѣ.

Но въ данной книгѣ я преслѣдую и другую цѣль... Мы, русскіе, почему-то мало интересуемся нашими научными предпріятіями. Намъ почти всегда кажется, что заграницей все интереснѣе, все значительнѣе. А между тѣмъ и у насъ есть много начинаній, заслуживающихъ самаго глубокаго интереса.

Однимъ изъ такихъ начинаній я считаю «Мурманскую Экспедицію», участію въ которой я и обязанъ своимъ знакомствомъ съ сѣверомъ.

Всѣ мы знаемъ, что человѣкъ съ каждымъ годомъ все глубже и глубже проникаетъ въ тайны моря. Для насъ теперь многое уже ясно изъ того, что еще недавно заставляло человѣка строить цѣлый рядъ ни на чемъ неоснованныхъ предположеній.

Но многіе ли знакомы съ тѣмъ, *какъ* человѣкъ заглянулъ въ пучину океана?!

Описывая свое путешествіе по сѣверу, я стремлюсь вездѣ ознакомить читателя съ орудіями и способами современнаго изслѣдованія жизни морскихъ глубинъ.

И если эти описанія помогутъ вамъ, читатель, хоть отчасти оцѣнить тѣ геніальныя изобрѣтенія, которыя позволяютъ намъ теперь говорить о жизни моря съ такой же увѣренностью, съ какой мы говоримъ о жизни

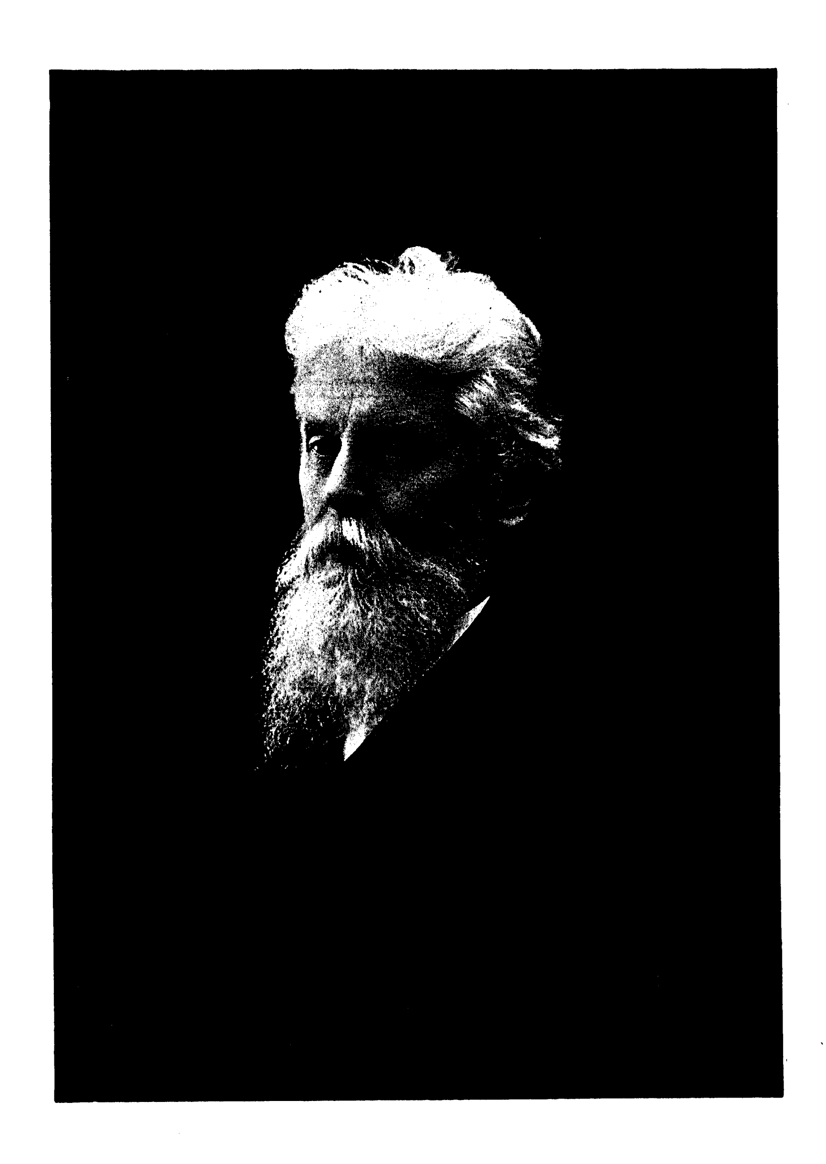
на сушѣ, то и вторая моя цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Мое знакомство и съ сѣверомъ, и съ изслѣдованіями жизни моря происходило или путемъ личныхъ моихъ наблюденій, или въ бесѣдахъ съ моими товарищами. Это заставило меня придать изложенію характеръ отчасти дневника, отчасти бесѣды, какъ то и было на дѣлѣ.

Первая часть — путь до Екатерининской гавани — является именно такимъ дневникомъ. Въ дальнѣйшемъ я собралъ свои впечатлѣнія за 3 года и излагалъ ихъ уже въ иной послѣдовательности, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Да простятъ мнѣ товарищи по плаванію, если я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова одного вложилъ въ уста другому.

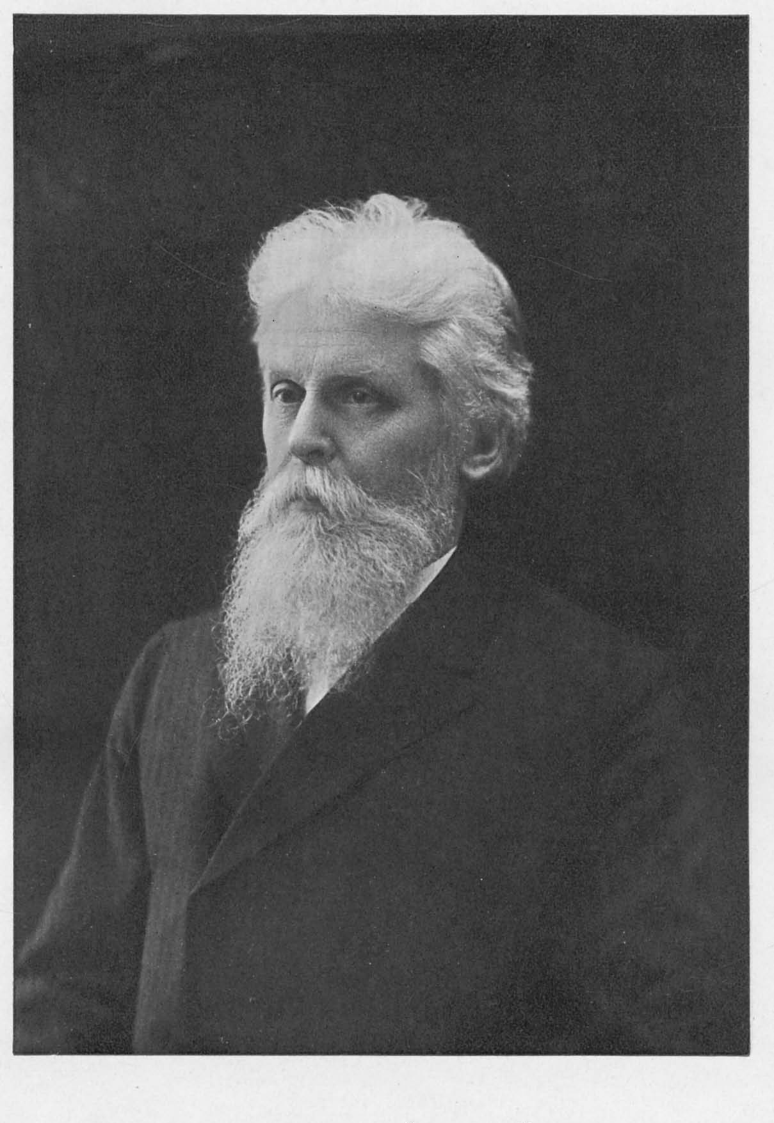
Главнымъ моимъ руководителемъ при знакомствѣ съ жизнью нашего сѣвера и омывающихъ его водъ былъ начальникъ экспедиціи Н. М. Книповичъ. При составленіи этой книги я тоже получилъ отъ него много очень цѣнныхъ совѣтовъ и указаній. Шлю ему за все мою искреннюю и безконечно глубокую благодарность.

Рядъ указаній получилъ я отъ моего товарища по плаванію С. А. Павловича; онъ же сдѣлалъ рисунки для картъ и нѣкоторыхъ клише, позволившіе мнѣ ярче иллюстрировать описаніе. Прошу и его принять большую мою благодарность за участіе въ моей работѣ.

Профессоръ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
КНИПОВИЧЪ.
(Современный портретъ).

Т-во С. М. Прокудинъ-Горскій и К⁰, Спб

Профессоръ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
КНИПОВИЧЪ.
(Современный портретъ).

ГЛАВА I.

Счастливый день.

Это было въ декабрѣ 1898 года. Какъ и всегда, рано утромъ я шелъ въ университетъ. Погода была ужасная: мокрый снѣгъ, валившій крупными хлопьями, залѣплялъ глаза, уши, пробирался за воротникъ; сильный вѣтеръ заставлялъ плотнѣе закутываться въ пальто и придерживать фуражку. Сѣрое небо съ быстро бѣгущими низко нависшими облаками не обѣщало ничего хорошаго... Если ко всему этому представить себѣ, какой слякотью и грязью покрываются въ такіе дни улицы Петербурга, тогда станетъ понятнымъ, какъ себя чувствовали всѣ тѣ, кому нужно было идти нѣсколько верстъ пѣшкомъ.

Но вотъ, наконецъ, и дверь нашей лабораторіи...

Уже второй годъ я работалъ надъ изученіемъ окончаній обонятельнаго нерва у рыбъ. Это была обычная студенческая «зачетная» работа. Къ осени этого года мнѣ удалось прослѣдить не только то, что было описано у различныхъ изслѣдователей, но какъ будто бы увидѣть и нѣчто новое... Только тотъ, кто когда-либо самъ занимался подобной работой, можетъ понять, какъ захватываетъ она, и какое громадное удовлетвореніе даетъ самое ничтожное «открытіе», т.-е. находка чего-нибудь новаго, чего не замѣтили другіе. Нѣчто подобное я и увидѣлъ на своихъ препаратахъ... но мнѣ никакъ не удавалось получить нас-

только ясную картину, чтобы мое «открытіе» ни въ комъ не вызывало сомнѣній. И вотъ уже мѣсяца два я готовилъ массу препаратовъ, и все безрезультатно.

Въ описываемый мною день я безъ всякой надежды на успѣхъ взялся за микротомъ. Прежде чѣмъ приготовить препаратъ въ окончательномъ видѣ, я взялъ нѣсколько срѣзовъ и началъ ихъ разсматривать подъ микроскопомъ. Одного взгляда достаточно было, чтобы настроеніе мое рѣзко измѣнилось. Я нашелъ то, что искалъ! И стѣны лабораторіи, за минуту передъ тѣмъ нагонявшія тоску, и окна, залѣпленныя до половины снѣгомъ, и сѣрое свинцовое небо, все сразу какъ будто перемѣнилось, все казалось такимъ близкимъ, роднымъ и милымъ.

Закипѣла работа, та работа, при которой безъ всякихъ видимыхъ усилій все дѣлается легко, свободно и хорошо...

Около часу дня мы въ лабораторіи завтракали и пили чай, который тутъ-же кипятили въ чайникѣ. Только что мы налили себѣ чаю и, усѣвшись за столъ, начали дѣлиться новостями, какъ ко мнѣ пришелъ знакомый студентъ В. Ф. Д.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить. Идемте въ корридоръ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Вы поѣхали-бы на Мурманъ?

— Разскажите подробнѣе... Я знаю, что вы прошлое лѣто провели тамъ, но и только.

— Вы знаете Николая Михайловича Книповича? Онъ является начальникомъ Мурманской научно-промысловой экспедиціи. Лѣтомъ экспедиція уже приступила къ работамъ. Въ этомъ году дѣло расширяется, нужны новые помощники; если хотите, ѣдемте!

— Ну, конечно, хочу.

— Въ такомъ случаѣ къ 3-мъ часамъ пойдите для переговоровъ къ Николаю Михайловичу въ Зоологическій Музей Академіи Наукъ. А пока до свиданія! Я очень торо-

плюсь, такъ какъ я скоро уѣзжаю на Мурманъ на оленяхъ черезъ Кольскій полуостровъ; мнѣ нужно собраться и подготовиться къ этому трудному переѣзду.

Я кое-что слышалъ о Мурманской экспедиціи и зналъ Н. М. Книповича, который читалъ у насъ, какъ приватъ-доцентъ, одинъ изъ частныхъ курсовъ зоологіи, но я никогда и не мечталъ, что мнѣ удастся попасть въ Ледовитый океанъ и принимать участіе въ раскрытіи тѣхъ тайнъ, которыя хранитъ онъ въ своихъ глубинахъ. Я недавно еще прочелъ исторію путешествія Нансена... Конечно, Мурманская экспедиція и экспедиція Нансена не одно и то же, но все равно мнѣ представляется возможность побывать въ полярныхъ странахъ.

Въ 3 часа я былъ въ Зоологическомъ музеѣ Академіи Наукъ, не въ той его части, которая открыта для публики, а—въ подвалахъ, въ которыхъ устроены кабинеты ученыхъ зоологовъ! Когда я входилъ въ кабинетъ Николая Михайловича, онъ сидѣлъ и разбиралъ раковины моллюсковъ. Усадивъ меня и не прекращая своей работы, онъ началъ знакомить меня съ исторіей экспедиціи.

— Экспедицію снарядилъ «Комитетъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера». Сначала комитетъ заботился только о матеріальной поддержкѣ семей поморовъ, погибшихъ въ океанѣ во время шторма, но потомъ дѣятельность его значительно расширилась: комитетъ организовалъ взаимное обязательное страхованіе поморскихъ судовъ, а въ настоящее время онъ очень заинтересованъ изслѣдованіемъ промысловъ и промысловыхъ водъ. Это и составляетъ задачу нашей экспедиціи. Мы уже въ прошломъ году работали на Мурманѣ; но на дѣятельность прошлаго лѣта я смотрю исключительно какъ на развѣдку: мы не могли предпринять сколько-нибудь значительныхъ работъ, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи было только парусное судно. Въ настоящее время уже выстроенъ за границей пароходъ, спеціально приспособленный для работъ экспе-

диціи, и съ весны этого года начнутся настоящія интенсивныя изслѣдованія.

— Долженъ васъ предупредить,—продолжалъ Николай Михайловичъ,—что работы будетъ много, и условія, при которыхъ придется работать, могутъ быть довольно тяжелыми... Кстати, вы бывали въ морѣ?

— Нѣтъ, никогда!

— Ну, смотрите, если вы не выносите моря, то работа можетъ оказаться для васъ невозможной. Такъ вотъ, если васъ не пугаетъ все то, на что я указывалъ, начинайте готовиться.

Послѣднія слова Николая Михайловича заставили меня усмѣхнуться; развѣ можетъ кого-либо испугать и удержать предстоящая работа и, хотя-бы даже, морская болѣзнь, когда впереди предстояло путешествіе по Ледовитому океану, изслѣдованіе океаническихъ глубинъ, быть можетъ, встрѣча съ китами и съ полярными льдами и т. д., и т. д...

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Николай Михайловичъ познакомилъ меня съ условіями работы, далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ относительно снаряженія и предложилъ приходить къ нему въ кабинетъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться хоть немного съ мурманскими промысловыми рыбами и другими животными, съ которыми придется встрѣчаться во время работъ.

Полный восторга и мечтаній о будущемъ путешествіи вышелъ я изъ музея. Вьюга продолжалась, но то, что утромъ такъ угнетало, теперь не производило почти никакого впечатлѣнія. Предстоящее рисовалось мнѣ такимъ интереснымъ и захватывающимъ, что всѣ переживаемыя невзгоды казались слишкомъ ничтожными, чтобы придавать имъ какое-либо значеніе.

Моя работа въ лабораторіи тоже рисовалась мнѣ теперь въ иномъ свѣтѣ: еще утромъ, какъ о счастьи, мечталъ я о томъ, какъ-бы получить препаратъ, подтверждающій мои наблюденія... Теперь препаратъ полученъ, и,

конечно мнѣ это пріятно, но предстоящая поѣздка казалась мнѣ гораздо болѣе важной и интересной, чѣмъ вся моя работа въ лабораторіи.

Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, но и до сихъ поръ я считаю этотъ день однимъ изъ наиболѣе важныхъ по своимъ послѣдствіямъ дней моей жизни.

ГЛАВА II.

Сборы. Отъѣздъ въ Либаву.

Съ этого дня я почти каждый день кромѣ лабораторіи работалъ еще въ Академическомъ Музеѣ въ кабинетѣ Николая Михайловича.

Здѣсь я встрѣтился со своими будущими товарищами по экспедиціи. Почти со всѣми ими я уже былъ знакомъ по университету: все это были студенты-естественники Въ музеѣ у Николая Михайловича познакомились мы и съ будущимъ врачемъ экспедиціи Александромъ Карловичемъ Г.; молодой человѣкъ очень высокаго роста со строго сдвинутыми бровями, онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе очень чопорнаго и сухого человѣка, но потомъ, уже съ первыхъ дней совмѣстной жизни, мы убѣдились, насколько ошибочнымъ было наше первое впечатлѣніе.

Въ музеѣ мы главнымъ образомъ опредѣляли по опредѣлителю мурманскихъ рыбъ. Здѣсь впервые мы увидѣли заспиртованныхъ тресокъ, пикшъ, палтусовъ, которые потомъ въ тысячахъ экземпляровъ проходили черезъ наши руки. Разбирая банки съ коллекціями развѣдочной экспедиціи, мы познакомились немного и съ другими животными нашего сѣвернаго моря.

Но особенно цѣнными для насъ были указанія и разговоры съ Николаемъ Михайловичемъ. Часто задерживались мы въ музеѣ послѣ окончанія работъ, и Николай Михай-

ловичъ выяснялъ намъ значеніе научно-промысловыхъ изслѣдованій и знакомилъ насъ съ будущей работой, съ задачами, которыя намѣчаетъ онъ на предстоящее лѣто, и т. п.

— Вы спрашиваете, въ чемъ заключается сущность именно научно-промысловыхъ изслѣдованій?—Отвѣтить на это можно очень просто: только полное и всестороннее знаніе промысловыхъ водъ можетъ дать намъ возможность вполнѣ разумно использовать ихъ богатства. Но прежде всего, вы представьте себѣ все значеніе рыбныхъ богатствъ въ жизни народа! Вѣдь рыба это самая дешевая животная пища, а съ другой стороны дорогіе сорта рыбъ даютъ рыбакамъ очень хорошій заработокъ. До недавняго времени съ рыбными богатствами не церемонились: ловили, когда хотѣли, какъ хотѣли и сколько хотѣли. Каковы-же результаты?—Очень печальные. Взять хотя бы бассейнъ Каспійскаго моря... Промыслы съ каждымъ годомъ падаютъ: рыбы меньше и сама рыба хуже... Одна сторона научно-промысловыхъ изслѣдованій и заключается въ томъ, чтобы, изслѣдуя жизнь рыбъ, получить тѣ свѣдѣнія, которыя позволили бы не только не расхитить запасы рыбныхъ богатствъ, а напротивъ сохранить ихъ и даже, если возможно, увеличить. Вы слыхали, вѣроятно, кое-что о волжской сельди?

— Да, да!

— А я не слыхалъ; въ чемъ дѣло?

— Въ Волгѣ до изслѣдованій Бера сельдь не ловили, хотя она встрѣчалась тамъ громадными косяками. Ее не считали промысловой рыбой. Беръ показалъ, что эта рыба, встрѣчающаяся въ несмѣтныхъ количествахъ, можетъ дать дешевый пищевой продуктъ, и научилъ рыбаковъ солить ее особымъ способомъ. Тогда началось такое истребленіе этой рыбы, что въ настоящее время приходится говорить о мѣрахъ, которыя спасли бы ее отъ полнаго истребленія. Это хорошій примѣръ: изслѣдованія Бера вызвали къ

жизни новый промыселъ, и, рядомъ съ этимъ, недостаточное знаніе жизни промысловаго животнаго не позволило оградить его отъ истребленія. При промыслахъ въ открытомъ океанѣ пока не возникаютъ еще вопросы объ истребленіи промысловыхъ животныхъ, но зато тамъ гораздо важнѣе вопросъ о томъ, гдѣ и въ какое время года держится промысловая рыба. Какъ же хорошо и точно должны мы знать жизнь промысловаго животнаго, чтобы съ одной стороны указывать промышленникамъ, гдѣ и когда они больше наловятъ, а съ другой—не только охранить это животное отъ полнаго истребленія, но даже дать ему возможность увеличиваться въ количествѣ!

— Какая же разница между промысловыми и научно-промысловыми изслѣдованіями?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Очень опредѣленная, — отвѣчалъ Николай Михайловичъ. — Вотъ, напримѣръ, мы пріѣдемъ на Мурманъ и будемъ наблюдать такой фактъ: у береговъ рыбы нѣтъ, она держится гдѣ-то въ открытомъ морѣ... При промысловыхъ изслѣдованіяхъ мы возьмемъ рядъ судовъ и пошлемъ ихъ въ различныя мѣста производить опыты лова. Въ результатѣ мы узнаемъ, что въ такомъ-то году, въ такое-то время рыба держалась тамъ-то. Вотъ вамъ чисто практическое рѣшеніе вопроса.

— Совершенно иначе поступимъ мы, если захотимъ рѣшить этотъ же вопросъ научнымъ способомъ. Мы, какъ и въ первомъ случаѣ, должны будемъ произвести рядъ опытовъ лова, но рядомъ съ этимъ мы будемъ стремиться выяснить причины даннаго явленія, т.-е. установить зависимость его отъ другихъ явленій. И если намъ это удастся, то мы, наблюдая одни явленія, будемъ имѣть возможность предсказать наступленіе другихъ.

— Конечно, это не такъ просто. Взять хотя-бы приведенный выше примѣръ: предположимъ, что мы установимъ, что въ данный моментъ промысловая рыба держится въ дали отъ береговъ потому, что въ это время именно

тамъ держатся тѣ животныя, которыми она питается... Предъ нами возникаетъ новый вопросъ: почему-же именно здѣсь держатся въ данный моментъ животныя, составляющія пищу промысловыхъ рыбъ? Вы видите, что при подобныхъ изслѣдованіяхъ нельзя ограничиться изученіемъ жизни только даннаго промысловаго животнаго; необходимо изучать все населеніе даннаго водоема, и не только населеніе, а и остальныя явленія, такъ какъ, конечно, и температура, и содержаніе въ водѣ солей и газовъ и теченія—все это такъ или иначе вліяетъ на жизнь животныхъ данной области. Такимъ образомъ *полное и всестороннее изученіе моря* должно составлять основу научно-промысловыхъ изслѣдованій. Наша работа прежде всего и будетъ заключаться въ подобномъ изученіи.

Время отъѣзда приближалось. Всѣ мы купили себѣ высокіе непромокаемые сапоги, запаслись шапками съ наушниками, теплыми куртками и т. д.

Въ началѣ апрѣля мы выѣхали въ Либаву, куда долженъ былъ придти изъ заграницы «Андрей Первозванный», (такъ назывался нашъ пароходъ).

Нѣсколько дней мы прожили въ Либавѣ, такъ какъ при пробномъ плаваніи «Андрея Первозваннаго» были обнаружены нѣкоторые недочеты, которые нужно было исправить. Но время это не пропало даромъ: разговоры съ Николаемъ Михайловичемъ пополняли и углубляли наши знанія о томъ дѣлѣ, служить которому мы собирались.

Меня, да вѣроятно и другихъ, все сильнѣе и сильнѣе волновало приближеніе момента, когда мы должны будемъ познакомиться съ моремъ. Вынесу-ли я? Не осрамиться бы!

Въ ночь на 11-е апрѣля было получено извѣстіе, что нашъ пароходъ подходитъ къ Либавѣ.

ГЛАВА III.

«Андрей Первозванный».

Рано утромъ 11 апрѣля мы всѣ были въ Коммерческомъ порту; такъ называется въ Либавѣ довольно узкій каналъ, въ который заходятъ и къ стѣнкамъ котораго «пришвартовываются» *) коммерческія суда. Кругомъ насъ—обычная жизнь большого торговаго порта: шумъ лебедокъ и лязгъ цѣпей, крики и говоръ чуть не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, дымъ, свистки пароходовъ и т. д. и т. д.

Наконецъ изъ-за лѣса мачтъ, изъ-за клубовъ бураго удушливаго дыма показалась красивая бѣлая двухмачтовая яхта... Мы сразу узнали нашего «Андрея», такъ не похожъ онъ былъ на всѣ окружавшія насъ суда (рис. 2). Но не скоро еще попали мы на него: нѣсколько часовъ продолжался таможенный досмотръ и другія формальности.

Но вотъ я и на «Андреѣ Первозванномъ»! Не на какомъ-либо рѣчномъ пароходишкѣ, а на пароходѣ, предназначенномъ для плаванія въ океанѣ, въ Ледовитомъ океанѣ! Такъ думалъ я, впервые вступая на палубу. Здѣсь для меня все было ново. Все, начиная отъ палубы, каютъ, вплоть до совершенно своеобразнаго распредѣленія дня. Цѣлый новый міръ со своимъ необычнымъ для меня укладомъ жизни открывался предо мною.

Позвольте же хоть въ самыхъ общихъ чертахъ познакомить васъ, читатель, съ нашимъ новымъ жилищемъ.

Полная длина «Андрея»—151 футъ, наибольшая ширина—26 футовъ—вотъ его величина. Какъ видите, пароходъ небольшой. Если бы вы попали на его палубу, то вамъ показалось бы на ней тѣсно. Дѣйствительно, вся

*) Привязываются.

средняя часть палубы застроена «рубками», такъ что свободными остаются только неширокіе проходы вдоль бортовъ да носовая и кормовая части или, по морской терминологіи, «бакъ» и «ютъ». Такое обиліе «рубокъ» объясняется тѣмъ, что кромѣ обычныхъ помѣщеній—штурманской рубки, въ которой хранятся карты, хронометры и др. мореходные инструменты и принадлежности, камбуза или по-просту кухни и т. д., у насъ въ рубкахъ помѣщалась лабораторія.

Лабораторія находилась въ кормовой части рубки, и дверь изъ нея открывалась на корму. Лабораторія состояла изъ двухъ комнатъ. Первая предназначалась для черновой работы: въ ней разбирали вытащенныхъ со дна животныхъ, вскрывали и измѣряли рыбъ и т. п. Въ этой части помѣщались на столѣ аквaріумы, въ которыхъ мы держали живыхъ животныхъ; въ шкапахъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ и въ ящикахъ столовъ, была масса различныхъ банокъ, въ которыхъ сохранялись добытыя животныя, на полкахъ въ большихъ банкахъ находился спиртъ и формалинъ для консервированія коллекцій, здѣсь же сохранялись нѣкоторые снаряды и приборы для изслѣдованій. Вторая комната была болѣе уютной; правда, и здѣсь каждый уголокъ былъ занятъ или шкапомъ съ банками или какими-либо другими приспособленіями, но большой столъ и стулья придавали этому помѣщенію болѣе жилой характеръ. Здѣсь производились работы съ микроскопомъ, здѣсь велись записи въ нашихъ рабочихъ журналахъ и здѣсь же шли нескончаемые разговоры въ перерывахъ между работами. Много хорошихъ воспоминаній связано у меня именно съ этимъ помѣщеніемъ.

На кормѣ прямо передъ лабораторіей была большая лебедка, т.-е. громадная катушка съ намотанными на нее стальными тросами; она приводилась въ движеніе при помощи пара и служила для работъ съ оттертроллемъ (громадная сѣть для лова на днѣ моря) (рис. 3). На кормѣ

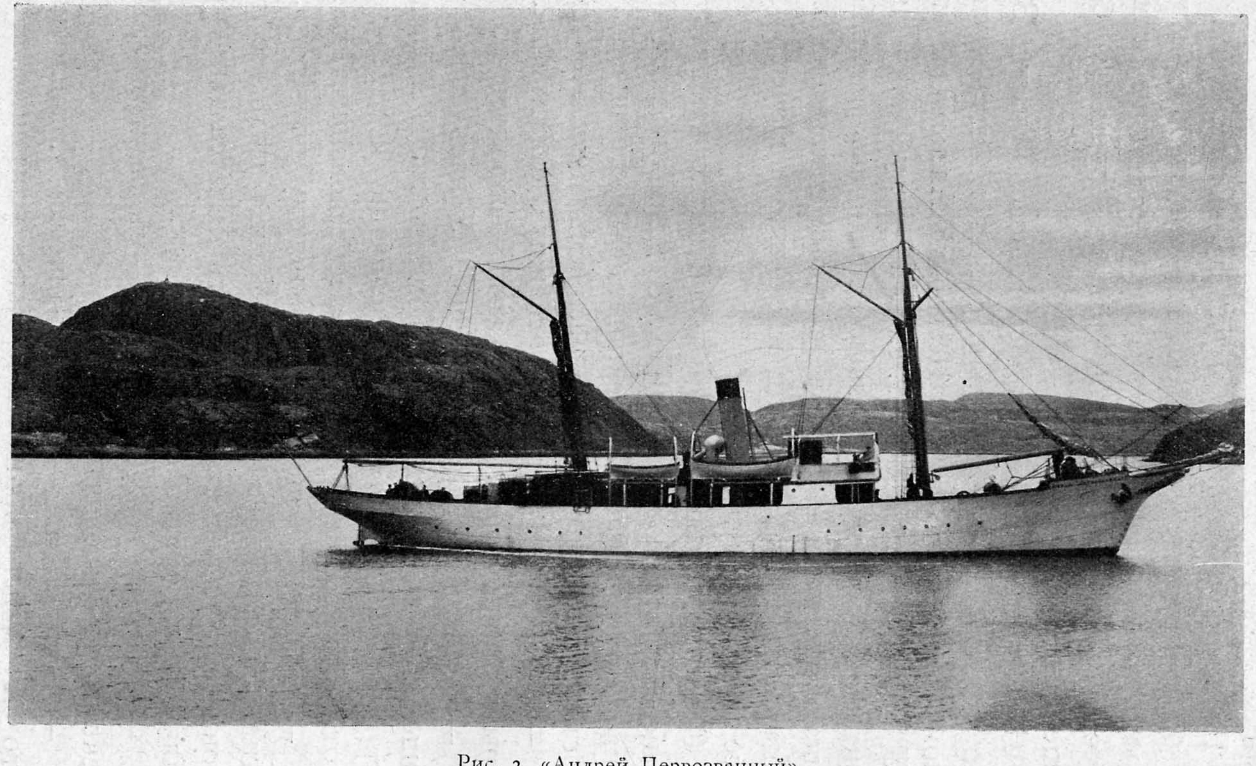

Рис. 2. «Андрей Первозванный».

же помѣщался входъ въ «кубрикъ», т.-е. помѣщеніе для команды.

На носовой части палубы передъ штурманской рубкой была вторая лебедка, нѣсколько меньшихъ размѣровъ; и тросы на ней были тоже значительно тоньше, чѣмъ на кормовой. При помощи этой лебедки спускались болѣе мелкіе снасти и приборы.

Наше помѣщеніе находилось въ носовой части. Здѣсь было 6 каютъ и одна довольно большая каютъ-кампанія. Я помѣстился въ каютѣ съ Несторомъ Александровичемъ С. У насъ было 2 койки, т.-е. два неглубокихъ ящика одинъ надъ другимъ, небольшой диванчикъ вдоль борта, 2 шкапа для платья, столикъ, который открывался и превращался въ умывальникъ, и нѣсколько полочекъ. Вотъ и все наше помѣщеніе.

Скоро разсовали мы свои пожитки по каютамъ и собрались всѣ въ каютъ-кампанію... Здѣсь мы познакомились съ нашимъ капитаномъ, Александромъ Петровичемъ С., и его старшимъ помощникомъ, Василіемъ Николаевичемъ Ч.

— Александръ Петровичъ, скажите, пожалуйста, какъ открыть окошечко въ нашей каютѣ?—спросилъ я.

— Ха, ха, ха! какое окошечко? У насъ здѣсь нѣтъ окошекъ! У насъ, батенька, иллюминаторы! И Александръ Петровичъ и его помощникъ искренно и заразительно хохотали надъ нашей морской «необразованностью».

— Да, вамъ тутъ придется многому поучиться,—замѣтилъ Николай Михайловичъ.—У нихъ вѣдь все не по-человѣчески называется: вотъ намъ кажется такъ просто и для всѣхъ понятно сказать веревка...

— Нѣтъ не веревка, а *конецъ*,—съ азартомъ заявилъ Александръ Петровичъ.

— Вотъ видите?—сказалъ Николай Михайловичъ.—А то еще вмѣсто конца «шкертикъ» услышите...

— Бываетъ и шкертикъ,—подтвердилъ Александръ Петровичъ.

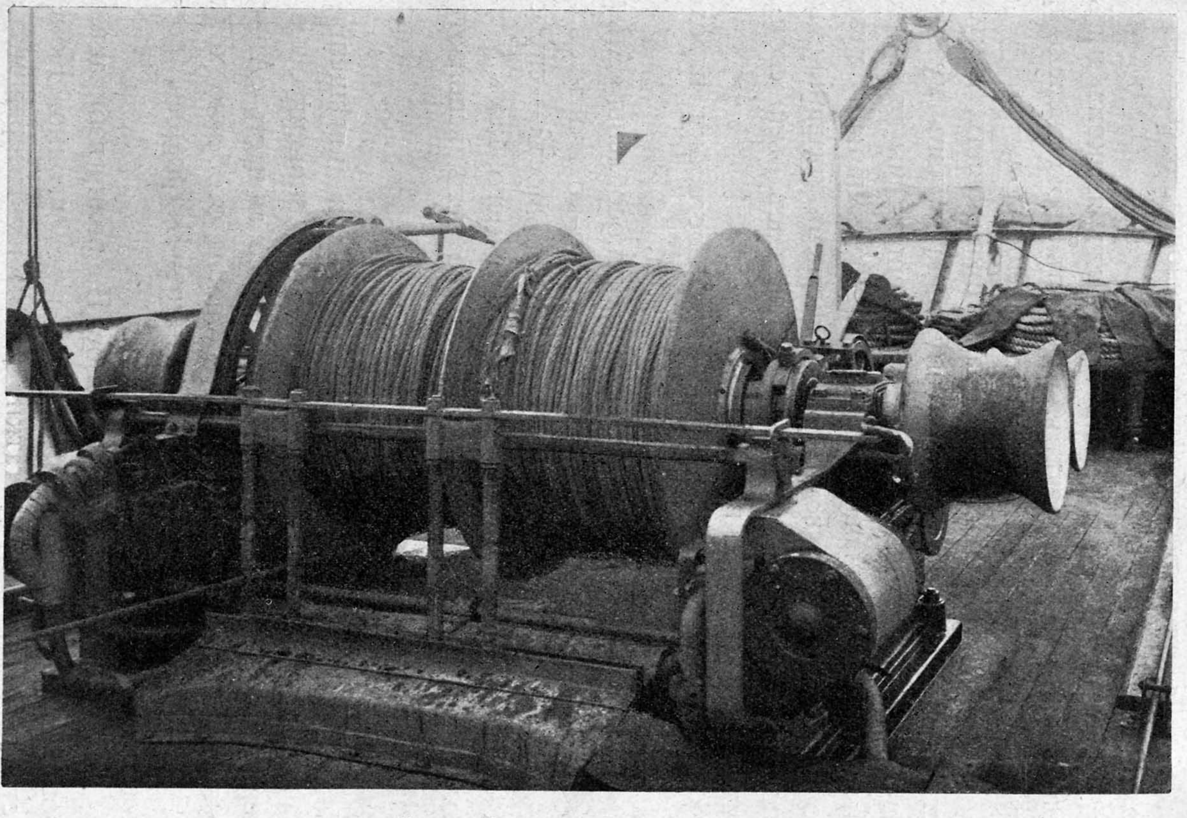

Рис. 3. Большая кормовая лебедка.

— А что же это такое шкертикъ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Да, просто, небольшая веревочка, — сказалъ Николай Михайловичъ.

Еще долго мы подсмѣивались надъ языкомъ и нѣкоторыми обычаями моряковъ, а они въ свою очередь подшучивали надъ нашей «необразованностью».

— А вѣдь у насъ, Николай Михайловичъ, и музыка есть!—сказалъ капитанъ и дернулъ за рычагъ музыкальнаго шкапа. Одну за другой прослушали мы рядъ пьесъ. Мы не обратили сначала особаго вниманія на нашу музыку, но потомъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ плаванія мы ее вполнѣ оцѣнили, и у каждаго изъ насъ были свои любимые музыкальные номера.

Скоро разговоръ перешелъ на постройку парохода, на связанныя съ ней задержки и т. д.

— Въ чемъ же заключаются приспособленія «Андрея» къ полярному плаванію?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— А вы обратили вниманіе на его носъ? — спросилъ Александръ Петровичъ.—Вѣдь носъ у него, какъ у ледокола. При встрѣчѣ со льдами онъ будетъ всползать на нихъ и ломать.

— А если ледъ толстый?

— Тогда можно въ особыя носовыя помѣщенія накачать воды; обычной толщины льдина, конечно, не выдержитъ такой тяжести. Конечно носовая часть «Андрея», какъ и у всякаго ледокола, укрѣплена особенно хорошо.

— Ну, а какъ вы, Александръ Петровичъ, вообще довольны судномъ?

— Хорошее судно; прочное! На волну взбирается хорошо! На немъ не страшно идти, куда угодно. Конечно, есть нѣкоторые недостатки, но мы ихъ исправимъ, а съ нѣкоторыми придется мириться.

— Что это звонятъ?

— Вотъ опять обнаружили свою «необразованность»! —

добродушно ухмыляясь сказалъ Василій Николаевичъ.— Это «бьютъ склянки».

— Но вѣдь для меня это то же самое, что и звонятъ...

— Склянки — это часы.

— Ну, вотъ опять что-то, смысла чего я никакъ не пойму... Почему склянки, а не часы?

— Это старый морской обычай. Когда еще не было нашихъ пружинныхъ часовъ (часы съ маятникомъ для моря вѣдь не пригодны), за временемъ слѣдили при помощи стеклянныхъ песочныхъ часовъ — «склянокъ». Употреблялись склянки съ получасовымъ періодомъ. Особый матросъ слѣдилъ за склянкой, и черезъ каждые полчаса, когда песокъ пересыпался изъ верхняго резервуара въ нижній, онъ долженъ былъ перевернуть склянку и ударить въ колоколъ. На судахъ и до сихъ поръ сохранился обычай «отбивать склянки», хотя мы теперь пользуемся и обыкновенными часами.

— Я насчиталъ 7 ударовъ... Что-же это значитъ?

— У насъ счетъ времени начинается съ 12 часовъ. Слѣдовательно въ половинѣ перваго будетъ 1 склянка, 1 ударъ, въ часъ—два и т. д. Самое большое отбивается 8 склянокъ, и это будетъ въ 4 часа. Съ этого времени опять въ половинѣ 5-го — 1 склянка и т д. Только что били 7 склянокъ, и дѣло идетъ къ вечеру, слѣдовательно, это и была половина восьмого... Пожалуйста, — и Александръ Петровичъ показалъ свои часы.

— Да, но какой смыслъ въ настоящее время отбивать склянки? — спросилъ я.

— Смыслъ есть. Вотъ вы поживете на суднѣ и увидите, что наша жизнь идетъ періодами по 4 часа. И палубная и машинная команды работаютъ въ двѣ вахты т.-е. въ двѣ смѣны, которыя смѣняютъ другъ друга черезъ каждые 4 часа: 4 часа работы и затѣмъ 4 часа отдыха. Такимъ образомъ очень небезполезно отмѣчать этотъ четырехчасовой періодъ. Кромѣ того для насъ склянки—

своего рода контрольные часы. Вотъ, напримѣръ, сегодня ночью мнѣ не нужно будетъ подниматься на палубу, чтобы провѣрить вахтеннаго; я по склянкамъ буду знать, спитъ онъ или нѣтъ. И для вахтеннаго тоже хорошо: необходимость слѣдить за часами все время держитъ его въ напряженномъ состоянiи и не даетъ ему зѣвать и спать.

Въ это время въ каютъ-компанiю вошелъ Эрнстъ и сталъ накрывать столъ.

— Вотъ видите, — сказалъ Александръ Петровичъ, — и ѣдимъ мы тоже черезъ каждые 4 часа: въ 8 ч. утра — кофе, въ 12 ч. — обѣдъ, въ 4 часа дня — кофе и въ 8 ч. — ужинъ.

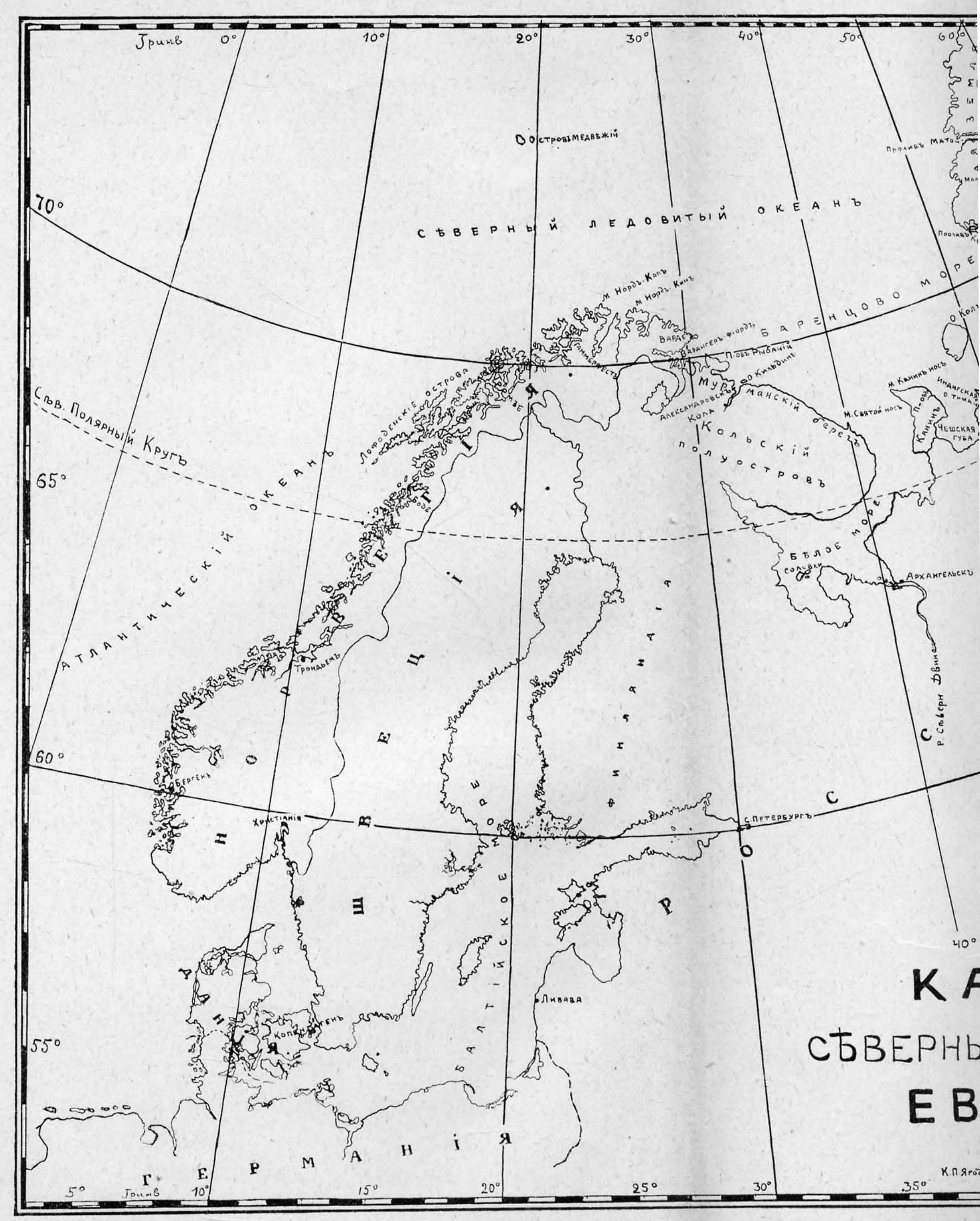
Послѣ ужина часть нашей компанiи отправилась въ городъ или, какъ говорилъ капитанъ «на берегъ», рѣзко противопоставляя судно берегу. Я забрался въ каюту, повернулъ выключатель, и яркiй электрическiй свѣтъ залилъ наше крохотное обиталище; было такъ уютно! Послѣ дня, полнаго новыхъ впечатлѣнiй, хотѣлось успокоиться... Расположившись на своемъ столикѣ-умывальникѣ, я принялся за письма къ своимъ далекимъ друзьямъ. Черезъ извѣстные промежутки раздавался «бой склянокъ»; откуда-то изъ глубины судна доносился равномѣрный шумъ электической машины, надъ головой моей на палубѣ медленно шагалъ вахтенный; у борта вяло плескалась вода...

ГЛАВА IV.

Море. — Копенгагенъ.

Еще нѣсколько дней простояли мы въ Либавѣ.

13 апрѣля у насъ былъ праздникъ: освящали пароходъ и торжественно подняли флагъ Невскаго Яхтъ-Клуба, къ которому былъ приписанъ «Андрей Первозванный».

Гринв
0°
10°
20°
30°
40°
50°
60°
Островъ Медвѣжій
70°
Сѣверный Ледовитый Океанъ
М. Нордъ Капъ
М. Нордъ Кинъ
Баренцово Море
Варде
Варангеръ фіордъ
П-овъ Рыбачій
О. Кильдинъ
Гаммерфестъ
Мурманскій берегъ
Александровскъ
Кола
Кольскій полуостровъ
М. Святой носъ
М. Канинъ носъ
П-овъ Канинъ
Чешская губа
Сѣв. Полярный Кругъ
65°
Лофоденскіе острова
Тромзе
Боде
Бѣлое Море
Соловки
Архангельскъ
Атлантическій Океанъ
Трондьемъ
Норвегія
Швеція
Финляндія
Р. Сѣверн. Двина
60°
Бергенъ
Христіанія
С. Петербургъ
Балтійское море
Россія
Данія
Копенгагенъ
Либава
55°
Германія
5°
15°
25°
35°
КА
СѢВЕРН
ЕВ

КАРТА
СѢВЕРНЫХЪ БЕРЕГОВЪ
ЕВРОПЫ.
К. П. Ягодовскій Въ странѣ полуночнаго солнца.
СѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
БАРЕНЦОВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
БѢЛОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
Островъ Медвѣжій
Новая Земля
Проливъ Маточкинъ Шаръ
Мал. Кармакулы
Проливъ Костинъ Шаръ
О. Вайгачъ
О. Колгуевъ
М. Нордъ-Капъ
М. Нордъ-Кинъ
Вардэ
Варангеръ фіордъ
П-овъ Рыбачій
О. Кильдинъ
Гаммерфестъ
Лофоденскіе острова
Мурманскій берегъ
Александровскъ
Кола
Кольскій полуостровъ
М. Святой носъ
М. Канинъ носъ
Канинъ П-овъ
Индигская губа
Чешская губа
Печорская губа
Р. Печора
Соловки
Архангельскъ
Р. Сѣверн. Двина
Сѣв. Полярный Кругъ
С. Петербургъ
Либава
Трондьемъ
Финляндія
Швеція
Норвегія
Россія
Германія

Остальные дни прошли въ работѣ: мы устраивали лабораторію, докторъ былъ занятъ оборудованіемъ аптеки, а команда грузила уголь, воду и всякіе другіе припасы.

За это время мы успѣли изучить нашъ пароходъ; не было, вѣроятно, ни одного уголка, куда бы мы ни сунули свой носъ. Все насъ интересовало и занимало, и мы, вѣроятно, сильно надоѣли своими разспросами нашимъ морякамъ.

Рано утромъ «Андрей Первозванный» вышелъ изъ Либавы въ Копенгагенъ. Я еще спалъ...

Проснулся я отъ протяжныхъ правильно повторяющихся гудковъ нашего парохода. Насъ слегка качало. Первое впечатлѣніе было такое, какъ на качели, съ тою разницей, что качало не въ одномъ направленіи, а какъ-то неправильно во всѣ стороны. У борта, т.-е. у стѣнки каюты шумѣла и плескалась вода.

Вотъ и море, вотъ и качка, думалъ я; ну, какъ-то ты вынесешь ее?..

Я храбро началъ одѣваться. Хотя качало и не сильно, но голова кружилась, руки были какія то тяжелыя и безсильныя. Наскоро и безъ всякаго аппетита проглотилъ я стаканъ чаю и пошелъ на палубу.

Почти всѣ уже встали и были на капитанскомъ мостикѣ.

— Почему это все время даютъ гудки?—спросилъ я.

— А развѣ вы не видите, что мы идемъ въ туманѣ? Какъ-же встрѣчныя суда будутъ знать о приближеніи другъ друга, если будутъ идти безъ гудковъ? — И Александръ Петровичъ удивлялся, что мы спрашиваемъ о такихъ простыхъ вещахъ.

— Какъ чувствуете себя? — улыбаясь, спрашиваетъ Николай Михайловичъ.

— Ничего! — храбрился я. — А это, какъ считается, сильная качка?

— Нѣтъ, очень слабая, но непріятная... Это мертвая зыбь. Вѣтра вѣдь нѣтъ, совершенно тихо, но въ морѣ волна не улеглась, и насъ качаетъ неправильно, бросая во всѣ стороны. Для новичковъ это самая непріятная качка.

А мнѣ дѣлалось все хуже и хуже. Вѣроятно, и по лицу моему было это замѣтно.

— Если вамъ нехорошо, — сказалъ Николай Михайловичъ,—то лучше не удерживайте; это самое мучительное состояніе. Идите и посмотрите за бортъ...

И хоть мнѣ было очень стыдно, но я послѣдовалъ доброму совѣту... Мнѣ сразу стало легче, но мысль, что я не приспособлюсь къ морю, безпокоила меня теперь все сильнѣе и сильнѣе. Но вотъ и мой сожитель по каютѣ, Несторъ Александровичъ что-то внимательно разсматриваетъ за бортомъ... Не я одинъ, значитъ, въ такомъ состояніи...

Скоро непріятное ощущеніе прекратилось, да и зыбь становилась все слабѣе и слабѣе. Но все же, когда Эрнстъ пришелъ звать обѣдать, я и Несторъ Александровичъ не пошли: мнѣ даже мысль о пищѣ была противна.

Мы стояли на мостикѣ. Туманъ скрывалъ отъ насъ все, кромѣ небольшого пространства у парохода. Гудки продолжались... И вдругъ въ перерывѣ между гудками откуда-то издалека донесся къ намъ такой-же ноющій звукъ.

— Слышали?—спросилъ Василій Николаевичъ.—Пароходъ идетъ!

— А что-же дѣлаютъ въ такомъ случаѣ парусники? У нихъ вѣдь нѣтъ гудковъ.

— Есть, но только не паровые, а вродѣ насоса...

А гудки все ближе и ближе... Какъ мы ни вглядывались, мы ничего не могли различить въ мутножелтой пеленѣ тумана. Кажется, вотъ гдѣ-то здѣсь, совсѣмъ близко гудитъ пароходъ, и все-же ничего не видно. Но вотъ гудки стали доноситься все тише и тише...

Вскорѣ послѣ обѣда поднялся легкій вѣтерокъ, туманъ разсѣялся, и впереди открылась земля. Мы подходили къ Копенгагену.

Чѣмъ ближе, тѣмъ все чаще и чаще стали попадаться намъ суда, парусныя и паровыя. Качка совсѣмъ прекратилась, и я безъ всякихъ непріятныхъ переживаній могъ любоваться новымъ для меня зрѣлищемъ.

Не успѣли мы войти въ обширную Копенгагенскую гавань, какъ къ намъ подошелъ таможенный катеръ. Мы думали, что начнутся какія-либо таможенныя формальности, но сильно ошиблись. Таможенный чиновникъ, взойдя на палубу, поздравилъ насъ съ прибытіемъ, передалъ Николаю Михайловичу почту и предложилъ желающимъ съѣхать на берегъ на его катерѣ. Такая любезность и предупредительность насъ очень удивила.

Оказалось, что въ Копенгагенѣ знали о нашей экспедиціи, и какъ только съ маяка сообщили о приближеніи «Андрея», такъ сейчасъ же изъ таможни выѣхали намъ навстрѣчу.

Николай Михайловичъ, у котораго въ Копенгагенѣ было много дѣлъ, сейчасъ-же отправился на берегъ, а мы рѣшили ожидать, когда пристанемъ къ берегу.

Въ Копенгагенѣ уже была настоящая весна. Въ Либавѣ было холодно, и деревья стояли голыми... Здѣсь было гораздо теплѣе; молодая зелень такъ ласкала взоръ и издавала такой пріятный весенній запахъ...

Копенгагенъ—первый не русскій городъ, который мнѣ пришлось видѣть, и я сразу почувствовалъ въ немъ что-то новое. Трудно опредѣлить, изъ чего именно складывалось это ощущеніе. Все было иное. Много оживленія, много говора, и мало шума; мало экипажей, и много пѣшеходовъ; всѣ идутъ, спѣшатъ, но нѣтъ той озабоченности и того напряженія, которое такъ замѣтно, напримѣръ, въ Петербургѣ.

До поздняго вечера ходили мы по улицамъ и любовались городомъ.

Утромъ на слѣдующій день мы, студенты, съ нашимъ милымъ докторомъ снова отправились осматривать городъ и прежде всего рѣшили посмотрѣть университетъ. Пользуясь нѣмецкимъ языкомъ, мы довольно легко добрались до цѣли. Вотъ мы и передъ зданіемъ университета, стоимъ и говоримъ между собою (для практики по-нѣмецки). Вдругъ къ намъ подходитъ старичокъ въ очкахъ, въ цилиндрѣ и спрашиваетъ:

— Вы, вѣроятно, нѣмецкіе студенты?

— Нѣтъ,—отвѣчаемъ мы,—мы—русскіе студенты.

Старичекъ просіялъ и началъ пожимать намъ руки, повторяя, что знаетъ Россію, что много о ней слышалъ.

— Чего же вы стоите здѣсь?

— А вотъ пришли университетъ посмотрѣть.

— Идемте, я вамъ покажу его. Сегодня воскресеніе, но все же попытаемся проникнуть внутрь.

Онъ подошелъ къ окну у воротъ и постучалъ. Какая-то женщина открыла окно и послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ нашимъ новымъ знакомымъ, передала ему ключъ.

— Идемте!

И онъ, открывъ входныя двери, началъ водить насъ по аудиторіямъ, показалъ небольшой, но величественный, украшенный живописью залъ торжественныхъ засѣданій и т. д.

Мы рѣшили, что это кто-нибудь изъ профессоровъ или вообще изъ лицъ, причастныхъ къ университету, такъ какъ мы не могли себѣ представить, чтобы постороннему человѣку можно было такъ легко и просто проникнуть въ такое учрежденіе, какъ университетъ. Но, какъ оказалось, мы ошиблись: докторъ философіи Іенсенъ (онъ потомъ каждому изъ насъ далъ свою карточку) только учился въ этомъ университетѣ... Тогда мы удивились еще больше.

Изъ университета нашъ провожатый повелъ насъ по городу, останавливаясь у памятниковъ, дворцовъ, общественныхъ зданій и т д.

Подходило время обѣда, и мы пригласили нашего новаго знакомаго къ намъ на пароходъ. Съ какой живостью и интересомъ онъ разсказывалъ намъ о достопримѣчательностяхъ Копенгагена! Съ такимъ же оживленіемъ разспрашивалъ онъ насъ объ экспедиціи и обо всемъ, что видѣлъ на «Андреѣ».

Въ Копенгагенѣ мы простояли еще нѣсколько дней, такъ какъ намъ нужно было получить здѣсь цѣлый рядъ приборовъ для будущихъ работъ. За это время мы успѣли осмотрѣть зоологическій садъ и музей, музей знаменитаго скульптора Торвальдсена и многое другое. Въ свою очередь, «Андрей Первозванный» привлекъ вниманіе многихъ датскихъ ученыхъ, заинтересованныхъ научно-промысловыми изслѣдованіями; ихтіологи и натуралисты часто приходили къ намъ и съ интересомъ разсматривали наши орудія и приспособленія для работъ.

29 апрѣля мы уже укладывались спать, когда «Андрей Первозванный» снялся съ якоря и пошелъ въ Христіанію.

ГЛАВА V.

Христіанія.

Яркій красивый весенній день встрѣтилъ меня, когда я утромъ вышелъ на палубу. Мы стояли на якорѣ посрединѣ широкой бухты, окруженной темно-зеленой хвойной растительностью. Вдали виднѣлся городъ. Дышалось такъ легко, настроеніе такое бодрое, и впереди такъ много новаго и заманчиваго!

— Нами здѣсь очень интересуются, — говорилъ Николай Михайловичъ,—когда мы сидѣли въ каютъ-компаніи за утреннимъ кофе. — Въ настоящее время въ Норвегіи рѣшается вопросъ о снаряженіи экспедиціи, подобной нашей, и о постройкѣ судна для изслѣдованій. Вѣроятно, у насъ сегодня будетъ много посѣтителей.

Послѣ кофе намъ дали шлюпку, и мы скоро были на берегу.

Небольшая и какая-то спокойная столица Норвегіи навсегда оставила у меня въ душѣ самыя пріятныя воспоминанія. Намъ достаточно было двухъ часовъ, чтобы познакомиться съ внѣшнимъ видомъ города. Среди зданій по главной улицѣ невольно бросалось въ глаза красивое зданіе стортинга (палаты депутатовъ) и королевскій дворецъ, гордо возвышавшійся надъ окружающими домами (рис. 4).

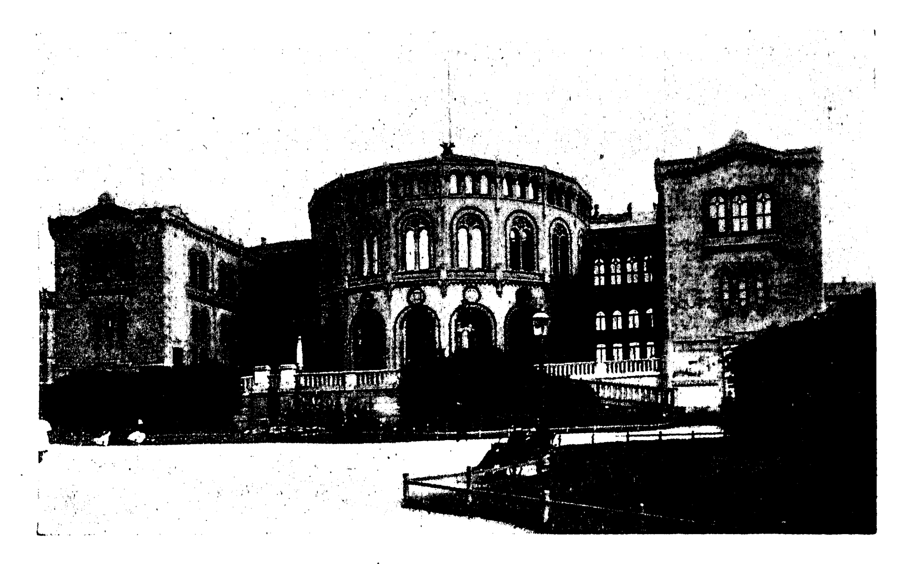

Рис. 4. Христіанія. Стортингъ.

До возвращенія на пароходъ мы осмотрѣли еще корабль викинговъ (рис. 5). Довольно большая лодка съ характерными высоко поднимающимися носомъ и кормой такъ мало походила на тотъ грозный корабль, который рисовало воображеніе при словѣ «корабль викинговъ». До какой степени нужно было сродниться съ моремъ и какой отвагой нужно было обладать, чтобы на такомъ «кораблѣ» наводить страхъ на весь сѣверо-западъ Европы.

Когда мы вернулись на пароходъ, Николай Михайловичъ уже былъ тамъ. Онъ сообщилъ намъ, что сейчасъ

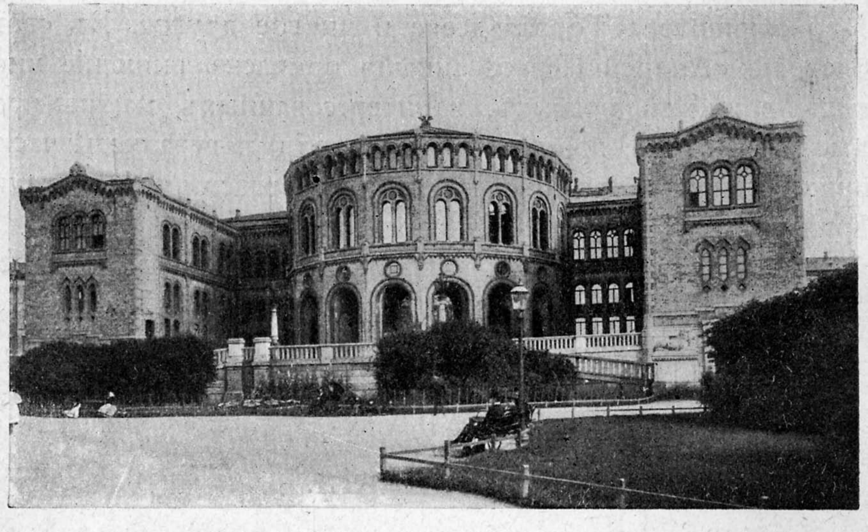

Рис. 4. Христіанія. Стортингъ.

пріѣдутъ и будутъ осматривать «Андрея» члены стортинга и между ними Нансенъ и Іортъ. Послѣдній въ это время насъ мало интересовалъ, но въ Нансенѣ, о которомъ мы такъ много читали и предъ личнымъ мужествомъ котораго преклонялись, мы видѣли одного изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ изслѣдователей и путешественниковъ.

Вскорѣ одинъ за другимъ подошли два катера. Я стоялъ въ сторонѣ и съ напряженіемъ всматривался въ лицо

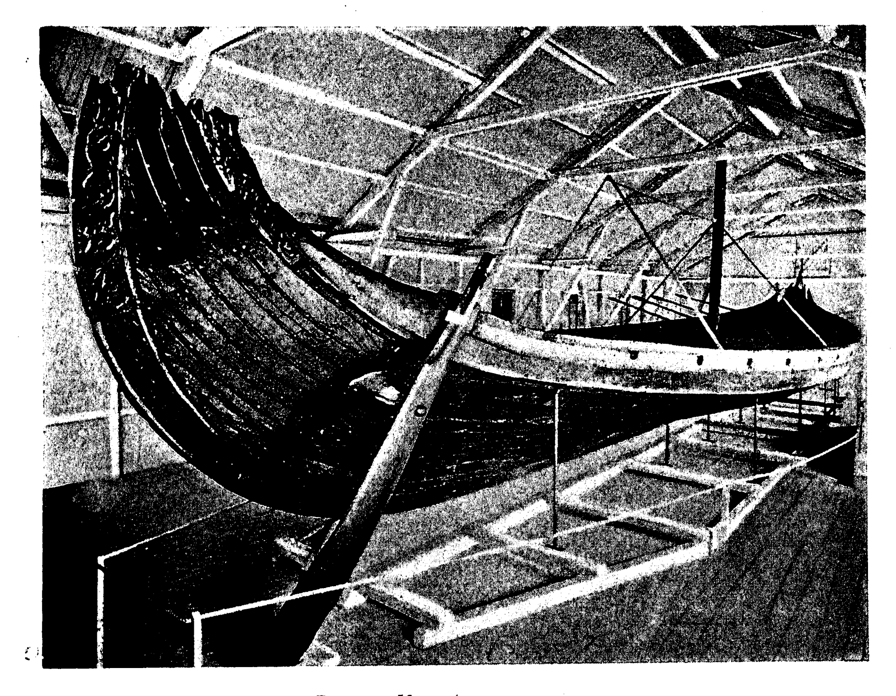

Рис. 5. Корабль викинговъ.

каждаго, поднимающагося по трапу.... И вотъ, наконецъ, и онъ, Нансенъ! (рис. 6). Я его зналъ только по портретамъ, но узналъ сейчасъ же, какъ только онъ появился надъ бортомъ. Высокій, худой, въ пиджакѣ, застегнутомъ почти на всѣ пуговицы, и потому обрисовывавшемъ его красивую фигуру, въ своей плоской шляпѣ, онъ такъ выдѣлялся среди другихъ нашихъ гостей, что не узнать его сейчасъ же было невозможно.

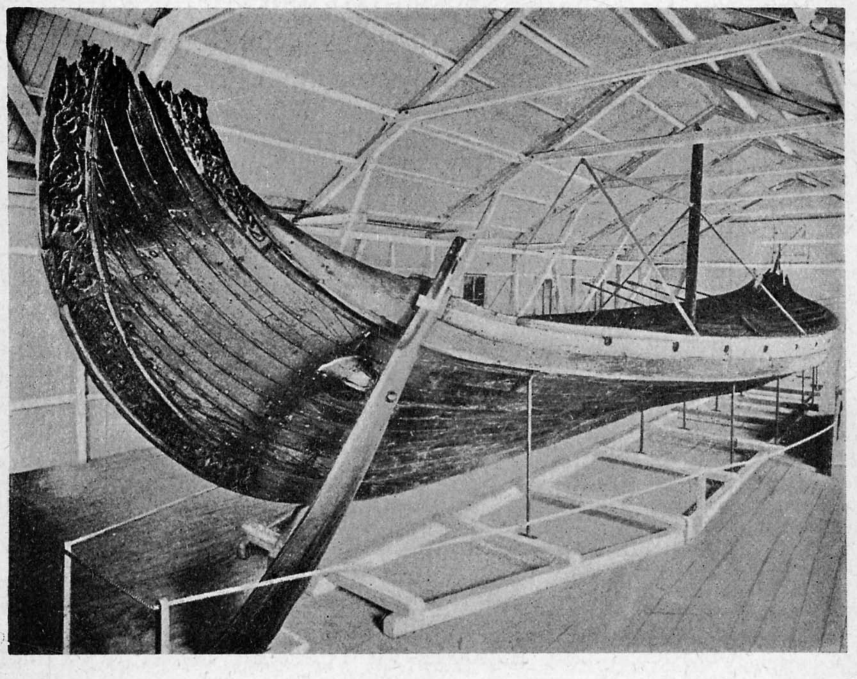

Рис. 5. Корабль викинговъ.

Быть можетъ, это было и не совсѣмъ вѣжливо, но всѣ мы не спускали глазъ съ Нансена, мы ходили за нимъ по пятамъ. Такъ вотъ онъ каковъ! Вотъ тотъ человѣкъ, который больше года блуждалъ среди полярныхъ льдовъ! Вотъ тотъ, который рѣшился на это, полагаясь только на свой умъ, на свое мужество!

Когда потомъ большинство нашихъ гостей уѣхало, Нансенъ, Іортъ и еще нѣсколько ученыхъ остались. Тутъ мы осадили Нансена просьбами объ автографахъ. Прошло много лѣтъ, но я все еще храню у себя клочекъ бумаги съ двумя четко написанными словами: «Fridtiof Nansen».

Рис. 6. Нансенъ входитъ по трапу на нашъ пароходъ.

Въ былое время народными героями были богатыри, соединявшіе въ себѣ физическую мощь съ личной отвагой и умомъ. Не такимъ-ли современнымъ богатыремъ является Нансенъ! И въ Норвегіи — онъ національный герой. Каждый норвежскій рыбакъ хорошо знаетъ и высоко цѣнитъ Нансена. Чуть ли не въ каждой рыбачьей лачугѣ вы найдете его портретъ (рис. 7 и 8).

И какая удивительная разносторонность! Нансенъ началъ свою научную дѣятельность съ микроскопіи и въ этой области сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ работъ; потомъ пе-

Рис. 6. Нансенъ входитъ по трапу на нашъ пароходъ.

решелъ къ зоологіи; далѣе онъ началъ увлекаться полярными странами и предпринялъ свое знаменитое путешествіе пѣшкомъ черезъ Гренландію; послѣ этого онъ увлекается и увлекаетъ всю страну идеей объ открытіи сѣвернаго полюса; по возвращеніи изъ этого исключительнаго по трудностямъ путешествія, онъ занялся изслѣдованіями морскихъ глубинъ, и выпускаемые имъ толстые томы лучше всего показываютъ, какъ много сдѣлалъ онъ и въ этой области.

Рис. 7. Нансенъ у насъ на пароходѣ.

Здѣсь вспоминается мнѣ встрѣча съ товарищемъ Нансена по путешествію во льдахъ — Іогансеномъ. Года два спустя, я ѣхалъ вдоль Норвегіи на обыкновенномъ пассажирскомъ пароходѣ. Во время обѣда мой сосѣдъ, русскій консулъ, говоритъ мнѣ по-русски:

— Какъ разъ vis-à-vis сидитъ спутникъ здѣшняго знаменитаго путешественника. Я не называю именъ, чтобы не привлекать вниманія.

Я посмотрѣлъ и увидѣлъ молодого скромнаго норвежскаго офицера. Насколько даже въ наружноси Нансена много выдѣляющаго его изъ массы, настолько Іоган-

Рис. 7. Нансенъ у насъ на пароходѣ.

сенъ по своему облику показался мнѣ самымъ зауряднымъ человѣкомъ.

На слѣдующій день мы ушли изъ Христіаніи. Съ нами былъ профессоръ докторъ Іортъ, пригласившій насъ къ себѣ въ Дребакъ осмотрѣть біологическую станцію, которой онъ завѣдывалъ. Іортъ вмѣстѣ съ Нансеномъ вели въ это время изслѣдованія въ Норвежскихъ фіордахъ и хлопотали объ отпускѣ средствъ для постройки парохода, чтобы можно было производить изслѣдованія не только у береговъ, но и въ открытомъ океанѣ.

Рис. 8. Нансенъ у насъ на пароходѣ.

При чудной весенней погодѣ плыли мы вдоль живописныхъ береговъ Христіаніа-фіорда. Вотъ и Дребакъ. На самомъ берегу, на высокой гранитной скалѣ — красивое зданіе біологической станціи. Мы сошли на берегъ, осмотрѣли лабораторіи, приборы для изслѣдованій и коллекціи.

Въ разговорѣ съ ассистентами проф. Іорта мы поинтересовались, какова ихъ спеціальность; у насъ въ Россіи мы знали натуралистовъ-зоологовъ, ботаниковъ, химиковъ и т. д., здѣсь же, въ лабораторіяхъ мы видѣли ботаническіе и зоологическіе препараты и рядомъ приборы для химическихъ изслѣдованій.

Рис. 8. Нансенъ у насъ на пароходѣ.

— Мы специализировались на всемъ, что такъ или иначе относится къ водѣ. Мы изучаемъ населенiе моря какъ животное, такъ и растительное, мы же производимъ химическiе анализы воды, продуктовъ лова и т. д.

Это было для насъ новостью. Позднѣе, работая въ экспедицiи, мы убѣдились, насколько важны при подобныхъ изслѣдованiяхъ знанiя во всѣхъ этихъ областяхъ.

Пожелавъ доктору Iорту поскорѣе получить пароходъ для изслѣдованiй, мы простились съ любезными хозяевами и отправились въ путь.

— Мы еще встрѣтимся и будемъ вмѣстѣ работать!— говорилъ, улыбаясь, Iортъ. И онъ былъ правъ. Черезъ годъ къ намъ на сѣверъ пришелъ «Михаэль Сарсъ», пароходъ Норвежской экспедицiи съ докторомъ Iортомъ во главѣ.

Полный штиль теплый весеннiй вечеръ... «Андрей Первозванный» быстро идетъ впередъ, разсѣкая синюю, синюю гладь фiорда. Мы обгоняемъ массу мелкихъ рыбачьихъ судовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сразу брасаются въ глаза: это—копiи «корабля викинговъ». Даже мой неопытный глазъ подмѣчаетъ характерныя черты этого типа судовъ—высоко поднятый носъ и менѣе высоко, но все же поднимающуюся корму.

— Неужели,—спрашиваю я Александра Петровича,— въ теченiе столькихъ вѣковъ норвежцы не выработали болѣе совершеннаго типа судовъ? Неужели викинги въ этой области достигли совершенства?

— Если хотите, да. Конечно, здѣсь на югѣ Норвегiи вы чаще встрѣтите другiе типы судовъ, но на сѣверѣ норландботъ, т.-е. судно вотъ такого типа, преобладаетъ. И его нужно поставить въ ряду первоклассныхъ рыбачьихъ судовъ. Благодаря высоко поднятому форштевню (носъ) норландботъ легко разсѣкаетъ волну; взбѣгая на ея гребень, онъ не заливается водой; онъ легко идетъ подъ парусами и веслами; есть у него и еще одна важная въ морскомъ

дѣлѣ особенность—это высокій киль, дѣлающій судно болѣе устойчивымъ и непозволяющій ему сильно дрейфовать при лавированіи. Главный его недостатокъ—отсутствіе палубы. Но норвежцы сроднились и съ моремъ, и съ этимъ судномъ, и другіе типы, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, проникаютъ въ среду рыбаковъ очень туго. Обратите вниманье,—сѣвернѣе Трондьема и вплоть до Нордкапа вы чаще всего будете видѣть суда типа норландботъ.

Спускалась ночь... Мы выходили въ море. Было такъ тихо, какъ будто мы шли по рѣкѣ. Я стоялъ на кормѣ, смотрѣлъ въ темную морскую пучину, прерываемую клубами бѣлой пѣны, и думалъ о Нансенѣ, о Іортѣ, о Норвегіи... Маленькій народъ, заброшенный на узкую каменистую полоску, круто обрывающуюся въ море, и этотъ народъ даетъ такъ много великихъ всемірно извѣстныхъ людей. Вѣдь по количеству населенія Норвегія меньше многихъ изъ нашихъ губерній, а между тѣмъ она можетъ блеснуть цѣлымъ рядомъ славныхъ именъ: Нансена, Ибсена, Бьернсона знаетъ чуть-ли не всякій грамотный школьникъ всего міра. Всякій ученый, особенно натуралистъ, не можетъ не считаться съ работами норвежскихъ ученыхъ! Такъ значителенъ вкладъ и въ науку и въ литературу, сдѣланный этимъ народомъ, заброшеннымъ на голыя скалы крайняго сѣвера!

ГЛАВА VI.

Отъ Христіаніи до Трондьема.

На слѣдующій день, 24-го апрѣля мы шли въ шхерахъ. Почти все западное прибрежье Скандинавскаго полуострова усѣяно массой островковъ, между которыми остается цѣлый лабиринтъ то узкихъ, то довольно широкихъ заливовъ и проливовъ. Это и есть шхеры. Несмотря на небольшую ширину эти проливы часто достигаютъ нѣсколькихъ

сотъ метровъ глубины. Во многихъ мѣстахъ такіе же узкіе и очень глубокіе заливы вдаются въ глубь материка, образуя такъ называемые фіорды (рис. 9).

Плаваніе въ норвежскихъ шхерахъ одно изъ величайшихъ наслажденій. Сюда не достигаетъ волненіе, и потому никогда не бываетъ качки: все время вы плывете какъ будто по непрерывной цѣпи озеръ. Часто берега отвѣсными гранитными стѣнами въ сто и больше метровъ высоты обрываются въ море; только кое-гдѣ на уступахъ зеленѣетъ

Рис. 9. Среди фіорда на норландботѣ.

мохъ и мелкій кустарникъ. Въ другихъ мѣстахъ берега болѣе отлоги, и тогда они покрыты роскошной растительностью. И пароходъ то плыветъ по широкой глади залива, то проникаетъ въ узкое ущелье между отвѣсными скалами.

Мы шли при чудной погодѣ. Въ южныхъ частяхъ Норвегіи, благодаря омывающимъ ее теплымъ водамъ Гольфштрема, климатъ гораздо мягче, чѣмъ можно было бы ожидать для такой широты. Весна была въ полномъ разгарѣ. Работая въ лабораторіи, мы часто выходили на палубу и любовались непрерывно смѣняющимся ландшафтомъ.

Рис. 9. Среди фіорда на норландботѣ.

Плаваніе въ шхерахъ очень опасно: рядомъ съ глубиной въ нѣсколько сотъ метровъ встрѣчаются скалы, едва прикрытыя водой. Здѣсь нельзя вести судно, руководясь только картой, хотя бы и очень подробной; нужно хорошо изучить весь этотъ водный лабиринтъ. Поэтому всѣ суда въ шхерахъ ведутъ опытные лоцмана, знающіе здѣсь каждый островокъ, каждый камень. У насъ тоже былъ лоцманъ. Несмотря на это, когда вечеромъ насъ окуталъ туманъ, мы должны были стать на якорь: даже лоцманъ, знающій шхеры, какъ свой домъ, не рѣшился вести насъ въ туманѣ.

Послѣ такого плаванія съ постоянно смѣняющимися величественными картинами, конечно, было скучно стоять въ туманѣ, но зато тѣмъ оживленнѣе шла бесѣда или въ каютъ-компаніи или въ лабораторіи, куда мы собирались въ свободное время.

Вполнѣ понятно, что чаще всего рѣчь шла или о только что видѣнномъ и пережитомъ или о будущемъ, о работахъ на Мурманѣ.

— Какъ ни странно,—говорилъ Николай Михайловичъ,—но только въ сравнительно недавнее время человѣку удалось заглянуть въ морскую пучину. Я не говорю уже объ океаническихъ глубинахъ; что тамъ дѣлается, каковы тамъ условія существованія глубоководныхъ организмовъ, объ этомъ мы и теперь знаемъ пока не очень много. Но вотъ, напримѣръ, Христіанія-фіордъ... Только благодаря самымъ послѣднимъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ видную роль имѣли работы Іорта, удалось установить, что въ глубинахъ его жизнь бьетъ ключемъ. Между прочимъ тамъ была найдена такая масса креветокъ, что въ настоящее время существуетъ уже значительный промыселъ этихъ животныхъ.

— Но почему же,—спросилъ кто-то изъ насъ,—норвежскіе промыслы развиваются все больше и больше, а русскіе, по крайней мѣрѣ, сѣверные падаютъ?

— Тутъ много причинъ! Но любопытнѣе всего то,

что еще сравнительно недавно русскіе поморы на нѣкоторыхъ норвежскихъ промыслахъ производили рыбную ловлю въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ мѣстные промышленники. Въ одномъ изъ отчетовъ о промыслѣ въ Финмаркенѣ за 1775 годъ есть, напримѣръ, такая знаменательная фраза: „Русскіе, безъ сомнѣнія, наловили больше рыбы, чѣмъ подданные Его Величества короля Датскаго». Въ это время русскіе звѣропромышленники въ значительныхъ размѣрахъ вели промыселъ на Шпицбергенѣ и на Новой Землѣ. Вотъ вы услышите на Мурманѣ старыя пѣсни, въ которыхъ наши поморы воспѣваютъ плаванія на Грумантъ; такъ называютъ они Шпицбергенъ!

— Но въ то время какъ въ Норвегіи цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ правительственныхъ начинаній былъ направленъ на поддержку и развитіе промысловъ, мы о нашемъ сѣверѣ совершенно не думали. Въ результатѣ, русскихъ промышленниковъ изъ Норвегіи вытѣснили, на Шпицбергенъ они теперь совершенно не ходятъ, а къ Новой Землѣ отправляются только единичныя суда. Наши морскіе промыслы свелись, такимъ образомъ, исключительно къ промыслу въ собственныхъ водахъ, на Мурманѣ и въ Бѣломъ морѣ.

— Но, быть можетъ, промыслы эти падаютъ, такъ какъ не ощущается въ нихъ надобности?

— Это совершенно невѣрно. На Мурманѣ вѣдь промышляютъ не только мѣстные жители, мурманскіе колонисты; ихъ немного! Цѣлые уѣзды Архангельской губерніи отправляются на Мурманскіе промыслы и живутъ только этимъ. Кромѣ того все чаще и чаще появляются на Мурманѣ и жители вологодской губерніи. Насколько сѣверная морская рыба, отчасти добываемая въ нашихъ водахъ, отчасти ввозимая изъ Норвегіи, нужна, видно изъ того, что она составляетъ существенный пищевой продуктъ не только въ архангельской губерніи, но и въ вологодской, вятской, олонецкой, петербургской и др. На

Мурманѣ добывается ежегодно около 400 тысячъ пудовъ рыбы, а изъ Норвегіи въ Архангельскъ такой же рыбы ввозится въ два раза больше: около 800 тысячъ пудовъ. Вотъ какъ значителенъ спросъ на эту рыбу.

— Но тогда, вѣроятно, Мурманскій промыселъ не выгоденъ?

— Представьте себѣ, что и это не такъ! Мурманскій промышленникъ въ среднемъ за послѣдніе 7 лѣтъ вырабатываетъ въ годъ на душу около 110 рублей, а на лучшихъ Норвежскихъ промыслахъ, у Лафонтенскихъ острововъ, на душу вырабатываютъ немногимъ больше 100 рублей. Такимъ образомъ нашъ Мурманскій промыселъ оказывается выгоднѣе лучшаго изъ норвежскихъ промысловъ.

— Мы забыли о нашемъ сѣверѣ и ничего для него не дѣлали. У норвежцевъ—хорошія суда, усовершенствованныя орудія лова, промысловый телеграфъ, организованная торговля наживкой, организованный сбытъ добытой рыбы, не говоря уже о томъ, что всѣ норвежцы грамотны... У насъ—почти все въ томъ-же видѣ, въ какомъ было 100—200 лѣтъ назадъ. Все это для васъ пока мало убѣдительно и, можетъ быть, даже и мало понятно, но вотъ поживете на Мурманѣ, познакомитесь съ промысломъ и съ промышленниками, тогда сами увидите!

— Вотъ вамъ картинка изъ жизни Мурманскихъ промысловъ,—вступилъ въ разговоръ до сихъ поръ молчавшій Александръ Петровичъ. — Въ прошломъ году мы собирались на «Поморѣ» (это наше парусное судно, съ которымъ вы скоро познакомитесь) идти на промыселъ въ открытое море... У береговъ рыбы нѣтъ, и промышленники сидятъ безъ дѣла. Добыли наживки (покупать у норвежцевъ пришлось), собираемъ яруса, а поморы чуть не хохочутъ надъ нами! Рыбы молъ нѣтъ, а они серьезно на промыселъ собираются! Отошли мы верстъ 100 отъ берега и на сравнительно короткіе яруса наловили 80 пудовъ рыбы, считая уже въ чищенномъ видѣ! И какой рыбы!

Около 60 пудовъ приходилось на долю палтуса, т.-е. самой лучшей Мурманской рыбы! Если-бы насъ не захватилъ штормъ, и если-бы была наживка мы бы взяли тамъ полный грузъ рыбы!

— А помните, Александръ Петровичъ,—сказалъ Николай Михайловичъ, — эту картину на «Поморѣ»? Качка сильная, рыбу со шлюпокъ выгружаютъ съ трудомъ и здѣсь-же ее чистятъ. Кто-то изъ матросовъ, здоровенный мужичина, усѣлся съ ножемъ около крупнаго палтуса и приготовился его раздѣлывать... Вдругъ сильный кренъ и матросъ, и его добыча стремительно несутся по палубѣ при общемъ хохотѣ окружающихъ. Хорошій уловъ такъ подѣйствовалъ на команду «Помора», что, несмотря на отвратительную погоду, настроеніе было великолѣпное, и работа кипѣла во всю!

— Ну и что же? Вашъ ловъ послужилъ хорошимъ примѣромъ для промышленниковъ?

— Да, но вѣдь все равно они не могли отправиться туда на такой посудинѣ, какъ шняка!

Почти всю ночь простояли мы въ туманѣ. Рано утромъ 25 апрѣля пришли въ Бергенъ, чтобы взять лоцмана на дальнѣйшій путь.

Мы провели нѣсколько часовъ въ Бергенѣ. Было воскресенье. Всѣ площади были запружены празднично настроенной толпой. Масса красивыхъ, яркихъ національныхъ костюмовъ. Несмотря на праздникъ, намъ удалось побывать въ рыболовномъ и зоологическомъ музеяхъ, на біологической станціи и въ прекрасномъ морскомъ аквариумѣ. Здѣсь мы впервые могли любоваться тѣми животными, сотни и тысячи которыхъ прошли потомъ черезъ наши руки.

Изъ города, чтобы немного размяться послѣ сидячей жизни на пароходѣ, мы отправились на одну изъ горъ. И городъ, и фіордъ были у нашихъ ногъ, какъ на рельефной картѣ. Среди массы судовъ мы нашли и нашего «Ан-

дрея»; какъ крохотная игрушечная лодочка, бѣлѣлъ онъ на синей глади фіорда.

Къ вечеру мы покинули Бергенъ, оставившій у меня впечатлѣніе чего-то яркаго, красиваго, праздничнаго...

Весь слѣдующій день мы шли въ шхерахъ. Только временами на небольшіе промежутки показывалась на западѣ безпредѣльная гладь океана, и въ то же время пароходъ нашъ начинало слегка покачивать, но скоро мы опять прятались за какимъ-нибудь островкомъ и могли спокойно любоваться безпрерывно смѣняющимися картинами. Временами мы попадали въ полосу такого густого тумана, что лоцмамъ не рѣшался идти дальше; приходилось становиться на якорь и ожидать, когда туманъ пронесетъ. Къ счастью удобныхъ якорныхъ стоянокъ здѣсь было, сколько угодно.

Раннимъ утромъ 27 апрѣля мы пришли въ Трондьемъ. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ норвежскихъ городовъ, основанный болѣе 1000 лѣтъ назадъ и игравшій крупную роль въ исторіи страны. Въ настоящее время это довольно большой городъ съ чисто европейской внѣшностью. Особенно замѣчателенъ его старинный величественный соборъ, въ которомъ и теперь коронуются норвежскіе короли.

Въ Трондьемѣ мы осмотрѣли зоологическій музей и сдѣлали небольшую экскурсію внутрь страны къ водопаду «Лерфосъ».

Въ Христіаніи и Бергенѣ насъ встрѣчала весна въ полномъ разгарѣ. Здѣсь сѣвернѣе, и потому было нѣсколько холоднѣе. Но все же яркій весенній день сдѣлалъ нашу поѣздку удивительно пріятной. Мы отъѣхали нѣсколько станцій по желѣзной дорогѣ и потомъ прошли нѣсколько километровъ пѣшкомъ. Послѣ сидячей жизни на пароходѣ такъ пріятно было размять ноги. Намъ попадались на пути чистенькіе домики, возлѣ которыхъ зеленѣли тщательно обработанныя поля. Крестьянскія дѣ-

вушки въ яркихъ національныхъ костюмахъ работали на огородахъ. Какъ не похожа была эта картина на наши полевыя работы!

Бодро шагая, мы вели бесѣду объ этой удивительной странѣ. Одинъ изъ товарищей передъ нашимъ путешествіемъ занимался изученіемъ Норвегіи, и мы накинулись на него съ разспросами.

— Вотъ вы говорили, что земледѣліе не имѣетъ въ Норвегіи почти никакого значенія, а здѣсь мы видимъ совершенно иное: земледѣліе, повидимому, процвѣтаетъ?

— Да! Но только здѣсь и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Окрестности Трондьемъ-фіорда, благодаря широкимъ рѣчнымъ долинамъ, очень удобны для земледѣлія и славятся своимъ плодородіемъ. Вообще же, въ Норвегіи площадь пахатной земли составляетъ 0,7 всего пространства, занятаго страной. Конечно, своего хлѣба въ Норвегіи не хватаетъ, и одинъ изъ главныхъ предметовъ ввоза составляютъ земледѣльческіе продукты.

— Чѣмъ же тогда живетъ эта страна? — спросилъ кто-то.—Неужели одной рыбой?

— Во многихъ мѣстностяхъ рыболовство составляетъ единственный источникъ существованія. Кромѣ того, здѣсь очень развито скотоводство, особенно на западныхъ островахъ. Между прочимъ оно въ Норвегіи носитъ особый характеръ: какъ въ Швейцаріи, съ наступленіемъ лѣта рогатый скотъ и овецъ выгоняютъ въ горы, и здѣсь на горныхъ пастбищахъ, коровы скоро жирѣютъ и даютъ много хорошаго молока, изъ котораго приготовляютъ сыръ и масло. Очень тяжела для скота зима: мохъ, листья, молодые побѣги березы, а иногда и отбросы, получаемые при чисткѣ рыбъ, составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти единственное пропитаніе для коровъ и овецъ во время зимней безкормицы. Большое значеніе въ жизни страны имѣетъ также и горное дѣло; добываютъ главнымъ образомъ серебро, мѣдь, желѣзо и кобальтъ. Обыкновенно

англичане считаются самымъ мореходнымъ народомъ, но норвежцы ихъ въ этомъ опередили: по количеству торговыхъ судовъ и плавающихъ на нихъ людей Норвегія стоитъ впереди Англіи, если, конечно, принять во вниманіе число народонаселенія въ обоихъ странахъ. Въ Норвегіи при 2 милліонахъ населенія моряковъ насчитывается около 60 тысячъ!

Уже издали доносился шумъ и грохотъ водопада. Скоро мы подошли къ нему и долго любовались непре-

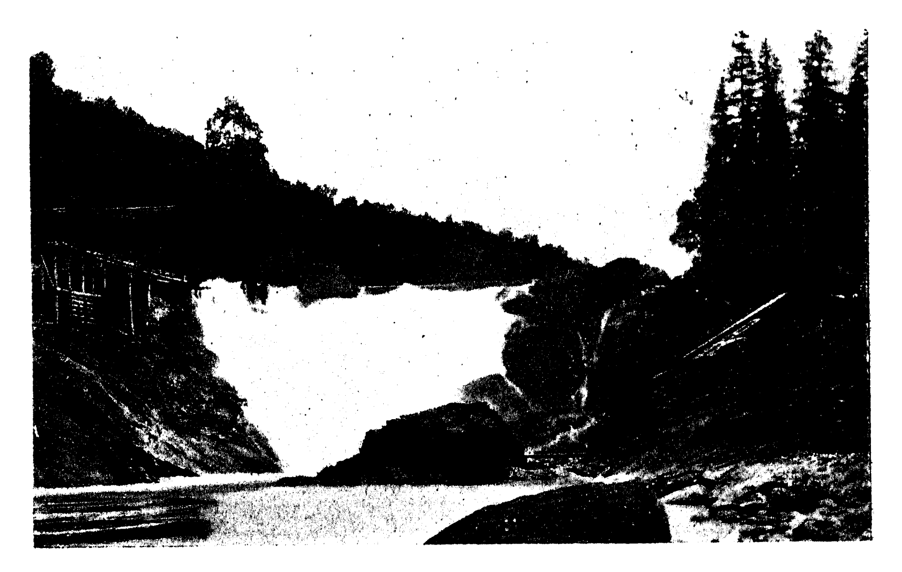

Рис. 10. Водопадъ Лерфосъ.

рывнымъ мощнымъ потокомъ, съ страшной силой низвергавшимся съ гранитнаго уступа. Норвегія — страна водопадовъ. Высокія Скандинавскія горы, круто обрывающіяся на западъ, во многихъ мѣстахъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, образующимъ многочисленные глетчеры. Таяніе снѣговъ и льдовъ даетъ начало массѣ ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ, которые съ шумомъ низвергаются внизъ, образуя безчисленные водопады, составляющіе одну изъ характернѣйшихъ особенностей всей страны (рис. 10).

Мы простояли въ Трондьемѣ два дня; здѣсь я впервые

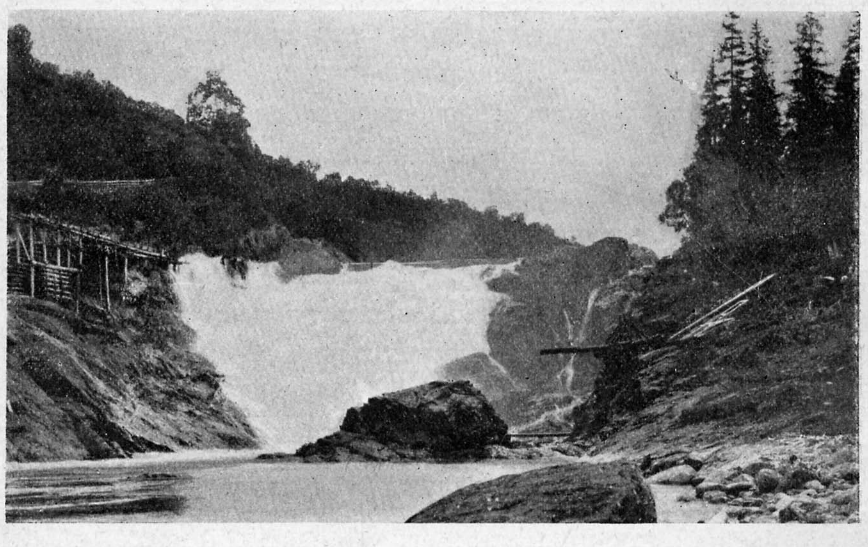

Рис. 10. Водопадъ Лерфосъ.

наглядно увидѣлъ, что̀ такое приливы и отливы. Я много о нихъ читалъ и зналъ, что они здѣсь бываютъ, но все это были книжныя знанія... Нашъ пароходъ стоялъ у пристани, и, чтобы попасть на нее, намъ пришлось подниматься довольно высоко вверхъ по лѣстницѣ. Это меня удивило: къ чему, думалъ я, строить пристань такъ высоко надъ водой? Приблизительно часовъ черезъ 6, возвращаясь на судно, я былъ пораженъ еще болѣе: теперь бортъ парохода былъ гораздо выше пристани, и пришлось по лѣстницѣ подниматься съ пристани на пароходъ!

29-го апрѣля рано утромъ мы двинулись далѣе на сѣверъ, ведя на буксирѣ небольшое парусное судно, заказанное здѣсь для экспедиціи. Оно доставило намъ много непріятностей въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи. Пока мы шли въ шхерахъ, все было хорошо, но какъ только попадали на открытое мѣсто, и начиналось волненіе, наше маленькое суденышко такъ дергало и бросало изъ стороны въ сторону, что приходилось идти самымъ малымъ ходомъ, а иногда и на якорь становиться. Къ счастью погода стояла преимущественно хорошая.

ГЛАВА VII.

Отъ Трондьема до Екатерининской гавани.

Становилось все холоднѣе. Справа у насъ вздымались высокія горы, часто совершенно покрытыя снѣгомъ; все чаще и чаще среди зеленѣющихъ обрывовъ берега бѣлѣли пятна снѣга. Уже нельзя было разгуливать по палубѣ въ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ: всѣ мы нарядились въ фуфайки и въ такомъ видѣ часами простаивали на мостикѣ, любуясь постоянно измѣнявшеюся панорамою открывавшихся видовъ.

30 апрѣля предъ нами прошли знаменитѣйшія по красотѣ и оригинальности картины Норвегіи.

— Вонъ Торгхаттенъ показался! — указывалъ намъ Александръ Петровичъ на черную скалу, которая въ видѣ громадной шляпы поднималась изъ моря.

— А что это такое?—спросилъ я.

— Гора съ природнымъ туннелемъ. Когда мы подойдемъ ближе, вы увидите его отверстіе. Всѣ эти мѣста опоэтизированы народной фантазіей; такъ, напр., происхожденіе туннеля въ Торгхаттенѣ легенда приписываетъ великану, прострѣлившему гору насквозь (рис. 11).

Вскорѣ въ срединѣ скалы обозначилась темная впадина, а затѣмъ въ ней блеснуло свѣтлымъ пятнышкомъ и сквозное отверстіе туннеля.

— Вотъ такъ окошко! — воскликнулъ кто-то изъ насъ.

— Не окошко, а цѣлыя ворота! — замѣтилъ другой изъ товарищей, смотрѣвшій въ бинокль.

— И не то, и не другое! На самомъ дѣлѣ это громадный коридоръ длиною болѣе полутораста метровъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе 50 метровъ высоты!

Всѣ бинокли были на-расхватъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за этимъ удивительнымъ явленіемъ природы (рис. 12).

Вскорѣ открылись «Семь сестеръ». Семь вершинъ, совершенно закутанныхъ снѣгомъ, рѣзко выступали на сѣромъ фонѣ покрытаго тучами неба. Уже одно названіе заставляло искать въ этихъ скалахъ тѣ образы, которыми одухотворило ихъ народное сказаніе. Да, это дѣйствительно сестры! Онѣ такъ похожи другъ на друга! Такъ одинаково склонили онѣ свои головы, окутанныя одинаково бѣлыми покрывалами (рис. 13).

Въ данный моментъ я страшно жалѣлъ, что не могъ поговорить съ лоцманомъ. Типичный старикъ-норвежецъ, съ бритыми усами и съ сѣдой бородой, растущей откуда-то изъ-подъ шеи, посасывая трубочку, стоялъ рядомъ со мной, спокойно оглядывая разстилавшуюся картину. Сколько

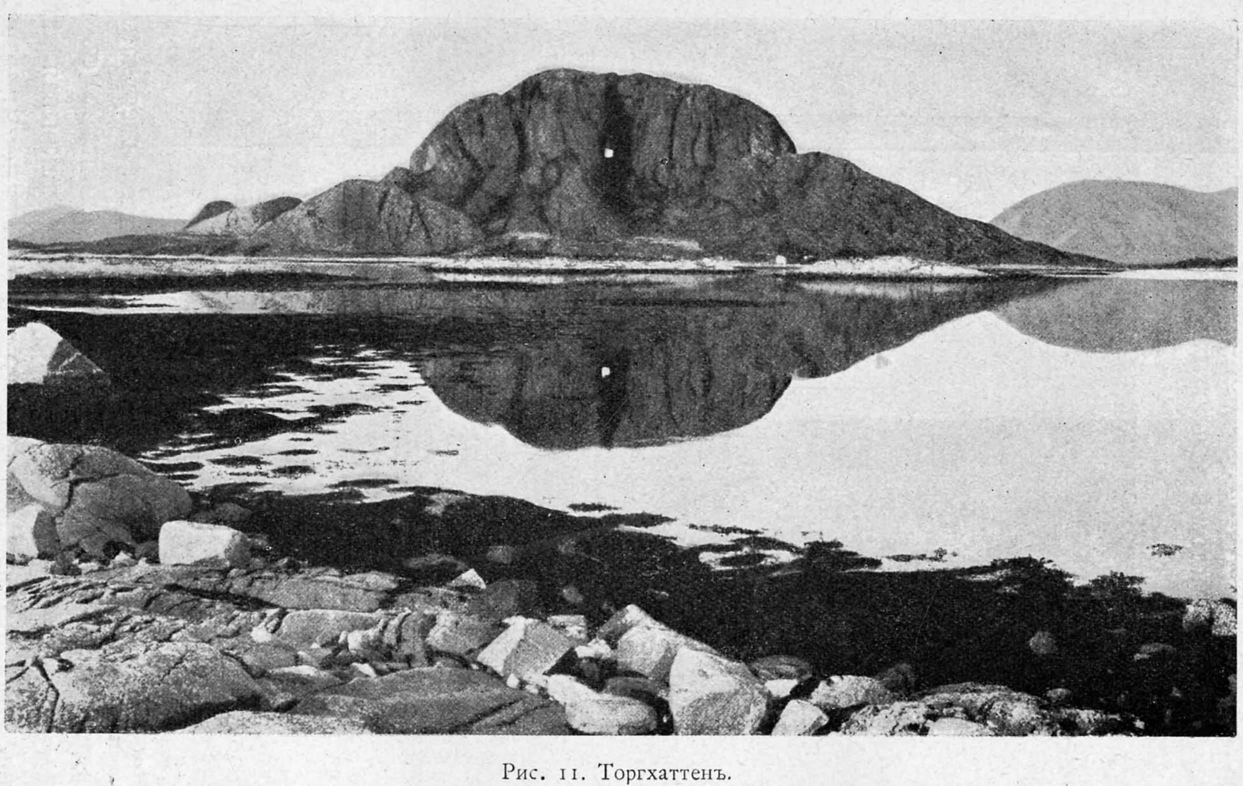

Рис. 11. Торгхаттенъ.

красивыхъ поэтическихъ сагъ, передаваемыхъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, могъ бы онъ сообщить намъ о каждомъ изъ этихъ камней.

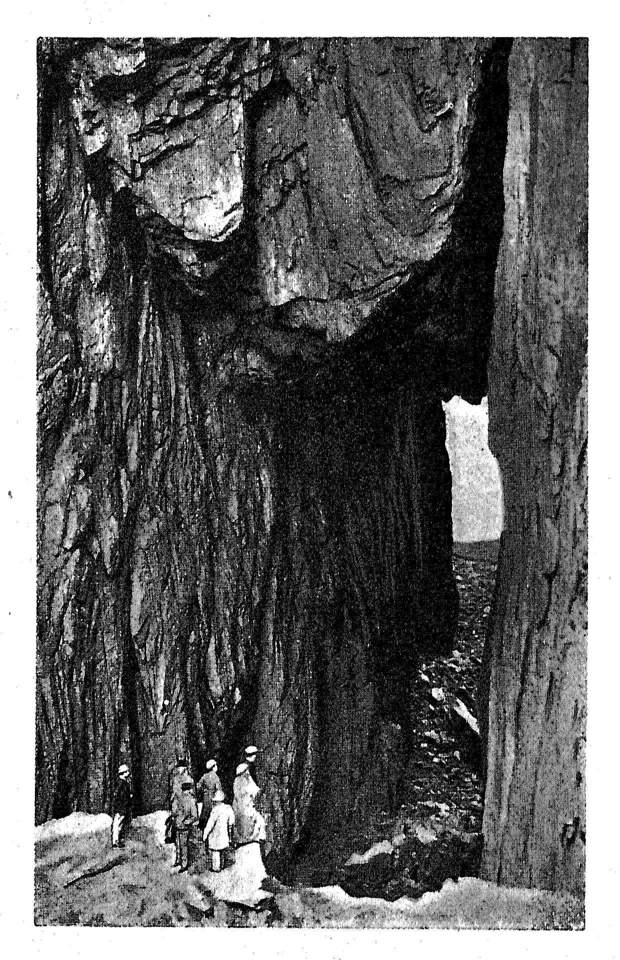

Рис. 12. Туннель въ Торгхаттенѣ.

За «Семью сестрами» скоро показался Хестмандё — гигантская скала, имѣющая нѣкоторое сходство съ всадникомъ, мчащимся на конѣ; его плащъ, закрывая собою крупъ лошади, опускался до самой поверхности моря.

— Господа, мы перешли полярный кругъ! — сказалъ Александръ Петровичъ.

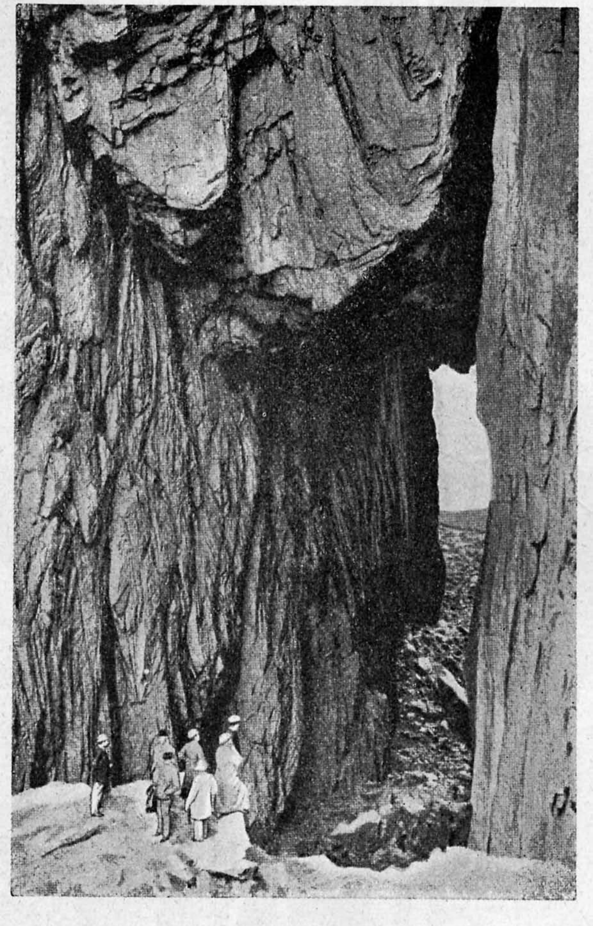

Рис. 12. Туннель въ Торгхаттенѣ.

— Когда? Гдѣ?—посыпались вопросы.

— А вотъ только что мы пересѣкли его!

Сколько разъ съ 1-го класса гимназіи слышалъ я это слово «полярный кругъ»! Предъ глазами моими такъ ясно выступила карта полушарій, на которой жирнымъ пунктиромъ выступалъ «сѣверный полярный кругъ». Сколько единицъ и двоекъ получали мы за него въ свое время! Мнѣ казалось, что и здѣсь я долженъ былъ увидѣть что-нибудь особенное, чѣмъ обозначалось бы это мѣсто, со-

Рис. 13. «Семь сестеръ».

ставляющее камень преткновенія для маленькихъ гимназистиковъ.

Итакъ, я дѣйствительно въ странѣ полуночнаго солнца! Каждая скала, каждый камень здѣсь освѣщался солнцемъ въ 12 часовъ ночи!

1-го мая мы проснулись въ Бодё. Это маленькій городокъ съ 4 тысячами жителей, лежащій подъ 67°17′ с. ш. Несмотря на такое сѣверное положеніе, средняя годовая температура его не опускается ниже +4° С., а въ самый холодный день здѣсь не бываетъ морозовъ больше 3° С.

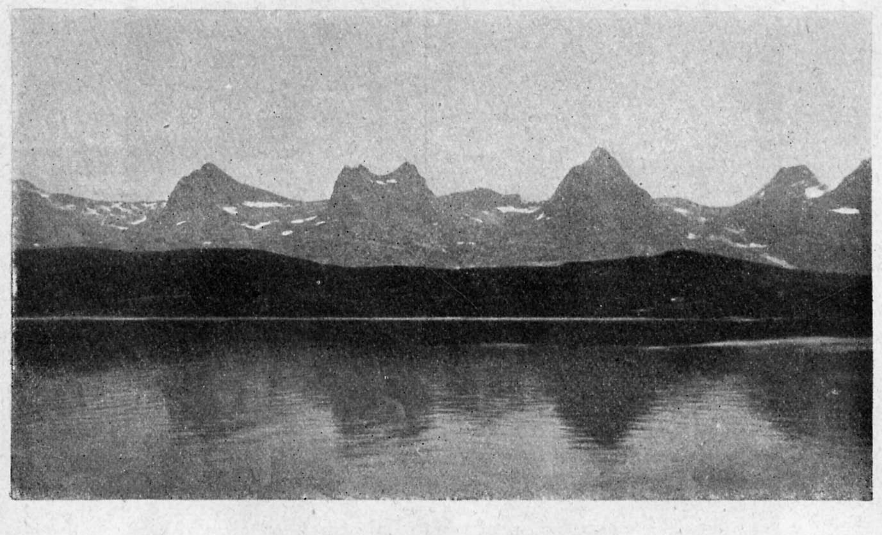

Рис. 13. «Семь сестеръ».

Вотъ что дѣлаетъ въ этихъ мѣстахъ волшебный Гольфштремъ (рис. 14).

Въ Бодё мы взяли къ себѣ на палубу двѣ большихъ палубныхъ лодки, заказанныхъ здѣсь для того, чтобы по-

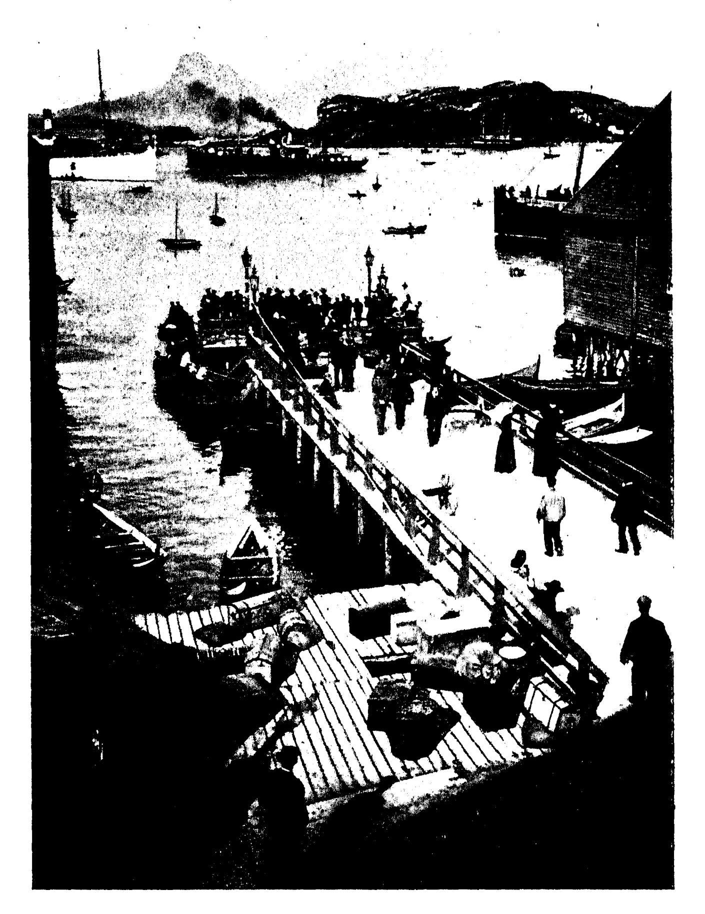

Рис. 14. Пристань въ Боде.

казать мурманскимъ промышленникамъ болѣе совершенныя промысловыя суда.

2-го мая около 3 часовъ дня мы зашли въ Тромзе.

Рис. 14. Пристань въ Боде.

Здѣсь весна только начиналась. Улицы еще были покрыты снѣгомъ. Давно ли мы были въ Христіаніи среди разгара весны? Давно ли мы задыхались отъ жары, взбираясь на окружающія Бергенъ высоты? А теперь, всего черезъ нѣсколько дней мы ходимъ по снѣгу въ фуфайкахъ и теплыхъ курткахъ.

Тромзё—главный городъ полярной Норвегіи. Въ немъ 7 тысячъ жителей, есть гимназія и семинарія. Но чуть-ли не лучшимъ зданіемъ въ городѣ является зданіе музея. Меня поразили норвежскіе музеи. Это не зоологическій, не ботаническій и не какой-либо другой спеціальный музей, а прежде всего — музей мѣстнаго края. Обойдя его, вы уносите съ собой довольно полное представленіе о мѣстной природѣ, объ исторіи и археологіи края, о занятіяхъ мѣстнаго населенія и т. д. Все это представлено коллекціями музея. Его внутреннее устройство поражаетъ своей простотой, но въ то же время всѣ выставленные объекты хорошо видны и очень доступны для наблюденія. Масса ребятишекъ постоянно наполняетъ залы музея. И какая школа можетъ лучше познакомить будущихъ гражданъ съ прошлымъ и настоящимъ ихъ родины?

Несмотря на такую удаленность отъ центра, отъ университета, въ каждомъ изъ подобныхъ музеевъ вы найдете ученыхъ, имена которыхъ часто встрѣчаются въ спеціальной литературѣ и пользуются заслуженнымъ уваженіемъ.

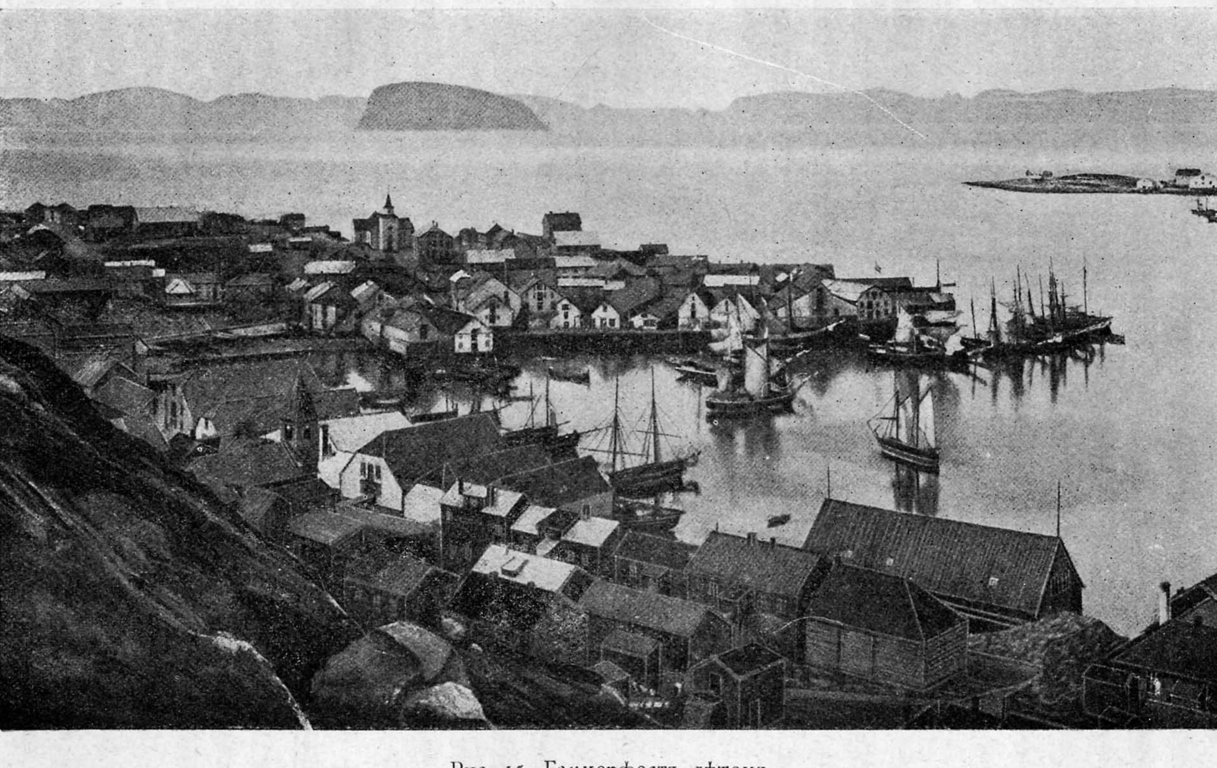
3-го мая послѣ полудня мы пришли въ Гаммерфестъ.

«Гаммерфестъ — самый сѣверный городъ Европы»! Такъ когда-то училъ я въ гимназіи. Что это за городъ? Какъ онъ выглядитъ? Какъ живутъ люди въ этомъ самомъ сѣверномъ культурномъ пунктѣ? На эти вопросы намъ не отвѣчалъ гимназическій учебникъ, и мое воображеніе рисовало картины, какъ я въ этомъ убѣдился, совершенно не отвѣчавшія дѣйствительности.

И улицы города, и всѣ окрестности были покрыты тол-

Рис, 15. Гаммерфестъ лѣтомъ.

Рис, 15. Гаммерфестъ лѣтомъ.

стымъ снѣжнымъ покровомъ. Настоящая зима 3-го мая! Это и не особенно удивительно, если вспомнить, что Гаммерфестъ лежитъ подъ 70°40′ с. ш. Но по словамъ Николая Михайловича и Александра Петровича весна въ этомъ году сильно запоздала; въ прошломъ году въ это же время въ Гаммерфестѣ снѣгу уже не было (рис. 15).

Не могу себѣ представить, какъ выглядитъ этотъ крохотный городокъ лѣтомъ, но теперь занесенный снѣгомъ онъ на меня произвелъ удивительно уютное впечатлѣніе. Кучка желтовато сѣренькихъ домиковъ (въ Гаммерфестѣ меньше 3 тысячъ жителей) пріютилась у подножія скалы, высокой стѣной поднимавшейся сейчасъ же за городомъ. Большія окна съ красивыми занавѣсками свидѣтельствовали о благосостояніи жителей. На широкихъ перекрещивающихся подъ прямымъ угломъ улицахъ, очень часто встрѣчались электрическіе фонари. Какъ должны цѣнить свое электричество жители этого заброшеннаго на край міра городка, когда въ темную полярную ночь солнце болѣе 2 мѣсяцевъ не показывается надъ горизонтомъ. Вездѣ тянулась густая сѣть телефонныхъ проводовъ. Въ одномъ мѣстѣ большая вывѣска указывала на помѣщеніе редакціи мѣстной газеты. Какую культурную обстановку удалось создать здѣсь, далеко за полярнымъ кругомъ!

Пока на «Андреѣ Первозванномъ» грузили уголь (а мы ради этого и зашли въ Гаммерфестъ), вся наша компанія отправилась къ памятнику градусныхъ измѣреній. Съ 1816 до 1852 года русскіе и скандинавскіе астрономы производили измѣреніе дуги меридіана, начиная съ устьевъ Дуная вплоть до Гаммерфеста. Здѣсь, въ конечномъ сѣверномъ пунктѣ находится скромный памятникъ этой грандіозной работы. На цоколѣ изъ неполированнаго гранита возвышается круглая полированная гранитная колонна, увѣнчанная бронзовымъ изображеніемъ земного шара (рис. 16).

На колоннѣ находится слѣдующая надпись на латинскомъ и норвежскомъ языкахъ:

Terminus septentrionalis, arcus meridiani 25°20′
quem inde ab Oceano arctico ad fluvium Danubium usque
per Norwegiam, Sueciam et Rossiam
jussu et auspiciis regis augustissimi
Oscari I.
et imperatorum augustissimorum
Alexandri I atque Nicolai I
annis MDCCCXVI ab MDCCCLII
continuo labore emensi sunt trium gentium geometrae.
Latitudo 70°40′11″3.

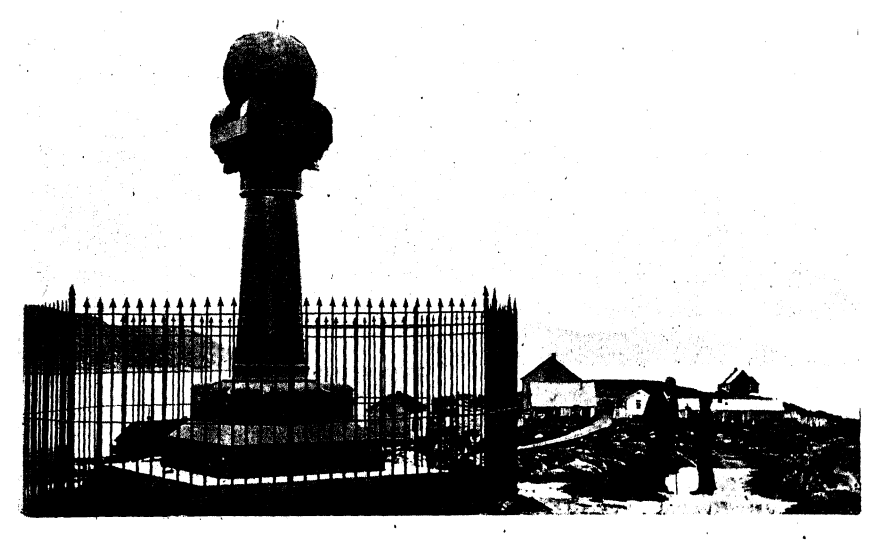

Рис. 16. Гаммерфестъ. Памятникъ меридiональныхъ измѣренiй.

Ночью мы покинули Гаммерфестъ.

Рано утромъ 4 мая я уже стоялъ на мостикѣ, чтобы увидѣть еще одинъ замѣчательный пунктъ Европы. Мы подходили къ Нордкапу.

Было холодно, температура держалась ниже нуля. Свинцово-сѣрое небо и такiя же волны придавали суровый отпечатокъ открывавшейся картинѣ. Временами начинался снѣгъ, который при налетавшихъ шквалахъ смѣнялся крупой. На этомъ фонѣ темныя, безжизненныя, почти

Рис. 16. Гаммерфестъ. Памятникъ меридіональныхъ измѣреній.

отвѣсно обрывающіяся въ пучину океана скалы Нордкапа производили поражающее впечатлѣніе. Ничего болѣе дикаго и суроваго мнѣ не приходилось видѣть. Несмотря на окружавшій меня шумъ и суету пароходной жизни, при видѣ этихъ пустынныхъ и негостепріимныхъ береговъ, чувствовалось такое одиночество, такая оторванность отъ всего міра, что становилась жутко. Ни одного суденышка! Никакихъ признаковъ присутствія человѣка! Даже птицъ, ко-

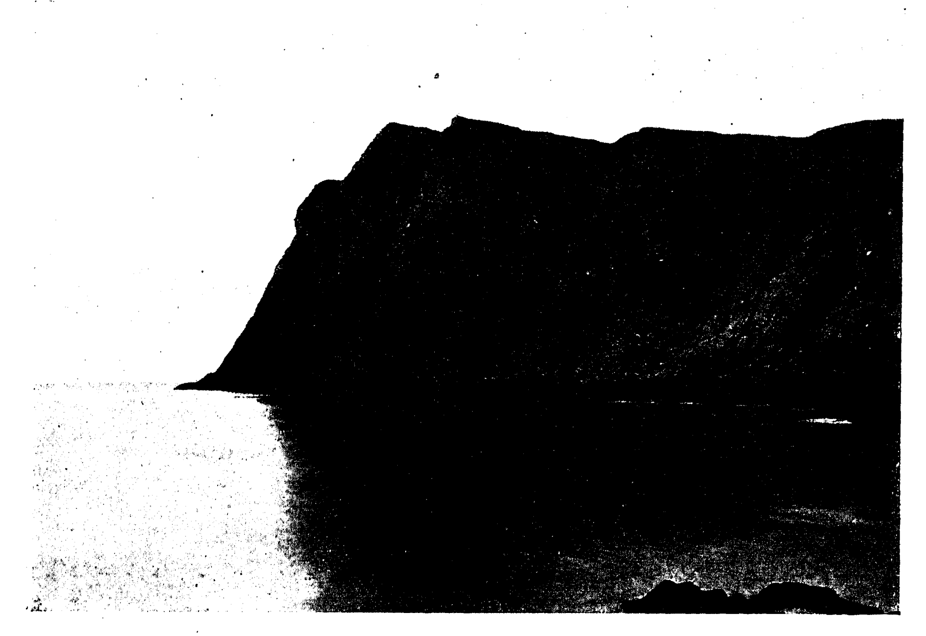

Рис. 17. Нордкапъ.

торыя обыкновенно десятками кружатся возлѣ парохода, и тѣхъ на этотъ разъ не было! (рис. 17).

Мы не огибали Нордкапа, а пошли проливомъ, отдѣляющимъ отъ материка островокъ на которомъ онъ находится. Скоро передъ нами выступили такія же дикія, но менѣе величественныя очертанія Нордкина.

Къ ночи мы пришли въ Варде—норвежскій городокъ, находящійся недалеко отъ русской границы. Сюда были

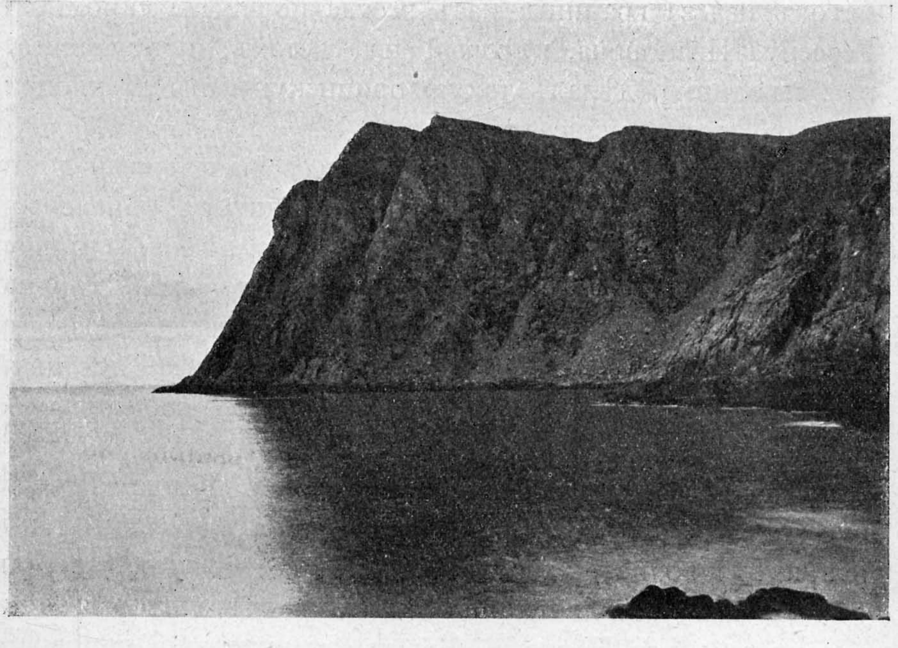

Рис. 17. Нордкапъ.

направлены различные приборы и запасы экспедиціи, и мы должны были взять ихъ въ Екатерининскую гавань.

Я не стану описывать этотъ небольшой городокъ, часто посѣщаемый русскими поморами. Здѣсь есть русское вице-консульство, и должность вице-консула исполнялъ въ то время одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ Размусъ Гольмбу, котораго поморы передѣлали въ Герасима Ивановича. Экспедиція тоже пользовалась его услугами, дѣлая ему порученія по пріобрѣтенію и доставкѣ нѣкоторыхъ предметовъ изъ за границы; насъ всегда поражала скромность Герасима Ивановича, который на счетахъ, присылаемыхъ въ экспедицію, дѣлалъ такую приписку: «мнѣ за клопоту 20 ёре», т.-е. меньше 10 коп.

Въ Варде есть китобойный заводъ, на который доставляютъ и на которомъ раздѣлываютъ китовъ, убиваемыхъ въ океанѣ. Работъ въ это время на заводѣ не было, и мы его не осматривали, но чувствовали его очень хорошо: какъ только мы попадали въ струю вѣтра, дувшаго по направленію съ завода, невольно почти всѣ доставали платки и зажимали носъ. Воображаю, какіе ароматы были на самомъ заводѣ!

5 мая въ часъ дня мы вышли изъ Варде. Вотъ и русскіе берега! Они также занесены снѣгомъ и также непривѣтливо встрѣчаютъ насъ. Но здѣсь уже не было такихъ высокихъ и неприступныхъ скалъ, которыя такъ характерны для Норвегіи. Берегъ значительно понизился. Очень часто можно было замѣтить входы въ заливы и бухты.

Александръ Петровичъ то и дѣло, указывая намъ какую-нибудь точку, называлъ ее.

— Вотъ Рыбачій полуостровъ! Какъ только обогнемъ его, такъ до Екатерининской гавани рукой подать!

Медленно идетъ время... мы всѣ устали отъ долгаго путешествія. Вѣдь почти мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали мы изъ Петербурга. И какой мѣсяцъ! Сколько

новыхъ впечатлѣній, сколько новыхъ переживаній и мыслей далъ онъ каждому изъ насъ! Но близка наконецъ и цѣль нашего плаванія. Съ приходомъ въ Екатерининскую гавань окончится путешествіе и начнется работа. Тамъ мы будемъ дома.

Около полуночи мы вошли въ Кольскій заливъ. Небо покрыто тучами, но свѣтло почти такъ же, какъ въ обыкновенный пасмурный день. Быстро проносятся мимо насъ съ той и съ другой стороны скалы, занесенныя снѣгомъ. Совершенно незамѣтно вошли мы въ гавань, и я понялъ это только тогда, когда увидѣлъ на берегу нѣсколько небольшихъ домиковъ. Но нигдѣ—ни души. Вѣроятно, всѣ спятъ.

На «Андреѣ Первозванномъ» раздался протяжный гудокъ, и сейчасъ же на берегу забѣгали и засуетились. Вскорѣ къ намъ навстрѣчу неслась небольшая шлюпка, въ которой мы уже различали В. Ф. Д. Не успѣли еще отдать якорь, какъ онъ уже былъ на палубѣ и взволнованный, и оживленный пожималъ намъ руки.

ГЛАВА VIII.

Екатерининская гавань.

Вотъ мы и дома! Вѣдь мы пришли туда, куда стремились! Мы достигли цѣли нашего плаванія! Съ этого момента Екатерининская гавань—нашъ домъ, такъ какъ отсюда мы будемъ выходить и сюда будемъ возвращаться послѣ нашихъ плаваній.

Недалеко отъ входа въ Кольскій заливъ находится небольшой островъ—Екатерининскій (рис. 18); между нимъ и берегомъ Кольскаго залива остается узкая бухта; она-то и называется Екатерининской гаванью. Входъ въ нее направленъ къ сѣверо-западу; благодаря этому, какъ бы ни было сильно волненіе въ океанѣ, въ гавань оно не заходитъ.

Любопытенъ Екатерининскій островъ: островомъ онъ является только во время прилива, во время же отлива въ

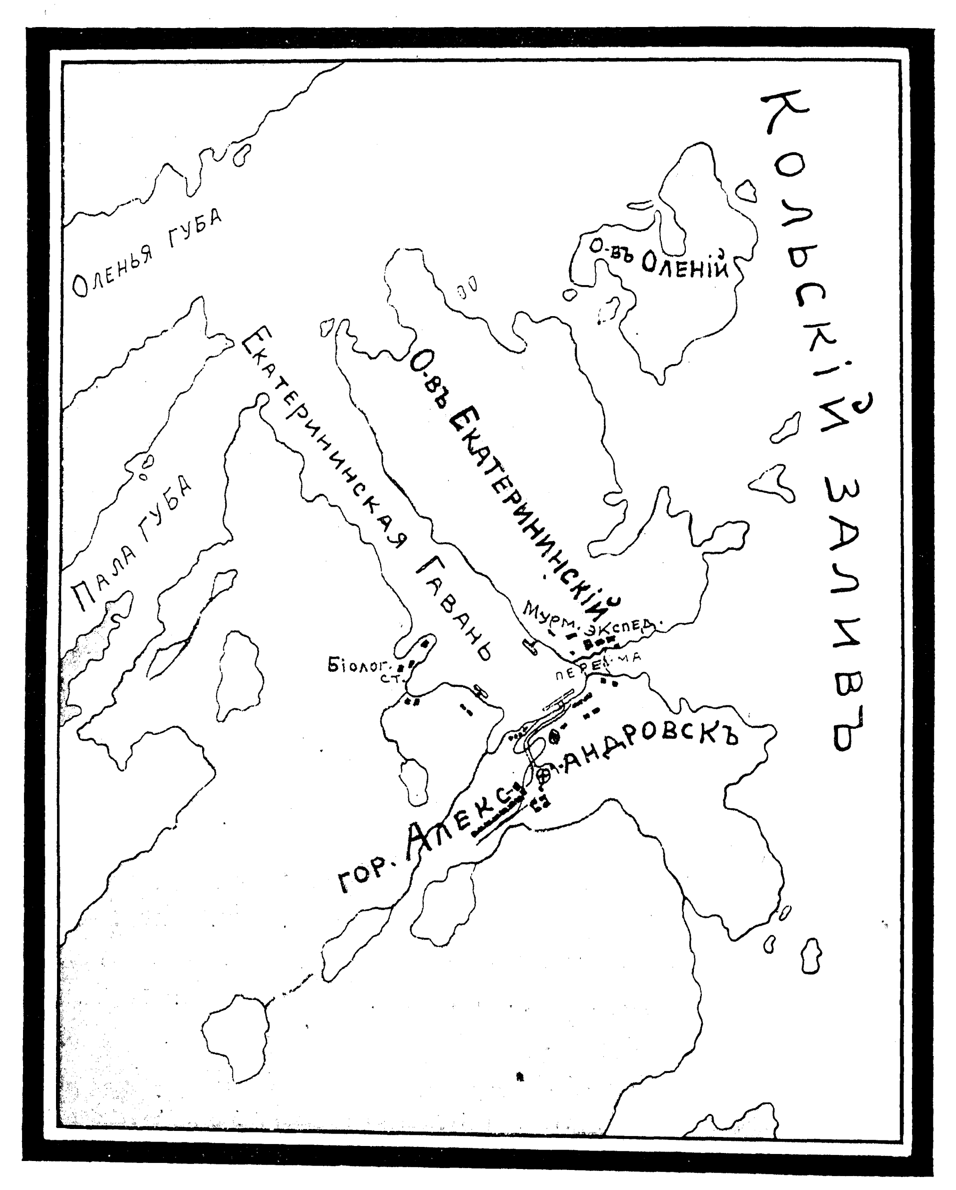

Рис. 18. Планъ Екатерининской гавани и ея окрестностей.

юго-восточной части гавани между нимъ и берегомъ залива

обнажается довольно широкій перешеекъ, называемый здѣсь «переймой» (рис. 19). Вслѣдствіе близости океана приливы и отливы въ этихъ мѣстахъ выражены очень сильно, но даже въ самую «большую воду» черезъ проливъ, образующійся на мѣстѣ «переймы», могутъ проходить только сравнительно небольшія рыбачьи суда. Пароходы могутъ попадать въ гавань только черезъ сѣверо-западный входъ, который настолько глубокъ, что даже броненосцы, отличающіеся очень большой осадкой, всегда могутъ пройти черезъ него.

Екатерининская гавань въ это время привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе; о ней много писали и при этомъ высказывали мнѣніе, что въ случаѣ надобности она можетъ послужить стоянкой для военныхъ судовъ. Очень глубокая, хорошо защищенная и незамерзающая въ теченіе круглаго года, она дѣйствительно пригодна для этой цѣли. Какъ разъ въ это время здѣсь спѣшно заканчивался постройкой новый городъ Александровскъ.

Когда я на слѣдующій послѣ нашего прихода день проснулся и вышелъ на палубу, Екатерининская гавань предстала предо мной во всей своей красѣ. Обрывистые берега, еще покрытые глубокимъ снѣгомъ, круто спускались въ воду, красиво отражаясь въ спокойной ея поверхности. У пристани Екатерининскаго острова стоялъ «Андрей Первозванный».

— Что это за домики на берегу?—(Рис. 20) спросилъ я Александра Петровича.

— А это наше береговое жилище! Вотъ тотъ небольшой домикъ, справа, купленъ спеціально для экспедиціи, а этотъ, у самой пристани, тоже предоставленъ въ наше распоряженіе.

— А гдѣ же городъ?

— А вонъ онъ!—указалъ Александръ Петровичъ на противуположный берегъ.—Видите у самой пристани зданія, это—городскіе амбары; дальше въ гору видна церковь и идутъ городскія зданія.

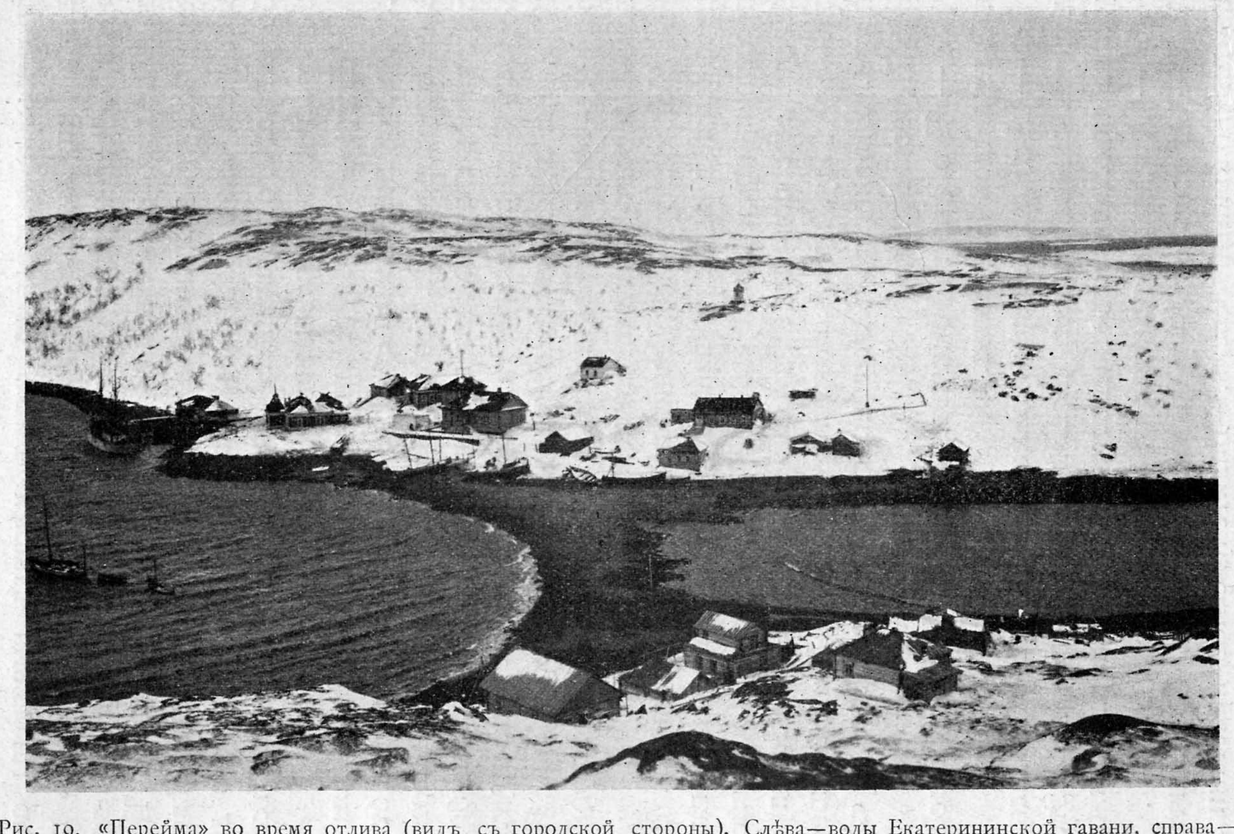

Рис. 19. «Перейма» во время отлива (видъ съ городской стороны). Слѣва—воды Екатерининской гавани, справа—Кольскаго залива; прямо за «Переймой» — Екатерининскій островъ, и на немъ зданія экспедиціи.

Рис. 20. Видъ Екатерининскаго острова во время нашего прихода въ гавань.

Среди сплошного снѣжнаго покрова виднѣлись темные силуэты церкви и рядъ какихъ-то построекъ.

— Хотите посмотрѣть его? Я сейчасъ иду на ту сторону!—предложилъ Александръ Петровичъ.

— Я съ удовольствіемъ! пойду только узнаю, не будетъ ли какихъ работъ!

Работъ пока не было. Всѣмъ намъ нужно было осмотрѣться и ознакомиться съ новымъ мѣстомъ. Всѣ разбрелись въ разныя стороны, а мы съ Александромъ Петровичемъ отправились въ городъ пѣшкомъ, такъ какъ былъ отливъ и, «перейма» была обнажена (рис. 21).

— Скажите, Александръ Петровичъ, что это за городъ, и кто въ немъ живетъ?—спросилъ я.

— Пока въ немъ никого нѣтъ. Городъ только строится.

— Для кого-же онъ строится въ такомъ случаѣ?

— Это въ будущемъ—административный центръ. До этого времени таковымъ являлась Кола, но она лежитъ въ глубинѣ залива, и добираться до нея дѣйствительно неудобно. Когда городъ откроютъ, вся кольская уѣздная администрація и всѣ административныя учрежденія перейдутъ сюда, въ Александровскъ.

— А жители?

— Жителей, кромѣ чиновниковъ и тѣхъ, конечно, лицъ, которыя могутъ найти здѣсь заработокъ, удовлетворяя ихъ потребностямъ, пока не будетъ. Вотъ если сюда проведутъ желѣзнодорожную вѣтку, и если Мурманскіе промыслы разовьются, тогда, вѣроятно, и въ Александровскѣ начнутъ селиться частныя лица.

— Отчего же здѣсь не селятся теперь промышленники и колонисты?

— Отъ промысловаго района далеко!

Все это для меня было ново: въ первый разъ я видѣлъ пустое мѣсто, на которомъ сначала строятъ городъ, а потомъ ужъ поселяютъ въ немъ жителей.

Незамѣтно перешли мы на городскую сторону. Около

Рис. 21. Видъ съ Екатерининскаго острова на гавань лѣтомъ; слѣва—перейма, по ту сторону виденъ г. Александровскъ, у городской пристани бѣлѣетъ «Андрей Первозванный».

амбаровъ находилась пристань, вырубленная въ сплошной гранитной скалѣ; рельсы небольшой желѣзной дороги подходили къ самой пристани.

— А рельсы здѣсь зачѣмъ?

— А это, какъ видите, здѣшняя желѣзная дорога!— смѣясь отвѣтилъ Александръ Петровичъ. — Устроили ее для того, чтобы поднимать въ гору съ пристани строительные матеріалы. Параллельно рельсамъ въ городъ ведетъ дѣйствительно прекрасное шоссе (рис. 22). Когда снѣгъ растаетъ, вы увидите, сколько труда и денегъ положено на его сооруженіе.

Мы пошли по тропинкѣ, плотно протоптанной въ глубокомъ снѣгу.

— Вотъ здѣсь будетъ почтово-телеграфная контора, здѣсь гостинница,—пояснялъ Александръ Петровичъ, когда мы проходили мимо недоконченныхъ зданій.—А вотъ церковь почти совсѣмъ готова!

Небольшая красивая церковь, снаружи почти законченная, красиво поднималась на высокой горѣ. За ней находилась небольшая площадь, окруженная зданіями для будущихъ присутственныхъ учрежденій; здѣсь же было зданіе больницы и школы. Отъ площади въ одну линію тянулся рядъ домиковъ, обычной казенной архитектуры и, какъ нельзя болѣе похожихъ другъ на друга; отличались они только величиной: для чиновниковъ рангомъ повыше—и домъ больше, и наоборотъ. По всему было видно, что архитекторъ заботился не только объ однообразіи стиля, но и всѣ части домовъ подгонялъ подъ одну линію.

Но разсмотрѣть этотъ удивительный городъ болѣе подробно мнѣ удалось только позже (рис. 23), такъ какъ теперь все было завалено глубокимъ снѣгомъ. Вообще въ теченіе трехъ лѣтъ моего пребыванія на сѣверѣ видъ Екатерининской гавани, значительно измѣнился: городъ— отстроился и индивидуальность жителей его домиковъ

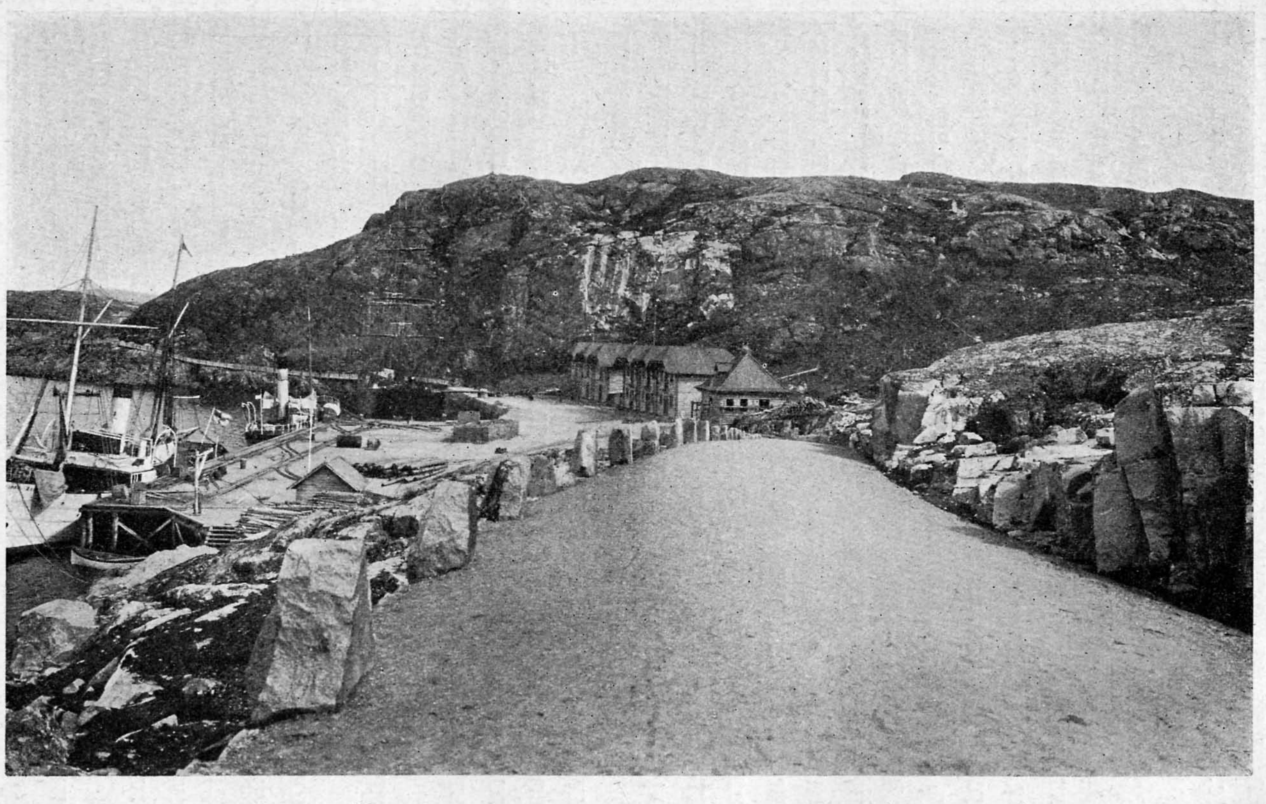

Рис. 22. Шоссе отъ пристани въ городъ Александровскъ (лѣтній видъ).

наложила на каждый изъ нихъ свой отпечатокъ; на Екатерининскомъ островѣ выросъ большой домъ экспедиціи (рис. 24), а у входа въ гавань появилось большое зданіе Мурманской біологической станціи.

Вечеромъ Николай Михайловичъ отправилъ насъ съ Маркомъ Николаевичемъ Михайловскимъ собирать животныхъ, остающихся въ полосѣ, обнажающейся во время отлива. Такой сборъ назывался у насъ литоральнымъ ловомъ. Маркъ Николаевичъ уже тогда обнаруживалъ большой интересъ къ жизни моря. Позднѣе онъ началъ серьезно работать въ этой области и, будучи младшимъ зоологомъ музея Академіи Наукъ, напечаталъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, но ранняя смерть въ расцвѣтѣ силъ унесла этого въ высшей степени симпатичнаго человѣка и очень талантливаго начинающаго ученаго, не давъ ему возможности выполнить намѣченныя имъ работы. Онъ умеръ отъ туберкулеза въ 1904 году. При воспоминаніи о немъ и объ этихъ дняхъ, проведенныхъ здѣсь на сѣверѣ въ такой близости къ нему, у меня до сихъ поръ съ болью сжимается сердце. Ровный и мягкій его характеръ и удивительно отзывчивое отношеніе къ радостямъ и горю окружающихъ привлекали къ Марку Николаевичу всеобщія симпатіи (рис. 25).

Мы уже приспособились къ сѣверу и, благодаря совѣтамъ окружающихъ, усвоили костюмъ наиболѣе удобный для работы. Высокіе непромокаемые сапоги, толстые суконные шаровары, легкая и мягкая, но очень теплая фуфайка и шапка съ наушниками хорошо защищали насъ отъ холода и совершенно не стѣсняли движеній. Насколько этотъ костюмъ, дѣйствительно, отвѣчалъ здѣшнему климату, можно заключить хотя бы изъ того, что всѣ промышленники одѣваются точно также; купленныя нами фуфайки здѣсь такъ и называются «поморками».

Съ банками для животныхъ и съ пинцетами мы прежде всего отправились на выступившую изъ воды «перейму». Здѣсь на пескѣ и на камняхъ была масса мор-

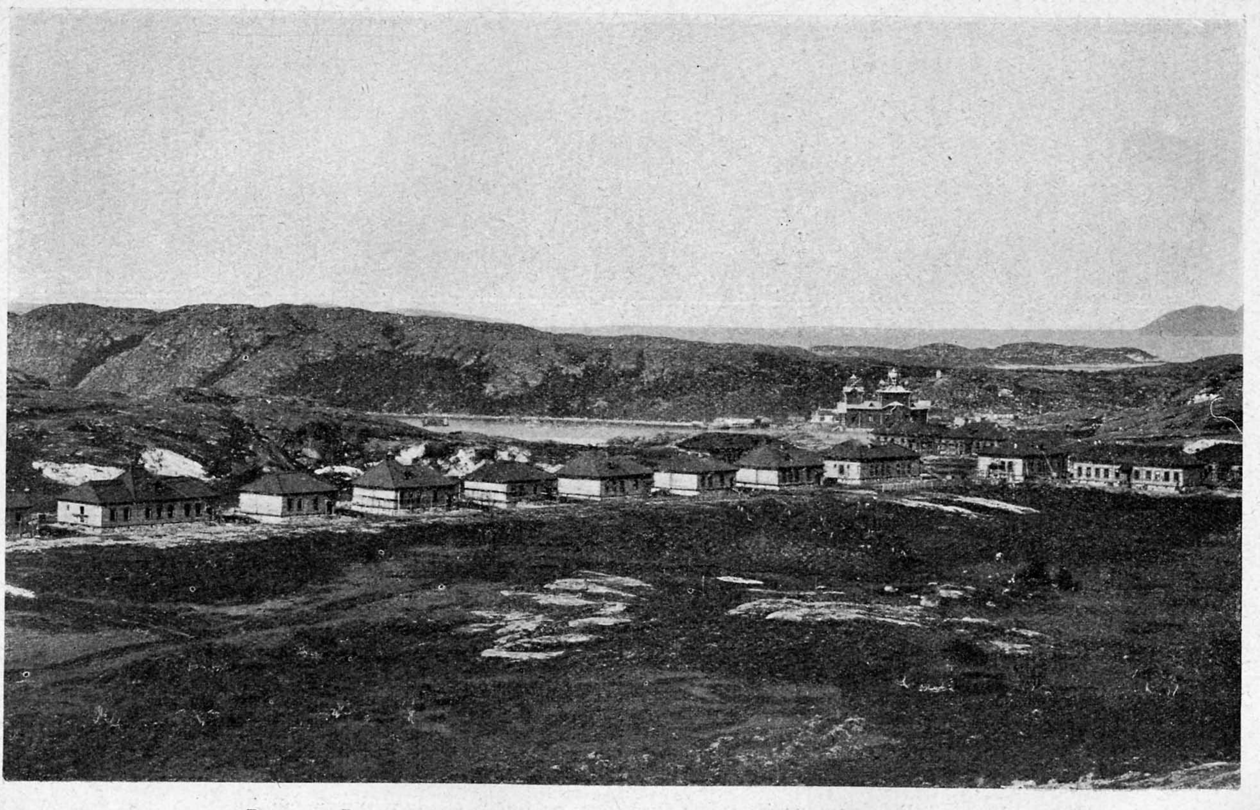

Рис. 23. Видъ г. Александровска во время его постройки (лѣтомъ).

Рис. 24. Екатерининскій островъ лѣтомъ съ новымъ домомъ экспедиціи.

скихъ звѣздъ. Много разъ видѣлъ я ихъ, но то были мертвыя, заспиртованные экземпляры, здѣсь же предо

Рис. 25. Маркъ Николаевичъ Михайловскій на палубѣ «Андрея Первозваннаго».

мной было, сколько угодно, живыхъ звѣздъ (рис. 26). Темно-краснаго цвѣта онѣ, похожія скорѣе на причудли-

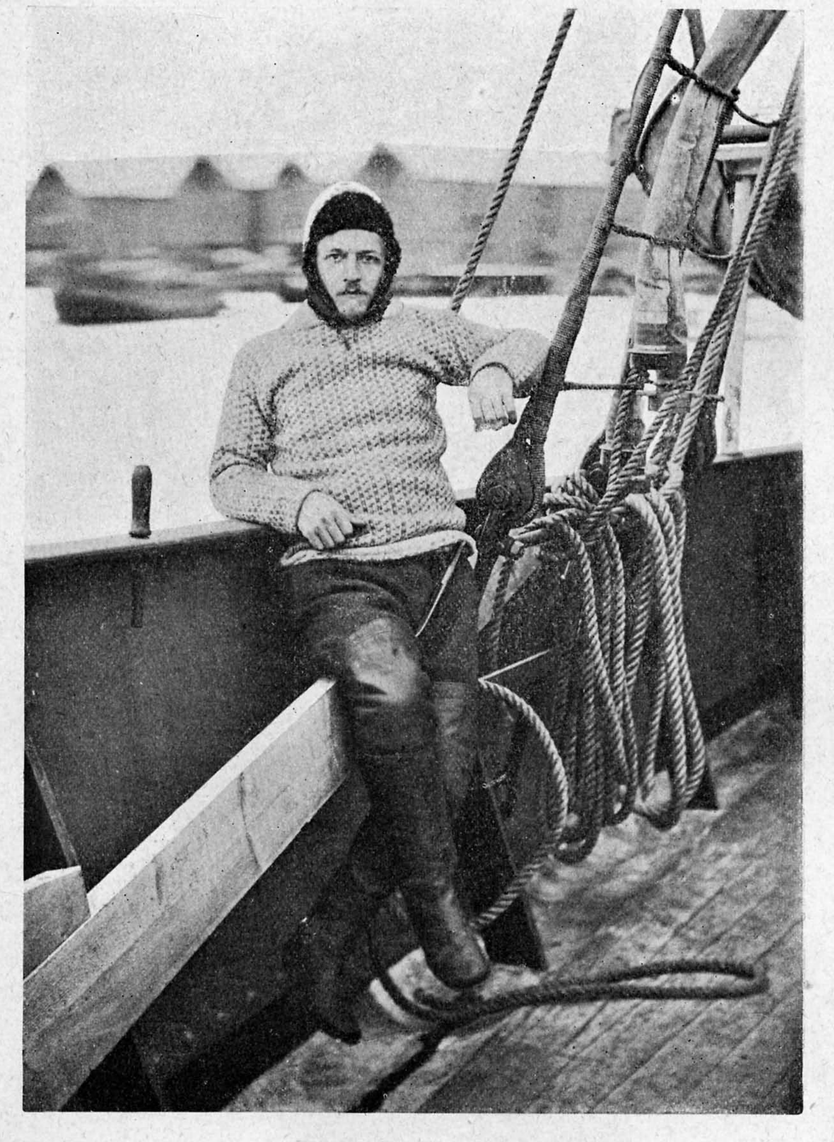

Рис. 25. Маркъ Николаевичъ Михайловскій на палубѣ «Андрея Первозваннаго».

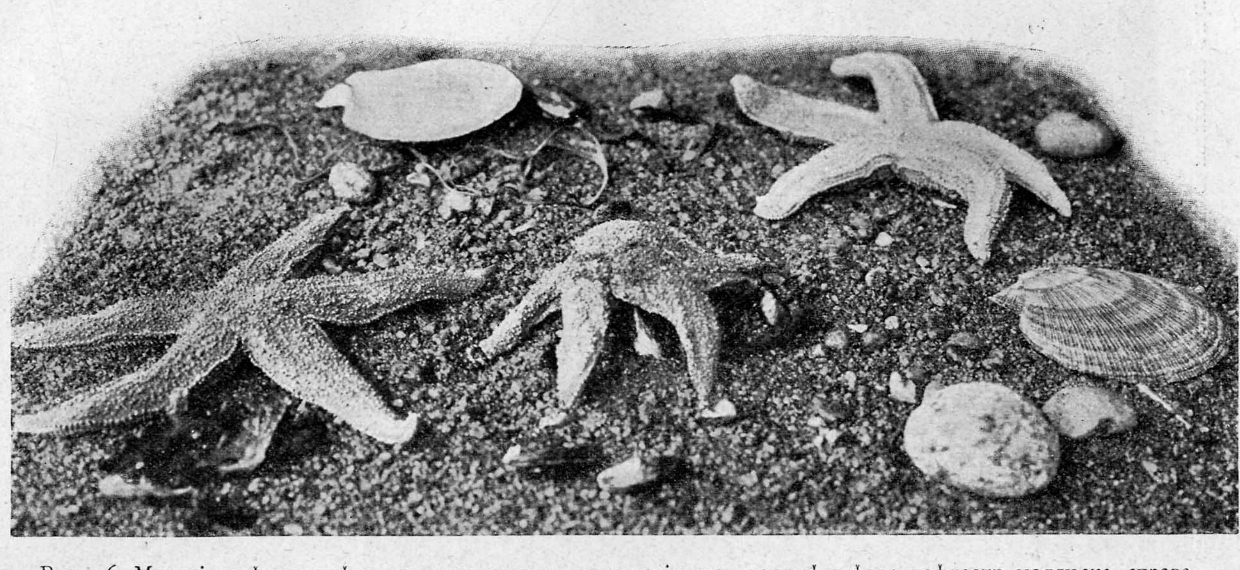

Рис. 26. Морскія звѣзды: слѣва—въ нормальномъ положеніи, по срединѣ звѣзда поѣдаетъ моллюска, справа—опрокинута брюшной стороной кверху.

вые пирожныя, чѣмъ на животныхъ, медленно, медленно передвигались по камнямъ то укорачивая, то удлинняя свои многочисленныя ножки. Я опрокинулъ одну звѣзду брюшной стороной, а слѣдовательно и ножками къ верху; едва замѣтнымъ движеніемъ, какъ минутная стрѣлка въ часахъ, она слегка повернула одинъ изъ своихъ лучей, вытянула нѣсколько ножекъ и, присосавшись ими, начала медленно переворачиваться на брюшную сторону.

— Смотрите, — позвалъ меня Маркъ Николаевичъ,— вотъ морская звѣзда поѣдаетъ моллюска!

Я зналъ, что это животное, не обладающее никакими приспособленіями для пережевыванія, все же питается моллюсками, защищенными крѣпкой известковой раковиной; я читалъ не разъ, какъ она справляется съ ними; но здѣсь впервые я своими глазами увидѣлъ это замѣчательное явленіе. Маркъ Николаевичъ опрокинулъ звѣзду, повернувъ къ намъ ея брюшную сторону; изо рта у нея торчалъ большой моллюскъ съ двустворчатой раковиной; часть его она втянула въ желудокъ и уже переваривала... мы долго сидѣли надъ ней, но никакихъ замѣтныхъ измѣненій не уловили. Вѣроятно, на много часовъ хватитъ ей этой работы.

Отсюда мы пошли къ скалистому берегу Екатерининскаго острова. Во многихъ мѣстахъ камни были почти сплошь усѣяны бѣлыми бугорками; это были балянусы— ракообразныя изъ усоногихъ (рис. 27 и 28). Ихъ внѣшній видъ совершенно не отвѣчалъ тому представленію о ракообразныхъ, которое создается у всякаго, знакомящагося съ этимъ классомъ животныхъ по нашему рѣчному раку. Поморы этихъ животныхъ называютъ морскими желудями. Найдя небольшой камешекъ съ нѣсколькими балянусами, мы опустили его въ банку съ морской водой; черезъ нѣкоторое время створки на верхушкѣ бугорка раздвинулись, и изъ нихъ показался пучекъ изогнутыхъ усиковъ, кото-

рые начали производить хватательныя движенія: балянусъ ловилъ себѣ добычу.

Въ другихъ мѣстахъ камни были покрыты прикрѣпившимися къ нимъ моллюсками съ двустворчатой раковиной—митилюсами или мидіями.

— Вы знаете, Константинъ Павловичъ, вѣдь это съѣдобное животное! — сказалъ Маркъ Николаевичъ. — На югѣ, по берегамъ Чернаго моря, напримѣръ, греки его ѣдятъ и находятъ очень вкуснымъ. Я тоже какъ-то пробовалъ рисъ съ мидіями.... Не могу сказать, чтобы было

Рис. 27. Небольшой камень, покрытый балянусами.

Рис. 28. Балянусъ съ выдвинутыми усиками.

очень вкусно, но ѣсть можно. И вы подумайте, какое это можетъ имѣть громадное значеніе! Вѣдь въ такихъ мѣстахъ нельзя умереть съ голоду! Въ крайнемъ случаѣ, когда нечего ѣсть, пошелъ къ морю, набралъ этихъ моллюсковъ, и сытъ! Вообще сколько богатствъ таитъ въ себѣ море! Быть можетъ я и ошибаюсь, но когда я читаю въ исторіи перечисленіе тѣхъ причинъ, которыя способствовали въ древнее время развитію культуры по берегамъ морей, я всегда думаю, что авторы упускаютъ одну изъ самыхъ важныхъ: богатство моря съѣдобными животными. Вѣроятно, и эти самыя мидіи не мало между

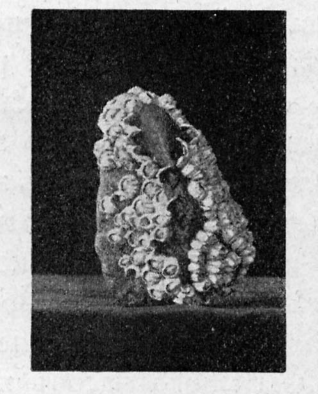

Рис. 27. Небольшой камень, покрытый балянусами.

прочимъ способствовали тому, что человѣкъ въ древнія времена держался морского берега! (рис. 29).

Во многихъ мѣстахъ камни такъ обросли водорослями, именно фукусами, что ихъ даже не видно было. Фукусы, которые въ водѣ такъ красиво тянутся вверхъ своими буро-зелеными пальцевидными развѣтвленіями, теперь на воздухѣ безсильно поникли на камни, совершенно закрывъ ихъ собою (рис. 30). Ходить въ такихъ мѣстахъ было страшно трудно: нога то и дѣло скользила, попадая въ щели и углубленія между камнями. Все время сапоги наши раздавливали тѣ наполненные газомъ пузырьки, благодаря кото-

Рис. 29. Камень съ прикрѣпленными къ нему мидіями.

рымъ развѣтвленія фукусовъ въ водѣ тянутся вверхъ. Срывая водоросли и внимательно ихъ разсматривая, мы находили на нихъ массу различныхъ животныхъ. Больше всего было маленькихъ моллюсковъ—литоринъ, напоминающихъ по формѣ своей раковины нашихъ улитокъ (рис. 31).

— Смотрите, Маркъ Николаевичъ, я рыбку какую-то поймалъ!—закричалъ я, едва удерживая въ рукахъ скользкую извивающуюся небольшую рыбку.

— Pholis gunellus! Я читалъ о ней.... Это—типичное литоральное животное: вѣдь сколько часовъ она можетъ оставаться безъ воды! Всякая другая рыба въ такихъ условіяхъ давно бы погибла, а эта—живехонька! (рис. 32).

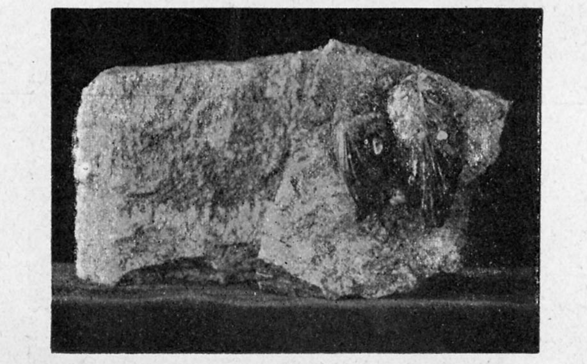

Рис. 29. Камень съ прикрѣпленными къ нему мидіями.

— А вотъ—актиніи. Но какъ онѣ сморщились!

— Давайте возьмемъ ихъ нѣсколько штукъ и пустимъ въ акваріумъ. Интересно будетъ посмотрѣть, какъ онѣ питаются и размножаются (рис. 33).

Мы такъ и сдѣлали. Въ маленькомъ акваріумѣ онѣ распустили свои щупальцы, и мы потомъ часто наблю-

Рис. 30. Фукусы на камняхъ.

дали, какъ онѣ схватывали ими кусочки мяса и заталкивали ихъ въ свою внутреннюю полость. Но особенно интересно было наблюдать ихъ размноженіе: на боковой сторонѣ тѣла актиніи появлялся бугорокъ—почка; увеличиваясь все больше и больше, она на верху прорывалась, и около отверстія выросталъ вѣнчикъ щупалецъ; новая актинія, сидящая сначала на тѣлѣ своей матери, потомъ

Рис. 30. Фукусы на камняхъ.

отдѣлялась отъ него и начинала вести самостоятельную жизнь. Возвращаясь изъ плаванiй, мы потомъ могли видѣть, какъ количество актинiй въ акварiумѣ дѣлалось все больше и больше.

Попадались между фукусами и мелкiя ракообразныя—бокоплавы, и черви. Но вотъ какой-то жестковатый кустикъ прикрѣпленъ къ камню. Что это? Водоросли? Или кораллы? Оказалось, что это мшанки: колонiальныя животныя, которыхъ относятъ къ группѣ червеобразныхъ (рис. 34).

Рис. 31. Фукусы съ пузырьками, наполненными газомъ.

Для меня подобные литоральные ловы были особенно цѣнны тѣмъ, что здѣсь я могъ, не спѣша, слѣдить за жизнью цѣлой массы животныхъ.

Черезъ день или два по прибытiи въ гавань со мной случилось небольшое приключенiе, сильно меня тогда напугавшее. Въ свободное время я взялъ шлюпку и отправился путешествовать по гавани. Такъ интересно было глядѣть въ подводное царство. Вода прозрачная, прозрачная; въ ней со дна поднимается лѣсъ фукусовъ со своимъ многочисленнымъ населенiемъ; на камняхъ ме-

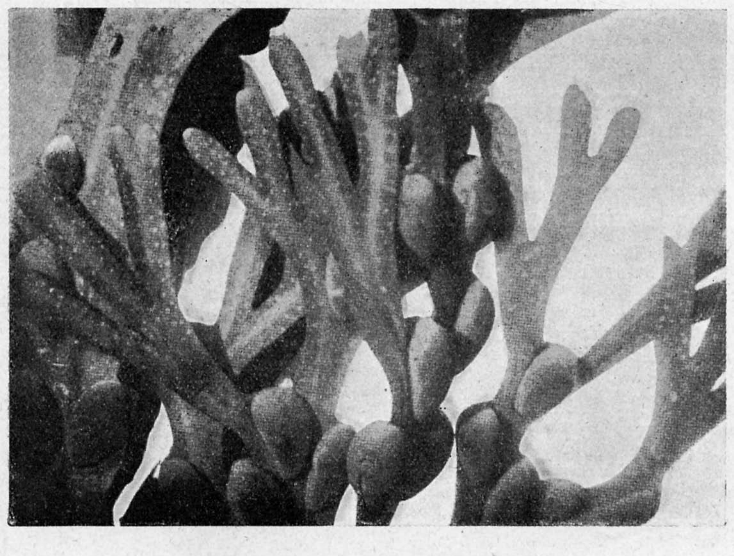

Рис. 31. Фукусы съ пузырьками, наполненными газомъ.

дленно ползаютъ звѣзды; актиніи, не сморщенныя, какъ во время отлива, а роскошно распустившія свои щупальцы, ожидаютъ, кого бы имъ схватить; быстрые бокоплавы шныряютъ, изгибая свое тѣло.... Двигаясь вдоль береговъ, я любовался этой новой для меня картиной. Совершенно незамѣтно я очутился у скалистаго берега недалеко отъ

Рис. 32. Pholis gunellus. Литоральная рыбка.

городской пристани. На горѣ появился какой-то человѣкъ и началъ что-то кричать на непонятномъ мнѣ языкѣ, энергично размахивая руками. Хотя рѣчь его и относилась, повидимому, ко мнѣ, такъ какъ никого кругомъ не было, но я ни слова не понялъ и продолжалъ свои наблюденія. Вдругъ, не далеко отъ меня загремѣлъ страш-

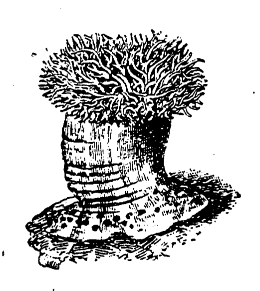

Рис. 33. Актинія.

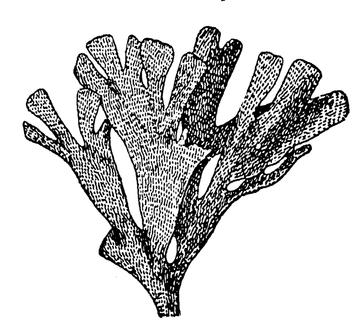

Рис. 34. Мшанки.

ный взрывъ. Градъ камней посыпался въ воду, нѣкоторые изъ нихъ попали въ шлюпку, но къ счастью ни одинъ не задѣлъ меня. Оказывается, здѣсь производились работы по устройству пристани, и рабочій норвежецъ предупреждалъ меня о томъ, что будетъ взрывъ скалы динамитомъ.... Такъ была прервана моя поѣздка. Перепуганный, я схватился за весла и удралъ поскорѣе къ себѣ на пароходъ.

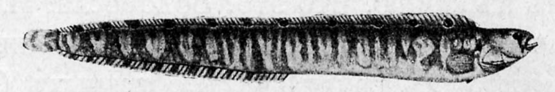

Рис. 32. Pholis gunellus. Литоральная рыбка.

Рис. 33. Актинія.

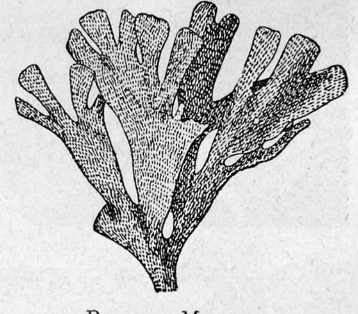

Рис. 34. Мшанки.

ГЛАВА IX.

Въ Териберкѣ.

Цѣлый мѣсяцъ я плавалъ на Андреѣ Первозванномъ. О работахъ, о томъ, что я видѣлъ и перечувствовалъ во время этого плаванія, я разскажу въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь же постараюсь описать свое знакомство съ Мурманскимъ промысломъ.

Въ началѣ іюня Андрей Первозванный зашелъ въ становище Териберку. Здѣсь промышляли наши боты, привезенные изъ Норвегіи. Мнѣ предстояло смѣнить въ Териберкѣ одного изъ товарищей, который до этого времени наблюдалъ за работой ботовъ.

Въ Териберкѣ мы нашли «Помора», работами котораго руководилъ Всеволодъ Феликсовичъ. Я былъ очень радъ встрѣтиться съ нимъ, такъ какъ разсчитывалъ на его помощь при ознакомленіи съ промысломъ и промышленниками.

— Вы долго здѣсь простоите? — спрашивалъ я, пожимая руку Всеволода Феликсовича послѣ долгой разлуки.

— Да дня 3—4 не меньше. На «Поморѣ» необходимо сдѣлать кое-какія починки, а потомъ нужно будетъ запастись наживкой для яруса въ достаточномъ количествѣ. А вы почему такъ этимъ интересуетесь?

— Я хотѣлъ просить васъ ввести меня въ курсъ дѣла. Вѣдь и съ промысломъ, и съ промышленниками я знакомъ только по разсказамъ да по книгамъ. Боюсь, что безъ вашей помощи надѣлаю много глупостей.

— Ну, отлично! Что, что, а промыселъ я теперь знаю хорошо. Позвольте прежде всего познакомить васъ съ Териберкой. Это одно изъ самыхъ крупныхъ становищъ Мурмана. Главный недостатокъ Мурмана, какъ промысловаго берега, заключается въ томъ, что на всемъ его

протяженіи мало удобныхъ и хорошо защищенныхъ стоянокъ для судовъ. На западѣ вы видѣли Мотовскій и Кольскій заливы; тамъ стоянокъ для судовъ сколько угодно, но Мурманскій промыселъ сосредоточенъ главнымъ образомъ въ среднемъ Мурманѣ, гдѣ ничего, напоминающаго фіорды и шхеры, нѣтъ. Берегъ изрѣзанъ очень мало. Только небольшія, открытыя на сѣверъ губы, въ которыя впадаютъ рѣки Кольскаго полуострова, могутъ дать пристанище судамъ въ непогоду. Около такихъ губъ и расположены промысловыя становища и колоніи. Вотъ предъ вами Териберская губа. Это, какъ вы видите, цѣлый заливъ! Онъ въ общемъ тоже ничѣмъ не защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, но здѣсь есть цѣлый рядъ небольшихъ губъ, закрытыхъ довольно хорошо. Вотъ эта губа, въ которой стоитъ теперь «Поморъ», и на берегу которой находимся мы съ вами, называется Лодейной. Но становище расположено не здѣсь. Видите тамъ песчаную отмель, на ней домики, а немного слѣва маленькая церковь—это и есть становище. Тамъ впадаетъ рѣка, и рыбачьи суда стоятъ въ устьѣ ея (рис. 35).

— Да, но вѣдь устье тоже не защищено съ сѣвера!— замѣтилъ я.

— Нѣтъ защищено, но только подводнымъ барьеромъ, котораго вы теперь не видите. На нѣкоторомъ разстояніи отъ устья изъ песка и камней, выносимыхъ рѣкою, образовался баръ, отмель, или, какъ называютъ его поморы, «егра». Въ бурю здѣсь и разбиваются волны. Въ тихую погоду черезъ егру рыбачьи суда проходятъ совершенно свободно, но при штормѣ здѣсь вздымаются такія волны, что пробраться можно въ устье только черезъ узкія ворота, которыя прорываются въ барѣ вешними водами. Конечно попасть въ нихъ удается не всегда, и каждый годъ здѣсь бываютъ несчастья. Ну, идемте теперь въ ваше будущее жилище...

— А что это здѣсь за строенія?

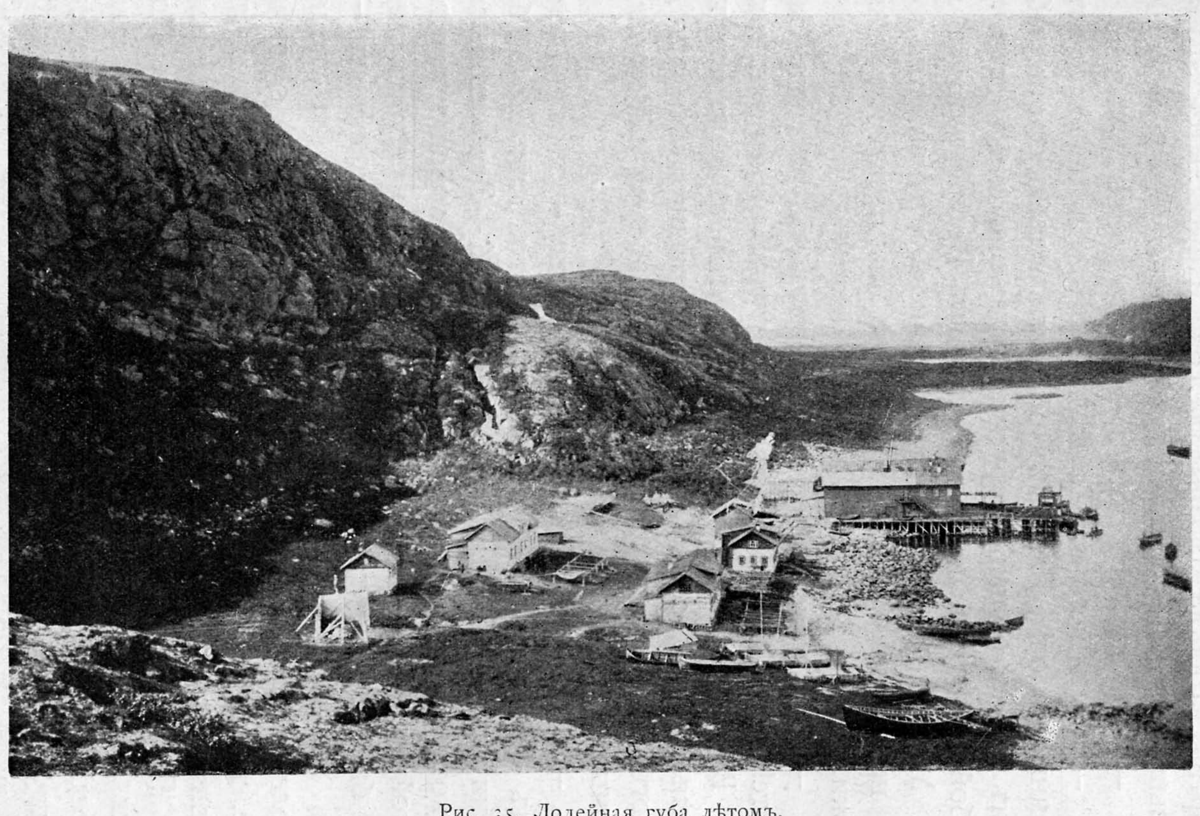

Рис. 35. Лодейная губа лѣтомъ.

— Это факторія одного рыбопромышленника и скупщика рыбы. Вотъ тамъ его пристань. Здѣсь же и его квартира, а также амбары для соли и рыбы; вотъ, эти небольшіе домики—казармы для рабочихъ.

— Что же, онъ самъ занимается промысломъ?

— Да, у него есть суда, на которыхъ промышляютъ наемные рабочіе. Главнымъ образомъ онъ скупаетъ рыбу. Вонъ стоятъ большія парусныя суда; они теперь грузятся рыбой, а потомъ пойдутъ съ нею въ Петербургъ.

Мы пошли по берегу, усѣянному крупной галькой, къ небольшому домику. По пути мы проходили мимо лавки.

— Эта лавка тоже принадлежитъ къ факторіи. Зайдемте! Здѣсь вы найдете все, что нужно промышленнику.

Въ небольшой лавочкѣ дѣйствительно было все, начиная отъ чая, сахара, конфектъ и пряниковъ вплоть до сапоговъ и готоваго платья. Но главный товаръ составляла промысловая снасть.

— Обратите вниманіе на эту веревку,—сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ, показывая мнѣ мотокъ англійской бичевки толщиною миллиметровъ въ 5—6.—Это «стоянка», съ которой вы скоро познакомитесь очень хорошо; каждый такой мотокъ содержитъ въ себѣ около 50 маховыхъ саженей бичевки. А вотъ это тоже вамъ необходимо знать!—И онъ показалъ мнѣ другой мотокъ бичевки толщиною около 2 миллиметровъ.—Она употребляется на форшни, т.-е. тѣ маленькія веревочки, къ которымъ прикрѣпляются крючки яруса. Скоро все это вы будете знать не хуже меня.

Въ нѣсколькихъ шагахъ былъ и «мой домъ». Комната, въ которой мнѣ предстояло жить, была вполнѣ хороша; въ ней было 2 кровати, одинъ столъ для работы и другой большой — обѣденный, нѣсколько стульевъ... Но лучше всего былъ видъ изъ оконъ! Вся Териберская губа была какъ на ладони. На переднемъ планѣ—корабли факториста, «Поморъ», наши боты и другія суда, стоявшія

въ Лодейной губѣ, а затѣмъ—широкая, широкая сверкающая на солнцѣ гладь залива, ограниченная невысокими скалами восточнаго берега. Кое-гдѣ бѣлѣли паруса, и виднѣлись стильные силуэты норвежскихъ норляндботовъ.... Все это было такъ красочно и такъ не похоже на крайній сѣверъ!

— А кто же меня здѣсь кормить будетъ?—интересовался я.

— Не безпокойтесь. Здѣсь все налажено. Вотъ я васъ сейчасъ познакомлю съ фру Ингеборъ. Это жена одного норвежца колониста. Она вамъ и обѣдъ приготовитъ и самоваръ поставитъ.

— Какъ самоваръ?—удивился я.

— А мы и объ этомъ позаботились. Когда завоетъ штормъ, да если еще васъ на промыслѣ вымочитъ, какъ слѣдуетъ, тогда вы съ наслажденіемъ будете сидѣть здѣсь за самоварчикомъ съ книгой въ рукѣ. Это не хуже, чѣмъ гдѣ-либо на дачѣ. Вотъ только ночи нѣтъ! Меня страшно раздражаетъ это незаходящее солнце и этотъ непрерывный день. Фру Ингеборъ!—крикнулъ Всеволодъ Феликсовичъ, открывъ дверь.

Къ намъ вошла низенькая, толстенькая, очень опрятная старушка съ краснымъ, какъ піонъ лицомъ. Всеволодъ Феликсовичъ началъ объяснять ей, что я буду теперь жить здѣсь, и что мнѣ нуженъ будетъ обѣдъ, ужинъ и т. п. Но что это былъ за разговоръ!? Мы не говорили по норвежски, а фру Ингеборъ знала только этотъ языкъ. Не знаю, много ли она поняла изъ того, что говорилъ мой товарищъ, хотя онъ и пустилъ въ ходъ всѣ свои познанія: въ его рѣчи были и русскія, и нѣмецкія, и норвежскія слова и все это дополнялось самой выразительной мимикой. Я не рѣшался говорить, а, изображая изъ себя глухонѣмого, старался дополнить и сдѣлать болѣе понятной рѣчь Всеволода Феликсовича жестикуляціей. Фру Ингеборъ въ свою очередь не отставала отъ насъ: она намъ что-то

говорила, но мы рѣшительно не поняли ничего, кромѣ слова «самоваръ». Въ результатѣ мы, улыбаясь, кивали другъ другу головой въ знакъ того, что все-молъ понятно. И, дѣйствительно, намъ показало будущее, что мы столковались довольно хорошо: я не голодалъ и въ свое время получалъ самоваръ.

— Главное сдѣлано, — сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ.—Теперь, я думаю, вы не откажетесь пройтись пѣшкомъ до Териберки, а впрочемъ, если хотите, можемъ отправиться туда на шлюпкѣ.

Я предпочелъ пройтись. Послѣ жизни на пароходѣ мнѣ, сухопутному человѣку, такъ пріятно было размяться и почувствовать подъ ногами твердую почву.

Весна вступала въ свои права. Хотя снѣгу было еще довольно много, но на проталинкахъ вездѣ уже зазеленѣла жалкая сѣверная растительность. Меня поразило, что многія растенія уже цвѣли. Въ этомъ сказывалось приспособленіе ихъ къ суровому климату сѣвера: имъ необходимо было возможно скорѣе зацвѣсти, чтобъ успѣть въ теченіе короткаго полярнаго лѣта дать плоды. У всѣхъ этихъ растеній я нашелъ подземный стебель; благодаря ему они не погибаютъ на зиму, и въ немъ же сохраняются запасы тѣхъ питательныхъ веществъ, которыя позволяютъ этимъ растеніямъ такъ рано весной пустить стебель и дать цвѣты.

Мы шли по берегу залива. Высокой гранитной почти отвѣсной скалой поднимался онъ изъ синѣвшаго внизу моря.

— Мнѣ бы хотѣлось,—обратился я къ Всеволоду Феликсовичу — познакомиться съ промысломъ во всѣхъ его деталяхъ, начиная отъ лова наживки вплоть до засолки рыбы.

— Отлично!—сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ.—Мнѣ все равно придется нѣсколько дней провести въ Териберкѣ. Я присмотрю за ботами, а васъ познакомлю съ однимъ очень толковымъ поморомъ, съ которымъ вы и отправи-

тесь на промыселъ. Увидите, что такое шняка, и тогда поймете, какъ судно можетъ влiять на развитiе промысла.

— Это именно то, къ чему я стремлюсь. Скажите, пожалуйста, почему это здѣсь вездѣ такъ раздѣляютъ колонистовъ и поморовъ?

— Въ настоящее время стремятся колонизовать Мурманъ. Конечно, жизнь здѣсь тяжела. Вотъ намъ теперь надоѣдаетъ непрерывный полярный день, но во сколько разъ тяжелѣе такая же непрерывная полярная ночь! Отсутствiе свѣта и недостатокъ свѣжихъ продуктовъ ведутъ къ тому, что чуть не поголовно вся колонiя лежитъ въ цынгѣ. Путей сообщенiя никакихъ, такъ какъ пароходство съ осени прекращается, а на шлюпкѣ далеко не уѣдешь: здѣсь зимою очень часты штормы и штормы ужасные. Какъ видите, условiя жизни далеко не блестящiя. Чтобы привлечь колонистовъ, въ послѣднее время имъ выдается значительная денежная сумма на первое обзаведенiе, и предоставляется рядъ другихъ льготъ. Но сплошь и рядомъ эта мѣра имѣетъ и другiе стороны: привлеченные подачкой, на Мурманъ часто идутъ люди, которымъ нечего больше терять въ жизни; часто это люди, непривыкшiе къ морю и не любящiе его. Ну, какiе же это промышленники? И вы прислушайтесь, въ устахъ помора названiе колониста звучитъ довольно-таки презрительно. Совершенно иной элементъ представляютъ собою колонисты шведы, норвежцы, финляндцы... Вы были на Кильдинѣ у Эриксона?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ, когда побываете, тогда увидите, что такое настоящiй житель крайняго сѣвера! Поморы въ большинствѣ для Мурмана—элементъ пришлый. Это—жители Архангельской, отчасти Вологодской и другихъ губернiй, которые являются сюда только на лѣто исключительно ради промысла. Они — прирожденные моряки. Это вѣдь потомки тѣхъ отважныхъ мореплавателей, которые на

утлыхъ суденышкахъ ходили на Медвѣжій островъ, Новую Землю и Шпицбергенъ.

Мы не замѣтили, какъ начался спускъ. Вскорѣ мы были на лѣвомъ берегу довольно широкой рѣки. Вездѣ стояли рыбачьи суда. Среди массы тяжелыхъ шнякъ сразу бросались въ глаза стильныя легкія «елы» типа норвежскаго норландбота. На противоположномъ берегу раскинулась Териберка. Всеволодъ Феликсовичъ крикнулъ; намъ дали «карбасъ», небольшую шлюпку, и скоро мы были на другомъ берегу рѣки, покрытомъ чистымъ бѣлымъ пескомъ.

Мнѣ казалось, что я попалъ въ обыкновенную русскую деревню; не было только въ ней того уюта и опрятности, которые такъ характерны для поселеній, напримѣръ, Новгородской губерніи. Вдоль улицы довольно часто попадались большія избы съ 2—3 окнами по фасаду съ расписными ставнями по бокамъ. Возлѣ такихъ домиковъ иногда былъ и заборчикъ, окружающій небольшой дворъ. Все это были дома колонистовъ. Рядомъ съ ними попадались кое-какъ сколоченныя избушки безъ всякаго намека на заборъ или дворъ; это—«станъ», жилище поморовъ, приходящихъ только на лѣтній промыселъ (рис. 36).

— А это что такое?—съ удивленіемъ спросилъ я, увидѣвъ совсѣмъ странную для меня картину: между столбиками натянуты веревки, покрытыя какими-то небольшими сѣрыми предметами... Когда мы подошли, оказалось, что это масса тресковыхъ головъ, развѣшенныхъ для просушки. Онѣ еще не высохли, и въ нихъ копашилась масса «червей»,—личинокъ какихъ-то насѣкомыхъ.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ,— что всю рыбу промышленники сейчасъ же послѣ промысла сдаютъ скупщикамъ, головы вы же, которыя при раздѣлкѣ отрѣзываются, оставляютъ себѣ и потомъ сушатъ. Несмотря на такой неаппетитный видъ, ихъ зимою ѣдятъ, а колонисты ими же часто кормятъ овецъ (рис. 37).

Вездѣ висѣли на кольяхъ и просушивались невода;

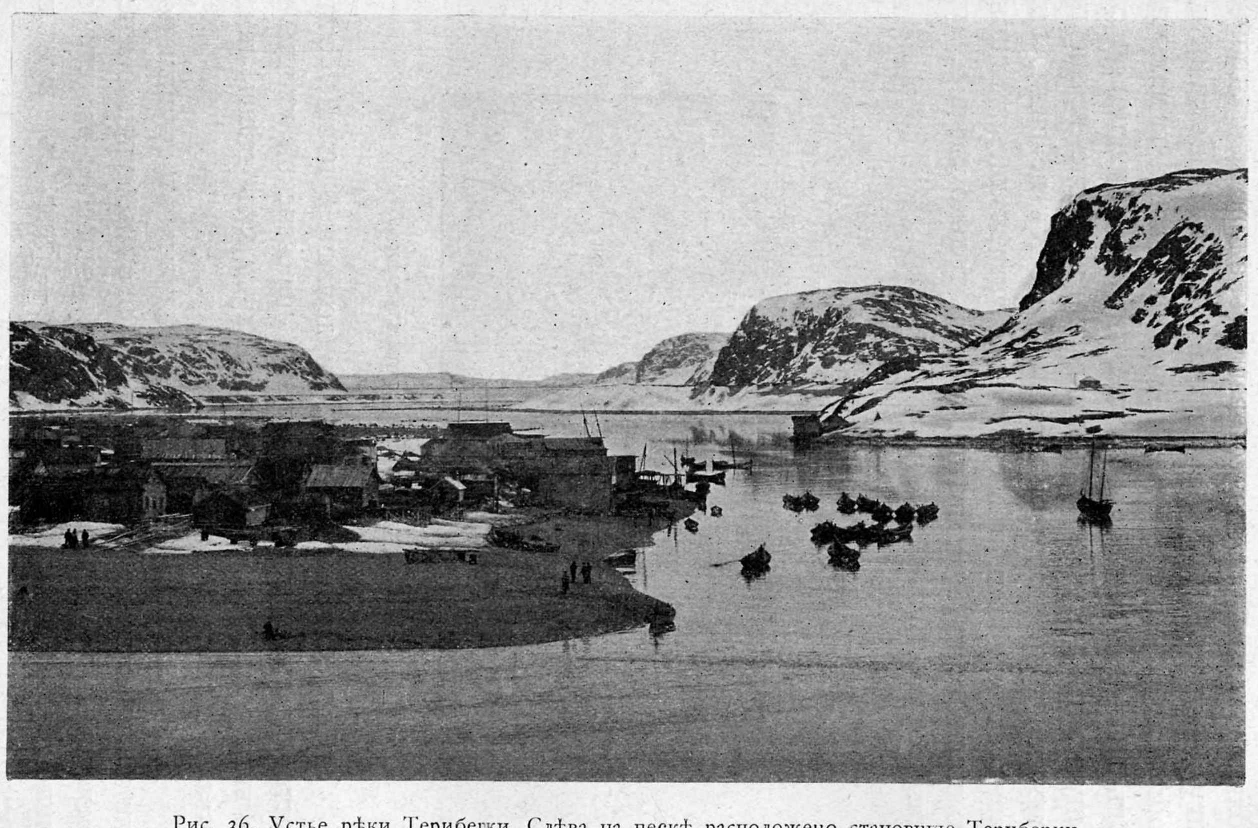

Рис. 36. Устье рѣки Териберки. Слѣва на пескѣ расположено становище Териберки.

возлѣ становъ сидѣли поморы и распутывали яруса. Открытое выраженіе загорѣлаго почти бронзоваго лица, нѣсколько суровый, но прямой взглядъ, здоровая и стройная фигура — вотъ типичныя черты поморовъ. Были между ними и довольно пожилые, и молодые люди, и мальчики лѣтъ 10 — 12, такъ называемые «зуйки»; они помогаютъ распутывать снасть, варятъ пищу и въ то же время пріучаются къ промысловой жизни. Совсѣмъ не видно было стариковъ и дѣтей, и очень рѣдко встрѣчались женщины; это понятно: на Мурманъ пріѣзжаетъ только крѣпкое мужское населеніе, если не считать зуйковъ.

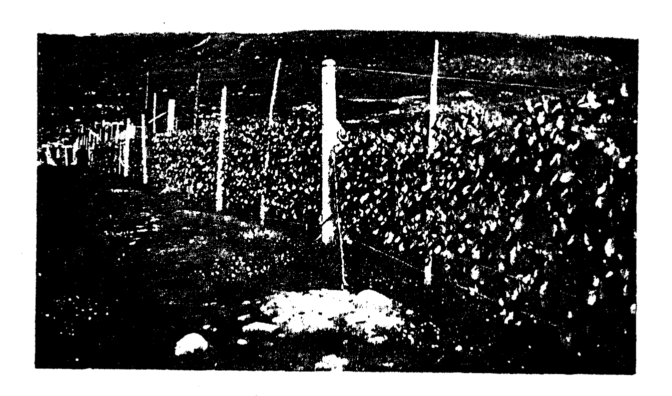

Рис. 37. Сушка тресковыхъ головъ.

Ни поросятъ, ни телятъ; ни домашней птицы, этихъ постоянныхъ обитателей русской деревенской улицы, мы не видѣли. Только нѣсколько исхудалыхъ овецъ пощипывали едва пробивающуюся травку.

Для промысла поморы соединяются въ группы по 3 или по 4 человѣка. Старшимъ въ этой небольшой артели является «корщикъ», послѣдній обыкновенно является хозяиномъ судна и снасти. Часто это—отецъ съ двумя или тремя сыновьями.

— Вотъ я васъ сейчасъ познакомлю съ однимъ очень

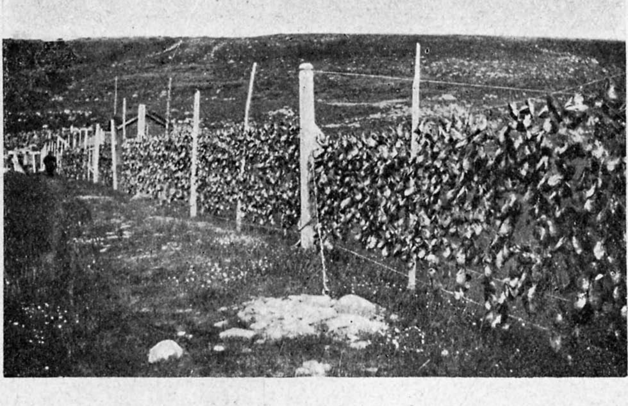

Рис. 37. Сушка тресковыхъ головъ.

толковымъ корщикомъ; съ нимъ вы и поѣдете на промыселъ,—говорилъ Всеволодъ Феликсовичъ, подходя къ довольно большой избѣ-«стану».

Около сидѣли 2 молодыхъ помора и распутывали ярусъ.

— Здравствуй, Андрей! Отецъ дома?

— Здравствуйте, Всеволодъ Феликсовичъ! Дома. Зайдите въ избу.

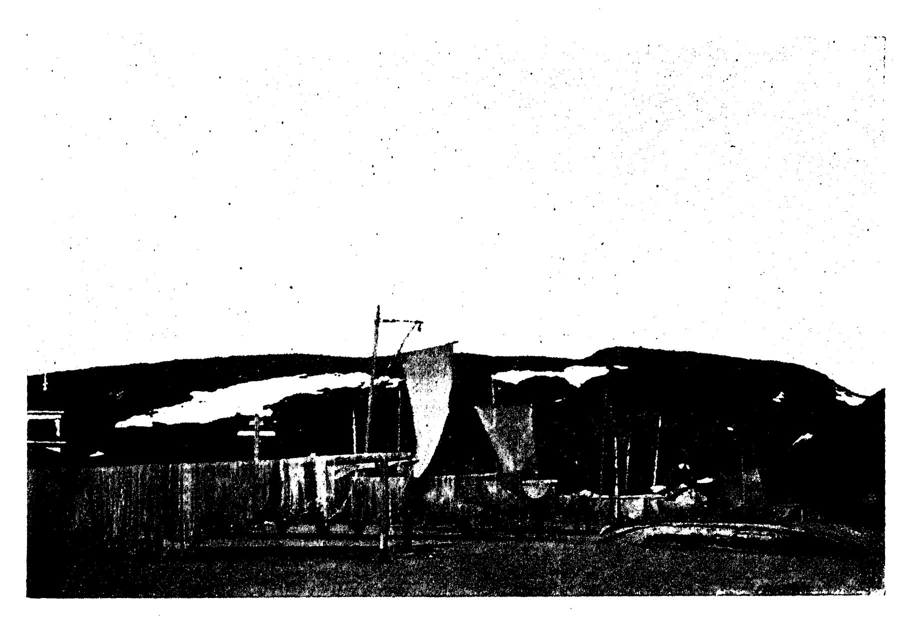

Рис. 38. Невода просушиваются послѣ лова.

Мы зашли. Изба, какъ изба. Въ переднемъ углу — икона, и подъ ней—столъ; у стѣнъ—нары съ наваленыымъ на нихъ платьемъ и постелью; справа отъ входа—небольшая печь; прямо противъ двери—3 небольшихъ окна.

При нашемъ входѣ съ наръ поднялся высокій человѣкъ съ небольшой русой бородой по виду лѣтъ 45.

— Здравствуйте, Григорій! Вотъ мы къ вамъ въ гости пришли. Это мой товарищъ Константинъ Павловичъ.

— Здравствуйте! Милости просимъ, садитесь пожалуйста!

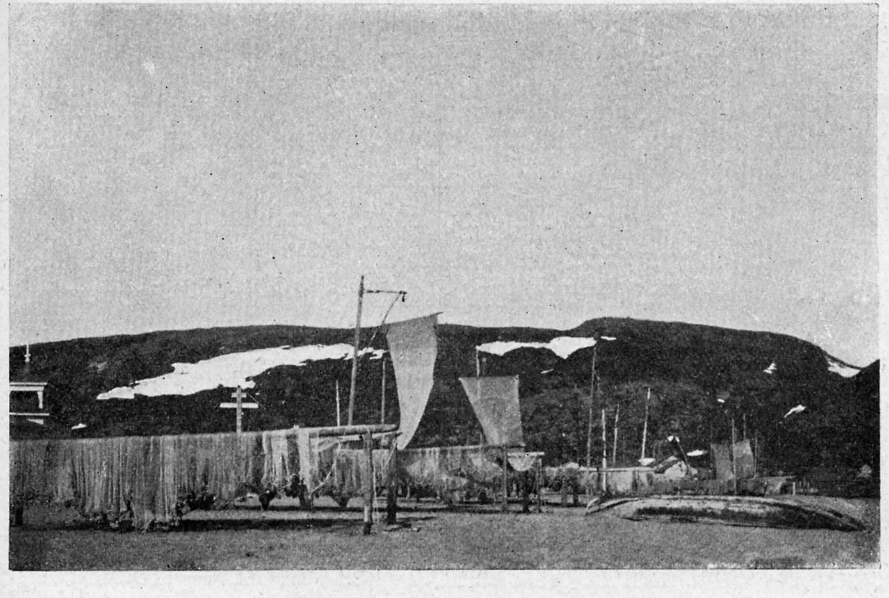

Рис. 38. Невода просушиваются послѣ лова.

— У насъ къ вамъ дѣло! Вотъ Константинъ Павловичъ хочетъ у васъ промыслу обучиться. Не возьмете ли вы его съ собой въ море?

— Ну, чему ужъ вамъ у насъ учиться? А если ужъ охота такая, что-жъ, милости просимъ, поѣдемте!

— Только вотъ что, Григорій, вы ужъ, пожалуйста, покажите Константину Павловичу все: какъ и наживку ловятъ, какъ и ярусъ наживляютъ, словомъ — всю вашу поморскую науку.

— И это можно! Вотъ какъ поѣдемъ съ ребятами на «песокъ», такъ вы къ намъ и пожалуйте. А за показъ мы вамъ работу зададимъ, съ ребятами неводъ тянуть.— И Григорій добродушно засмѣялся (рис. 38).

— Я съ удовольствіемъ, только сумѣю ли?

— Ну, мудрость небольшая!

— А когда же поѣдете наживку ловить?—спросилъ я.

— Да къ вечеру, въ «тихую воду».

Я хоть и не понялъ, что это значитъ «тихая вода», но не спросилъ изъ боязни обнаружить свою полную «необразованность».

Мы распростились, Григорій пошелъ насъ проводить.

— Вотъ вамъ первая наука, Константинъ Павловичъ— сказалъ онъ, когда мы вышли изъ избы. — Посмотрите, какъ ребята ярусъ глушатъ.

— Да Константинъ Павловичъ, и яруса настоящаго не видѣлъ,—замѣтилъ Всеволодъ Феликсовичъ

— Ну, вотъ и ярусъ посмотрите!—сказалъ Григорій.

— Единицей яруса, — обратился ко мнѣ Всеволодъ Феликсовичъ—является «тюкъ». Это три связанныя вмѣстѣ стоянки, на которыя я уже указывалъ вамъ въ лавкѣ. Къ стоянкѣ на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга привязываются форшни, тоненькія веревочки около 1/2 метра длиною. Къ концу форшней прикрѣпляются крючки. Вся эта снасть опускается на дно, такъ что получается нѣчто въ родѣ нашего перемета. Такъ какъ въ каждой стоянкѣ около

50 маховыхъ саженей, то на каждый тюкъ приходится около 150 крючковъ. Вотъ они пріѣхали съ промысла, ярусъ нужно распутать и привести въ такой видъ, чтобы онъ не путался и не затруднялъ работы при наживленіи.

Андрей и его товарищъ брали крючки яруса, такого же вида, какъ обыкновенные крючки для уженья, но только очень крупные, сантиметровъ 6—7 длиною, и какимъ-то особымъ узломъ привязывали ихъ остріе къ ихъ же форшнямъ. Я попытался сдѣлать это, но мнѣ не удалось. Всеволодъ Феликсовичъ «заглушилъ» одинъ крючокъ и показалъ мнѣ особенность этого узла: стоило, держа крючекъ въ рукѣ, дернуть за форшень, и узла какъ не бывало, крючекъ свободенъ, и его можно наживлять. Я былъ страшно радъ, когда и мнѣ послѣ ряда неудачныхъ попытокъ все же удалось завязать такой же узелъ.

— Что это говорилъ Григорій,—спросилъ я Всеволода Феликсовича, когда мы отошли отъ его избы,—«поѣдемъ на песокъ» и «въ тихую воду»? Я не понялъ этихъ выраженій.

— Наживку ловятъ вонъ тамъ на песчаномъ наносѣ рѣки. «Ѣхать на песокъ» стало техническимъ терминомъ, это значитъ ѣхать ловить наживку. «Тихая вода» — это моментъ между приливомъ и отливомъ, когда вода, дѣйствительно, находится въ спокойномъ состояніи. Въ это именно время и песчанка и мойва, которыя составляютъ самую обычную наживку, подходятъ и держатся у берега.

Насъ поджидала шлюпка съ «Помора». Скоро мы были въ моей комнатѣ, и фру Ингеборъ давала намъ обѣдъ. На первое—тресковая уха съ «воюксой», т.-е. печенью палтуса, на второе — какое-то довольно вкусное блюдо, состоящее изъ варенаго картофеля съ кусочками вареной трески. Сладкое блюдо у насъ была свое въ видѣ сухихъ фруктовъ для компота.

Я здѣсь съ удовольствіемъ ѣлъ треску; это очень вкусная нѣжная рыба, напоминающая нѣсколько судака. Между тѣмъ въ Петербургѣ, когда, бывало, хозяйка на-

шей студенческой квартиры готовила себѣ треску, то уже на лѣстницѣ стоялъ невозможный запахъ отъ этого блюда... Такая разница между свѣжей и соленой треской объясняется небрежностью русскаго засола. Въ Норвегіи мнѣ приходилось ѣсть и соленую, и сушеную треску, и никакого непріятнаго запаха я не замѣчалъ.

Послѣ обѣда мы писали письма. Въ промежуткахъ Всеволодъ Феликсовичъ разсказывалъ мнѣ о своихъ работахъ на «Поморѣ», а я дѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями отъ плаванія на «Андреѣ Первозванномъ».

ГЛАВА X.

Ловъ наживки.

Я такъ увлекся письмами, что и не замѣтилъ, какъ пришло время ѣхать на песокъ. Уже 2 раза приходилъ ко мнѣ матросъ съ «Помора» сказать, что шлюпка готова, но я никакъ не могъ оторваться отъ письма: мнѣ казалось, что еще нѣсколько словъ, и оно будетъ кончено, но впечатлѣній было такъ много, испытанныя мною переживанія были такъ новы и интересны, что письмо мое росло и росло... А закончить его было необходимо, такъ какъ сегодня ночью придетъ почтовый пароходъ.

Часовъ около 10 вечера попалъ я на «песокъ»; ловъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Я сначала растерялся и никакъ не могъ понять, что предо мной дѣлается. Собираясь на ловъ, я совершенно упустилъ изъ вида, что ловить наживку будетъ не одинъ Григорій, поэтому меня поразила масса людей, тянущихъ не менѣе десяти неводовъ. Я съ трудомъ отыскалъ Андрея. Онъ рядомъ съ другими незнакомыми мнѣ поморами, перекинувъ стоянку черезъ плечо и зажавъ ее въ рукѣ, медленно, шагъ за шагомъ, двигался по направленію отъ моря; дойдя до извѣст-

наго мѣста, онъ бросалъ стоянку и бѣжалъ къ водѣ; быстро хваталъ веревку и опять тянулъ, какъ и прежде. Я сталъ рядомъ съ нимъ и старался дѣлать все такъ же, какъ и онъ. Нашу веревку, кромѣ насъ съ Андреемъ, тянуло еще 4 человѣка. Это было одно крыло нашего невода, но гдѣ было другое, я не могъ различить, такъ какъ рядомъ съ нами тянули веревку несомнѣнно отъ другого невода (рис. 39).

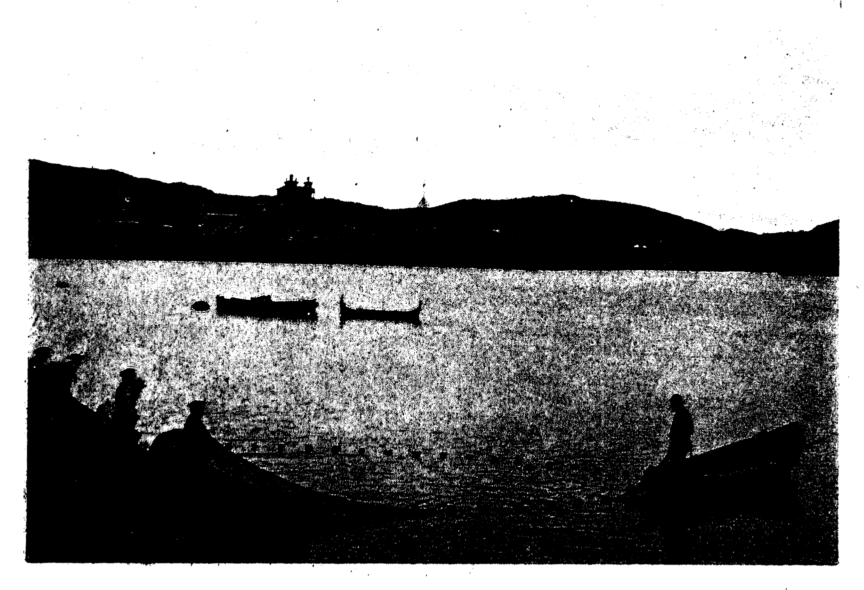

Рис. 39. Ловъ неводомъ въ Екатерининской гавани.

Въ морѣ передъ пескомъ плавали поплавки неводовъ, и возлѣ нихъ на карбасахъ стояли корщики и слѣдили, чтобы неводъ шелъ правильно. Крича во все горло и поднимая то правую, то лѣвую руку, они командовали, давая знать тянущимъ, какое крыло нужно тянуть быстрѣе. Я совершенно не понималъ, какой изъ этихъ криковъ относился къ намъ, и только старался не отставать отъ шагавшаго впереди меня Андрея.

Вскорѣ я замѣтилъ, что всѣ, тянувшіе наше крыло начали забирать влѣво; я сдѣлалъ то же самое и сейчасъ

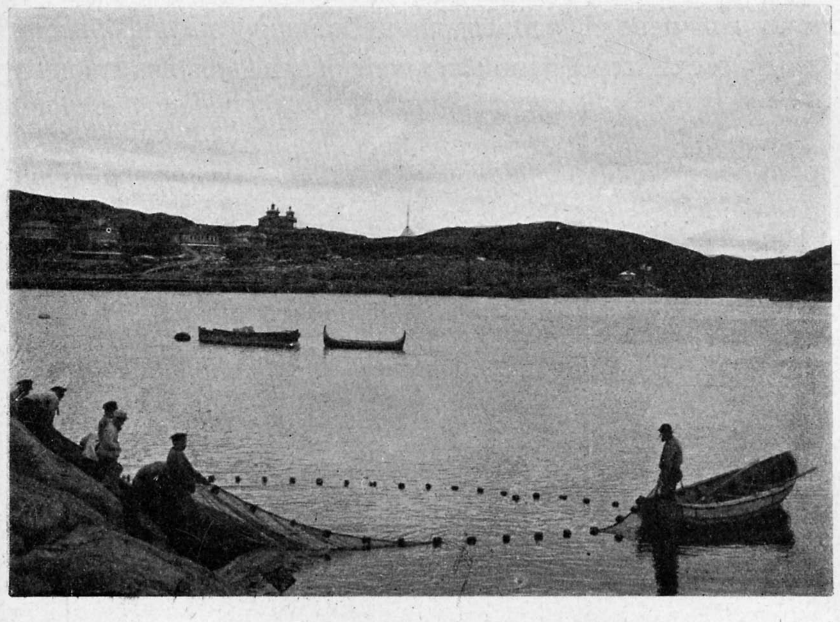

Рис. 39. Ловъ неводомъ въ Екатерининской гавани.

же увидѣлъ, что къ намъ навстрѣчу приближается такой же рядъ тянущихъ стоянку. Только теперь я понялъ, что это другое крыло нашего невода. Мы сходились все ближе и ближе. Когда изъ воды показались крылья невода, Григорій былъ уже на берегу. Подтянувъ свои высокіе сапоги, онъ бросился въ воду и началъ вытягивать нижнюю подбору невода, чтобы пойманная рыба не ушла. Я бросилъ стоянку и началъ слѣдить, что будетъ дальше. Скоро въ неводѣ запрыгали небольшія рыбки, блестя на солнцѣ своей серебряной чешуей. Когда неводъ подтянули

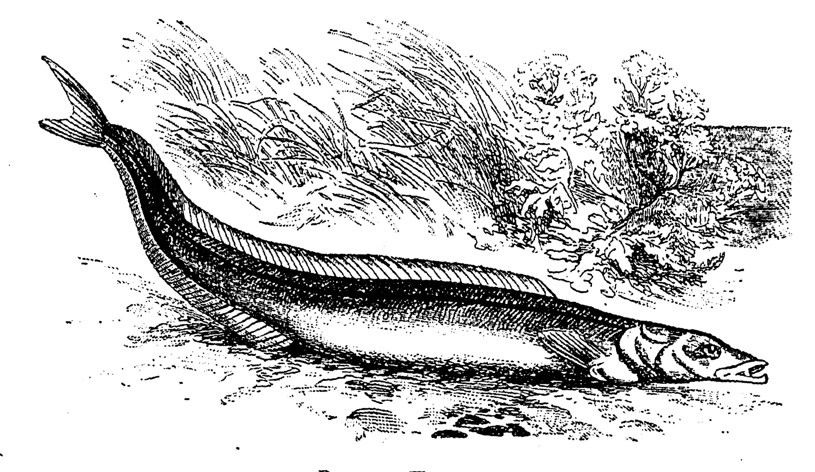

Рис. 40. Песчанка.

и развязали его мотню, въ подставленную корзину, какъ ртуть, хлынула серебряная струя пойманныхъ рыбокъ. Это была мойва.

Пока забрасывали неводъ во второй разъ, я началъ разсматривать пойманную наживку. Отъ корзины шелъ острый и характерный для мойвы запахъ, напоминающій запахъ огурцовъ. И этимъ запахомъ, и общимъ своимъ видомъ мойва очень напоминаетъ нашу корюшку. Мойва лучшая наживка для трескового лова. Весною она громадными стаями подходитъ изъ глубинъ океана къ устьямъ рѣкъ и здѣсь мечетъ икру.

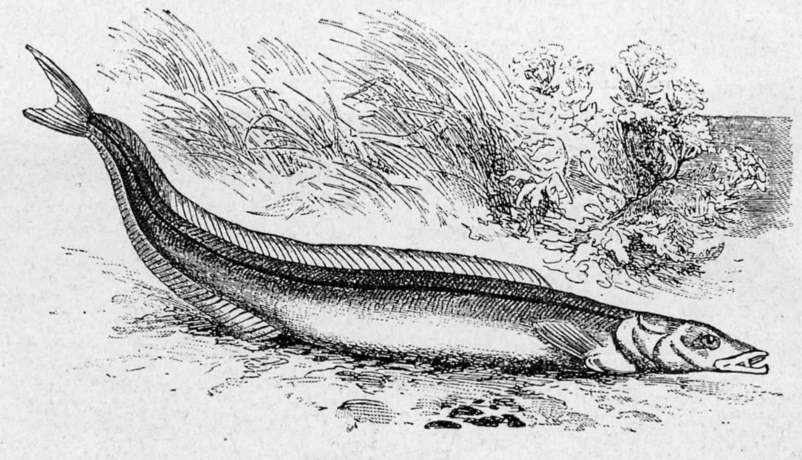

Рис. 40. Песчанка.

Среди мойвы я нашелъ нѣсколько другихъ рыбокъ, песчанокъ. Это тоже самая обычная здѣсь рыбка, служажая, какъ и мойва, для наживленія яруса (рис. 40).

Во второй заметъ невода мойвы поймали нѣсколько меньше, но все же корзина была почти полной. Между прочимъ въ неводъ попалась крупная рыба «пинагоръ» или «прилипало». Ея не ѣдятъ, и потому промышленники хотѣли выбросить ее въ море, но я взялъ ее, чтобы на досугѣ хорошенько разсмотрѣть. На брюшной сторонѣ около головы у него былъ большой присосокъ, которымъ онъ прикрѣпляется, «прилипаетъ» къ подводнымъ скаламъ (рис. 41).

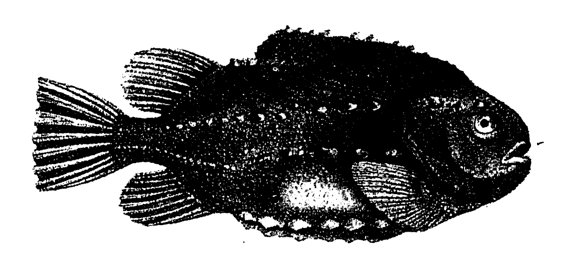

Рис. 41. Пинагоръ.

Корзину съ наловленной мойвой тѣснымъ кольцомъ окружили ловцы. Принесли еще корзины и ведра и начали распредѣлять уловъ.

— Зачѣмъ это пересыпаютъ мойву? — спросилъ я Андрея.

— А мы вѣдь ловили не одни, вотъ ее теперь и дѣлятъ... У отца есть неводъ; когда мы ловимъ наживку, къ намъ присоединяются другіе промышленники, у которыхъ невода нѣтъ. За свою помощь они получаютъ часть улова.

Нагруженные добычей, неводомъ и стоянками, отправились мы къ стану. Скоро Григорій съ сыновьями, Андреемъ и Сенькой, сидѣли и наживляли ярусъ. Дернувъ за форшень, они освобождали крючекъ и особымъ образомъ насаживали на него рыбку. Я тоже присѣлъ къ

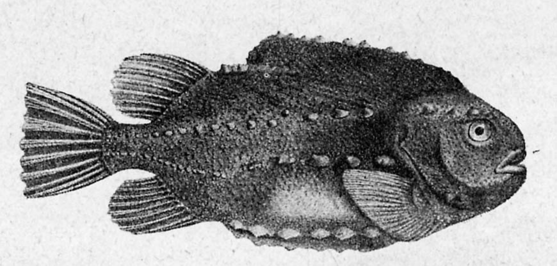

Рис. 41. Пинагоръ.

нимъ и скоро уловилъ способъ насадки мойвы на крючекъ, но дѣлалъ это такъ медленно, что только задерживалъ ихъ работу.

Наживленную часть яруса укладывали въ большой ящикъ, при чемъ всѣ крючки съ наживкой оказывались въ одномъ углу ящика.

— Смотрите же, Константинъ Павловичъ,—говорилъ мнѣ Григорій, когда я собрался уходить,—не опаздывайте! Завтра въ «полную воду» уходимъ въ море!

Рис. 42. Полуночное солнце.

Я уже зналъ, что «въ полную воду» значитъ въ моментъ полнаго прилива.

Шлюпки не было, и потому я, переправившись на карбасѣ черезъ рѣку, пошелъ домой пѣшкомъ. Поднимаясь на высокую прибрежную скалу, я скоро былъ на ея вершинѣ и здѣсь остановился, пораженный открывшейся предо мной картиной. Далеко на сѣверъ тянулся безпре-

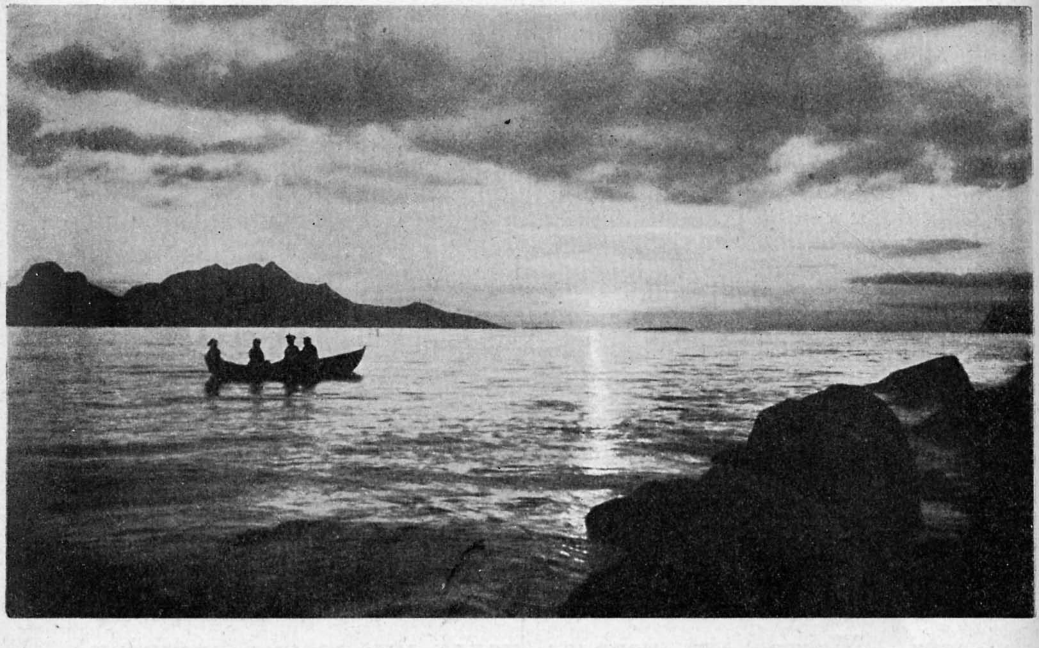

Рис. 42. Полуночное солнце.

дѣльный океанъ. Надъ горизонтомъ стояло солнце, окруженное легкими розоватыми и оранжевыми облаками. Золотой полосой тянулось его отраженіе черезъ всю видимую водную гладь, а по бокамъ этой полосы легкая зыбь сверкала миріадами золотисто-розовыхъ искръ. Ближайшія скалы, какъ опрокинутыя, стояли въ водѣ, и, еслибы не узкая линія пѣны прибоя, то невозможно было бы уловить границу между скалой и ея отраженіемъ. Кругомъ миръ и тишина... Все спитъ. Да развѣ это суровый, непривлядный сѣверъ?! (рис. 42).

Я взглянулъ на часы; было 10 минутъ перваго.

Такъ вотъ оно, полуночное солнце, о которомъ я такъ мечталъ! Вотъ то явленіе, которое не могъ представить себѣ мой дѣтскій умъ, когда я въ школѣ читалъ и слышалъ о немъ! Да, несомнѣнная полночь... Мои далекіе друзья, если только они не спятъ, любуются теперь темнымъ усѣяннымъ звѣздами ночнымъ небомъ, а меня здѣсь освѣщаетъ солнце! Какъ дивенъ міръ, какъ разнообразна природа!

ГЛАВА XI.

На шнякѣ.

Къ концу прилива я былъ уже у Териберки и попалъ какъ-разъ во-время. Григорій съ сыновьями снаряжали шняку. Это большая безпалубная лодка, сдѣланная изъ толстыхъ крѣпкихъ досокъ. Кажется, никакой штормъ, никакой прибой не могъ бы разбить это массивное судно. И поморы цѣнятъ свою шняку за ея прочность.

По срединѣ вставляется невысокая мачта, на которую при попутномъ вѣтрѣ поднимаютъ на реѣ небольшой парусъ. Такъ какъ вѣтра почти не было, то и мачта и свернутый парусъ лежали на днѣ шняки.

Погрузивъ снасть, мои спутники повернулись къ востоку и, снявъ свои теплыя шапки, начали креститься, шепотомъ произнося молитву... О чемъ они молились? О хорошемъ уловѣ или о томъ, чтобы море не поглотило ихъ вмѣстѣ съ ихъ судномъ? Думали-ли они въ это время о томъ, что при всякомъ выходѣ въ море они рискуютъ жизнью...

Скоро мы плыли по заливу. Андрей сидѣлъ спиной къ носу шняки и гребъ, какъ обыкновенно, а Григорій, стоя у кормы и спиной къ ней, гребъ, толкая весла отъ себя; онъ такимъ образомъ не только управлялъ, но и помогалъ гребцу. Мы медленно подвигались впередъ. Трудно представить себѣ, сколько нужно гребцовъ, чтобы разогнать тяжелую шняку! Когда мы вышли за «егру», съ востока потянуло вѣтеркомъ, но для насъ онъ былъ слишкомъ тихъ. Скоро насъ обогнали двѣ легкія красивыя ёлы, довольно быстро шедшія подъ парусами (рис. 43).

— Почему, Григорій,—спросилъ я,—вы промышляете на шнякѣ? Вѣдь вотъ смотрите, какъ легко идутъ ёлы! И люди не устанутъ, и на промыселъ они придутъ раньше нашего!

— Это вѣрно! Выгода есть и большая, да жидка больно ёла! Много возлѣ нея уходу нужно! Вотъ онъ на ёлѣ противъ меня выгадаетъ, но зато ёла его износится куда раньше шняки, и вся выгода уйдетъ на новое судно. Да и не привыкли мы къ ней. И дѣдъ мой, и отецъ, и прадѣдъ,—всѣ на шнякѣ промышляли, такъ ужъ, видно, и мнѣ мѣнять ее не пристало.

— Ну, а въ штормъ, — не унимался я, — вѣдь если вѣтеръ съ берега, такъ на шнякѣ совсѣмъ плохо!

— Отъ смерти ни на чемъ не уйдешь, Константинъ Павловичъ! Придетъ смерть, такъ и на ёлѣ, и на шнякѣ и на пароходѣ помрешь. Вонъ, въ третьемъ году... штормъ сильный былъ; пришелъ пароходъ, остановился въ корабельной бухтѣ. Ну, гдѣ ужъ тутъ выгружать что, когда его чуть якорь

Рис. 43. Шняка подъ парусомъ.

держитъ? Да былъ на немъ какой-то родственникъ капитана, тоже, сказывали, капитанъ, и нужно ему было въ Териберку къ купцу одному. «Спускай», говоритъ онъ капитану, «шлюпку»—и больше ничего! Тотъ его уговаривалъ, уговаривалъ, ничего не помогло. «Трусъ ты», говоритъ, «а еще капитанъ! У тебя», говоритъ, «шлюпки нетонущія, а ты боишься! Если людей не дашь, такъ я», говоритъ, «самъ выберусь и посмѣюсь надъ тобой!» Ну, того задѣло. Приказалъ онъ спустить шлюпку, далъ ему двухъ матросовъ, поплыли они. До егры все шло хорошо: хотя «взводни» и большія, да шлюпка легкая, хорошая, какъ пробка на нихъ взлетала; но вотъ подошли къ егрѣ... Капитанъ на рулѣ сидѣлъ; ему бы немного вправо взять, и какъ-разъ въ проходъ попали бы. Одинъ изъ матросовъ и указывалъ и говорилъ ему, а онъ свое: «Я», говоритъ, «знаю, что дѣлаю, и ты», говоритъ, «знай свое, греби...» И не управилъ онъ, куда нужно. Какъ хватило ихъ, такъ больше ихъ и не видали... Одинъ матросъ какъ-то спасся: хоть и побитаго, а живымъ выбросило на берегъ... Вотъ, кому, значитъ, вышло помирать, тѣ и потонули, а кому не пришла пора, тотъ и живъ остался!

Я пытался указывать на то, что здѣсь была просто нелѣпость, что, можетъ быть, капитанъ этотъ былъ пьянъ,—ничего не помогло: Григорій стоялъ на своемъ. Необходимость постоянно рисковать своей жизнью выработала у этого человѣка особый взглядъ на опасность, на жизнь и смерть.

Когда мы вышли въ океанъ, вѣтерокъ усилился. Поставили парусъ, и наша шняка быстрѣе пошла впередъ. Мы шли прямо на сѣверъ. Хотя у Григорія былъ небольшой компасъ, но онъ имъ не пользовался: окружающіе берега, на которыхъ ему былъ извѣстенъ каждый камень, дѣлали излишнимъ примѣненіе компаса.

Мы остановились, по словамъ Григорія, верстахъ въ 30 на сѣверъ отъ Териберскаго мыса и измѣрили глубину.

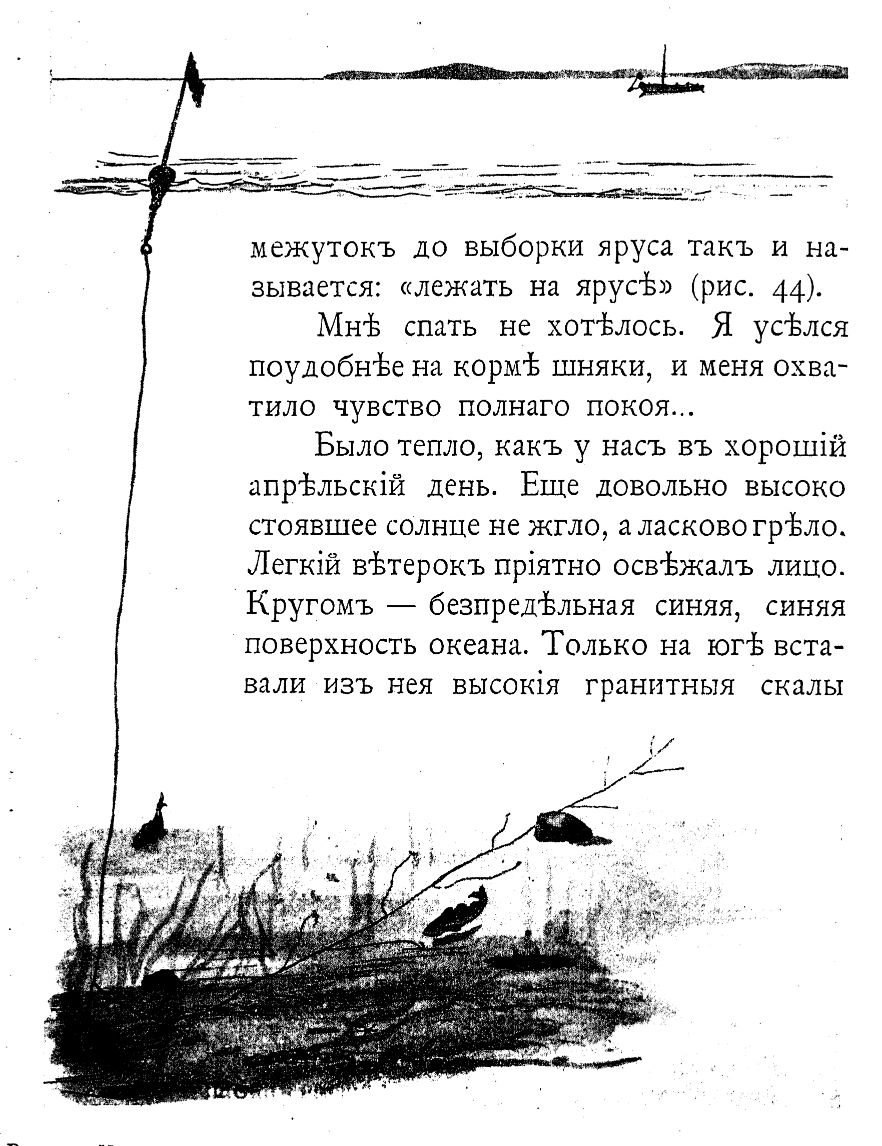
мѣрой служили все тѣ же связанныя другъ съ дружкой стоянки. Мы стояли на глубинѣ около 90 саженъ.

Снявъ шапки и истово перекрестившись, начали метать ярусъ. Прежде всего выбросили якорь — довольно большой гранитный камень. Къ нему былъ привязанъ конецъ яруса и стоянка, которая служила для измѣренія глубины. Когда якорь достигъ дна, въ воду выбросили другой свободный конецъ стоянки съ привязаннымъ къ нему «кубасомъ». Послѣдній представлялъ собою кусокъ легкаго дерева съ продѣтой черезъ него палкой, на верхушкѣ которой былъ прикрѣпленъ небольшой флажокъ. Послѣ этого начали метать ярусъ: Григорій мѣрными взмахами выбрасывалъ его въ воду, а Андрей гребъ съ такой быстротой, чтобы стоянка яруса все время была нѣсколько натянута. Благодаря этому ярусъ ложился по дну, не путаясь, въ одну линію. У насъ было съ собою 20 тюковъ, т.-е. около 3 тысячъ крючковъ.

Когда выметали послѣдній тюкъ, выбросили въ море второй кубасъ и второй якорь.

Привязавъ шняку къ стоянкѣ кубаса, Григорій съ сыновьями могли наконецъ отдохнуть. Помывъ руки, они усѣлись за завтракъ. У меня были бутерброды и банка съ консервами, но на всѣхъ насъ моихъ запасовъ было недостаточно, а ѣсть все это одному мнѣ не хотѣлось; поэтому я охотно принялъ приглашеніе присоединиться къ ихъ незатѣйливой трапезѣ. Андрей вынулъ изъ сумки завернутый въ чистую тряпку каравай чернаго хлѣба, досталъ оттуда же довольно большую вареную треску и разложилъ все это на опрокинутомъ ящикѣ. Тутъ же въ тряпочкѣ лежала грубая, слегка отсырѣвшая соль, та самая, которая употребляется для засола рыбы. И съ какимъ аппетитомъ уничтожили мы добрую половину этихъ запасовъ!

Послѣ ѣды мои спутники улеглись тутъ же въ шнякѣ и заснули богатырскимъ сномъ. У поморовъ этотъ про-

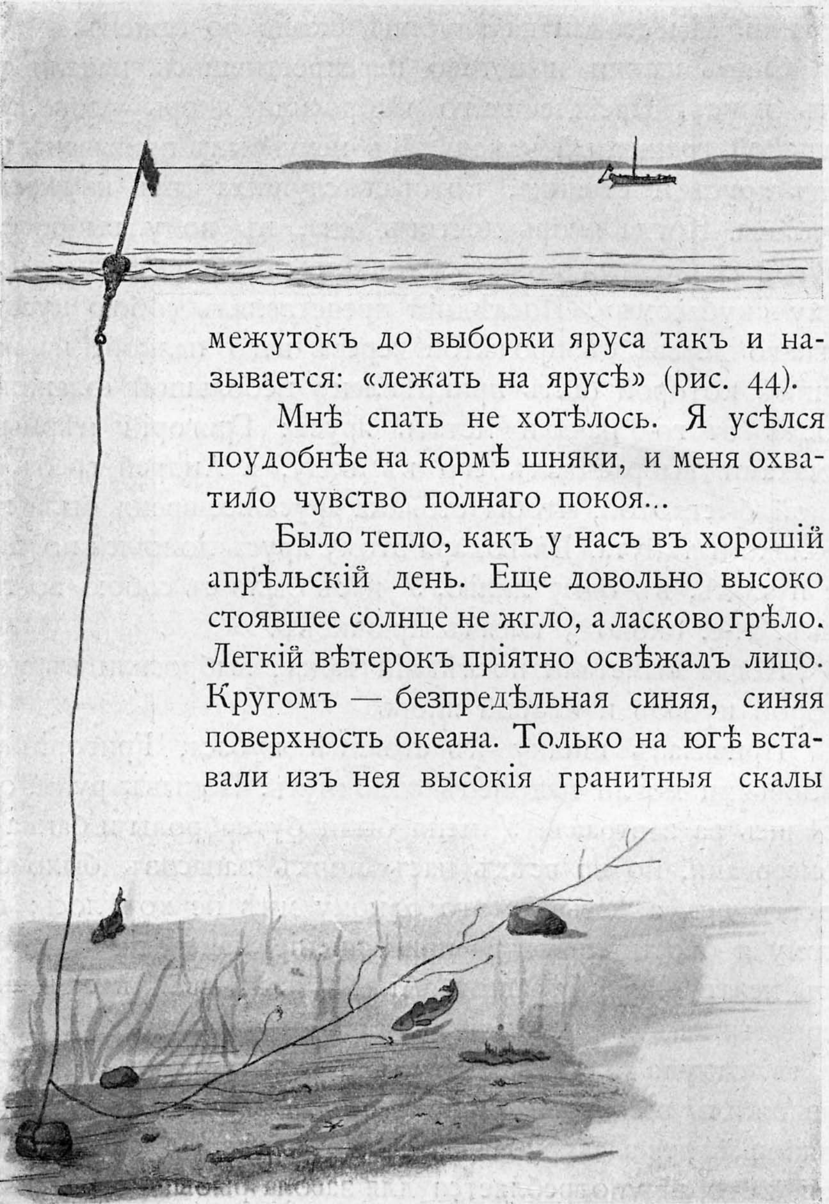

межутокъ до выборки яруса такъ и называется: «лежать на ярусѣ» (рис. 44).

Мнѣ спать не хотѣлось. Я усѣлся поудобнѣе на кормѣ шняки, и меня охватило чувство полнаго покоя...

Было тепло, какъ у насъ въ хорошій апрѣльскій день. Еще довольно высоко стоявшее солнце не жгло, а ласково грѣло. Легкій вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо. Кругомъ — безпредѣльная синяя, синяя поверхность океана. Только на югѣ вставали изъ нея высокія гранитныя скалы

Рис. 44. На ярусѣ. Вверху на первомъ планѣ — кубасъ, вдали — второй кубасъ и возлѣ него шняка; внизу—якорь и идущая отъ него стоянка яруса съ форшнями и крючками.

межутокъ до выборки яруса такъ и называется: «лежать на ярусѣ» (рис. 44).

Мнѣ спать не хотѣлось. Я усѣлся поудобнѣе на кормѣ шняки, и меня охватило чувство полнаго покоя...

Было тепло, какъ у насъ въ хорошій апрѣльскій день. Еще довольно высоко стоявшее солнце не жгло, а ласково грѣло. Легкій вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо. Кругомъ — безпредѣльная синяя, синяя поверхность океана. Только на югѣ вставали изъ нея высокія гранитныя скалы

Мурмана съ бѣлыми, сверкавшими на солнцѣ снѣжными пятнами. Богъ вѣсть, откуда катившіяся, невысокія, пологія океаническія волны не качали, а только поднимали и опускали шняку, пріятно убаюкивая...

Прошло часа 4. Первымъ проснулся Григорій и посмотрѣлъ на солнце.

— Ну, ребята, пора!—сказалъ онъ.—А вы, Константинъ Павловичъ, такъ и не спали?

— Да я вѣдь ночью выспался!

— Пора, пора, ребята!—торопилъ онъ сыновей, натягивая буксы—пропитанные масломъ непромокаемые парусиновые штаны.—Смотрите, какъ бы штормомъ насъ не захватило!

— Почему вы ожидаете шторма?—съ удивленіемъ спросилъ я, оглядывая безоблачное небо.

— А волна идетъ съ востока! Здѣсь ужъ сколько дней не было вѣтра!

Я только удивился, какъ мнѣ раньше самому не пришло въ голову, что разъ появилась волна, то гдѣ-то должна же быть вызвавшая ее причина.

Григорій съ Семеномъ, который былъ уже въ буксахъ, надѣли кожаныя рукавицы и, вытянувъ кубасъ, стали поднимать якорь. Андрей сидѣлъ на веслахъ и подгребалъ, направляя шняку въ сторону туго натянутой стоянки.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ улова. Да, кажется, и мои спутники были охвачены такимъ же ожиданіемъ; они молчали и время отъ времени поглядывали за бортъ.

Вотъ и якорь, вотъ и первые крючки яруса. Далеко въ прозрачной водѣ блеснула крупная рыба, за ней другая, третья... Скоро въ шняку одна за другой посыпалась треска. Вотъ она, кормилица Мурмана! Треска шла крупная, около метра длиною (рис. 45). Изрѣдка попадалась пикша, рыба очень похожая на треску и видомъ, и вкусомъ; окра-

шена она темнѣе трески; за груднымъ плавникомъ у нея находится 2 черныхъ пятна, по одному съ каждой стороны (рис. 46).

Меня сначала удивляло, что такая крупная рыба совершенно не билась: она шла, какъ мертвая, и только слабыя движенія хвоста давали знать, что она еще не совсѣмъ уснула.

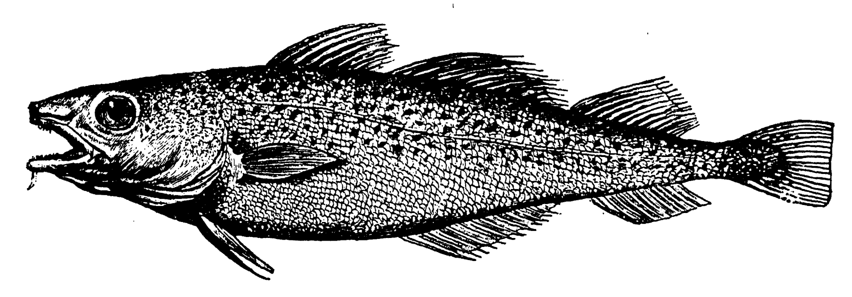

Рис. 45. Треска.

Мнѣ пришлось призвать на помощь свои знанія по физикѣ, и тогда я понялъ, въ чемъ дѣло: вѣдь рыбу эту быстро подняли съ глубины около ста саженей, а слой воды, толщиною въ 5 саженей, давитъ съ силой одной атмосферы; слѣдовательно, на днѣ давленіе достигало не менѣе 20

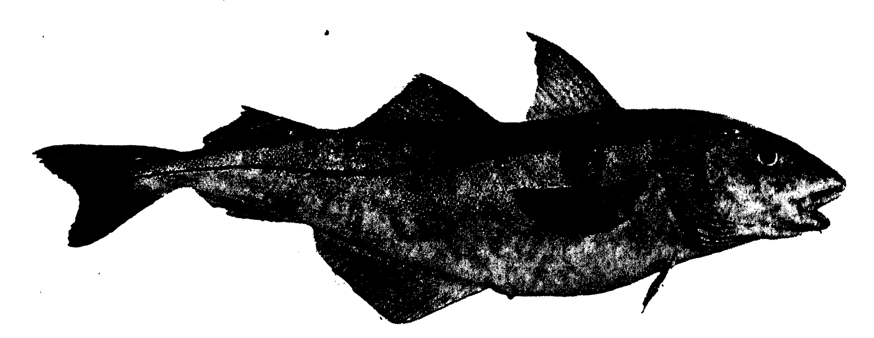

Рис. 46. Пикша.

атмосферъ! Вспомнивъ, какъ дѣйствуетъ на воздухоплавателей быстрый подъемъ на аэростатахъ, я больше не удивлялся безжизненности рыбы. Для меня стало понятнымъ и то, почему у нѣкоторыхъ тресокъ глаза вышли изъ орбитъ.

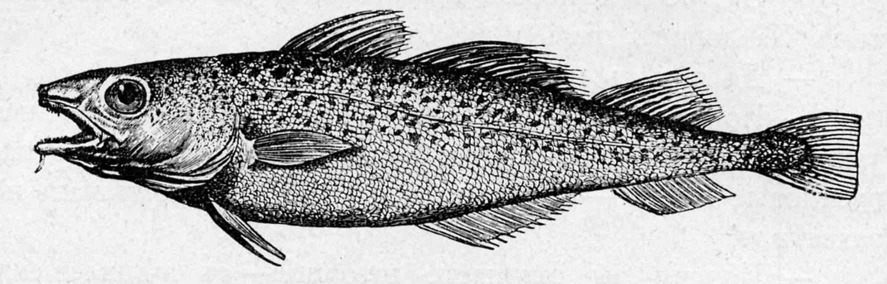

Рис. 45. Треска.

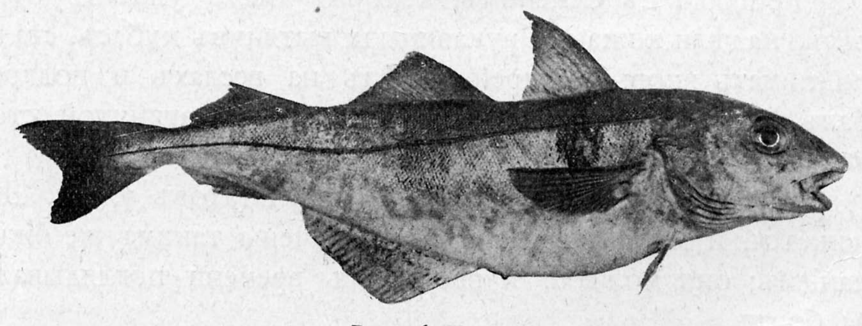

Рис. 46. Пикша.

Уловъ былъ хорошій. По мѣрѣ того какъ на днѣ шняки слой рыбы дѣлался все толще и толще, настроеніе моихъ спутниковъ повышалось: вначалѣ молчаливые и сосредоточенные, они теперь болтали, смѣялись, шутками и прибаутками встрѣчали каждую крупную рыбу. Но особенно много оживленія вызвалъ крупный скатъ... Эту плоскую нелѣпаго вида рыбу не ѣдятъ, и промышленники ее выбрасываютъ. Прежде, чѣмъ выбросить, Григорій, этотъ серьезный, пожалуй, даже нѣсколько суровый человѣкъ,

Рис. 47. Скаты.

не говоря уже о его сыновьяхъ, довольно долго забавлялся уморительными движеніями и гримасами ската, снятаго съ крючка (рис. 47).

Глядя за бортъ, я издали увидѣлъ нѣчто совсѣмъ особенное: извиваясь во всѣ стороны, сильно билась на крючкѣ какая-то пятнистая рыба съ круглой головой.

— А, зубатка! — съ какимъ-то озлобленіемъ сказалъ Григорій. Вытащивъ изъ воды, ее нѣсколько разъ ударили по головѣ «ляпомъ» — желѣзнымъ крючкомъ, вдѣланнымъ

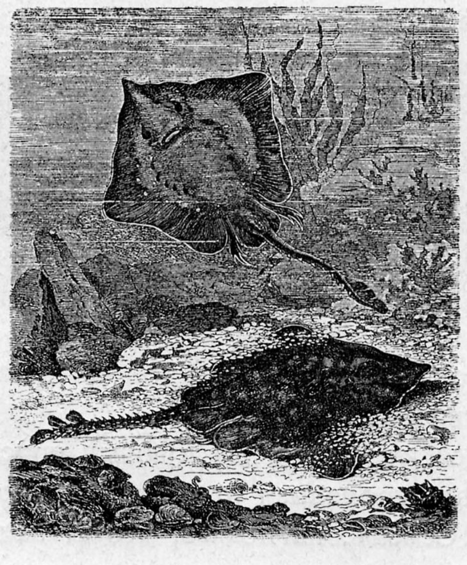

Рис. 47. Скаты.

въ деревянную рукоятку. «Ляпомъ» пользуются для того, чтобы подхватывать крупную рыбу, когда она выходитъ изъ воды (рис. 48).

— Зачѣмъ вы ее бьете?—спросилъ я.

— Кусается! Недавно одному промышленнику зубатка прокусила сапогъ и такъ поранила ногу, что недѣли двѣ на промыселъ не выѣзжалъ.

Я съ интересомъ сталъ разсматривать большую пасть зубатки, усаженную крупными острыми зубами. Своей ловкостью, съ которой она извивалась въ водѣ, и окраской зубатка мнѣ очень напомнила кошку.

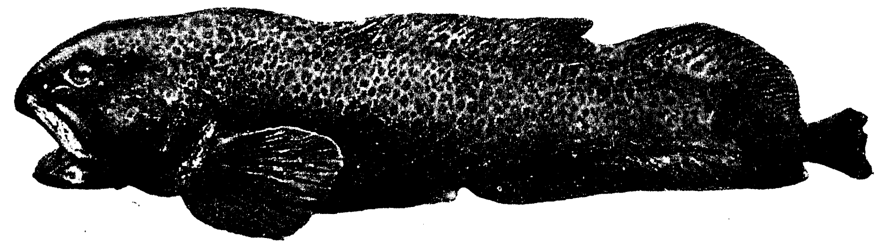

Рис. 48. Зубатка.

— Палтусъ, палтусъ! Да какой большой,—закричалъ Семенъ, схвативъ «ляпъ».

Я бросился къ борту. На крючкѣ яруса почти безъ движенія висѣла громадная широкая камбала метра полтора длиною. Семенъ, нагибаясь, чтобы зацѣпить палтуса «ляпомъ», чуть не выпрыгнулъ изъ шняки; Григорій, поспѣшно завернувъ ярусъ за колышки для веселъ, бросился на помощь къ сыну. Съ большимъ усиліемъ подняли они его въ шняку. Конечно, въ воздухѣ никакой форшень не могъ бы выдержать эту тяжесть, а между тѣмъ въ водѣ она была поднята на тоненькой бичевкѣ съ глубины больше ста саженей! Вотъ наглядный примѣръ закона Архимеда!

Я попробовалъ поднять вытащеннаго палтуса, чтобы опредѣлить его вѣсъ, но только выпачкался въ слизи, покрывавшей его тѣло.

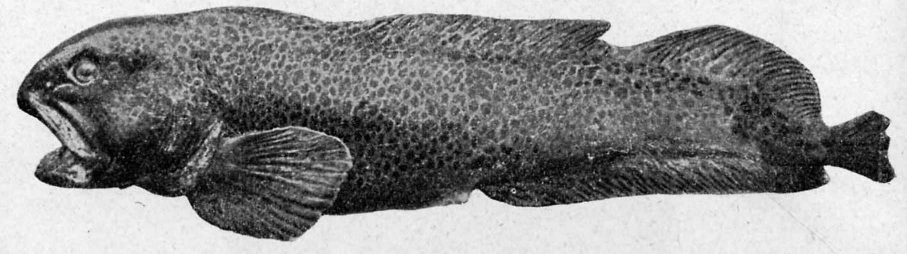

Рис. 48. Зубатка.

— И не пробуйте, Константинъ Павловичъ!—сказалъ Григорій.—Не меньше какъ 5 пудовъ! (Рис. 49).

Къ концу яруса вытащили еще двухъ палтусовъ, но уже не такихъ крупныхъ.

Но вотъ наконецъ и второй якорь. Вытянувъ стоянку и поднявъ кубасъ, поморы начали вытирать градомъ катившійся съ нихъ потъ. Стоя по колѣни въ рыбѣ, выпачканные въ крови и слизи, усталые, но довольные хорошимъ уловомъ, они обмѣнивались впечатлѣніями о томъ, какъ одна крупная треска чуть было не ушла, съ какимъ трудомъ вытаскивали большого палтуса и т. д.

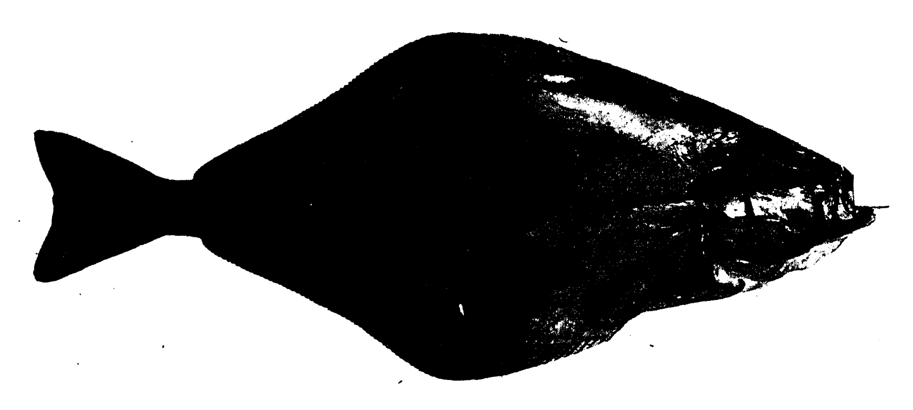

Рис. 49. Палтусъ.

Увлеченные ловомъ, мы и не замѣтили, какъ усилился вѣтеръ, и какъ гребешки волнъ забѣлѣли пѣной.

— Ну, ребята, скорѣе ставь мачту! поднимай парусъ!—скомандовалъ Григорій.—Вы намъ счастье принесли, Константинъ Павловичъ! Пудовъ на 100 добыли рыбы.

Вѣтеръ былъ почти въ спину. Слегка накренившись на правый бортъ, шняка понеслась къ Териберкѣ, тяжело взбираясь на гребешки волнъ, обдававшихъ насъ солеными брызгами.

Усѣвшись, поморы начали чистить рыбу. Внутренности вынимали и бросали въ море. Десятки чаекъ съ унылымъ ноющимъ крикомъ окружили нашу шняку и

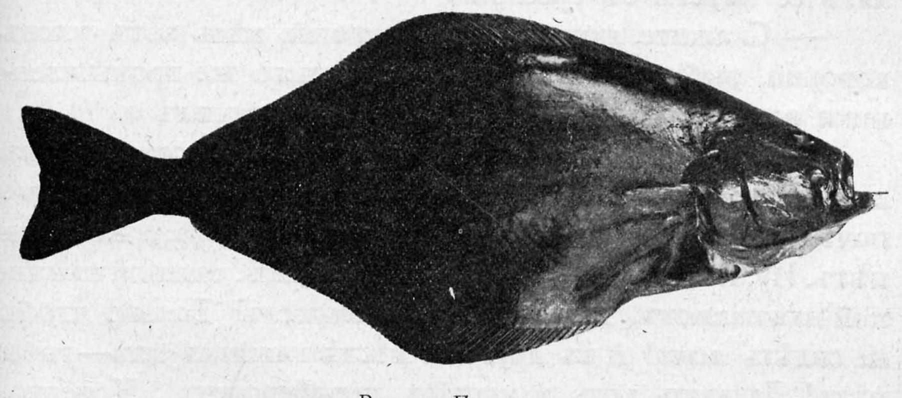

Рис. 49. Палтусъ.

чуть не на-лету подхватывали лакомую для нихъ добычу. Печень изъ каждой рыбы вырѣзывали и складывали въ особое ведро; она очень цѣнится, такъ какъ изъ нея приготовляютъ тотъ рыбій жиръ, который такъ знакомъ всѣмъ слабымъ и золотушнымъ дѣтямъ. Головы отрѣзывались, но напрасно надѣялись чайки попользоваться ими: ихъ складывали отдѣльно, чтобы потомъ, высушивъ, сохранить ихъ на зиму.

— А зубатку тоже будете раздѣлывать?—спросилъ я.

— Зубатка все равно, что треска,—отвѣчалъ Григорій.—Ее скупщики принимаютъ по такой же цѣнѣ и солятъ ее вмѣстѣ съ треской.

— Скажите, пожалуйста, Григорій, вѣдь вотъ уловъ хорошій, рыбы, значитъ, много... Отчего же промышленники все жалуются на свою судьбу?—спросилъ я.

— Какъ не жаловаться, Константинъ Павловичъ? Вонъ далеко ли до Харловки? а тамъ, на пароходѣ сказывали, почти и на промыселъ не выходятъ; рыбы много, а наживки нѣтъ. Ну, конечно, червя морского копаютъ, соленой наживкой наживляютъ, да развѣ это промыселъ? Только чтобъ не сидѣть дома! А въ другомъ мѣстѣ наживка есть—рыбы нѣтъ! Да взять хоть и нашихъ, териберскихъ... Конечно, теперь промышляютъ хорошо, а что толку?! Вѣдь пришелъ на промыселъ, и снасть, и одежу, и хлѣбъ, все въ долгъ въ лавкѣ взялъ, а теперь и расплачивается; все за долгъ и пойдетъ! Цѣлое лѣто работалъ, а домой ничего не привезетъ. Оно, конечно, и водка много мѣшаетъ... Вотъ сегодня пароходъ былъ, и сколько людей на промыселъ не выѣхало, пьяные лежатъ. И осудить трудно! Цѣлый день въ холодѣ, да въ водѣ! Конечно, не всякій удержится, чтобы не выпить.

Предсказанія Григорія сбывалось: вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Спустившееся къ горизонту полуночное солнце багровымъ свѣтомъ окрашивало зловѣще вздымавшіеся гребешки волнъ.

Но вотъ и Териберскій мысъ! Мы вошли въ заливъ. Здѣсь было значительно тише. Скоро мы прошли начавшую пѣниться егру и вошли въ рѣку.

Поблагодаривъ Григорія, я, едва передвигая усталыя отъ долгаго сидѣнія ноги, поспѣшилъ къ стоявшей на берегу шлюпкѣ «Помора».

Я былъ дома почти въ одно время съ Всеволодомъ Феликсовичемъ, который только что пришелъ съ промысла на одномъ изъ ботовъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.—Какъ уловъ?

— Уловъ хорошій! Но кромѣ улова все то, что я сегодня видѣлъ и слышалъ, поразило меня до глубины души.

Было 4 часа утра. Мы завалились спать.

ГЛАВА XII.

Работы ботовъ.—Жизнь въ Териберкѣ.

Я проснулся около 10 часовъ. Всеволода Феликсовича уже не было въ комнатѣ.

Штормъ ревѣлъ. По небу, вчера столь мирному, неслись тяжелыя, свинцовыя тучи. Временами, какъ сквозь сито, сыпалъ мелкими каплями холодный дождь, совершенно скрывая отъ меня противоположный берегъ залива. Высокія крутыя волны съ пѣнящимися гребешками разбивались почти у самыхъ моихъ оконъ. Все какъ будто вымерло, и только чайки со своимъ ноющимъ крикомъ носились въ воздухѣ. Сплошной полосой клокочущихъ буруновъ обозначалась «егра».

На берегу я встрѣтилъ Всеволода Феликсовича.

— Гдѣ вы были?—спросилъ я.

— Ходилъ смотрѣть, какъ стоитъ «Поморъ» и наши боты. Ну и нордъ-остъ! Возлѣ ботовъ стояла на якорѣ большая ёла факториста; вонъ она теперь на берегу ле-

жить... Сорвало съ якоря и выбросило, какъ щепку! Далеко ли стоитъ «Поморъ», а попасть на него теперь почти невозможно. Я пробовалъ кричать, но за ревомъ шторма ничего не слышно!

— Что же мы сегодня дѣлать будемъ?

— Работы много! Вы развѣ забыли о рыбѣ? Мы вамъ вчера изрядно наловили. Вонъ она сложена въ ящикахъ!

Послѣ завтрака я принялся за работу. Каждую рыбу я измѣрялъ, вскрывалъ, опредѣлялъ, что у нея въ желудкѣ, чтобы выяснить, чѣмъ питается та или иная порода рыбъ, и собиралъ въ баночки паразитовъ, которые иногда массами встрѣчались въ кишкахъ, печени и другихъ органахъ. При этомъ обнаруживались любопытные факты: сначала на крючекъ яруса попалась небольшая треска, которую потомъ проглотила другая треска, болѣе крупная; вскрывая одного палтуса, я нашелъ у него въ желудкѣ довольно крупную треску, у которой въ свою очередь въ желудкѣ была треска болѣе мелкая съ крючкомъ и кускомъ форшня отъ яруса.

Послѣ обѣда я взобрался на скалу за Лодейной губой, обращенную въ открытый океанъ, чтобы полюбоваться картиной шторма. Стоять было невозможно: сильный вѣтеръ прямо сваливалъ съ ногъ. Громадныя океаническія волны съ остервенѣніемъ неслись на берегъ и здѣсь разбивались съ страшнымъ шумомъ, вздымая громадные столбы пѣны. Среди воя вѣтра и рокота моря временами слышались, какъ пушечные выстрѣлы, удары волнъ о прибрежныя скалы. Несмотря на то, что я находился на высотѣ саженей въ 20 надъ водой, меня все время обдавали брызги соленой пѣны. Какъ ни величественна была картина, но скоро мнѣ пришлось уйти домой. Пронизывающій холодный вѣтеръ забирался черезъ воротникъ и рукава, и, несмотря на теплую куртку, я скоро продрогъ и началъ мечтать о теплой комнатѣ и о самоварѣ.

Сидя за чаемъ, я разсказывалъ Всеволоду Феликсовичу

о своихъ впечатлѣніяхъ во время плаванія съ Григоріемъ на его шнякѣ. Я удивлялся тому, что такой толковый человѣкъ, какъ Григорій, не понимаетъ всѣхъ преимуществъ болѣе усовершенствованныхъ судовъ...

— Онъ понимаетъ, — говорилъ Всеволодъ Феликсовичъ, — но вѣками вѣдь закрѣплялась привычка къ шнякѣ. Поморъ всю свою жизнь приспособилъ къ ней, и бросить теперь шняку онъ сразу, конечно, не можетъ. Если бы вы знали, какъ трудно было найти рыбаковъ на одинъ изъ ботовъ! Хорошее судно, совершенно безопасное для прибрежнаго плаванія, а они боялись, искренно боялись выходить на немъ въ море! Когда набранные наконецъ для работы на ботѣ колонисты впервые отправлялись на ловъ, то съ ними при выѣздѣ изъ Териберки прощались, какъ съ людьми, идущими чуть не на вѣрную гибель! И это тѣ самые поморы, которые, не задумываясь, уходятъ на шнякѣ въ открытый океанъ за десятки верстъ отъ береговъ!

На слѣдующій день штормъ утихъ. Вскорѣ Всеволодъ Феликсовичъ ушелъ на «Поморѣ» въ плаваніе, а я остался одинъ въ Териберкѣ.

Промыселъ на ботахъ носилъ въ общемъ тотъ же характеръ, что и на шнякѣ. Также ловили наживку, такъ же приготовляли ярусъ и потомъ метали его. Инымъ было плаваніе.

Каждый ботъ представлялъ собою лодку около 4 саженей въ длину. Въ носовой и кормовой части были устроены металлическіе герметически закупоренные ящики съ воздухомъ, дѣлавшіе судно нетонущимъ. Въ носовой части была каютка, въ которой могли помѣститься и укрыться отъ непогоды 4 человѣка. Весь ботъ былъ покрытъ палубой; средняя часть послѣдней могла сниматься, что и дѣлалось, напримѣръ, при выборкѣ яруса. Наибольшую особенность ботовъ представляли паруса: на двухъ невысокихъ мачтахъ укрѣплялись 2 косыхъ паруса, а на носу кромѣ того былъ еще трехугольный кливеръ. (Рис. 50).

Помню одинъ выходъ въ море... Дулъ довольно сильный нордъ-остъ. Всѣ шняки оставались въ Териберкѣ, такъ какъ идти на веслахъ противъ вѣтра 20—30 верстъ было трудно. Нѣсколько ёлъ благодаря косому парусному вооруженію шли въ море. Погрузивъ ярусъ, мы подняли на одномъ изъ ботовъ паруса и вышли изъ Лодейной губы. Сдѣлавъ красивый поворотъ, наше суденышко быстро понеслось впередъ почти противъ вѣтра. Команда, уже привыкшая къ боту и оцѣнившая всѣ его положительныя качества, съ интересомъ слѣдила за тѣмъ, какъ одна за другой отставали отъ насъ ёлы. Получилось нѣчто въ родѣ гонокъ.

— А передней намъ не догнать!—говорилъ одинъ изъ матросовъ, указывая на шедшую саженяхъ въ 50 отъ насъ ёлу. (Рис. 51).

— Почему?—удивился я.

— Это самая быстроходная ёла во всей Териберкѣ! Всѣ онѣ вышли вмѣстѣ, а теперь смотрите, какъ она обогнала ихъ!

Сидѣвшій на рулѣ кормщикъ Николай только ухмылялся. Онъ уже изучилъ свой ботъ и зналъ быстроту его хода. Разстояніе между нами и ёлой начало сокращаться. Наши поморы глазамъ своимъ не вѣрили. Въ нихъ заговорило свойственное всѣмъ морякамъ желаніе не осрамиться, щегольнуть своимъ судномъ.

— Подтяни-ка шкоты, ребята! — скомандовалъ Николай.

Нашъ ботъ, немного накренившись на лѣвый бортъ, еще быстрѣе понесся впередъ. Только всплески волнъ у носа, да непрерывное журчаніе воды у руля, указывавшее, какъ быстро идетъ судно, нарушали напряженное молчаніе.

На елѣ, которую мы несомнѣнно догоняли, поняли наше намѣреніе... То и дѣло съ тревогой поглядывая на насъ, начали подтягивать паруса. Они боялись осканда-

Рис. 50. Нашъ промысловый ботъ,

литься и потерять славу самаго быстроходнаго въ Териберкѣ судна. Наконецъ мы поравнялись...

— Приготовь-ка «конецъ», Сенька! — шепнулъ Николай.

И Сенька, быстрый удалой мальчикъ лѣтъ 17, мигомъ слеталъ въ каюту и, вытащивъ какую-то веревку, уже стоялъ съ ней на кормѣ. Когда ёла была сзади насъ,

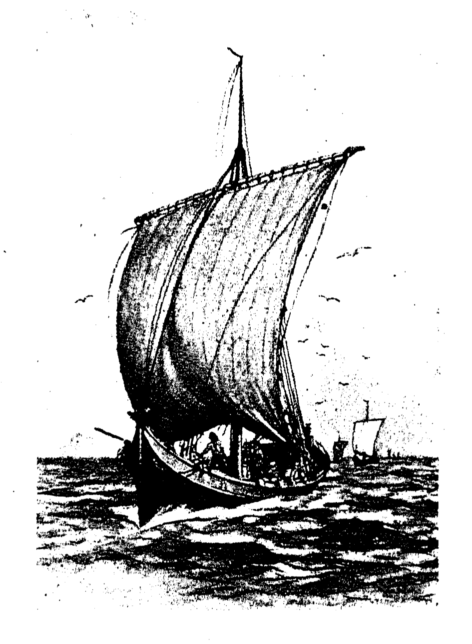

Рис. 51. Ела подъ парусомъ.

онъ, ехидно улыбаясь, протянулъ къ ней веревку,—не желаете-ли, молъ, идти у насъ на буксирѣ...

Напряженное молчаніе смѣнилось самымъ шумнымъ выраженіемъ восторга. Сенька даже приплясывать началъ, но Николай его скоро успокоилъ.

Поморы, конечно, видѣли и понимали, какое громадное преимущество бота заключается въ его быстроходности и легкомъ ходѣ подъ парусами. Мы гораздо скорѣе приходили къ мѣсту лова и скорѣе возвращались домой, при чемъ команда не переутомлялась, такъ какъ къ

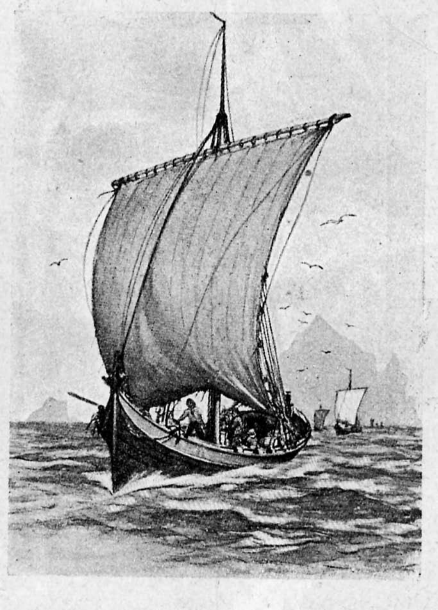

Рис. 51. Ела подъ парусомъ.

весламъ приходилось прибѣгать только при полномъ штилѣ. Въ непогоду мы тоже находились въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ могли укрыться въ каюткѣ и отъ дождя и отъ холода; мы устроили въ ней даже маленькую чугунную печку.

Часто уже на пути съ промысла я измѣрялъ и изслѣдовалъ пойманную рыбу. Если же погода была не совсѣмъ благопріятная, то дѣлалъ это на берегу. Въ свободное время я лазилъ по скаламъ, наблюдая жизнь наземныхъ животныхъ и растеній или, плавая въ шлюпкѣ по заливу, ловилъ сачкомъ различныхъ мелкихъ животныхъ. При этомъ я часто забирался въ небольшія бухточки и заливчики и, высадившись тамъ, подолгу любовался расцвѣтомъ сѣверной природы.

Очень затрудняли меня разговоры съ милѣйшей фру Ингеборъ. Сначала мы пытались разговаривать каждый на своемъ языкѣ: я, улыбаясь, говорилъ ей по-русски или по-нѣмецки, а она, съ такой же улыбкой, говорила мнѣ что-то по-норвежски... Но мы совершенно другъ друга не понимали. Тогда я рѣшилъ превратиться въ глухонѣмого... Дѣло пошло гораздо лучше. Скоро я умудрялся отдавать такимъ способомъ довольно сложныя распоряженія. Такъ, напримѣръ, мнѣ нужно было, чтобы меня разбудили ночью, когда придетъ почтовый пароходъ... Я звалъ фру Ингеборъ и, указывая ей пальцемъ на заливъ, гудѣлъ, подражая гудку парохода; затѣмъ указывалъ пальцемъ на нее, подходилъ къ двери и стучалъ въ нее кулакомъ... Фру Ингеборъ, улыбаясь, кивала мнѣ много разъ головой въ знакъ того, что она поняла. И дѣйствительно, когда пришелъ пароходъ, она меня разбудила.

Иной разъ происходили, правда, и недоразумѣнія; въ такихъ случаяхъ я страшно жалѣлъ, что не прошелъ школы для глухонѣмыхъ: они, навѣрное, думалъ я, объяснялись бы на моемъ мѣстѣ великолѣпно! Былъ, напр., такой случай... Мнѣ нѣсколько надоѣла треска, которую

каждый день регулярно я получалъ въ томъ или иномъ видѣ на первое и на второе. Я рѣшилъ полакомиться мясомъ... Когда я одинъ разъ обѣдалъ на «Поморѣ», меня тамъ угостили мясными консервами; обыкновенную консервную банку опустили на нѣсколько минутъ въ кипятокъ, и, когда потомъ ее открыли, я получилъ очень вкусный дымящійся битокъ въ соусѣ съ картофелемъ, морковкой, лукомъ и другими приправами. Я отыскалъ у себя банку съ такимъ же биткомъ и позвалъ фру Ингеборъ... Давая ей банку, я жестами показывалъ, что ее нужно опустить въ кострюлю съ водой; чтобы она поняла, что вода должна быть очень горячей, я прикасался къ кострюлѣ и дѣлалъ видъ, что обжегся. Фру Ингеборъ съ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, очевидно, не понимая моей блестящей идеи. Я настойчиво повторилъ все съ начала. Она о чемъ-то довольно долго говорила, но все же взяла банку и ушла. Я безъ аппетита съѣлъ немного тресковой ухи и уже приготовилъ ножъ, чтобы вскрыть банку. Вотъ появляется фру Ингеборъ съ дымящейся кострюлей... Но представьте мое удивленіе и разочарованіе, когда я въ кастрюлѣ увидѣлъ вмѣсто банки какую-то бурду, въ которой плавалъ мой битокъ со всѣми аксессуарами. Оказывается, она вскрыла банку и все содержимое вывалила въ горячую воду! Пришлось мнѣ и въ этотъ день довольствоваться треской съ картофелемъ!

Такъ прожилъ я въ Териберкѣ около трехъ недѣль. Ни газетъ, ни писемъ не видѣлъ я за это время. Я цѣликомъ погрузился въ интересы промысла и даже рѣдко вспоминалъ, что гдѣ-то тамъ кипитъ иная жизнь, и существуютъ иные интересы. Удачный ярусный ловъ радовалъ меня, вѣроятно, немногимъ меньше, чѣмъ радовалъ онъ промышленниковъ поморовъ. Вытягивая неводъ съ командой ботовъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ увидѣть, достаточное-ли количество наживки принесъ онъ. Вращаясь исключительно среди промышленниковъ, я привыкъ къ

ихъ говору, и рѣчь моя пестрѣла теперь массой терминовъ, обычныхъ только на Мурманѣ. Даже наружность моя измѣнилась; лицо обвѣтрилось и загорѣло, волосы отросли, а руки покрылись мозолями и загрубѣли не хуже, чѣмъ у Сеньки или Андрея. Я научился грести и управлять парусами и уже не боялся промокнуть насквозь; я умѣлъ глушить крючки, наживлять ярусъ и т. д.

Однажды я собирался въ море на одномъ изъ ботовъ. Почти все уже было готово... Вдругъ совершенно неожиданно изъ-за скалъ, отдѣляющихъ Лодейную губу отъ Териберскаго залива, показался бѣленькій и чистенькій «Андрей Первозванный»... Я мигомъ прыгнулъ въ карбасъ и, не успѣли еще на «Андреѣ» отдать якорь, какъ я уже карабкался по спущенному мнѣ штормъ-трапу. Съ какой радостью пожималъ я всѣмъ руки! Мнѣ казалось, что я вернулся въ родную семью послѣ долгой, долгой разлуки. А Маркъ Николаевичъ уже протягивалъ мнѣ цѣлую пачку писемъ. Но я не сталъ ихъ читать... Какъ въ дѣтствѣ лакомство, я пряталъ ихъ до того момента, когда безъ помѣхи всѣмъ существомъ своимъ я могъ проникнуться интересами своихъ далекихъ друзей.

— А вы знаете?—сказалъ Маркъ Николаевичъ,—я вамъ на смѣну!

Какой полной комфорта показалась мнѣ жизнь на пароходѣ! Но мнѣ все-же немного жалко было разставаться съ простотой моей Териберской жизни: она дала мнѣ много живыхъ и сильныхъ впечатлѣній и многому меня научила.

Я сообщилъ Николаю Михайловичу о своихъ работахъ. Отъ него я узналъ о работахъ парохода, о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя удалось имъ сдѣлать и т. д.

— Завтра въ Териберку придетъ «Поморъ»,—сказалъ Николай Михайловичъ — Вмѣсто васъ здѣсь останется Маркъ Николаевичъ, а вы пойдете на «Поморѣ» вдоль Мурмана съ тѣмъ, чтобы производить опыты лова вдали отъ береговъ, куда боты выходить не могутъ!

Николай Михайловичъ далъ мнѣ еще рядъ указаній о работахъ «Помора», и послѣ этого «Андрей Первозванный» ушелъ, а я началъ посвящать Марка Николаевича въ детали Териберской жизни и знакомить его съ подробностями здѣшней работы.

ГЛАВА XIII.

На „Поморѣ".

Мы съ Маркомъ Николаевичемъ еще спали, когда раздался стукъ въ двери нашей комнаты. Я схватываюсь, открываю крючекъ и вижу Григорія Ивановича, капитана «Помора».

— Ой, какъ же долго вы спите! А я за вами, Константинъ Павловичъ. Николай Михайловичъ сказалъ, что вы пойдете теперь съ нами на «Поморѣ».

— А развѣ сейчасъ выходить?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, дай Богъ къ ночи выбраться! Воды нужно взять, а потомъ ребята на песокъ поѣдутъ! нужно наживки добыть.

Мы живо одѣваемся и вмѣстѣ съ Григоріемъ Ивано- садимся за чай.

Теперь — два слова о самомъ Григоріи Ивановичѣ и о «Поморѣ», которымъ онъ командовалъ.

Григорій Ивановичъ П.—поморъ. Онъ окончилъ мореходные классы и уже съ развѣдочной экспедиціи былъ капитаномъ «Помора». Это—поразительно скромный, мягкій и очень симпатичный человѣкъ. Въ немъ не было и слѣда той грубости, которая, къ сожалѣнію, такъ распространена среди моряковъ, и многими изъ нихъ считается необходимой при обращеніи съ командой. Григорій Ивановичъ никогда не кричалъ и очень рѣдко повышалъ голосъ при обращеніи съ матросами. Всегда ровный и спокойный, онъ такъ же спокойно встрѣчалъ и опасность. Какъ сей-

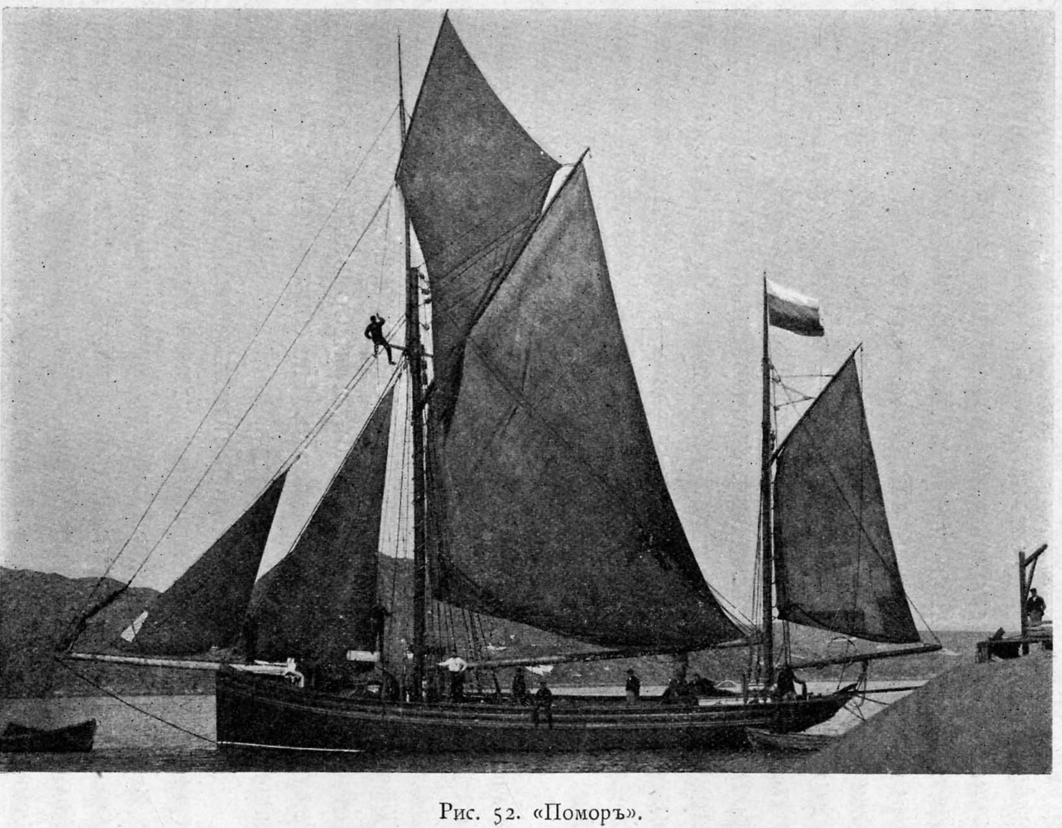

Рис. 52. «Поморъ».

часъ вижу его, съ его мягкой застѣнчивой улыбкой, посасывающаго коротенькую норвежскую трубку.

«Поморъ» — довольно большое судно, длиною около 10 саж. и въ ширину — около 3. Въ носовой части — довольно большое помѣщеніе для команды и кухня, а въ кормовой — нѣсколько выступающая надъ палубой наша каюта. Вся средняя часть судна занята трюмомъ, въ которомъ хранились снасти, соль для засола рыбы, прѣсная вода и т. д. На «Поморѣ» — 2 мачты, передняя — гротъ и задняя — бизань. Парусность — довольно большая: около 3 тысячъ кв. футовъ. На передней мачтѣ кромѣ большого грота поднимается еще сравнительно небольшой верхній парусъ—топсель; между гротомъ и бушпритомъ было нѣсколько треугольныхъ парусовъ—кливеровъ, и, наконецъ, на задней мачтѣ—тоже большой четырехугольный парусъ. (Рис. 52).

Наша каюта представляла собою довольно большую комнатку, около 2 саж. по ширинѣ судна и сажени $1^1/_2$ по длинѣ его. Въ ней свободно можно было стоять, и, только поднявъ руку, можно было достать до потолка. Свѣтъ падалъ сверху. По бокамъ каюты были устроены койки, а средина была занята небольшимъ столомъ. Въ углу стояла чугунная печка. На одной изъ стѣнъ висѣли часы и барометръ-анероидъ.

Въ этой каютѣ насъ помѣщалось трое: Григорій Ивановичъ, его помощникъ штурманъ Викторъ Евменіевичъ Д. и я. Въ свободныхъ койкахъ хранились наши вещи, нѣкоторые припасы (чай, сахаръ, печенье и т. п.), а одинъ изъ ящиковъ подъ койкой былъ занятъ приборами для изслѣдованій и мореходными картами и инструментами.

Дверь изъ каюты (почти всегда открытая) была обращена къ кормѣ, и сейчасъ же возлѣ нея находился штурвалъ для руля и компасъ.

На «Поморѣ» было нѣсколько большихъ шлюпокъ для яруснаго лова и одна небольшая ёла для обычнаго пользованія.

Вотъ мое новое обиталище!

Къ вечеру я распростился съ Маркомъ Николаевичемъ и переселился на «Поморъ». Вотъ поднимаютъ паруса и катаютъ якорь! Григорій Ивановичъ съ трубочкой во рту ходитъ по палубѣ, отдавая короткія, отрывочныя распоряженія, а я стараюсь помочь то здѣсь, то тамъ. Якорь поднятъ; легкій вѣтеръ надуваетъ наши паруса, и мы плавно, безшумно выходимъ изъ Лодейной губы.

— Куда пойдемъ?—спрашиваетъ Григорій Ивановичъ.

Я совѣтуюсь съ нимъ, и на картѣ мы намѣчаемъ точку миляхъ *) въ 25 къ сѣверу отъ о-ва Кильдина, лежащаго у берега между Екатерининской гаванью и Териберкой. Въ этомъ именно мѣстѣ, какъ говорилъ мнѣ Николай Михайловичъ, находится сравнительно неглубокое мѣсто,—такъ называемая «Кильдинская банка»; на ней раньше было много промысловой рыбы, и въ данный моментъ нужно было прослѣдить, держится ли тамъ еще рыба, или нѣтъ.

Григорій Ивановичъ прокладываетъ на картѣ курсъ, обозначаетъ мѣсто остановки и, не спѣша, идетъ изъ каюты къ штурвалу. Глядя на компасъ, онъ поворачиваетъ руль и даетъ судну правильное направленіе. Послѣ этого матросу, стоящему у руля, остается только слѣдить по компасу, чтобы судно не измѣнило своего направленія. Время отъ времени Григорій Ивановичъ или его помощникъ, провѣряютъ вѣрно ли держится курсъ.

Удивительно пріятно идти при умѣренномъ вѣтрѣ на большомъ парусномъ суднѣ! Слегка накренившись, несется оно безъ всякихъ усилій; у васъ не свиститъ въ ушахъ вѣтеръ, потому что вы идете вмѣстѣ съ вѣтромъ; качки нѣтъ; запаха дыма, масла и мятаго пара изъ машиннаго отдѣленія не слышно; вы полной грудью вдыхаете чистый океаническій воздухъ. Насколько на пароходѣ всегда чув-

*) Вездѣ въ морѣ разстоянія измѣряются морской или англійской милей, равной приблизительно $1^3/_4$ версты.

ствуется напряженность работы, настолько на парусникѣ господствуетъ мирное настроеніе. Только рулевой, поворачивающій слегка штурвалъ въ ту и другую сторону, кажется вамъ единственнымъ человѣкомъ, принимающимъ активное участіе въ ходѣ судна. А подъ кормой однообразно журчитъ вода, и этотъ шумъ не раздражаетъ, а придаетъ еще больше спокойствія общему настроенію. Легкая зыбь бороздитъ безпредѣльную поверхность океана, дѣлая ее синей, синей, несмотря на блѣдно голубую окраску сѣвернаго неба.

Когда мы выходили изъ Териберской губы, съ кормы былъ брошенъ лагъ — приборчикъ для опредѣленія пройденнаго судномъ разстоянія. Онъ состоитъ изъ небольшого (сантиметровъ 25) мѣднаго стержня съ крылышками, расположенными такъ, какъ лопасти пароходнаго винта; отъ него идетъ линь, который привязывается къ небольшому счетчику, укрѣпленному на кормѣ къ борту. Вслѣдствіе хода судна вода напираетъ на крылышки лага и приводитъ его во вращательное движеніе; послѣднее по линю передается стрѣлкамъ счетчика. Чѣмъ быстрѣе идетъ судно, тѣмъ быстрѣе вращается лагъ и наоборотъ! На картѣ можно измѣрить, сколько нужно пройти миль до извѣстной точки, а лагъ показываетъ, сколько миль въ дѣйствительности прошло судно.

— Пришли, Константинъ Павловичъ! — сказалъ Григорій Ивановичъ. — Что будемъ дѣлать?

— Что-жъ, давайте глубину измѣрять.

Для болѣе точнаго измѣренія глубины на «Поморѣ» былъ особый счетчикъ, состоящій изъ колеса, соединеннаго съ двумя циферблатами. Вращеніе колеса передавалось при помощи зубчатыхъ колесъ стрѣлкамъ циферблатовъ, одна изъ которыхъ показывала число метровъ отъ 1 до 10, а другая — десятки метровъ до 100; для опредѣленія сотенъ метровъ приходилось запоминать, сколько разъ описывала полный кругъ стрѣлка второго циферблата.

Точное опредѣленіе глубины для насъ было особенно важно, такъ какъ съ ней тѣсно связана жизнь большинства донныхъ животныхъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ и грунтъ; познакомившись ближе съ населеніемъ морского дна, мы по глубинѣ и грунту почти всегда могли довольно точно предсказать, какихъ типичныхъ животныхъ мы встрѣтимъ въ данномъ пунктѣ.

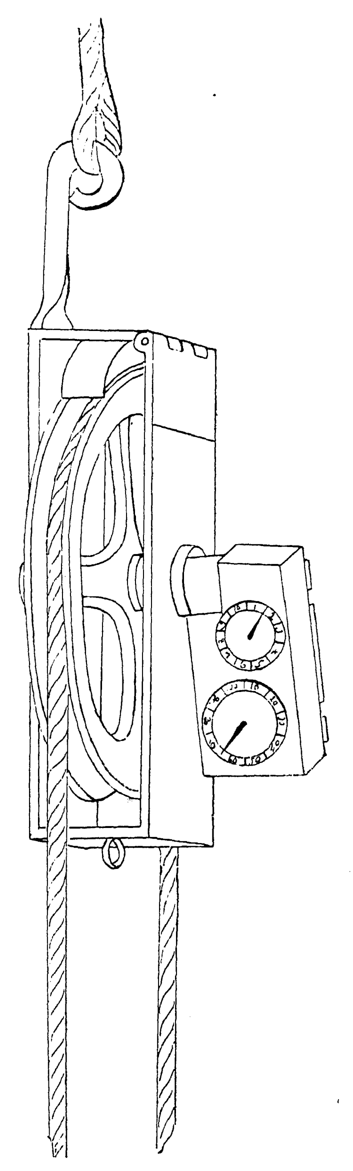

Рис. 53. Счетчикъ съ пропущеннымъ черезъ его колесо линемъ.

Когда я вышелъ на палубу, счетчикъ уже былъ подвѣшенъ. Тутъ же стояла небольшая ручная лебедка съ намотаннымъ на нее тоненькимъ (3 м.м. въ діаметрѣ) бронзовымъ линемъ, сплетеннымъ изъ нѣсколькихъ десятковъ бронзовыхъ проволочекъ. Этотъ линь помѣстили въ желобокъ колеса счетчика и къ концу его привязали лотъ съ храпами. Послѣдній служилъ тяжестью для опредѣленія глубины и онъ же захватывалъ со дня моря грунтъ. Устроенъ онъ такимъ образомъ: къ концу желѣзнаго стержня прикрѣплены на шарнирахъ двѣ толстыя массивныя чашки (храпы), которыя, плотно смыкаясь, образуютъ вмѣстилище для грунта; на этомъ же стержнѣ находится тяжелый металлическій шаръ, который свободно двигается вверхъ и внизъ; отъ храповъ идутъ веревочки, которыя соединяются съ

шаромъ и потомъ при помощи кольца надѣваются на крючекъ, соединенный уже съ линемъ. Если мы потянемъ за веревочки, то шаръ будетъ подниматься вверхъ по стержню и будетъ тянуть за собою храпы, которые

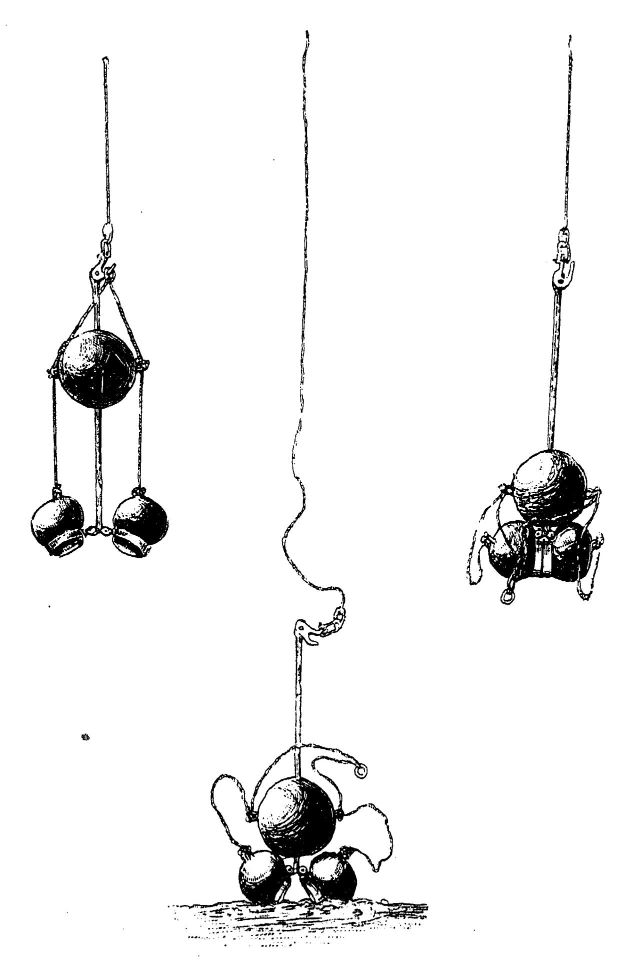

Рис. 54. Лотъ. Слѣва — при спускѣ, въ срединѣ — на днѣ, справа — при подъемѣ.

при этомъ раскроются; если теперь кольцо надѣть на крючекъ, то при натянутомъ (вслѣдствіе тяжести лота) положеніи линя, оно будетъ держаться на крючкѣ и храпы будутъ открыты. Когда лотъ упадетъ на дно, храпы съ размаха врѣжутся въ грунтъ; линь въ это время ослаб-

нетъ, шаръ потянетъ крючекъ, который вслѣдствіе слабаго натяженія линя отвернется внизъ, и кольцо съ него соскочитъ. При подъемѣ храпы закроются и принесутъ внутри себя пробу грунта, вполнѣ достаточную, чтобы судить о характерѣ дна.

Раскрывъ храпы лота, мы спустили его до уровня воды и поставили стрѣлки счетчика на О. Когда послѣ этого вынули стопоръ лебедки, лотъ быстро началъ падать въ воду, разматывая своею тяжестью линь; послѣдній, проходя черезъ счетчикъ, быстро вращалъ его колесо, а стрѣлки точно указывали намъ, на какой глубинѣ находится лотъ въ любое время. Вдругъ счетчикъ вздрогнулъ и линь, сразу ослабѣлъ: это лотъ достигъ дна. Въ этотъ моментъ счетчикъ показывалъ 172 метра.

Глубину мы узнали. Начался подъемъ лота. Какъ быстро можно было его спустить и какъ медленно и тяжело было поднимать! Сколько оборотовъ нужно было сдѣлать валу небольшой лебедки чтобы намотать на него 172 метра линя! Я схватилъ ручку лебедки и вмѣстѣ съ однимъ изъ матросовъ началъ наматывать линь. Уже заболѣла спина, въ вискахъ начало стучать, и мнѣ казалось, что мы намотали не меньше ста метровъ; но, взглянувъ на счетчикъ, я увидѣлъ, что мы подняли лотъ всего на 40 метровъ! Запыхавшись, я принужденъ былъ уступить свое мѣсто другому. Наконецъ, вотъ и лотъ. Поднявъ его изъ-за борта на палубу, я раскрываю храпы и нахожу въ нихъ комокъ плотнаго ила.

Теперь намъ былъ извѣстенъ и грунтъ.

«Поморъ», спустивъ паруса, сталъ на якорь.

Уже во время хода наживили ярусъ. Какъ только отдали якорь, сейчасъ же спустили большую шлюпку, и часть команды отправилась на ловъ. А я въ это время приступилъ къ опредѣленію температуръ на различныхъ глубинахъ.

Какъ же опредѣлить температуру не на поверхности,

а вотъ, напр., у дна въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, т.-е. приблизительно на глубинѣ 170 метровъ? Обыкновенный термометръ для этого, конечно, не пригоденъ. Вѣдь на этой глубинѣ давленіе воды достигаетъ 17 атмосферъ, такъ какъ слой воды въ 10 метровъ давитъ съ силой одной атмосферы! Если бы мы сдѣлали термометръ изъ очень толстаго стекла, его при этомъ не раздавило бы, но все равно мы при его помощи не могли бы узнать температуру воды на такой глубинѣ, такъ какъ при подъемѣ онъ попадетъ въ слои воды съ другой температурой, и его показанія измѣнятся... Нужно было построить такой термометръ, который не только выдерживалъ бы давленіе въ въ нѣсколько десятковъ атмосферъ, но и не мѣнялъ бы своихъ показаній, попадая въ слои съ болѣе высокой или низкой температурой. И такой термометръ былъ въ моемъ распоряженіи!

Конечно, устроенъ онъ нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенный термометръ. На рисункѣ изображена его трубка, но, какъ вы видите, въ особомъ положеніи: резервуаръ съ ртутью находится не внизу, а вверху. При выходѣ изъ резервуара въ мѣстѣ А трубка сильно суживается, а затѣмъ образуетъ небольшое расширеніе—В. Далѣе идетъ обыкновенная прямая трубка, но настолько большого діаметра, что ртуть въ ней не держится, какъ въ обыкновенномъ термометрѣ, а при опрокидываніи термометра переливается внизъ. Если я термометръ съ такой трубкой въ нормальномъ положеніи (т.-е. резервуаромъ внизъ) помѣщу въ среду съ опредѣленной температурой, то ртуть или расширится или сожмется, и въ трубкѣ будетъ опредѣленное количество ртути. Если теперь я опрокину термометръ резервуаромъ вверхъ, то вся ртуть, вышедшая изъ резервуара и находящаяся въ трубкѣ, въ суженномъ мѣстѣ оторвется и упадетъ внизъ. Вполнѣ понятно, если я то же самое продѣлаю въ средѣ съ болѣе высокой температурой, ртути въ трубкѣ окажется больше, а въ средѣ съ болѣе низкой

температурой — меньше. Это и дало возможность нанести дѣленія для отсчитыванія градусовъ особымъ образомъ, какъ показано на рисункѣ: 0^0 будетъ не у резервуара, а на противуположномъ концѣ трубки.

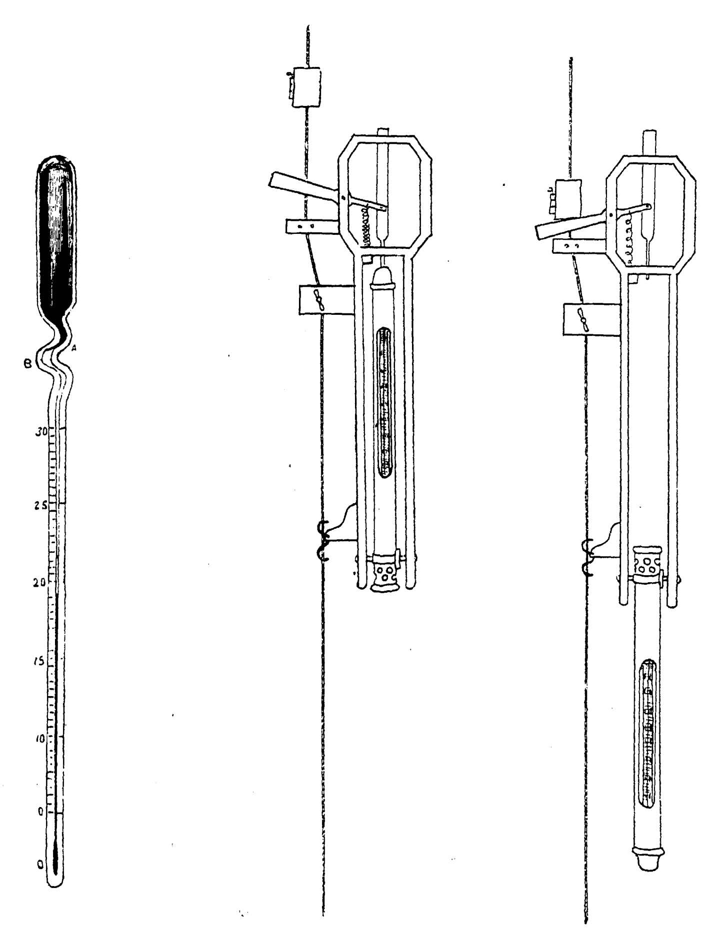

Рис. 55. Трубка глубоководнаго термометра.

Рис. 56. Глубоководный термометръ; слѣва — при спускѣ, справа — при подъёмѣ.

Такой глубоководный термометръ опускается въ воду въ нормальномъ положеніи (т.-е. резервуаромъ внизъ) и оставляется минутъ на 10. Когда ртуть сожмется или расширится соотвѣтственно температурѣ этого слоя воды, термометръ опрокидываютъ резервуаромъ вверхъ и въ такомъ

видѣ поднимаютъ изъ воды. Если при этомъ онъ попадетъ въ слой воды съ болѣе высокой температурой, то изъ резервуара, конечно, выйдетъ еще немного ртути, но послѣдняя не упадетъ въ трубку, а останется въ расширеніи B, такъ что показаніе термометра не измѣнится.

Чтобы сильное давленіе воды на значительныхъ глубинахъ не раздавило термометръ, описанную трубку помѣщаютъ въ стеклянный футляръ съ очень толстыми стѣнками. Послѣдній въ свою очередь заключается въ металлическій футляръ, укрѣпленный подвижно въ особой металлической рамѣ, служащей для опрокидыванія термометра.

На рис. 56, слѣва изображенъ глубоководный термометръ въ томъ видѣ, въ какомъ его спускаютъ въ воду на бронзовомъ линѣ. Затѣмъ по линю пускаютъ гирьку; она нажимаетъ на рычажокъ, удерживающій футляръ съ термометромъ въ опредѣленномъ положеніи, послѣдній опрокидывается, и изъ воды термометръ выходитъ въ томъ видѣ, какъ изображенъ онъ на рис. 56, справа. Этотъ термометръ называется глубоководнымъ термометромъ Негретти-Замбра.

Прикрѣпивъ термометръ къ бронзовому линю немного выше лота, я спустилъ его на глубину 170 метровъ. Черезъ 10 минутъ начали поднимать. Какъ и при добываніи грунта подъемъ шелъ очень долго. Когда наконецъ онъ показался изъ воды, я съ интересомъ началъ отсчитывать температуру. Оказалось, что у дна было довольно холодно: всего $+ 1{,}1^0$ по Цельсію! Такъ вотъ при какой температурѣ живетъ все придонное населеніе этой мѣстности! И развѣ не поразительна человѣческая изобрѣтательность, позволившая мнѣ заглянуть въ самыя нѣдра океана? Стоя на палубѣ, я теперь твердо зналъ, что у дна температура всего на 1^0 выше нуля, что вся рыба, которую намъ дастъ ярусъ, живетъ именно въ средѣ съ такой температурой.

Я опредѣлилъ температуру другихъ слоевъ и получилъ слѣдующую серію цыфръ:

Глуб. въ метр.:	0 (т.-е. поверхн.)	10	25	50	100	150	170.
Темпер. въ град. Цельс.:	+ 8,2	+ 4,7	+ 2,1	+ 1,6	+ 1,4	+ 1,2	+ 1,1.

Такимъ образомъ только самые верхніе слои воды оказывались нагрѣтыми солнцемъ. Уже на глубинѣ 25 метровъ было всего 2 градуса! Несмотря на волненіе, на приливъ и отливъ, поверхностное нагрѣваніе воды глубоко не проникало.

Долго продолжалась моя работа. Чтобы получить приведенную выше серію температуръ, понадобилось около 3 часовъ. Вскорѣ послѣ этого 3 человѣка изъ команды отправились выбирать ярусъ. Уловъ былъ хорошій: на 15 тюковъ добыли пудовъ 70 рыбы, преимущественно палтусовъ.

Я принялся измѣрять и вскрывать доставленную рыбу, а «Поморъ», выкатавъ якорь, отправился дальше миль на 20 къ сѣверу, чтобы выяснить, какъ далеко тянется къ сѣверу та стая рыбы, среди которой шелъ промыселъ.

За работой незамѣтно прошло время до остановки. Мы были приблизительно въ 45 миляхъ на сѣверъ отъ о-ва Кильдина. Какъ показалъ ярусъ, и здѣсь была рыба, но уже въ нѣсколько меньшемъ количествѣ. Такимъ образомъ миль на 40—50, т.-е. на 80—90 верстъ въ ширину простиралась подошедшая къ берегамъ стая промысловыхъ рыбъ, преимущественно трески, пикши и палтусовъ!

Наживка кончилась, и волей неволей пришлось прекратить на время дальнѣйшіе опыты яруснаго лова.

— Что же теперь будемъ дѣлать? — обратился я къ Григорію Ивановичу.

— Придется идти за наживкой! — отвѣчалъ онъ. — Идемте, Константинъ Павловичъ, въ Гаврилово. Вѣдь намъ потомъ все равно придется на востокъ пробираться.

— Ну, ладно! Идемте въ Гаврилово!—согласился я.

Я не спалъ уже часовъ 30; поэтому, какъ только начали катать якорь, я забрался въ свою койку и моментально заснулъ тѣмъ здоровымъ сномъ, какимъ спятъ въ морѣ послѣ хорошей работы.

ГЛАВА XIV.

До Гаврилова.

Бодрымъ и свѣжимъ проснулся я послѣ шестичасового сна.

Григорій Ивановичъ со штурманомъ пили чай.

— Ну, что? какъ дѣла?—спросилъ я.

— Штилѣемъ, Константинъ Павловичъ!

Я вышелъ на палубу. Паруса безсильно висѣли. Медленно, медленно, едва замѣтной и совершенно гладкой на поверхности волной перекатывалась безпредѣльная поверхность океана, ярко освѣщенная солнцемъ. На югѣ, миляхъ въ 15 виднѣлись бурые подернутые зеленью берега Мурмана. Кое-гдѣ въ бинокль можно было различить лежавшія на ярусахъ шняки промышленниковъ. Воздухъ былъ такъ чистъ и дышалось такъ легко, что не хотѣлось идти въ каюту, казавшуюся теперь и тѣсной и мрачной.

Сидя за чаемъ, мы думали, что намъ дѣлать. Чтобы не терять даромъ времени, рѣшили стать здѣсь на якорь и произвести рядъ работъ въ надеждѣ, что къ концу ихъ задуетъ вѣтеръ, и мы двинемся дальше.

— Жалко, что наживки нѣтъ,—сказалъ я,—а то хорошо было бы ярусъ выметать!

— Мы попробуемъ ловить на поддѣвъ, — замѣтилъ Григорій Ивановичъ.

Я слышалъ объ этомъ удивительномъ способѣ лова, но никогда его не видѣлъ. Поэтому я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за всѣми приготовленіями къ нему, послѣ того какъ «Поморъ» сталъ на якорь.

Штурманъ досталъ нѣсколько поддѣвныхъ удъ и роздалъ матросамъ. Простота этой снасти меня поразила. Представьте себѣ 2 большихъ крючка такой же формы, какъ обыкновенные крючки для удочекъ, но значительно больше

ихъ, вершка три въ высоту; оба эти крючка спаяны другъ съ другомъ своими длинными сторонами такъ, что ихъ острія торчатъ въ прямо противоположныя стороны. Этотъ

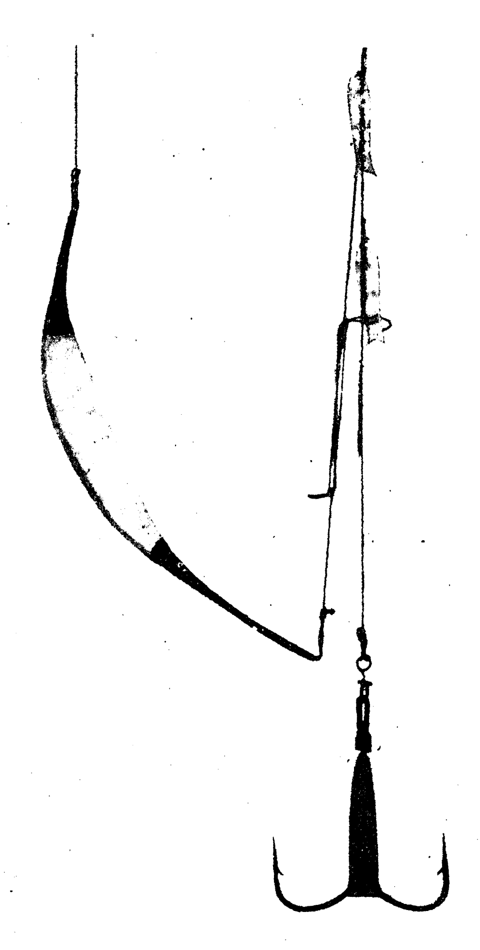

Рис. 57. Снасть для лова на поддѣвъ. Внизу—крючки; вверхъ по лесѣ—металлическія рыбки для приманки; слѣва—грузило.

двойной крючекъ привязанъ къ длинной бичевкѣ такой толщины, какъ форшни; на нѣкоторомъ разстояніи отъ крючка прикрѣплено грузило, а между послѣднимъ и крючкомъ привязано нѣсколько блестящихъ жестяныхъ пла-

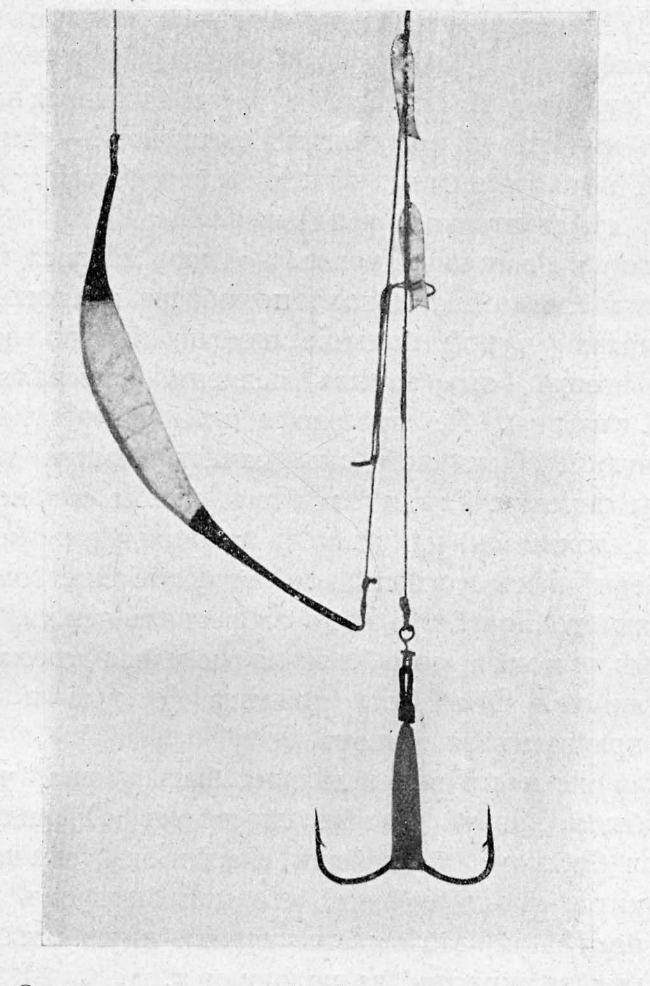

Рис. 57. Снасть для лова на поддѣвъ. Внизу—крючки; вверхъ по лесѣ—металлическія рыбки для приманки; слѣва—грузило.

стинокъ, по формѣ и величинѣ напоминающихъ небольшихъ рыбокъ.

— А чѣмъ же будете наживлять эти крючки?—спросилъ я.

— Да ничѣмъ!—отвѣчали мнѣ.—На поддѣвъ ловятъ безъ наживки!

— Неужели найдется такая дура рыба, которая полѣзетъ на голый ничѣмъ не наживленный крючекъ?—удивился я.

— А вотъ увидите!

И я, дѣйствительно, увидѣлъ.

Григорій Ивановичъ, взялъ у одного матроса поддѣвъ и спустилъ его до дна; потомъ подобравъ немного, началъ дѣлать правой рукой большіе взмахи: быстро поднимая бичевку вверхъ, онъ затѣмъ медленно спускалъ ее до прежней глубины. Не прошло и пяти минутъ, какъ съ торжествующей улыбкой онъ началъ быстро выбирать изъ воды бичевку, слѣдя за тѣмъ, чтобы она не спутывалась, а ложилась на палубѣ правильными кольцами. Я съ нетерпѣніемъ глядѣлъ за бортъ, все еще сомнѣваясь въ успѣхѣ его лова. Но вотъ заблестѣла чешуя, и скоро на палубѣ у моихъ ногъ лежала большая треска около метра длиною. Она была поддѣта (откуда и названіе снасти) крючкомъ за животъ.

Какая же масса рыбы должна быть у дна, чтобы ее можно было ловить такимъ способомъ! Очевидно, привлеченная блескомъ жестяныхъ пластинокъ, она такой кучей держится около крючка, что при быстромъ подъемѣ вверхъ послѣдній зацѣпляетъ ту или иную изъ нихъ за что попало: за животъ, за голову и т. д.

Скоро Григорій Ивановичъ вытащилъ другую треску. Матросы тоже то и дѣло вытаскивали то треску, то пикшу. Я взялъ у Григорія Ивановича поддѣвъ... Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ я почувствовалъ, какъ тяжесть снасти сразу увеличилась, и, когда я вытащилъ крючекъ, на немъ висѣла пикша.

— Почему же промышленники не употребляютъ поддѣва?—спросилъ я.

— Они пользуются имъ,—отвѣчалъ Григорій Ивановичъ,—но поморы не любятъ этого лова. Колонисты шведы, норвежцы и финляндцы примѣняютъ его очень часто, особенно, кто побѣднѣе, у кого нѣтъ средствъ обзавестись шнякой или елой и дорого стоющимъ ярусомъ. Они выходятъ на промыселъ въ карбасѣ съ нѣсколькими поддѣвами и часто возвращаются съ полнымъ грузомъ.

— Отчего же поморы не любятъ поддѣва?

— Да потому, что ловъ этотъ гораздо труднѣе яруснаго. Вѣдь тутъ все время работать нужно, и черезъ 5—6 часовъ рука отъ постоянныхъ взмаховъ страшно устаетъ. А кромѣ того послѣ поимки каждой рыбы приходится вытягивать сколько саженей лески. Вотъ теперь у насъ глубина 168 метровъ, слѣдовательно, каждый разъ приходится выбирать 160 съ лишнимъ метровъ веревки. Это тоже нелегко.

— А скажите, Григорій Ивановичъ—спрашивалъ я,—на какомъ разстояніи отъ дна долженъ быть крючекъ поддѣва?

— Какъ когда! Иной разъ рыба держится у самаго дна, а иной разъ и выше. Приходится пробовать,—то спускать поглубже, то нѣсколько поднимать. Бываютъ поэтому случаи, когда на ярусъ рыба идетъ очень плохо, а на поддѣвъ ловится очень хорошо.

Ловъ продолжался и очень удачно.

Я попросилъ Григорія Ивановича спустить шлюпку, чтобы произвести ловъ драгой. Это самое простое орудіе для лова донныхъ животныхъ, безъ котораго не обходится ни одинъ зоологъ.

Взяли его зоологи у промышленниковъ, занимающихся ловомъ устрицъ, и, нѣсколько измѣнивъ, приспособили для своихъ цѣлей. На каменистомъ грунтѣ — драга незамѣнима.

Она состоитъ изъ довольно тяжелой желѣзной рамы, вытянутой въ видѣ прямоугольника; къ длиннымъ сторонамъ рамы неподвижно прикрѣплены два ножа, расходящіеся подъ извѣстнымъ угломъ отъ устья драги; къ короткимъ сторонамъ — подвижно прикрѣплены двѣ ручки. Къ рамѣ привязывается мѣшокъ изъ очень плотной и прочной сѣтки. Чтобы онъ не разорвался о камни, покрывающіе дно, его часто покрываютъ сверху, какъ футляромъ, еще другимъ мѣшкомъ изъ крѣпкой, грубой парусины. Драгу прикрѣпляютъ къ длинному стальному тросу, бросаютъ въ море и волочатъ по дну. Можетъ случиться, что драга зацѣпится своими ножками за камень, скалу и т. д.; въ такихъ случаяхъ легко можно было бы погнуть ножи и даже сломать раму... Чтобы избѣжать этого, къ тросу прикрѣпляютъ только одну ручку драги, другую же привязываютъ къ ней тоненькой, но прочной бичевкой. Если теперь драга и зацѣпится, то при вытягиваніи скорѣе разорвется бичевка, чѣмъ согнется или сломается рама.

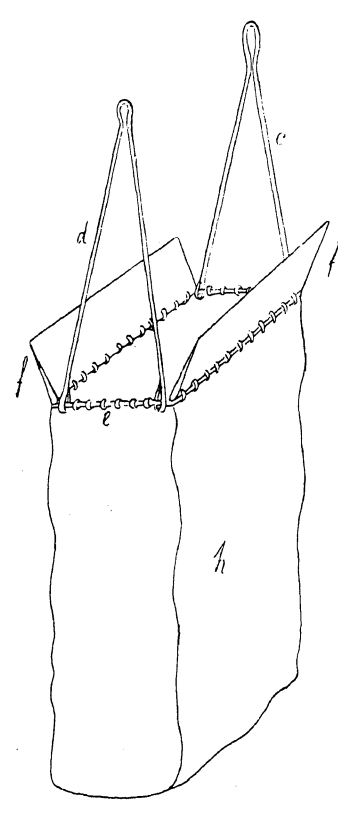

Рис. 58. Драга. *l*—рама; *f*—ножи; *c* и *d*—двѣ ручки; *h*—мѣшокъ, скрывающій подъ собой сѣтку.

Снаряженную драгу взяли на шлюпку и отвезли довольно далеко отъ «Помора», на столько, сколько у насъ было троса, который въ это время свободно сматывался съ катушки лебедки. Когда брошенная со шлюпки драга затонула, тросъ начали наворачивать на лебедку... Работа медленная и тяжелая. Черезъ часъ въ моемъ распоряженіи былъ полный мѣшокъ собраннаго съ морского дна ила.

чтобы раздобыть находившихся въ немъ животныхъ, пришлось ихъ отмывать въ водѣ.

Забравшись въ спущенную на воду шлюпку, я бралъ изъ драги комъ ила, клалъ его въ обыкновенное рѣшето съ довольно частой металлической сѣткой и встряхивалъ его въ водѣ. Илъ и песокъ размывались водою и уходили сквозь сѣтку рѣшета, а на ней оставались пойманныя животныя. Больше всего было мелкихъ моллюсковъ и червей. Многіе изъ послѣднихъ жили въ трубкахъ, склеенныхъ изъ песчинокъ и крупинокъ ила. Попалось довольно много пикногоновъ или, какъ ихъ называютъ, морскихъ пауковъ. Это — удивительно нелѣпаго вида животное: туловища почти не замѣтно, и кажется, что все оно состоитъ изъ однѣхъ ногъ!

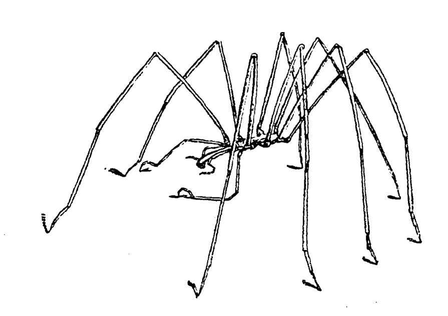

Рис. 59. Пикногонъ.

Среди прочихъ животныхъ находилось нѣсколько довольно крупныхъ раковъ-отшельниковъ. Я ихъ посадилъ въ банку съ морской водой, и всѣ мы потомъ долго наблюдали за ними. Ракъ-отшельникъ очень похожъ по виду на нашего обыкновеннаго рѣчного рака. Отшельникомъ же его называютъ потому, что онъ свое брюшко прячетъ въ пустую завитую раковину моллюска, такъ какъ оно у него не покрыто твердымъ известковымъ панцыремъ. Въ случаѣ опасности онъ почти весь можетъ уйти въ раковину, какъ въ домикъ, и изъ отверстія ея торчатъ только усы, глаза, да клешни. Въ такомъ положеніи ракъ-отшельникъ чувствуетъ себя въ полной безопасности! И дѣйствительно, только развѣ крупная рыба можетъ причинить ему вредъ, проглотивъ его вмѣстѣ съ его жилищемъ! Пойманные въ драгу отшельники оказались большими драчунами. Матросы хохотали до упаду, глядя, какъ

Рис. 60. Раки-отшельники. На переднемъ планѣ ракъ перебирается изъ одной раковины въ другую; видно его мягкое брюшко.

они, вцѣпившись другъ въ друга клешнями, возились въ моемъ небольшомъ акваріумѣ.

Всѣхъ пойманныхъ животныхъ я разсортировалъ (моллюсковъ къ моллюскамъ, червей къ червямъ и т. д.) и разложилъ въ банки со спиртомъ крѣпостью въ 70⁰. Въ каждую банку я опустилъ этикетку съ указаніемъ, когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ (глубина, грунтъ, орудіе) были пойманы эти животныя.

Въ драгѣ не оказалось ни рыбъ, ни другихъ быстро плавающихъ животныхъ. Это вполнѣ понятно: всѣ они легко уходятъ отъ такого небольшого и такъ медленно двигающагося орудія.

Послѣ драги снарядили пелагическую сѣтку. Такъ она называется потому, что служитъ для лова пелагическихъ животныхъ, т.-е. такихъ, которыя плаваютъ на различныхъ глубинахъ, начиная отъ поверхности вплоть до дна.

Пелагическая сѣтка, бывшая на «Поморѣ», состояла изъ металлическаго обруча въ 1 метръ въ діаметрѣ; къ обручу былъ прикрѣпленъ длинный (около $2^1/_2$ метровъ) мѣшокъ конической формы изъ особой шерстяной напоминающей канву матеріи. Узкій конецъ мѣшка оканчивался металлическимъ цилиндромъ, дно котораго было затянуто шелковой матеріей, похожей на канву или на сито.

Привязавъ идущіе отъ обруча сѣтки веревки къ тросу, ее спустили почти до самаго дна и затѣмъ подняли. Медленно поднимаясь, ткань сѣтки процѣживала воду, задерживая всѣхъ животныхъ, которыя не успѣвали отъ нея уйти. Когда сѣтку подняли, и я отвинтилъ шелковую ткань, затягивавшую дно стакана, на ней находилась сѣровато-бурая слизистая масса. Трудно было въ ней что-нибудь различить. Всю эту массу я бросилъ въ банку съ водой, и послѣдняя закипѣла жизнью. Тысячи особыхъ маленькихъ рачковъ быстрыми, короткими прыжками двигались по различнымъ направленіямъ; совершенно прозрачные пелагическіе черви—сагитты, плавали, слегка изви-

ваясь своимъ тѣломъ, мальки какихъ-то рыбъ, величиною не больше сантиметра, съ черными, сразу замѣтными глазами и съ прозрачнымъ, почти какъ стекло, тѣломъ едва шевелили своими крохотными хвостиками; небольшія медузы, въ видѣ колоколовъ, блюдечекъ и шариковъ, часто отливающія удивительно нѣжными тонами, безсильно висѣли въ водѣ. Все это было такъ нѣжно, что при сортировкѣ приходилось быть очень осторожнымъ.

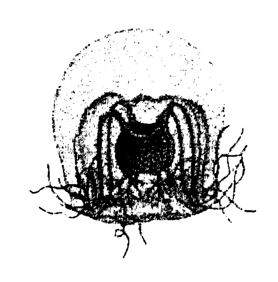

Рис. 61. Небольшая медузка.

Медузъ я отобралъ и положилъ въ формалинъ, такъ какъ въ спиртѣ онѣ совсѣмъ не сохраняются; въ формалинѣ же пришлось сохранять и мальковъ рыбъ; все остальное, отфильтровавъ воду, я опустилъ въ спиртъ. Жалко было смотрѣть, какъ въ этихъ жидкостяхъ пропадали и поразительно нѣжныя краски, и удивительная прозрачность этихъ животныхъ. Только увидѣвъ ихъ въ живомъ видѣ, можно было понять, почему такъ восторгаются ихъ красотой!

Пелагическія животныя вообще носятъ названіе планктона. Конечно, та сѣтка, которой производился ловъ въ описываемомъ мною случаѣ, могла дать только сравнительно крупныхъ планктонныхъ животныхъ, такъ какъ микроскопическіе организмы вмѣстѣ съ водою проходили черезъ ткань сѣтки.

Уже нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ Григорій Ивановичъ съ напоминаніемъ, что пора ѣсть. Команда давно уже пообѣдала. Наконецъ, планктонъ разобранъ, разложенъ по банкамъ и снабженъ этикетками. Можно было приниматься за обѣдъ.

На «Поморѣ» треска тоже составляла необходимую принадлежность нашего стола, но такъ какъ нашъ поваренокъ или, какъ его здѣсь называли, кокъ былъ русскій, то мы могли разнообразить наше меню консервами. Когда

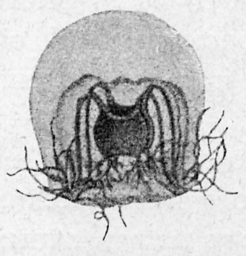
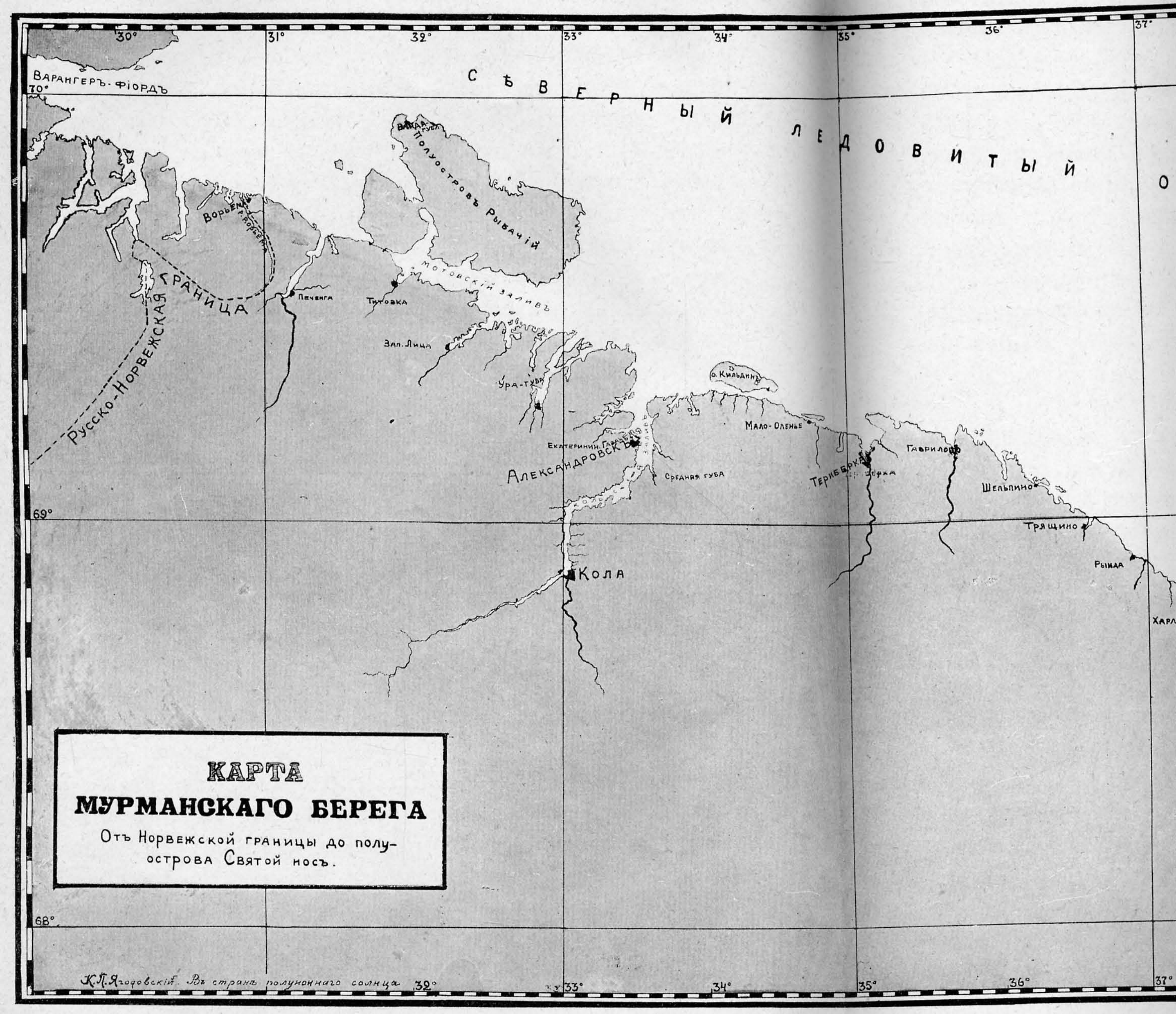
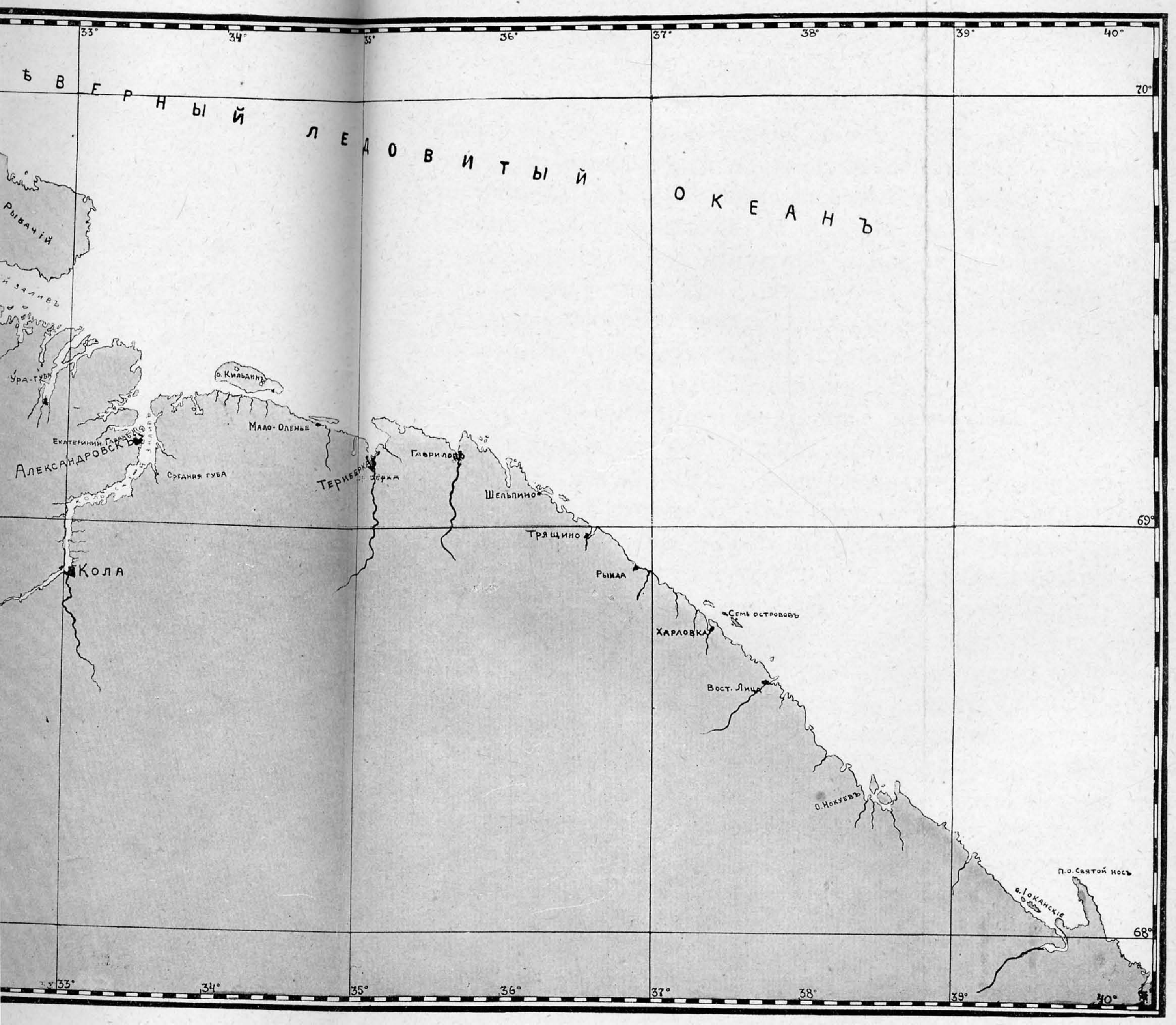

Рис. 61. Небольшая медузка.

К. П. Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца

ѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
Рыбачій
залив
Ура-губа
о. Кильдинъ
Мало-Оленье
Екатеринин. Гавань
Александровск
Средняя губа
Териберка
Гаврилово
Шельпино
Трящино
Рында
Семь острововъ
Харловка
Вост. Лица
о. Нокуевъ
п.о. Святой носъ
о. Іоканские
Кола
33°
34°
35°
36°
37°
38°
39°
40°
70°
69°
68°

я разсказалъ Григорію Ивановичу и его помощнику, какъ угостила меня битками фру Ингеборъ, хохоту не было конца.

Послѣ обѣда я принялся за пойманную на поддѣвъ рыбу. Ея было много, но работа пошла очень быстро, такъ какъ и Григорій Ивановичъ и штурманъ мнѣ усердно помогали. Когда послѣ измѣренія и вскрытія рыбы начали ее чистить, около «Помора» собралась стая чаекъ, съ жадностью набрасывавшихся на каждый, выбрасываемый за бортъ кусокъ. Какія отчаянныя драки разыгрывались при этомъ между ними! Вся команда высыпала на палубу и съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдила, какъ какая-нибудь болѣе бойкая чайка, буквально изъ-подъ носа, утаскивала у своей товарки лакомый кусокъ. Трудно было удержаться отъ смѣха при видѣ того недоумѣнія, которое выражалось во всей позѣ такой птицы!

Вѣтра все не было! Солнце склонялось къ горизонту, а мы все еще стояли на томъ же мѣстѣ. Такъ какъ работы были кончены, и Григорій Ивановичъ надѣялся, что къ вечеру задуетъ вѣтерокъ, то якорь выкатали и подняли паруса. Но они, какъ тряпки, висѣли на рангаутѣ.

Но что это? Вдали на горизонтѣ я ясно видѣлъ силуэты судовъ и какія-то неопредѣленныя очертанія низкаго берега... Миражъ! Никогда не думалъ я, что буду наблюдать это удивительное явленіе въ ледовитомъ океанѣ! Я училъ когда-то въ географіи о миражѣ, какъ явленіи, свойственномъ пустынямъ тропическихъ странъ, и вдругъ теперь вижу его въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ! Я бросился къ Григорію Ивановичу, думая, что и онъ раздѣлитъ мое удивленіе, но жестоко ошибся.

— Въ тихую погоду,—замѣтилъ онъ,—это часто здѣсь бываетъ.

Какъ хорошъ, какъ дивно хорошъ былъ этотъ вечеръ въ океанѣ, далеко за полярнымъ кругомъ!

— Вы играете въ шахматы, Константинъ Павловичъ?—

обратился ко мнѣ Григорій Ивановичъ со своей нѣсколько застѣнчивой улыбкой.

— Играю, но плохо!

— Я тоже плохо. Не хотите ли сыграть партію?

— Давайте!—согласился я.—Но только не въ каютѣ!

Мы расположились на крышѣ нашей каюты. Я игралъ плохо, но Григорій Ивановичъ, недавно только научившійся, оказался совсѣмъ слабымъ игрокомъ. Я выигрывалъ партію за партіей. Григорій Ивановичъ, посасывая свою трубочку, снова и снова разставлялъ фигуры, и мы съ нимъ сыграли партій 6. Но зато нельзя передать того восторга, съ которымъ онъ сдѣлалъ мнѣ шахъ и матъ!

Уже солнце совсѣмъ склонилось къ горизонту, когда потянулъ слабый нордъ-вестъ. Паруса начали надуваться, и «Поморъ» двинулся къ берегу.

Хотя меня и интересовалъ входъ въ Гаврилово, но усталость оказалась сильнѣе... Я пошелъ въ каюту и съ наслажденіемъ растянулся на своей койкѣ.

ГЛАВА XV.

Въ Гавриловѣ.

— Константинъ Павловичъ, чай пить! — разбудилъ меня Григорій Ивановичъ.

— А гдѣ мы, Григорій Ивановичъ? — спросилъ я, сладко потягиваясь послѣ крѣпкаго, здороваго сна.

— Уже давно въ Гавриловѣ стоимъ!

Я раздвинулъ занавѣски койки. На столѣ уже стоялъ чайникъ съ кипяткомъ, хлѣбъ, масло, печенье. Григорій Ивановичъ сидѣлъ на стулѣ противъ входа въ каюту, а штурманъ подстригалъ ему волосы.

— Да у васъ тутъ настоящая парикмахерская!

— Если хотите, и васъ постригу! — предложилъ штурманъ.

Мнѣ это было необходимо. Скоро я смѣнилъ Григорія Ивановича, положившись вполнѣ на вкусъ и искусство нашего парикмахера. Я чувствовалъ только, что ножницы у него были тупыя... Временами мнѣ казалось, что меня не стригутъ, а просто выдергиваютъ изъ головы цѣлые пучки волосъ. Напрягая всю свою волю, я старался сидѣть смирно, хотя слезы невольно выступали на глазахъ. Когда я не удерживался и вскакивалъ, штурманъ начиналъ ругать ножницы, дулъ на нихъ и щелкалъ ими, полагая, вѣроятно, что послѣ этого онѣ сдѣлаются острѣе. Наконецъ пытка окончилась. Штурманъ оглядывалъ меня со всѣхъ сторонъ торжествующимъ взглядомъ, вполнѣ довольный результатами своего искусства. Я посмотрѣлъ въ зеркало... Голова моя несомнѣнно пріобрѣла крайне неправильную форму: на лѣвой сторонѣ повыше уха была какая-то странная впадина, между тѣмъ какъ соотвѣтствующее мѣсто на правой сторонѣ вздымалось бугромъ, возлѣ самаго уха волосы какъ будто вылѣзли и т. д. «Ничего, сойдетъ!» подумалъ я, не рѣшаясь подвергуть себя вторично воздѣйствію штурманскихъ рукъ.

— Что это у насъ такъ тихо!—спросилъ я Григорія Ивановича, удивленный тѣмъ, что почти никого изъ команды не видно на палубѣ.

— На берегъ уѣхали. Сегодня вѣдь воскресеніе! Я тоже собираюсь отправиться въ становище; не хотите-ли и вы посмотрѣть Гаврилово?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Я только что хотѣлъ просить васъ объ этомъ.

Мы сговорились сейчасъ же послѣ завтрака ѣхать въ становище, а послѣ обѣда—на птичьи горы или «базары», какъ ихъ здѣсь называютъ (рис. 62).

Высадившись на берегъ, мы прошли черезъ становище. Представившаяся моимъ глазамъ картина не поразила меня новизной и оригинальностью; въ общемъ все то же, что и въ Териберкѣ. Выйдя за предѣлы поселка, мы начали

карабкаться на скалы и скоро очутились на довольно ровномъ плато. Снѣгу уже почти не было; только во впадинахъ и на склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу, лежали посѣрѣвшіе сверху, но все еще довольно мощные пласты его.

Навстрѣчу намъ, очевидно, въ Гаврилово шли 2 человѣка—мужчина и женщина. Ихъ лица сразу остановили на себѣ мое вниманіе, такъ отличались они отъ обычнаго на Мурманѣ типа поморовъ. Я сразу догадался, что это лопари, и тутъ только вспомнилъ, что съ самаго прибытія на сѣверъ я живу въ Лапландіи!

— Почему это, Григорій Ивановичъ, такъ рѣдко встрѣчаются здѣсь лопари?—спросилъ я моего спутника.

— А что имъ здѣсь дѣлать? Промысломъ морскимъ они не занимаются, да и для ихъ оленей здѣсь корму мало... Вотъ если пройти въ глубь страны, тамъ ихъ можно встрѣтить довольно часто; около устьевъ рѣкъ тоже попадаются лопари; они тамъ промышляютъ семгу.

— А что это за народъ?

— Народъ тихій, скромный. Водку только очень любятъ. Вотъ и эти, которыхъ мы встрѣтили, тоже, вѣроятно, за водкой въ Гаврилово пошли!

Странный народъ! Оттѣсненные къ самому океану, эти люди такъ и не сдѣлались мореходами. Долго жили они здѣсь въ полудикомъ состояніи, кочуя въ тундрѣ со своими оленями, дававшими имъ все необходимое для жизни: и платье, и кровъ, и пищу. Но вотъ начала и сюда проникать европейская культура и цивилизація... Какъ большинство полудикихъ народовъ, лопари не умѣютъ приспособиться къ измѣняющимся условіямъ существованія и, усваивая только худшія, отрицательныя стороны культуры, остаются прежними полудикарями. Конечно, ихъ ожидаетъ судьба всѣхъ подобныхъ народовъ—вымираніе. Уже теперь можно проѣхать на пароходѣ вдоль всего побережья Лапландіи, не встрѣтивъ ни одного

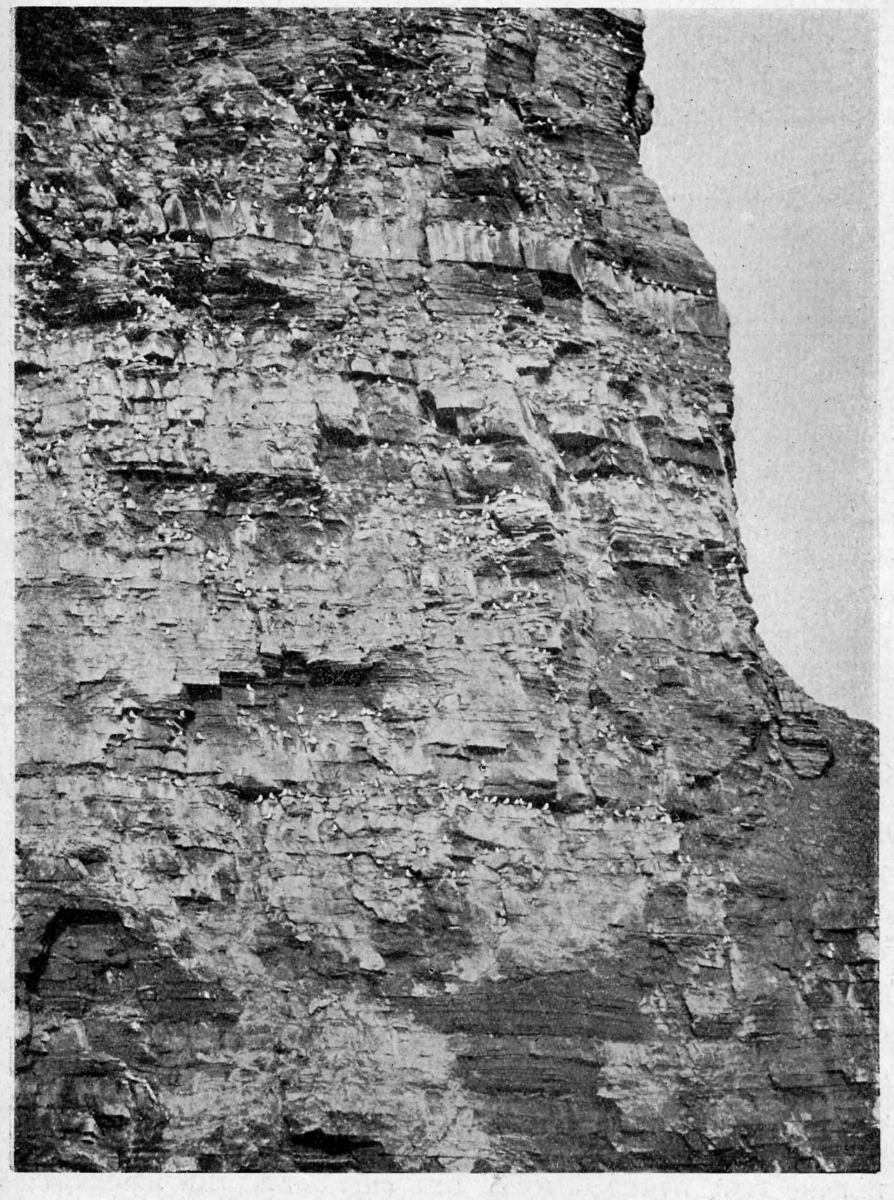

Рис. 62. Птичій базаръ на Мурманѣ.

коренного ея обитателя. Недалеко, вѣроятно, время, когда и въ глубинѣ Кольскаго полуострова лопари будутъ встрѣчаться такъ же рѣдко, какъ и на его побережьи.

Послѣ обѣда, захвативъ ружья, мы поѣхали въ шлюпкѣ къ птичьимъ горамъ. У входа въ Гавриловскую губу находится нѣсколько небольшихъ островковъ, берега которыхъ отвѣсной стѣной спускаются въ море. Уже издали бросался въ глаза цвѣтъ этихъ скалъ: отъ массы сидящихъ на нихъ птицъ и отъ покрывающаго ихъ птичьяго помета онѣ были сѣрыми, а не темно-бурыми, какъ другія скалы Мурмана. По мѣрѣ приближенія все слышнѣе и слышнѣе становился ноющій крикъ множества чаекъ. Вотъ мы и у острова (рис. 63). На уступахъ отвѣсной скалы рядами и въ одиночку сидѣли кайры, выставивъ впередъ свои бѣлыя грудки. Наше приближеніе потревожило ихъ очень мало, и онѣ, поворачивая свои головки съ длинными острыми клювами, какъ будто съ удивленіемъ посматривали на приближающуюся къ нимъ шлюпку. Намъ удалось подойти къ скалѣ очень близко, но только отдѣльныя птицы, испуганныя нашимъ приближеніемъ, снимались съ гнѣздъ и улетали (рис. 64).

Объѣхавъ скалу, мы начали подходить къ другому базару, усѣянному чайками. Какъ только послѣднія замѣтили приближающуюся шлюпку, сейчасъ же громадной стаей поднялись и стали кружиться надъ нами, положительно оглушая насъ своимъ крикомъ. Когда мы подошли ближе, Григорій Ивановичъ выстрѣлилъ въ воздухъ, и это еще больше всполошило чаекъ: онѣ заметались во всѣ стороны, а крикъ ихъ еще больше усилился. Сколько ихъ здѣсь! Трудно назвать число, которымъ можно было бы обозначить ихъ количество! Надъ нами неслась положительно туча птицъ, а масса ихъ еще оставалась на скалахъ!

Объѣхавъ острова, мы съ Григоріемъ Ивановичемъ высадились на берегъ съ тѣмъ, чтобы пройти нѣсколько верстъ въ глубь полуострова.

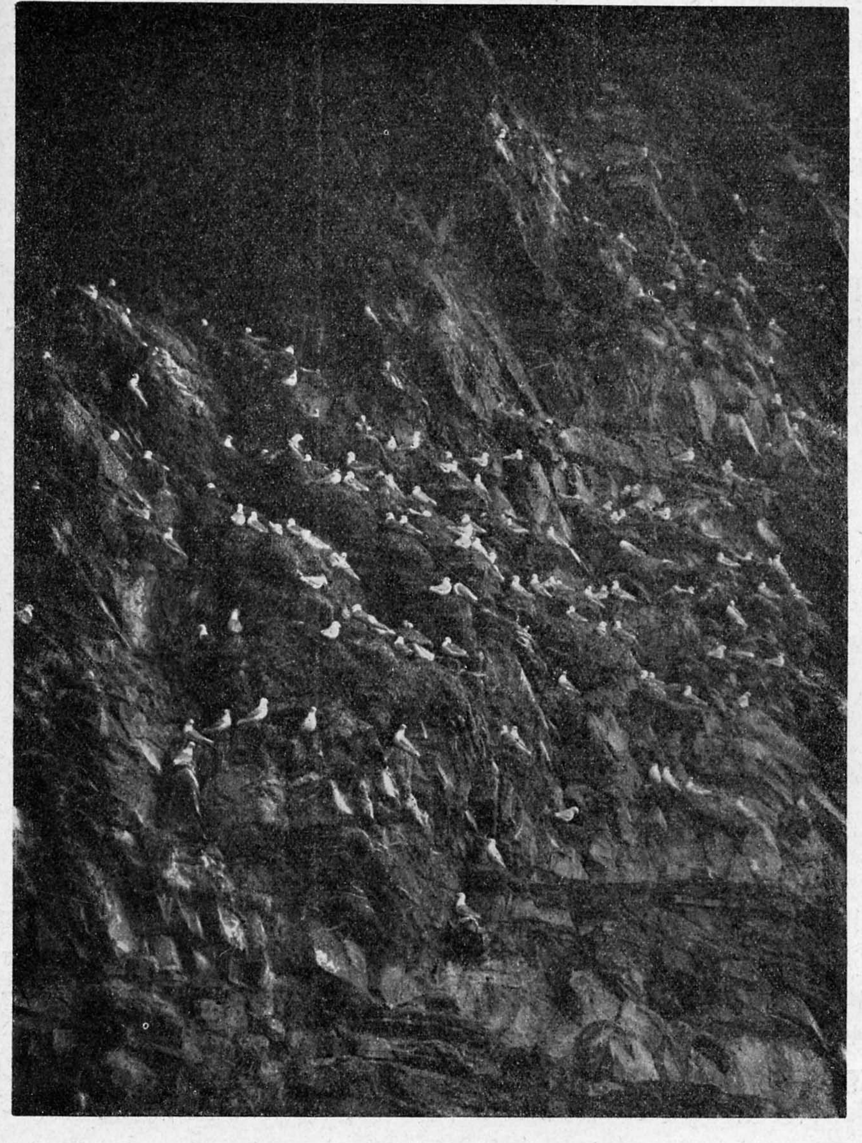

Рис. 63. Часть птичьяго базара; видны чайки.

Взобравшись на высокую прибрежную скалу, я улегся на нагрѣтомъ солнцемъ камнѣ и началъ слѣдить за птицами. Шлюпка ушла, и чайки успокоились. Уже не слышно было того оглушающаго крика, которымъ встрѣтили онѣ насъ при нашемъ приближенiи, но не было и тишины. Надъ водою все время носились чайки и кайры, выглядывая добычу. Вотъ, красиво планируя своими крыльями, крупная чайка бросается въ воду и скоро поднимается вверхъ съ рыбой въ клювѣ. Какое оживленiе царило кругомъ! Океанъ, привлекающiй своимъ богатствомъ человѣка, тѣмъ же самымъ привлекаетъ и птицъ.

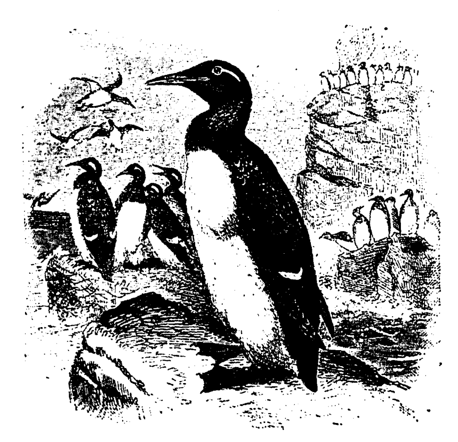

Рис. 64. Кайры.

Какъ много общаго между становищемъ и птичьимъ базаромъ! Тамъ люди, въ массѣ собравшiеся сюда, на побережье океана, для лова рыбы, здѣсь птицы, тоже въ громадныхъ массахъ и ради той же рыбы! Какую массу богатствъ таятъ въ себѣ эти безпредѣльныя водныя пространства!

Глядя на отвѣсныя скалы птичьихъ острововъ, я понималъ и оцѣнивалъ всѣ преимущества ихъ для птичьяго поселка. Кто, кромѣ человѣка, нарушитъ ихъ покой?! Ни одинъ четвероногiй хищникъ не проникнетъ къ ихъ гнѣздамъ, а пернатые хищники, по разсказамъ, боятся прибли-

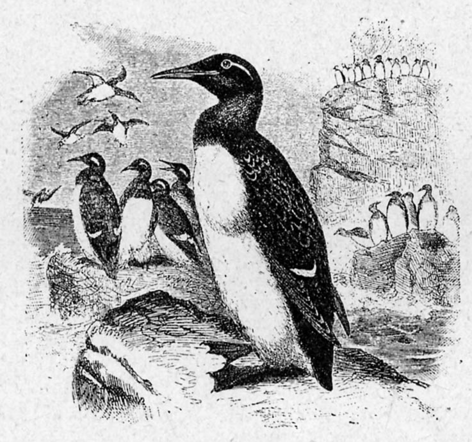

Рис. 64. Кайры.

жаться къ базарамъ, такъ какъ въ массѣ чайки легко даютъ отпоръ даже такимъ птицамъ, какъ орлы (рис. 65).

— Смотрите, Константинъ Павловичъ! Поморникъ летитъ!—сказалъ Григорій Ивановичъ, указывая на довольно крупную птицу.

Я сталъ слѣдить за плавно летѣвшей, сѣрой птицей. Вотъ онъ быстро помчался къ чайкѣ, только что выхватившей изъ воды довольно крупную рыбу. Заметалась

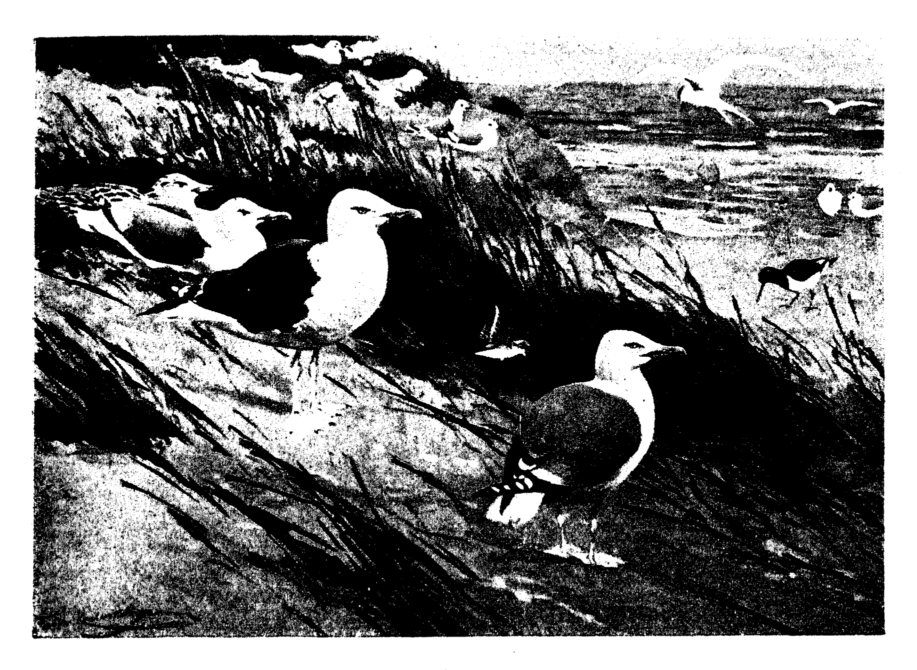

Рис. 65. Чайки.

бѣдная чайка, увидѣвъ своего врага, и выпустила добычу, а поморникъ, подхвативъ рыбу, спокойно полетѣлъ дальше. Такая разбойничья повадка поморника сдѣлала то, что онъ пользуется всеобщей антипатіей на Мурманѣ. Григорію Ивановичу тоже, вѣроятно, захотѣлось вступиться за обиженную чайку. Схвативъ ружье, онъ началъ слѣдить за поморникомъ... Вотъ онъ сѣлъ на камни, собираясь полакомиться ограбленной добычей; Григорій Ивановичъ

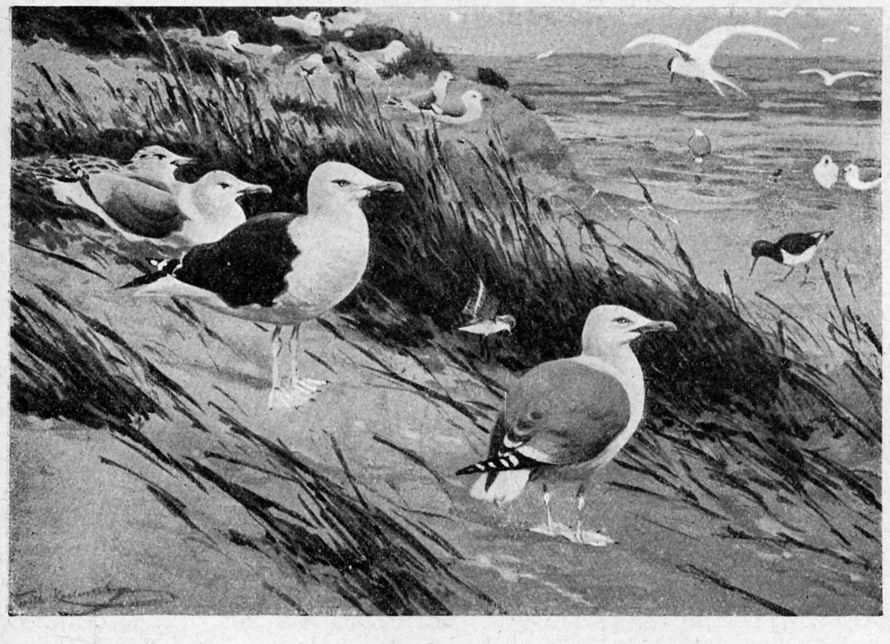

Рис. 65. Чайки.

поползъ со скалы и скоро возвратился съ убитымъ поморникомъ. Вечеромъ на «Поморѣ» я снялъ для коллекціи кожу съ этой птицы (рис. 66).

Мы пошли. Скалы почти сплошь были покрыты лишаями и мхомъ; очень часто встрѣчался ягель, которымъ питаются зимою олени. Разгребая снѣгъ ногами, они сами добываютъ его, такъ что лопарямъ не приходится запасать кормъ для своихъ стадъ. Это обстоятельство дѣлаетъ оленя незамѣнимымъ на сѣверѣ.

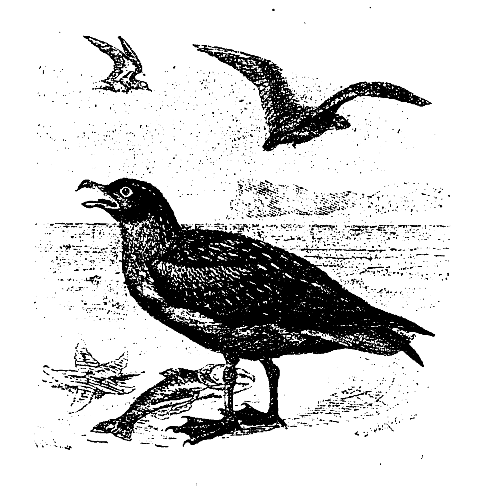

Рис. 66. Поморникъ.

Кругомъ была масса цвѣтущихъ растеній. У иныхъ изъ нихъ листьевъ почти не было видно, такъ сильно были развиты цвѣты. И какой чудный тонкій ароматъ испускали они! Во всемъ этомъ нельзя было не подмѣтить приспособленія къ жизни на крайнемъ сѣверѣ: насѣкомыхъ, опыляющихъ цвѣты, было такъ мало, что для привлеченія ихъ необходимо было чрезвычайное развитіе приспособленій, дѣлающихъ цвѣты болѣе замѣтными.

Здѣсь, какъ и на всемъ остальномъ Мурманѣ, деревьевъ по берегамъ не было. Когда мы отошли нѣсколько верстъ отъ берега, начала мѣстами попадаться низкорослая корявая береза, не выше роста человѣка. Эти карлики, со-

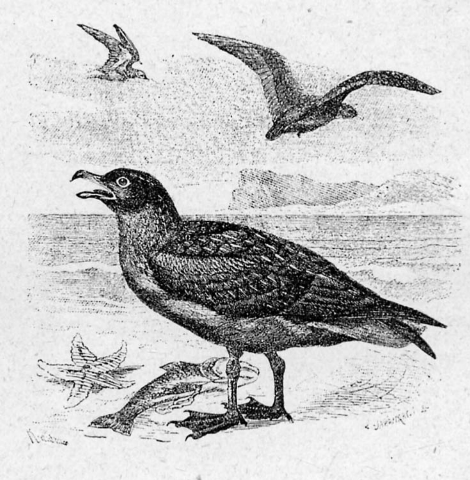

Рис. 66. Поморникъ.

Рис. 67. Карликовыя березы на Мурманѣ,

вершенно непохожія на нашу красавицу березу, все же оживляли мрачный, однообразный ландшафтъ. Встрѣтили мы также нѣсколько небольшихъ, скорѣе кустовъ, чѣмъ деревьевъ, рябины (рис. 67).

По мѣрѣ удаленія отъ берега все тише и тише становилось кругомъ. Скоро пересталъ доноситься къ намъ шумъ прибоя, а затѣмъ прекратился и крикъ чаекъ. Мы все больше и больше углублялись въ пустыню, лишенную звуковъ. Даже вѣтеръ въ этотъ день не нарушалъ господствовавшей тишины. Не только на меня, но даже и на Григорія Ивановича, родившагося и выросшаго здѣсь, на сѣверѣ, окружавшая насъ тишина дѣйствовала непріятно. Мы пробовали кричать, но крики наши замирали тутъ же, возлѣ насъ. Жутко становилось при одной мысли о постоянной жизни среди такого безмолвія! И мы скорѣе повернули назадъ къ океану, который сосредоточилъ въ себѣ и около себя жизнь этой страны. Какъ обрадовались мы, когда надъ нами заплакала случайно залетѣвшая сюда чайка. Вотъ и берегъ! И снова предъ нами жизнь бьетъ ключемъ!

— На «Поморѣ-е-е»!!—закричалъ Григорій Ивановичъ и затѣмъ свистнулъ. Насъ замѣтили, и скоро къ намъ направилась шлюпка.

ГЛАВА XVI.

Акулы.

Я не буду описывать дальнѣйшаго плаванія «Помора». Скажу только, что мнѣ это плаваніе позволило познакомиться не только съ моремъ и его обитателями, но дало возможность осмотрѣть также и побережье восточнаго Мурмана; а оно значительно отличается отъ Мурмана западнаго.

Западная часть Мурмана, прилегающая къ сѣверной Норвегіи, во многомъ напоминаетъ послѣднюю: все еще довольно высокіе, скалистые берега также круто спускаются къ морю, а глубокіе заливы съ массой губъ и небольшихъ островов вполнѣ отвѣчаютъ фіордамъ. Мотовскій и Кольскій заливы, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться на пути «Андрея Первозваннаго» въ Екатерининскую гавань и при первыхъ его плаваніяхъ, на норвежскихъ картахъ такъ и называются—фіордами.

Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ ниже скалы и тѣмъ менѣе изрѣзанъ берегъ. Только изрѣдка попадаются небольшіе острова; небольшія открытыя на сѣверъ губы при устьяхъ рѣкъ слишкомъ ничтожны, чтобы дать картину, хотя бы нѣсколько напоминающую норвежскіе фіорды.

Производя опыты яруснаго лова вдали отъ береговъ, «Поморъ» подвигался къ востоку, заходя время отъ времени въ становища, чтобы запастись наживкой. Съ этой именно цѣлью пришли мы въ становище Восточную Лицу. Когда шлюпка отправилась за наживкой, мы съ Григоріемъ Ивановичемъ тоже съѣхали на берегъ.

— Каково промышляете?—спросилъ Григорій Ивановичъ пожилого помора.

— Плохо промышляемъ,—отвѣчалъ тотъ съ унылымъ видомъ.

— Что такъ? Рыбы вѣдь вездѣ много... Или, быть можетъ, наживки нѣтъ?

— И рыба есть, и наживки достаточно, а ловить нельзя: акула мѣшаетъ! Какъ полежитъ ярусъ больше 2—3 часовъ, такъ хоть и не выбирай: всю рыбу акула объѣла! Такъ и ловимъ: выскочимъ въ море, выметаемъ ярусъ, да черезъ 2 часа и выбираемъ. Какой это промыселъ? Только снасть портимъ! Добро бы только рыбу съѣдала, а то вѣдь весь ярусъ спутаетъ и порветъ подлая!

— Отчего же вы не начнете акулу промышлять?—спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Пожалуй, придется!—отвѣчалъ поморъ.—Вотъ, разсказываютъ, въ Корабельной пахтѣ колонистъ одинъ выѣхалъ на промыселъ и ярусъ выметалъ... Вылежали, значитъ, какъ слѣдуетъ, на ярусѣ и стали выбирать... Выбираютъ, а вмѣсто трески—акула, да акула! Ну, видитъ онъ, что снасть все равно попорчена, посвязывалъ, наживилъ, да и снова выметалъ... Такъ въ «двѣ зари», говорятъ, 70 акулъ поймалъ! 150 пудовъ воюксы (т.-е. печени) скупщику продалъ!

Наживки (песчанки) наловили порядочно, тюковъ на 25.

— Что-жъ, Константинъ Павловичъ, попробуемъ и мы акулъ ловить?—спросилъ Григорій Ивановичъ, когда мы возвращались въ шлюпкѣ на «Поморъ».

— Конечно! — отвѣчалъ я. — Да и ярусъ, я думаю, также нужно будетъ выметать, чтобы посмотрѣть, какая рыба здѣсь держится.

Отойдя отъ берега миль на 15, «Поморъ» сталъ на якорь. Къ этому времени уже наживили 10 тюковъ яруса и, несмотря на довольно свѣжій вѣтеръ и порядочное волненіе, выметали его нѣсколько въ сторонѣ отъ судна. Глубина была 148 метровъ. Пока я опредѣлялъ температуры на различныхъ глубинахъ, начали готовиться къ лову акулъ.

Въ мѣшокъ изъ грубой, но неплотной ткани положили «граксы», которая представляетъ собою не что иное, какъ остатки, получающіеся при вытапливаніи тюленьяго жира. Гракса эта провонялась настолько, что я не зналъ, куда дѣваться отъ исходившаго отъ нея запаха. Привязавъ къ мѣшку камень, его спустили на дно.

— Для чего это?—спросилъ я.

— Это приманка! Акулы любятъ этотъ запахъ и, вѣроятно, уже собираются, надѣясь полакомиться,—отвѣчалъ штурманъ, проявлявшій большую дѣятельность.

— Ну, и вкусы же у этихъ чудовищъ!—подумалъ я.—

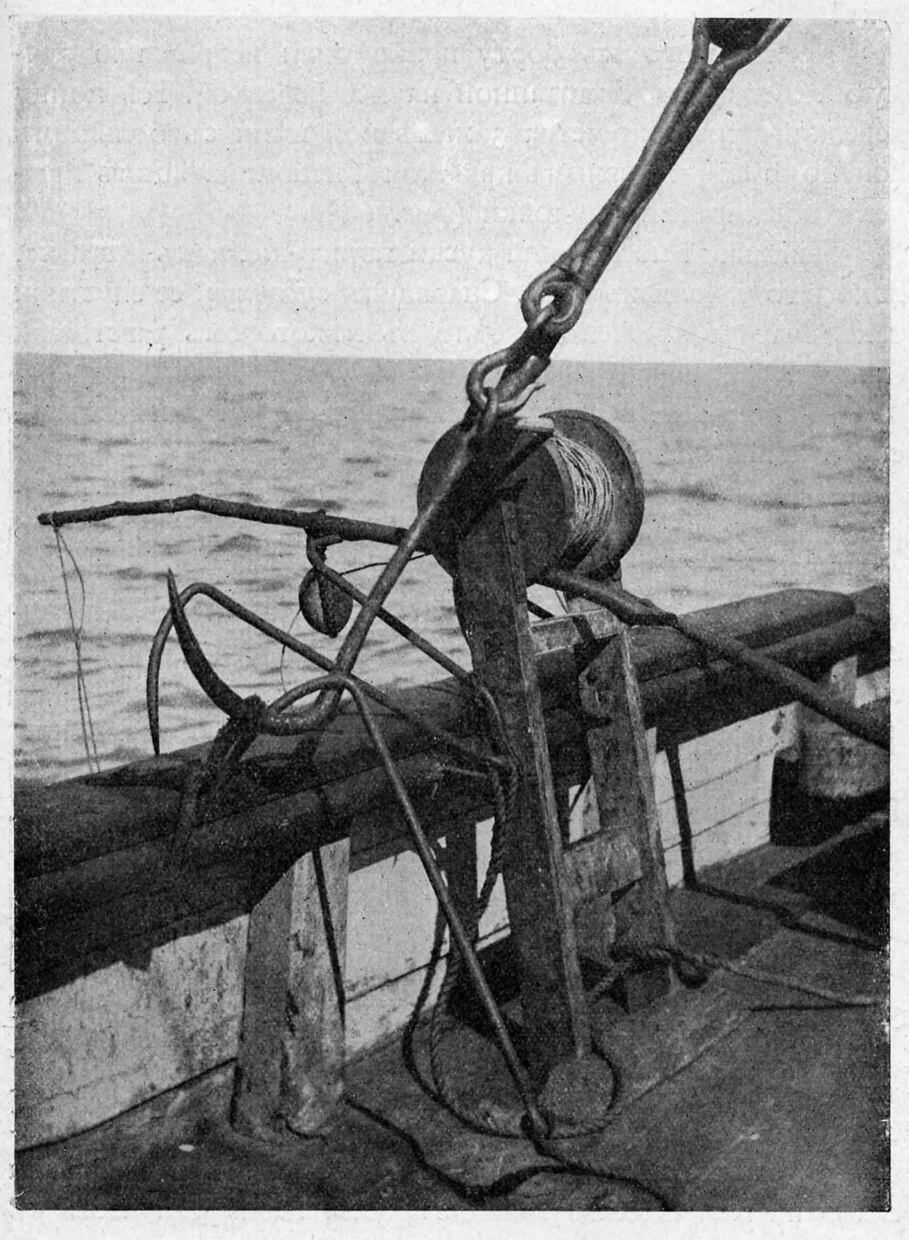

Рис. 68. Приспособленіе для лова акулъ. Видна палка, служащая удилищемъ, маленькая ручная лебедка и большіе крюки, которыми подцѣпляютъ пойманныхъ акулъ.

Вотъ ужъ, дѣйствительно съ кѣмъ нельзя спорить о вкусахъ!

Послѣ этого къ борту прикрѣпили небольшую ручную лебедку съ намотанной на нее веревкой. Къ концу веревки привязали метра 3 желѣзной цѣпи съ большимъ (около фута) желѣзнымъ крючкомъ, напоминающимъ крючекъ обыкновенной удочки (рис. 68).

Наживкой послужили куски такого-же, какъ и гракса, вонючаго тюленьяго мяса. Снарядивъ «*удочку*», ее спустили такъ, чтобы крючекъ висѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дна.

— Какъ же вы узнаете, попалась акула или нѣтъ? — спрашивалъ я.

— А вотъ мы сейчасъ удилище пристроимъ, — говорилъ штурманъ, прикрѣпляя къ борту небольшую гибкую палку.

Когда послѣдняя была укрѣплена, къ концу ея, выступающему за бортъ, привязали веревку, на которой былъ спущенъ крючекъ.

Такихъ «удочекъ» спустили съ обоихъ бортовъ 4.

Всѣ мы съ напряженіемъ стали ожидать, что будетъ. Прошло минутъ 15... Вдругъ палка одной изъ удочекъ, играющая роль удилища, начала сильно изгибаться; очевидно, попавшаяся на крючекъ акула съ силой дергала за веревку! Всѣ оживились.

— Ага! попалась!—съ торжествомъ закричалъ штурманъ, снимая веревку съ конца удилища. — Тащи, ребята!

Двое матросовъ живо начали наматывать веревку на катушку лебедки. Всѣ мы свѣсились за бортъ, желая поскорѣе увидѣть добычу. Вотъ въ прозрачной водѣ показалось что-то сѣрое, длинное... Скоро мы ясно различали слабо извивающееся туловище акулы. Разинутая пасть съ бѣлѣвшими рядами зубовъ время отъ времени закрывалась, сжимая торчащую изъ нея цѣпь, къ которой привязанъ крючекъ.

Когда акулу подтянули къ борту, ее зацѣпили большими крюками и подняли на палубу. Быстрый переходъ съ большой глубины до поверхности и связанное съ нимъ измѣненіе давленія сказались и на этомъ чудовищѣ: оно едва шевелило хвостомъ. Чтобы быть увѣреннымъ въ его смерти, его все же нѣсколько разъ ударили по головѣ тяжелымъ желѣзнымъ крюкомъ. Вся кожа акулы покрыта мелкими, загнутыми шипами, напоминающими короткіе гвоздики. Когда ее протащили отъ борта по палубѣ, на послѣдней обозначилась дорожка, какъ будто кто-нибудь взялъ и выскоблилъ ее чѣмъ-то острымъ. Широкооткрытая страшная пасть сверкала нѣсколькими рядами бѣлыхъ острыхъ зубовъ (рис. 69).

Рис. 69. Акула. Сфотографировано на снѣгу. Изо рта торчитъ цѣпь отъ крючка.

Длина пойманной акулы была 3,7 метра! т.-е, она была почти въ 2 раза длиннѣе любого изъ насъ! Меня очень интересовало, чѣмъ питается такая громадина... Съ трудомъ проникалъ острый ножъ сквозь шиповатую кожу... Черезъ большой разрѣзъ, сдѣланный на брюхѣ, вывалилась большая желтая печень (воюкса), а затѣмъ показался и

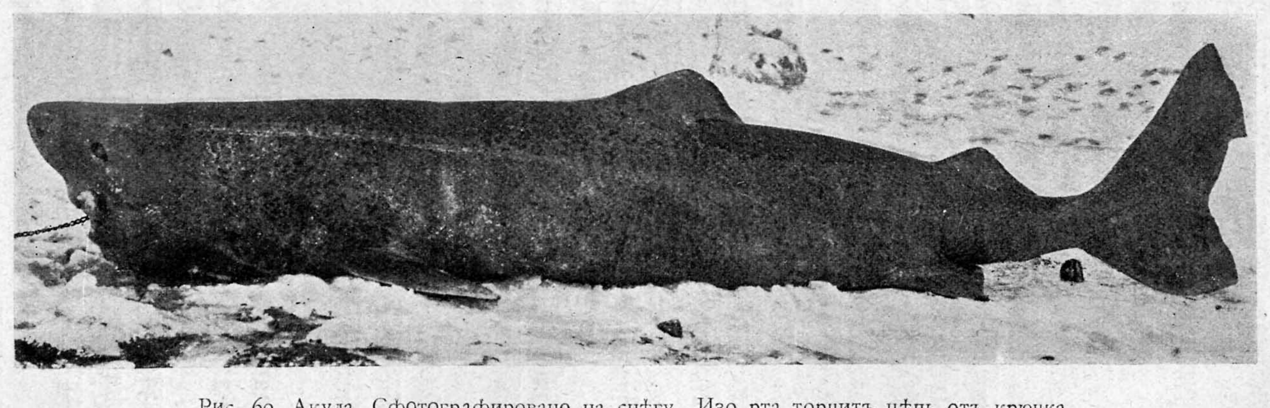

Рис. 69. Акула. Сфотографировано на снѣгу. Изо рта торчитъ цѣпь отъ крючка.

желудокъ. Когда вскрыли его, то въ немъ оказалась еще свѣжая, повидимому, недавно только пойманная треска.

— Что же теперь съ ней дѣлать? — спросилъ я Григорія Ивановича.

— Вырѣжемъ воюксу, а все остальное выбросимъ.

Когда вырѣзали печень, я ее взвѣсилъ; вѣсила она 1 пудъ 33 фунта!

Передъ выбрасываніемъ туши за бортъ, въ пустой желудокъ акулы при помощи трубки изъ тростника надули воздуха и завязали. Благодаря этому выброшенная за бортъ акула не потонула и плавала на поверхности моря.

— Для чего это надували желудокъ воздухомъ? — интересовался я.

— А чтобы не затонула; а то другія акулы сейчасъ же на нее набросятся, наѣдятся и плохо будутъ идти на крючекъ.

— Ради чего вообще промышляютъ акулъ? Неужели ради печени?—спрашивалъ я.

— Конечно,—отвѣчалъ Григорій Ивановичъ.—Печень очень цѣнится: изъ нея вытапливаютъ цѣнный жиръ. Посмотрите, какая она жирная!

Пока мы возились съ первой акулой, попалась вторая почти такой же величины. Когда ее вскрыли, желудокъ оказался очень раздутымъ: въ немъ было 2 порядочной величины тюленя! Ну и аппетитъ же у этой рыбы!

Время отъ времени возлѣ какой-нибудь изъ удъ раздавались торжествующіе возгласы; это значило, что поймали еще акулу. Ловъ шелъ все успѣшнѣе и успѣшнѣе.

А насъ между тѣмъ болтало все больше и больше. Вѣтеръ усиливался. Гребешки волнъ стали покрываться бѣлой пѣной. Григорій Ивановичъ съ тревогой посматривалъ на горизонтъ, затянутый сѣрыми тяжелыми облаками.

— Что это вы безпокоитесь, Григорій Ивановичъ?— спросилъ я.

— Яруса намъ сегодня не выбрать! — говорилъ онъ,

посасывая свою трубочку:—шлюпку будетъ заливать, когда станутъ тянуть ярусъ. Придется оставить его, пока погода стихнетъ.

Такъ за ярусомъ и не поѣхали.

Волненіе усилилось настолько, что пойманныхъ акулъ нельзя уже было поднимать на палубу. Подтянувъ къ борту крюками и измѣривъ, вырѣзывали у нихъ печень и вскрывали желудокъ. Надувать его воздухомъ при этомъ тоже было невозможно. Выброшенныя въ море акульи туши сейчасъ же тонули.

Когда черезъ нѣкоторое время послѣ этого у пойманной акулы вскрыли желудокъ, то въ немъ оказалась половина акулы только что выброшенной въ воду!

Вообще меня поражало содержимое желудковъ акулъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ чѣмъ онѣ питаются: 1) треска, 2) два тюленя, 3) треска, камбала и скатъ, 4) раковины моллюсковъ и треска, 5) два камня и больше ничего, 6) остатки трески и зубатки 7) часть акулы 8) треска и 5 пикшей 9) желудокъ пустой.

Я понимаю такую пищу, какъ тюлень, треска, пикша, но къ чему же камни глотать? И каково бѣдному акульему желудку, въ который попадетъ такая колючая штука, какъ скатъ? Вѣроятно, для акулы скатъ — что-нибудь въ родѣ острой закуски!

Только на слѣдующій день волненіе стихло настолько, что можно было послать шлюпку за ярусомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ оказался въ очень печальномъ состояніи: рыбы почти не было.

Вскорѣ я распростился съ «Поморомъ» навсегда. Правда, мнѣ приходилось потомъ встрѣчаться съ нимъ и даже бывать на немъ, но только лишь въ качествѣ гостя; плавать и работать на «Поморѣ» мнѣ больше не пришлось.

Въ 1900 году «Поморъ» былъ приспособленъ къ плаванію во льдахъ; а въ 1901 году его отправили на звѣриный промыселъ. Объ этомъ интересномъ плаваніи я раз-

скажу ниже въ одной изъ главъ со словъ Григорія Ивановича и моего товарища Нестора Александровича С.

ГЛАВА XVII.

На «Андреѣ Первозванномъ».

Въ продолженіе 3 лѣтъ много тысячъ миль пришлось мнѣ сдѣлать на «Андреѣ Первозванномъ»! Я сжился съ нимъ, какъ со своимъ роднымъ домомъ: каждый его уголокъ, каждый предметъ въ каютѣ, на палубѣ, въ лабораторіи были мнѣ такъ же хорошо знакомы, какъ предметы, окружающіе меня въ моей квартирѣ.

Много было испытано и пережито въ этихъ плаваніяхъ. Бывали, конечно, моменты мучительно тяжелые, но теперь, когда много лѣтъ отдѣляетъ меня отъ этого періода моей жизни, они рисуются для меня въ совершенно иномъ свѣтѣ. Все время, проведенное мною на «Андреѣ Первозванномъ», встаетъ въ моей памяти, какъ время интенсивной и въ высшей степени продуктивной работы, сильно расширившей мои знанія и повліявшей на мой умъ, волю и характеръ. Всѣ пережитыя невзгоды представляются мнѣ теперь часто, какъ комическіе инциденты, о которыхъ я не могу вспомнить безъ улыбки. Отъ всей души благодарю я судьбу, давшую мнѣ возможность испытать все то, что пережилъ я въ теченіе этихъ плаваній!

Іюль мѣсяцъ. Въ Екатерининской гавани для насъ даже жарко! Какъ легко привыкаетъ человѣкъ къ климату! При такой температурѣ гдѣ-нибудь въ Малороссіи навѣрное всѣ жаловались бы на холодъ, а здѣсь мы ходимъ въ самыхъ легкихъ костюмахъ.

Завтра «Андрей Первозванный» отправляется въ длин-

ный рейсъ, недѣли на 2. Работа кипитъ во всю! Уголь и воду уже погрузили. Команда занята чисткой парохода: моютъ палубу, моютъ борта, моютъ даже мачты. Мы раздѣлились на 2 партіи: одна приводитъ въ порядокъ судовую лабораторію, приготовляетъ реактивы, провѣряетъ исправность приборовъ, а другая грузитъ посуду. То и дѣло отъ берега къ пароходу идетъ шлюпка, нагруженная сотнями банокъ, баночекъ и пробирокъ.

На слѣдующій день внимательно осматриваемъ мы, все ли взято, не забыли ли чего. Но вотъ всѣ на суднѣ. Поднимаютъ шлюпки и трапъ... Мы всѣ собрались на капитанскомъ мостикѣ. Александръ Петровичъ, какъ всегда при съемкѣ съ якоря, въ нѣсколько торжественномъ настроеніи; Василій Николаевичъ съ боцманомъ—у якорной лебедки; рулевой уже стоитъ у штурвала.

— Катать якорь!—раздается команда.

— Есть!—отвѣчаетъ Василій Николаевичъ.

Гремитъ якорная лебедка и звонитъ телеграфъ въ машинное отдѣленіе.

— Право на бортъ!—командуетъ Александръ Петровичъ рулевому.

— Есть, право на бортъ! — какъ эхо, отвѣчаетъ рулевой.

Зашумѣлъ винтъ, и, слегка вздрагивая, «Андрей Первозванный» дѣлаетъ красивый поворотъ. Быстро уплываютъ зданія Александровска, и постепенно скрываются за скалой постройки экспедиціи на Екатерининскомъ островѣ. Мы приближаемся къ выходу въ океанъ, катящій намъ навстрѣчу свои широкія, отлогія волны.

Я уже обтерпѣлся и привыкъ къ постоянной качкѣ: умѣренное болтаніе на меня не дѣйствуетъ.

Всѣ разбрелись по каютамъ, чтобы привести въ порядокъ вещи. Я на дежурствѣ у лабораторіи, или, какъ говоримъ мы теперь,—«на вахтѣ». Черезъ каждые полчаса я забрасываю въ море парусиновое ведро на длинной ве-

ревкѣ и, зачерпнувъ воды, измѣряю ея температуру. Записавъ полученный результатъ въ записную книжку, я этой же водой наполняю банку и наклеиваю на нее этикетку съ указаніемъ судна дня, и часа... Эти пробы воды поступятъ потомъ въ береговую химическую лабораторію, гдѣ опредѣлятъ количество содержащейся въ водѣ соли. Въ результатѣ получится картина распредѣленія температуръ и соленостей воды на поверхности всего района, пройденнаго въ теченіе этого рейса.

Скоро приходитъ въ лабораторію Николай Михайловичъ, а за нимъ и Александръ Петровичъ (рис. 70).

— Гдѣ будетъ первая станція, Николай Михайловичъ?—спрашиваетъ онъ.

— Какъ и всегда, передъ входомъ въ Мотовскій заливъ,—отвѣчаетъ Николай Михайловичъ.

— А потомъ дальше — прямо на нордъ, съ остановками черезъ полъ-градуса?

— Да, мы продѣлаемъ, если, конечно, позволитъ погода, треугольникъ, намѣченный Стокгольмской конференціей. Пойдемъ по меридіану Кольскаго залива до 75° с. ш., потомъ повернемъ на SW, къ Новой Землѣ, а оттуда обратно въ гавань. Остановки теперь точно нельзя опредѣлить: быть можетъ, полученные при работѣ результаты потребуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе частыхъ остановокъ.

— А какая это Стокгольмская конференція?—спросилъ я Николая Михайловича.

— Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ, — что въ настоящее время всѣ страны заинтересованы научно-промысловыми изслѣдованіями. Конечно, результаты этихъ изслѣдованій окажутся гораздо болѣе цѣнными, если явится возможность сравнивать непосредственно изучаемыя воды съ другими, сосѣдними. Взять хотя бы жизнь трески... Треска несомнѣнно передвигается и подходитъ къ нашимъ берегамъ изъ другихъ, сосѣднихъ морей. Мы тогда только

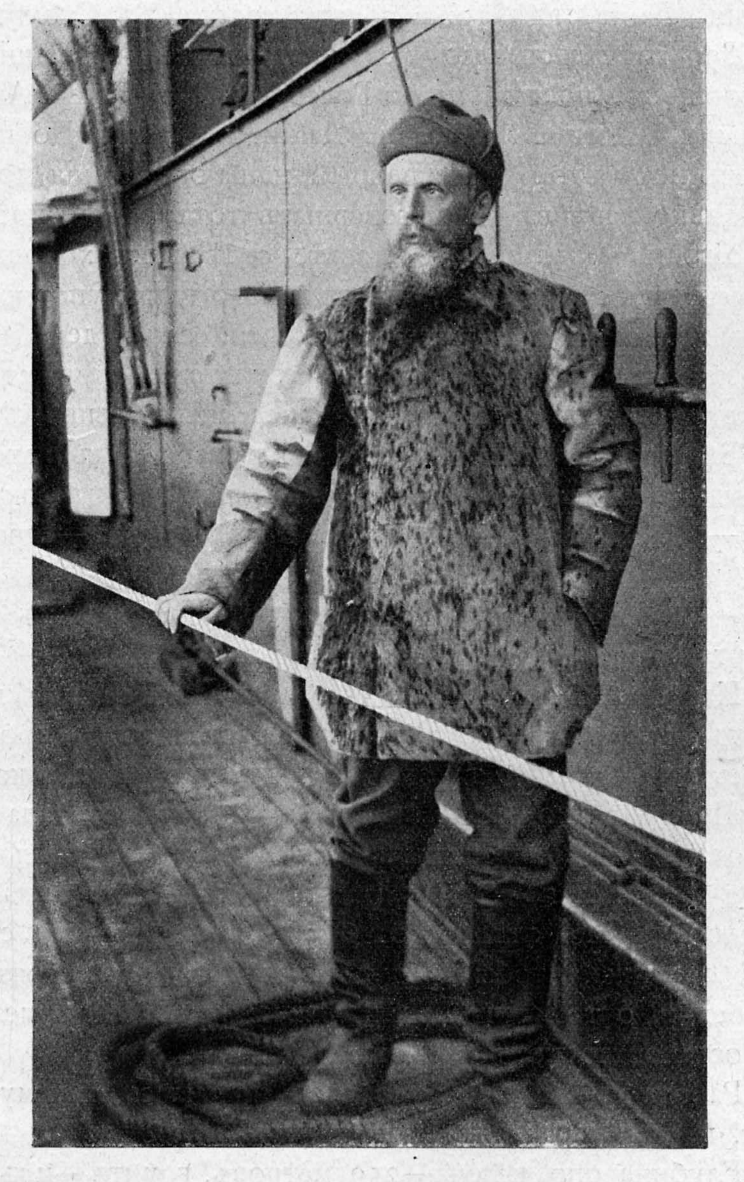

Рис. 70. Николай Михайловичъ Книповичъ на палубѣ «Андрея Первозваннаго».

прослѣдимъ эти передвиженія, когда будемъ наши наблюденія сопоставлять съ наблюденіями у береговъ Норвегіи, Англіи, Даніи, гдѣ тоже ловятъ треску. Въ Стокгольмѣ въ 1899 году состоялась международная конференція, на которой были представители Россіи съ Финляндіей, Англіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Бельгіи. По плану, намѣченному этой конференціей, наша экспедиція должна нѣсколько разъ въ годъ совершать тотъ рейсъ, который мы сегодня начали. Представьте себѣ, какъ хорошо мы будемъ знать (конечно, черезъ много лѣтъ упорной работы) жизнь нашихъ сѣверныхъ морей, если будемъ имѣть возможность сравнивать наши результаты съ тѣмъ, что дѣлается въ моряхъ всѣхъ перечисленныхъ выше странъ!

Звонокъ въ машину и замедляемый ходъ парохода указывали на то, что мы пришли въ намѣченный пунктъ.

— Какія работы будутъ на этой станціи?—спросилъ я Николая Михайловича.

— Возьмемъ серію температуръ, произведемъ ловъ оттертроллемъ и соберемъ планктонъ.

Какъ и всегда, прежде всего опредѣлили глубину и грунтъ. Эта работа на «Андреѣ Первозванномъ» производилась при помощи такого же лота съ храпами, какъ и на «Поморѣ», но какъ быстро и легко протекала она, благодаря паровой лебедкѣ! Подъемъ лота отнималъ всего минуту, двѣ! И при этомъ никто не уставалъ! Мнѣ приходилось только слѣдить за быстро двигавшимися стрѣлками счетчика, чтобы предупредить товарища, стоявшаго у лебедки, о томъ, что лотъ близко, что пора замедлить или остановить подъемъ (рис. 71).

Работа съ лебедкой особенно нравилась нашему доктору, и онъ управлялъ ею какъ артистъ.

Глубина опредѣлена—259 метровъ, грунтъ—илъ.

При работахъ на «Андреѣ Первозванномъ», опредѣляя температуры на различныхъ глубинахъ, брали также въ бутылки пробы воды для анализа на содержаніе соли.

И вотъ предъ нами снова вопросъ, какъ добыть воду съ глубины, скажемъ, 250 метровъ? Много уже существуетъ приборовъ, позволяющихъ добыть воду съ любой глу-

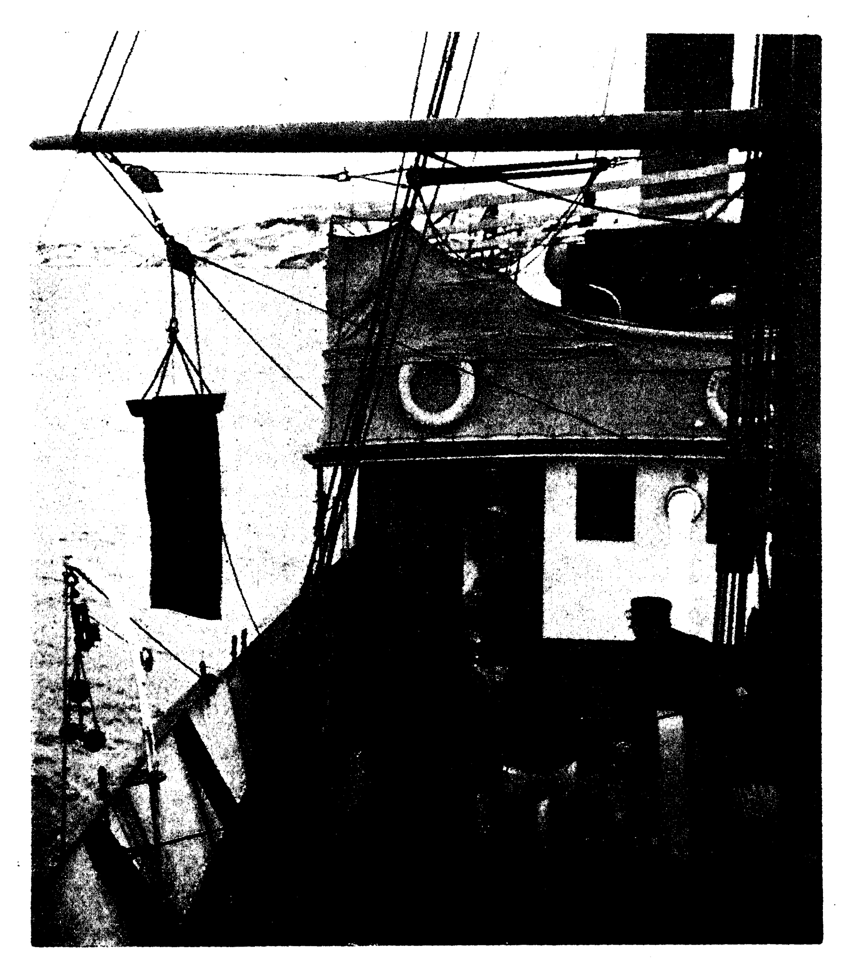

Рис. 71. Передняя часть палубы «Андрея Первозваннаго». Слѣва видны готовые къ спуску: 1) Лотъ съ храпами и счетчикъ и 2) драга, сѣть которой покрыта защищающимъ ее парусиновымъ мѣшкомъ. Справа, внизу видна лебедка, при помощи которой производится спускъ и подъемъ снастей.

бины. У насъ для этого примѣнялся «батометръ Петерсона».

Когда мнѣ приходилось раньше читать или слышать о томъ, что въ настоящее время люди производятъ измѣ-

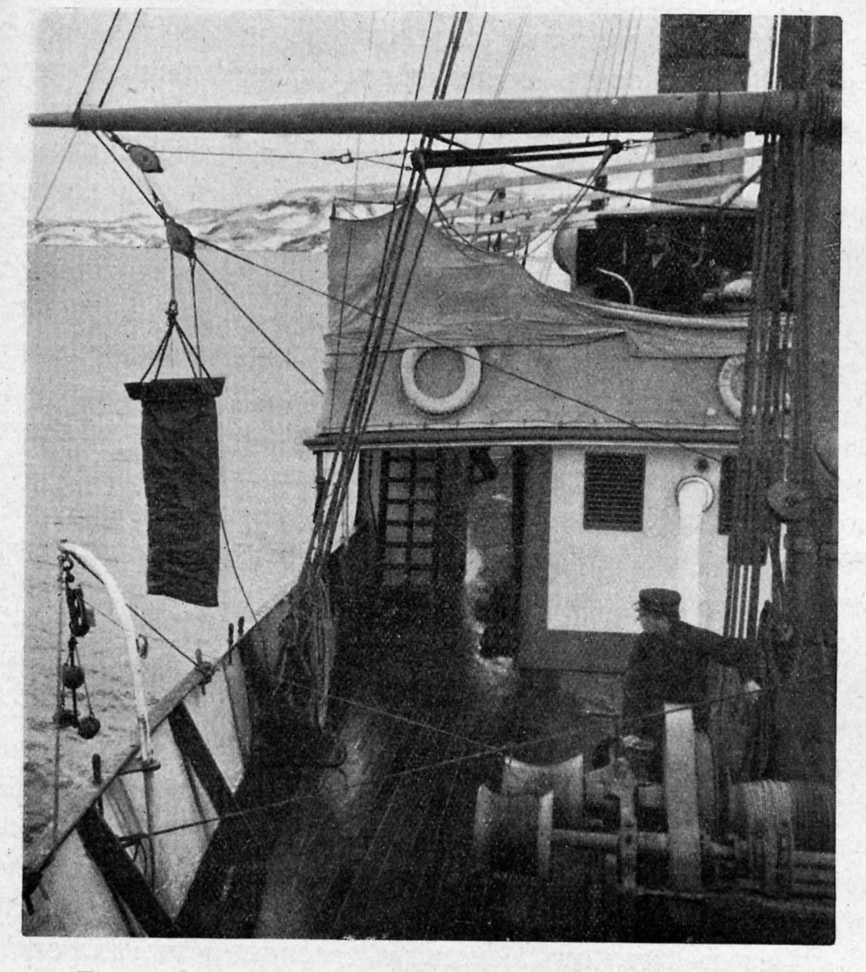

Рис. 71. Передняя часть палубы «Андрея Первозваннаго». Слѣва видны готовые къ спуску: 1) Лотъ съ храпами и счетчикъ и 2) драга, сѣть которой покрыта защищающимъ ее парусиновымъ мѣшкомъ. Справа, внизу видна лебедка, при помощи которой производится спускъ и подъемъ снастей.

ренія температуръ и солености на различныхъ глубинахъ океана, я всегда задумывался надъ тѣмъ, какъ это узнали, какъ проникъ человѣкъ на глубину сотенъ и тысячъ метровъ? Какіе приборы позволяютъ ему говорить о томъ, что тамъ происходитъ, съ такой же увѣренностью, съ какой онъ говоритъ о явленіяхъ, происходящихъ непосредственно возлѣ насъ? Описанный выше глубоководный термометръ и батометръ Петерсона, съ которымъ намъ предстоитъ теперь познакомиться, очень хорошо показываютъ, сколько усилій, сколько ума и таланта понадобились для того, чтобы проникнуть въ тайны океаническихъ глубинъ.

Батометръ Петерсона состоитъ изъ прямоугольной металлической рамы, на вертикальныхъ стержняхъ которой свободно двигается вверхъ и внизъ металлическій цилиндръ; внутри его находится еще 3, вставленныхъ другъ въ друга, тоже металлическихъ цилиндра меньшаго діаметра. Всѣ они сверху и снизу плотно закрываются крышками, снабженными резиновыми прокладками. Нижняя крышка прикрѣплена неподвижно къ нижней перекладинѣ рамы батометра, а верхняя поднимается вверхъ и особыми крючками зацѣпляется за верхнюю перекладину рамы. Въ обѣихъ крышкахъ имѣются отверстія, соединенныя съ полостью самаго внутренняго цилиндра; отверстіе нижней крышки закрывается краномъ, а верхней — плотно пригнанной резиновой пробкой. Отъ верхней крышки по бокамъ рамы идутъ двѣ проволоки съ тяжелой свинцовой гирей внизу.

Передъ спускомъ батометръ раскрываютъ: для этого верхнюю крышку поднимаютъ и зацѣпляютъ крючками за верхнюю перекладину рамы; затѣмъ поднимаютъ вверхъ всю систему цилиндровъ, которые небольшими пружинками, заскакивающими въ углубленія рамы, придерживаются на нѣкоторомъ разстояніи отъ нижней крышки. Въ такомъ видѣ спускаютъ батометръ на требуемую глубину. Для закрыванія батометра по бронзовому линю, на

которомъ онъ подвѣшенъ, пускаютъ металлическую гирьку; долетѣвъ до батометра, она своимъ ударомъ сбрасываетъ крючки, удерживающія верхнюю крышку; послѣдняя, увлекаемая тяжелой свинцовой гирей, летитъ по рамѣ внизъ, срываетъ съ пружинокъ систему цилиндровъ и плотно прижимаетъ ихъ къ нижней крышкѣ (рис. 72).

Батометръ поднимаютъ. Во внутреннемъ цилиндрѣ находится проба воды какъ разъ съ той глубины, на которую мы спустили приборъ; эта проба отдѣлена отъ окружающей среды не только нѣсколькими стѣнками, но и нѣсколькими находящимися между ними прослойками воды, которая, какъ извѣстно, является плохимъ проводникомъ тепла. Поэтому вода во внутреннемъ цилиндрѣ батометра долго еще сохраняетъ свою температуру.

Поднявъ батометръ съ глубины 250 метровъ, я открылъ пробку въ верхней крышкѣ и черезъ образовавшееся отверстіе вставилъ

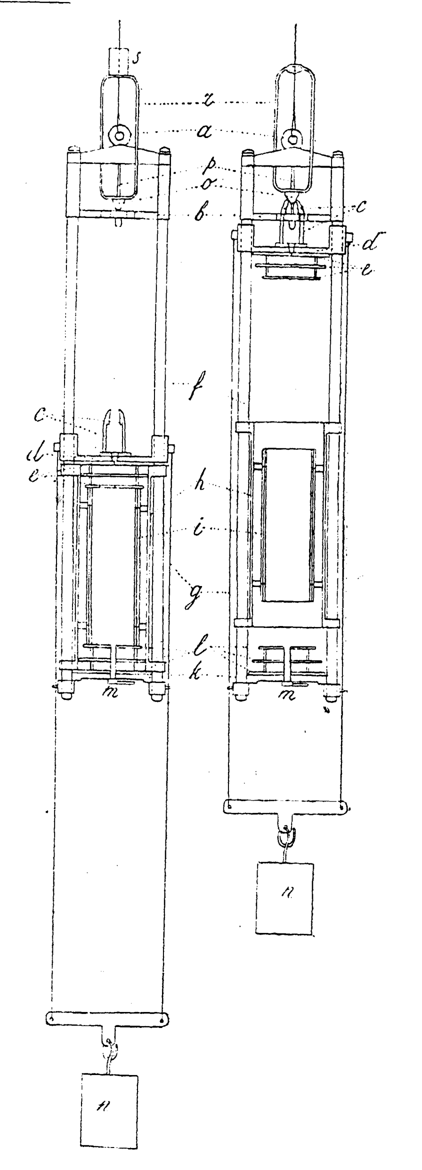

Рис. 72. Батометръ Петерсона; справа—въ открытомъ видѣ передъ спускомъ; слѣва—въ закрытомъ, при подъемѣ; *f*—рама; *h* и *i*—цилиндры, внутри которыхъ получается проба воды; *e* и *l*—крышки съ резиновыми прокладками; *c*—крючки, которыми верхняя крышка зацѣпляется за верхнюю перекладину рамы; *m*—кранъ, закрывающій отверстіе нижней крышки; *g*—проволоки и *n*—прикрѣпленная къ нимъ свинцовая гиря; *s*—гирька, сбрасывающая крючки (*c*) при закрываніи батометра.

очень чувствительный и точный термометръ. Черезъ 2 минуты я узналъ температуру воды на глубинѣ 250 метровъ. Послѣ этого я подставилъ къ нижнему отверстію бутылку и, открывъ кранъ, наполнилъ ее водой (рис. 73).

Такимъ образомъ, имѣя батометръ Петерсона, можно не прибѣгать къ медленно дѣйствующимъ, глубоководнымъ термометрамъ. Ихъ трубка отдѣлена отъ окружающей воды толстымъ стекляннымъ футляромъ, и приходится ожидать минутъ 10, пока ртуть приметъ температуру воды.

Рис. 73. Батометръ подняли и вставляютъ въ него термометръ.

Съ описаннымъ батометромъ дѣло идетъ гораздо скорѣе: его можно поднимать сейчасъ же послѣ закрыванія; опредѣленіе температуры воды въ батометрѣ требуетъ всего 2—3 минуты, такъ какъ при этомъ можно пользоваться очень чувствительными термометрами изъ самаго тонкаго стекла.

Казалось бы, это слишкомъ ничтожное преимущество, чтобы стоило на немъ останавливаться. Но, если благодаря указанному способу выгадывается при полученіи каждой температуры хотя бы только 5 минутъ, въ общемъ получается большая экономія времени, такъ какъ въ те-

Рис. 73. Батометръ подняли и вставляютъ въ него термометръ.

ченіе рейса приходится производить нѣсколько сотъ температурныхъ наблюденій.

Быстро была получена серія температуръ.

На тѣхъ станціяхъ, которыя посѣщались часто, а эта была именно таковою, количество работъ всегда сокращалось. Въ этомъ пунктѣ донное населеніе было изслѣдовано довольно хорошо. Измѣненій можно было ожидать въ планктонѣ и въ количествѣ промысловыхъ рыбъ; поэтому на большинствѣ такихъ станцій нами производился ловъ планктона и спускались орудія для лова рыбы.

Послѣ планктонной сѣтки, о которой мнѣ приходилось говорить въ главѣ, посвященной работамъ «Помора», начали спускать оттертролль.

Это — послѣднее слово рыболовной техники. Представьте себѣ громадный неводъ, идущій по дну океана со скоростью около 7 верстъ въ часъ и загребающій все, что попадается на его пути! Вотъ вамъ — оттертролль! Рыбаки давно уже мечтали о примѣненіи невода для лова донныхъ рыбъ, но только въ самое послѣднее время удалось удовлетворительно разрѣшить эту задачу. Насколько оттертролль отвѣчаетъ своему назначенію, видно изъ того, что, напр., въ Германіи и Англіи существуетъ масса пароходовъ—троулеровъ, которые заняты ловомъ рыбы исключительно при помощи этого орудія. У васъ, конечно, сейчасъ же возникаетъ вопросъ, почему же и въ другихъ странахъ, хотя бы въ той же Норвегіи не бросятъ ярусъ и не перейдутъ къ оттертроллю, разъ онъ является такой продуктивной рыболовной снастью? Бѣда въ томъ, что при каменистомъ, скалистомъ днѣ это великолѣпно дѣйствующее орудіе непримѣнимо: при такомъ грунтѣ сѣть трала рвется въ куски, и тамъ едва ли можно ожидать полной замѣны крючковой снасти какой-либо другою.

Для нашей экспедиціи оттертролль былъ необходимъ. Николай Михайловичъ вполнѣ правильно оцѣнилъ его

значеніе для будущихъ работъ и позаботился снабдить имъ нашъ пароходъ. Въ самомъ дѣлѣ, преимущество оттертролля передъ ярусомъ при изслѣдованіяхъ рыбы неоспоримо: оттертролль требуетъ сравнительно немного времени для лова, имъ можно пользоваться въ такую

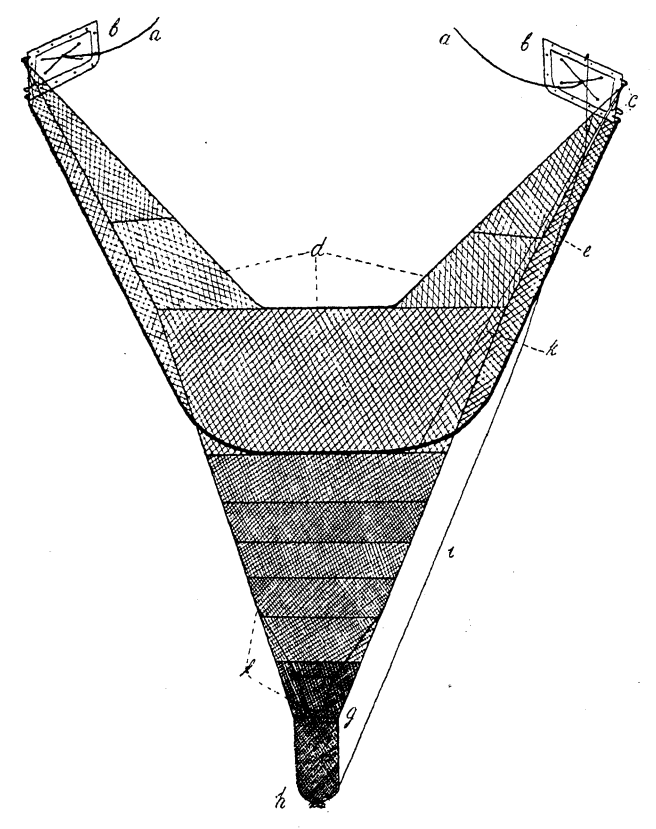

Рис. 74. Чертежъ оттертролля. *a*—тросы, на которыхъ его спускаютъ; *b*—доски: *d*—верхняя подбора; *e*—нижняя подбора; *f*—внутренній коническій мѣшокъ; *g* и *h*—мотня, завязанная внизу.

погоду, когда о спускѣ шлюпки для метанія или выборки яруса и думать нельзя, и наконецъ, что самое важное, онъ ловитъ всякую рыбу, а ярусъ даетъ только ту, которая идетъ на наживку.

Какъ же онъ устроенъ? Какъ можетъ неводъ, спу-

щенный съ одного судна, идти на большой глубинѣ, гдѣ его никто не видитъ, въ раскрытомъ состояніи?

Посмотрите на рисунокъ! — Неводъ, какъ неводъ! Сѣть его сплетена изъ толстой, прочной бичевки; такъ какъ онъ приспособленъ для лова крупныхъ рыбъ, то ячея — крупная: въ переднихъ частяхъ — 2 дюйма, а въ концѣ—немного больше 1 дюйма. Чтобы пойманная рыба при остановкѣ или при подъемѣ не могла выйти, внутри трала находится коническій мѣшокъ съ отверстіемъ на концѣ; попавшая въ тралъ рыба проходитъ черезъ это отверстіе и скопляется въ мотнѣ трала; найти обратный выходъ ей уже не удается. Въ мотнѣ трала тоже есть отверстіе; во время лова оно завязано; когда тралъ поднятъ послѣ лова на палубу, это отверстіе развязываютъ, а вся пойманная добыча высыпается на палубу (рис. 74).

Пасть всякаго невода ограничена двумя веревками или «подборами»,—верхней и нижней.... У оттертролля—тѣ же двѣ подборы, при чемъ нижняя гораздо длиннѣе верхней; поэтому, когда тралъ идетъ по дну, верхняя подбора оказывается значительно впереди нижней, которая тянется по самому грунту и вспугиваетъ рыбу. Если послѣдняя бросится вверхъ, ей нѣтъ спасенія, такъ какъ верхняя подбора уже накрыла это мѣсто прикрѣпленной къ ней сѣтью; если рыба бросится въ стороны, она тоже не можетъ уйти, такъ какъ крылья трала выступаютъ далеко впередъ; она могла-бы еще спастись, плывя впередъ, прямо по направленію хода трала, но не нужно забывать, что послѣдній идетъ со скоростью около 7 верстъ!

Остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ приспособленіи, благодаря которому оттертролль автоматически раскрывается въ водѣ.... Крылья трала оканчиваются двумя тяжелыми досками, которыя при помощи 4 короткихъ цѣпей прикрѣплены къ стальнымъ тросамъ кормовой лебедки, служащимъ для спуска трала. Такъ какъ тросы прикрѣпляются къ внутреннимъ сторонамъ досокъ, т.-е.

къ сторонамъ, обращеннымъ къ устью трала, то при движенiи парохода, вода будетъ давить на эти стороны досокъ, и послѣднiя будутъ расходиться въ разныя стороны, растягивая крылья трала и открывая входъ въ него. Вслѣдствiе того же напора воды будетъ подниматься и верхняя стѣнка трала (рис. 75).

Рис. 75. Большая лебедка оттертролля послѣ его спуска; всѣ тросы вытравлены, т.-е. размотаны.

Каковы же его размѣры?

Въ нашей экспедицiи былъ оттертролль, верхняя подбора котораго была длиною въ 26 метровъ, нижняя— 42 метра; разстоянiе отъ конца крыла до конца мотни равнялось тоже 42 метрамъ.

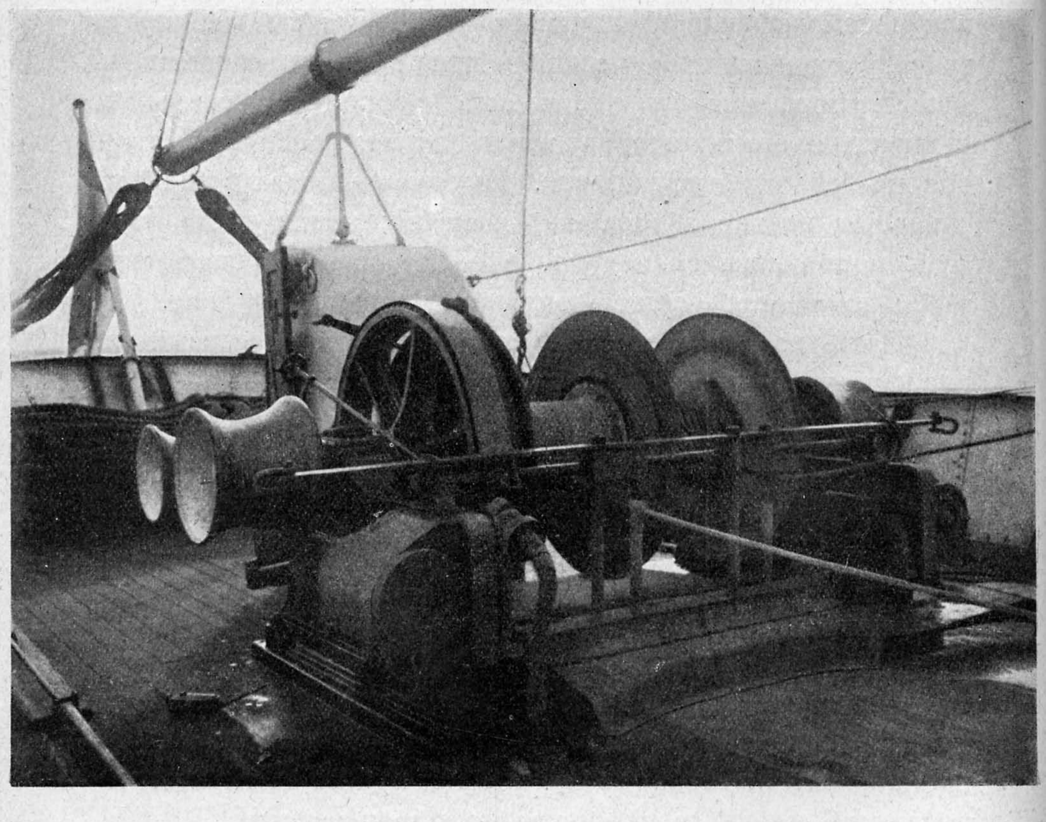

Рис. 75. Большая лебедка оттертролля послѣ его спуска; всѣ тросы вытравлены, т.-е. размотаны.

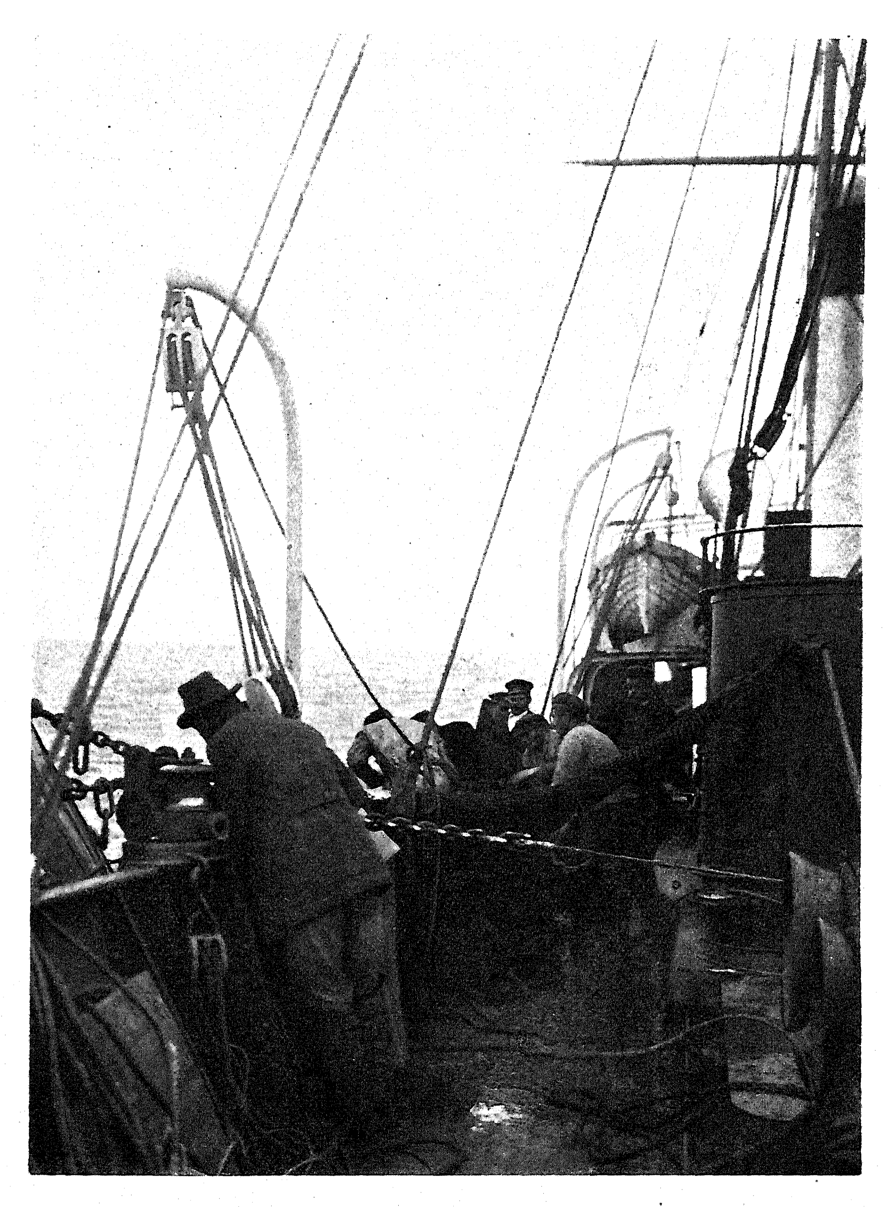

Рис. 76. Изъ-за борта поднимаютъ сѣть оттертролля. Всѣ съ интересомъ ожидаютъ результатовъ улова.

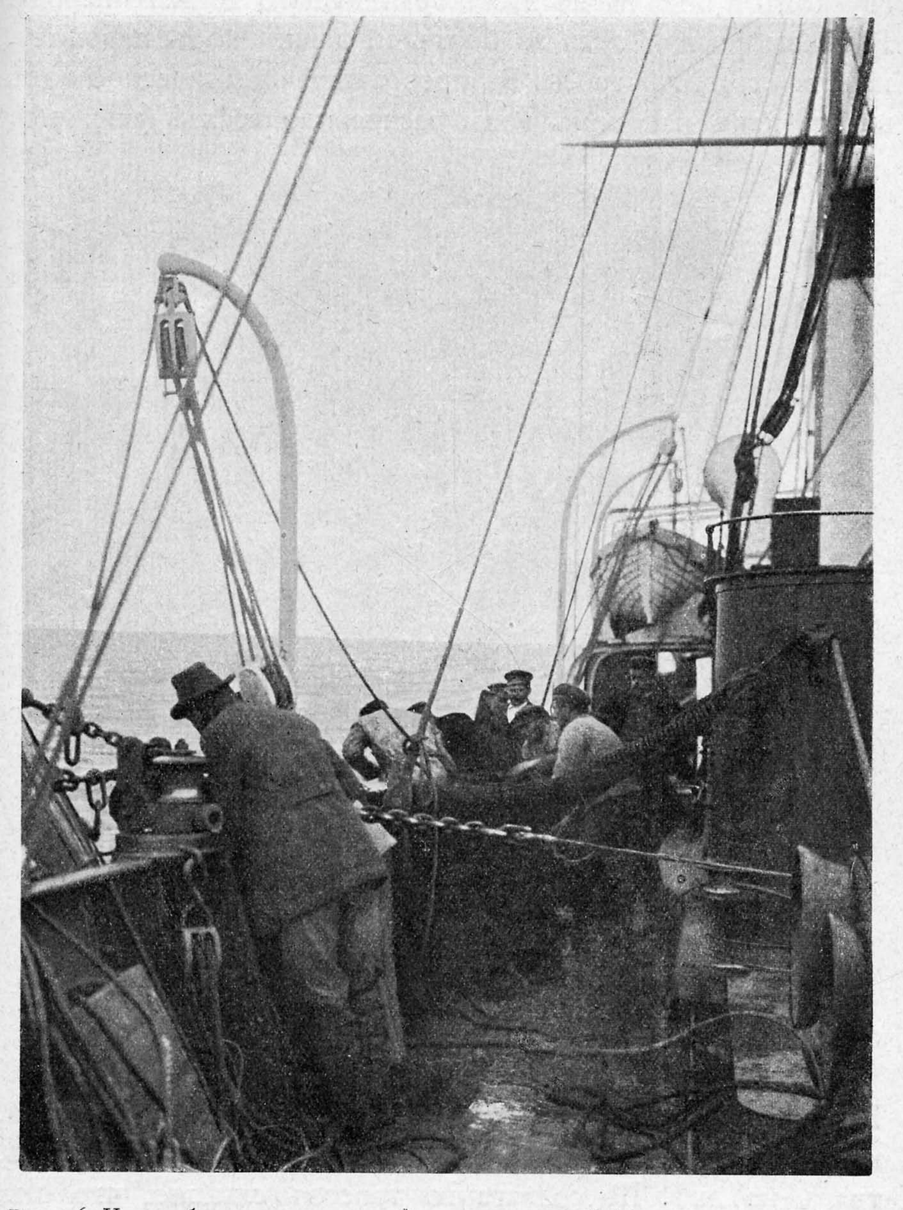

Рис. 76. Изъ-за борта поднимаютъ сѣть оттертролля. Всѣ съ интересомъ ожидаютъ результатовъ улова.

Съ громаднымъ интересомъ слѣдилъ я первое время за спускомъ и подъемомъ этого грандіознаго доннаго невода! Вотъ выбросили сѣть за бортъ и, давши ходъ пароходу, начали «травить» тросы! Въ прозрачной океанической водѣ видно, какъ напоромъ воды расправило тралъ! (рис. 76).

Рис. 77. Мотню трала съ пойманными животными поднимаютъ на палубу.

Въ такомъ видѣ онъ медленно садится на дно въ то время, какъ тросы травятъ все больше и больше. Наконецъ, тралъ на днѣ. По содраганію тросовъ слышно, что онъ не плыветъ надъ грунтомъ, а идетъ по нему, задѣвая за неровности дна.

На этотъ разъ тралъ тянули ровно 1/2 часа и затѣмъ

Рис. 77. Мотню трала съ пойманными животными поднимаютъ на палубу.

начали его поднимать! Свѣсившись за бортъ, съ нетерпѣніемъ жду я, когда появятся доски. Вотъ онѣ видны! Вотъ уже сѣть у борта, но содержимаго мотни еще не видно. Наконецъ и она появляется надъ бортомъ. Ее развязываютъ, и на палубу высыпается цѣлая куча рыбы (рис. 77).

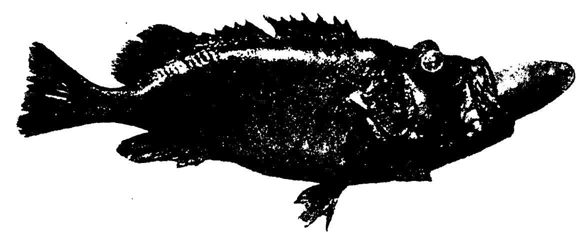

Рис. 78. Морской окунь. Изо рта торчитъ вывороченный наружу желудокъ; глаза выпучены; все тѣло раздуто.

Тутъ и треска, и палтусъ, и зубатка, и пикша.... все старые знакомые по ярусу. Но что это за яркая красная рыба съ чѣмъ-то торчащимъ изо рта?

— Это морской окунь, какъ его здѣсь называютъ,— говоритъ Николай Михайловичъ. — Посмотрите, какъ его

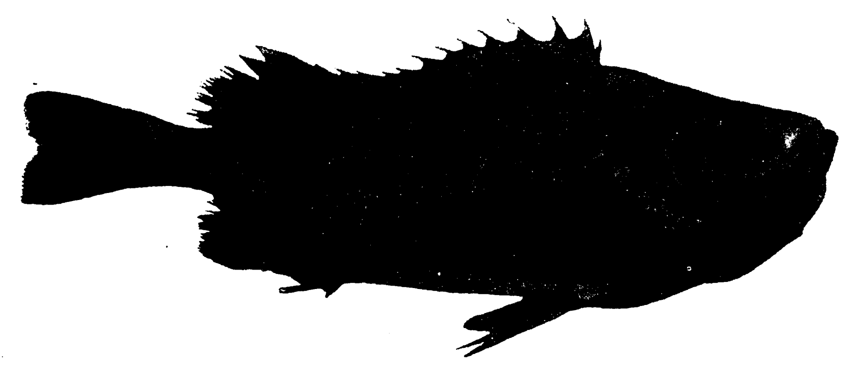

Рис. 79. Морской окунь. Рѣдкій экземпляръ, полученный въ неизуродованномъ видѣ.

раздуло вслѣдствіе уменьшенія давленія при подъемѣ. Глаза выпучены, желудокъ вывернуло черезъ ротъ, вся форма тѣла измѣнена! (рис. 78).

И дѣйствительно, намъ очень рѣдко удавалось получить эту рыбу въ ея нормальномъ видѣ. На ней больше,

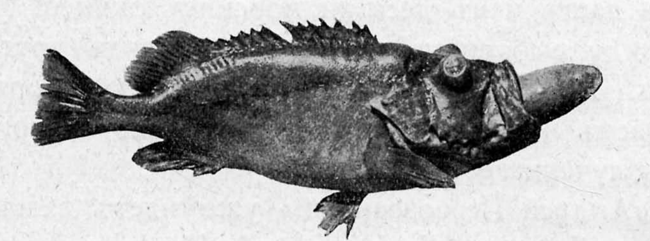

Рис. 78. Морской окунь. Изо рта торчитъ вывороченный наружу желудокъ; глаза выпучены; все тѣло раздуто.

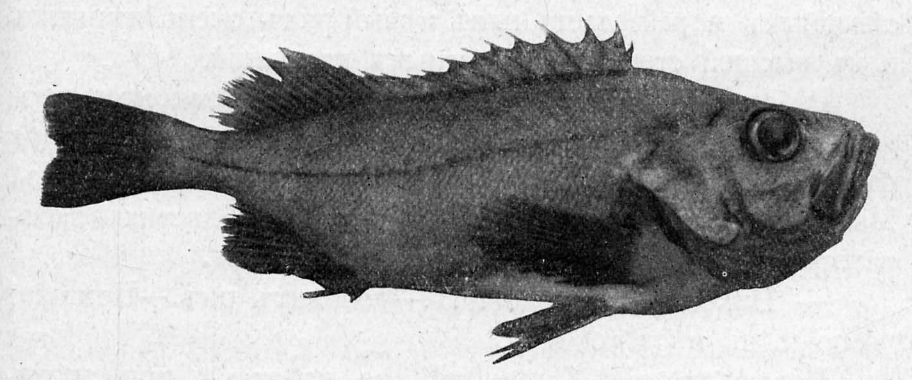

Рис. 79. Морской окунь. Рѣдкій экземпляръ, полученный въ неизуродованномъ видѣ.

чѣмъ на какой-либо другой сказывалось измѣненіе давленія, совершенно ее уродовавшее.

— До примѣненія оттертролля, — продолжаетъ Николай Михайловичъ,—только рѣдко удавалось ловить эту рыбу: на ярусъ она не идетъ! А теперь иногда одинъ ловъ траломъ даетъ намъ десятки морскихъ окуней! (рис. 79).

Между рыбами находится цѣлый рядъ другихъ животныхъ. Весь уловъ мы переносимъ въ лабораторію и приступаемъ къ разборкѣ, изслѣдованію и консервированію полученнаго матеріала.

А «Андрей Первозванный» уже идетъ дальше на N. Погода измѣнилась. Довольно свѣжій вѣтеръ развелъ волненіе. Все небо покрылось сѣрыми, низко нависшими облаками. Временами сѣетъ, какъ сквозь сито, мелкій холодный дождь. Берега скрываются изъ глазъ. Непріятно въ такую погоду въ морѣ, но мы ея не замѣчаемъ. Весело и оживленно идетъ дружная работа въ лабораторіи. Каждое животное, раньше невиданное, вызываетъ всеобщій интересъ, и Николай Михайловичъ, хорошо знающій фауну сѣверныхъ морей, даетъ намъ цѣлый рядъ очень цѣнныхъ и въ высшей степени интересныхъ поясненій.

Работа кончена! Весь добытый матеріалъ законсервированъ и разсаженъ по банкамъ, а измѣренная и вскрытая рыба отдана для посола! Лабораторія приведена въ порядокъ! Мы не замѣтили, какъ прошло 3 часа! Въ дверяхъ лабораторіи показывается Александръ Петровичъ.

— Николай Михайловичъ,—говоритъ онъ.—Пришли! 70°00′ с. ш. и 33°30′ в. д.!

Новая станція! Снова тѣ же работы и при этомъ обязательно—температурная серія и пробы воды для анализа. Едва покончишь съ матеріаломъ, добытымъ здѣсь, какъ мы уже въ новомъ пунктѣ. Ночи нѣтъ и работа идетъ непрерывно. Какъ-то незамѣтно проходитъ обѣдъ, послѣобѣденный чай и кофе, ужинъ.... Наконецъ и ночь, но только—на часахъ, такъ какъ свѣтъ почти не умень-

шается! Только сѣрое небо и сѣрыя волны сдѣлались еще сѣрѣе!

Часовъ 40 не спали мы всѣ, непрерывно работая въ лабораторіи.

— А вѣдь такъ у насъ дѣло не пойдетъ! — сказалъ Николай Михайловичъ, когда мы на какой-то уже довольно отдаленной станціи разбирали матеріалъ. — Спать все-таки нужно! Давайте и мы работать въ двѣ вахты!

Мы раздѣлились на двѣ смѣны съ тѣмъ, чтобы мѣняться черезъ каждые 4 часа.

Вотъ, утомленный послѣ смѣны вахты, прихожу я въ свою каюту и заваливаюсь въ койку. Совсѣмъ раздѣваться не приходится, такъ какъ черезъ 4 часа—снова на работу. Засыпаю моментально, убаюкиваемый мѣрнымъ покачиваніемъ парохода. Такая качка для меня теперь уже не страшна; напротивъ, когда я ложусь въ койку, она, пожалуй, даже пріятна.

— Константинъ Павловичъ, обѣдать подано!—будитъ меня Эрнстъ.

Четыре часа прошли незамѣтно, но я схватываюсь бодрымъ, здоровымъ, вполнѣ готовымъ къ работѣ.

Въ каютъ-кампаніи весело и оживленно.

— Господа,—говоритъ кто то,—а вѣдь наша газета сегодня не прочитана!

Газетой намъ служитъ отрывной календарь. Ихъ у насъ было два, и каждый день мы подъ общій хохотъ читали удивительныя календарныя свѣдѣнія. Я взглянулъ на календарь и удивился: мы уже 5-й день въ морѣ!

— Прежде всего, господа, — читаетъ Александръ Петровичъ,—«погода по Брюсу: вѣтренно, дождь!»

— А вѣдь, вѣрно!

— Нѣтъ, совсѣмъ не вѣрно, — заявляетъ кто-то изъ товарищей, читавшій листокъ съ другого календаря. — У меня чернымъ по бѣлому написано: «погода по Брюсу: гроза!»

Мы отъ души хохочемъ, удивляясь какъ до сихъ поръ эта нелѣпая «погода по Брюсу» все еще изо дня въ день повторяется каждымъ отрывнымъ календаремъ.

— Читайте дальше, Александръ Петровичъ, что еще новаго сообщаютъ въ вашей газетѣ?

— Господа, слушайте! Сенсаціонное извѣстіе!—повышая голосъ, читаетъ Александръ Петровичъ.—«Какъ высушить мокрую обувь». Это, господа, спеціально для насъ: у насъ обувь всегда мокрая! Ну, слушайте!

«Кто не испыталъ, какъ непріятно надѣвать башмаки, которые были промочены и затѣмъ высохли.

Слѣдующій способъ просушки даетъ возможность избѣжать сморщиванья кожи.

Сейчасъ же, какъ только мокрые башмаки будутъ сняты, ихъ слѣдуетъ наполнить овсомъ.

Овесъ обладаетъ большою способностью поглощать влагу и потому быстро впитываетъ въ себя всю влагу, изъ кожи.

Въ то же время овесъ разбухаетъ и такимъ образомъ не даетъ кожѣ сморщиться».

— А вѣдь это остроумно! Бѣда, только, у насъ овса нѣтъ! Нельзя ли, Александръ Петровичъ, распорядиться, чтобы на пароходѣ всегда держали мѣшокъ овса?—предлагаетъ кто-то изъ товарищей.

— Мѣшкомъ мы не обойдемся! Придется тогда весь трюмъ овсомъ загрузить. Ну, слушайте дальше! Меню на сегодня такое: «1) Супъ-пюре. 2) Цыплята подъ соусомъ. 3) Манная кашица». Супъ-пюре это мы можемъ заказать, а вотъ съ цыплятами—дѣло плохо! Но чѣмъ треска подъ соусомъ хуже цыплятъ подъ тѣмъ же соусомъ? Разница только въ одномъ словѣ! Манной кашицей насъ тоже не удивишь!

— А какъ оно кричало?—вдругъ задаетъ кто то вопросъ.

— Что кричало?

— Да вотъ то, что я ѣмъ,—продолжаетъ онъ, указывая на кусокъ колбасы.

— Это вопросъ праздный,—говоритъ Николай Михайловичъ. — *Какъ* оно кричало, это довольно безразлично... А вотъ, *когда* оно кричало, это—важно!

— Какъ такъ?

— Да такъ: если даже мяукало и лаяло наканунѣ изготовленія того, что вы ѣдите, вреда отъ этого не будетъ; а вотъ, если оно хрюкало или мычало недѣли за 3 передъ этимъ?!

Шутки не прекращаются.

— Господа,—заявляетъ капитанъ,—я предлагаю смѣнить провіантмейстера! Уже 5-й день мы въ морѣ и 5-й день намъ на сладкое даютъ желе!

— Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Александра Петровича! — неожиданно подхватываетъ самъ провіантмейстеръ, одинъ изъ товарищей, завѣдывавшій въ теченіе этой недѣли кухней, заказываніемъ обѣда и т. д.

— Ну, нѣтъ! Быть можетъ, это вы нарочно каждый день устраиваете желе, чтобы васъ скорѣе смѣстили? Нѣтъ! Господа, предлагаю въ наказаніе продлить еще на недѣлю полномочія провіантмейстера, обязавъ его ни разу не давать намъ желе. Если же таковое будетъ подано, то провіантмейстеръ долженъ съѣсть все одинъ!

Не знаю, до чего дошелъ бы судъ надъ провіантмейстеромъ, если бы вошедшій вахтенный матросъ не доложилъ, что мы пришли на станцію.

— А гдѣ мы теперь?—спросилъ я.

— 75°25′ с. ш. 33°30′ вост. д.,—отчеканилъ капитанъ.

— Николай Михайловичъ, вы вѣдь хотѣли идти только до 75° с. ш.?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ Николай Михайловичъ,—но мы наткнулись на одно въ высшей степени интересное явленіе, которое заставило меня нѣсколько удлинить эту линію нашего рейса. Вотъ идемте въ лабораторію, я вамъ покажу

полученныя нами температуры на линіи, которую мы прошли, начиная отъ Екатерининской гавани.

— Вы знаете,—началъ Николай Михайловичъ, когда мы пришли въ лабораторію,—что Гольфстремъ, подходя къ берегамъ Европы, поворачиваетъ, на сѣверъ и идетъ вдоль Норвегіи; дойдя до Нордкапа, онъ даетъ вѣтвь на западъ, которая подъ именемъ Нордкапскаго теченія вливаетъ свои воды въ изслѣдуемую нами область. Прежніе русскіе изслѣдователи, производившіе почти исключительно наблюденія на поверхности океана, принимали за воду вѣтвей Гольфстрема всякую воду не слишкомъ малой солености... Но вѣдь вода эта могла представлять собою и смѣсь воды Гольфстрема съ прибрежной, и смѣсь ея съ арктической, и даже чисто арктическую воду!

— А развѣ,—перебилъ я,—нельзя было руководиться при этомъ еще температурными данными? Вѣдь вода Гольфстрема должна быть теплѣе?

— Конечно, — продолжалъ Николай Михайловичъ,— но на поверхности происходитъ нагрѣваніе воды, и, съ какой водой здѣсь имѣли дѣло, на основаніи поверхностныхъ наблюденій судить нельзя. Тѣмъ болѣе, что какъ показываютъ скандинавскія изслѣдованія, подъ высокими широтами вода Гольфстрема покрывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ водою иного происхожденія.

— Посмотрите теперь,—продолжалъ Николай Михайловичъ, отыскивая въ записной книжкѣ нѣкоторыя температурныя серіи—результаты нашего рейса! Вотъ прибрежныя станціи: здѣсь, какъ вы видите, довольно высокія температуры идутъ вплоть до дна. Это явленіе, наблюдаемое лѣтомъ всегда, есть результатъ болѣе сильнаго нагрѣванія у береговъ. Но вотъ станція приблизительно подъ 71° с. ш.: здѣсь у дна, на глубинѣ 205 метровъ температура равняется +1,5°! Подъ 71°30′ с. ш. на той-же глубинѣ наблюдается +2,8, а у дна, на глубинѣ 265,— +2,4°! Немного сѣвернѣе, подъ 72° с. ш.—на глубинѣ 200 метровъ — +1,5°,

а у дна на глубинѣ 250 метровъ—всего лишь +0,8°. Несомнѣнно подъ 71°30′ с. ш. мы пересѣкли струю болѣе теплой воды! И замѣтьте, именно около этой широты въ развѣдочной экспедиціи удалось констатировать массовое присутствіе промысловой рыбы, въ то время какъ у береговъ ея не было! Смотрите дальше! Подобную же струю болѣе теплой воды мы пересѣкли около 74° с. ш. Но вотъ станція подъ 75° с. ш.: здѣсь только на самой поверхности мы имѣемъ воду съ температурой выше нуля; уже съ глубины 25 метровъ начинается вода съ температурами —0,5, —1,4, —0,2 и —0,4 у дна, на глубинѣ 140 метровъ. Думая, что мы вышли изъ полосы вѣтвей Гольфстрема и попали въ область арктической воды, я рѣшилъ придвинуться немного сѣвернѣе. И что же? оказалось, что подъ 75°15′ с. ш. мы снова встрѣчаемъ болѣе теплую воду: здѣсь только у дна на глубинѣ 197 метровъ мы встрѣтили температуры —0,2! Всѣ остальныя температуры были выше нуля! Ну, какъ было не пройти немного дальше на *N* и не убѣдиться въ томъ, что здѣсь мы тоже нашли струю болѣе теплой воды. Идемте, узнаемъ! Вѣроятно, уже опредѣлили придонную температуру.

— Какая глубина?—спросилъ Николай Михайловичъ товарища, производившаго наблюденія.

Глубина—267 метровъ. Температура на 260 м. +0,3, на 200 м. +1,5!

— Вотъ видите,—сказалъ Николай Михайловичъ,— несомнѣнно здѣсь проходитъ 3-я вѣтвь Гольфстремной воды! Я увѣренъ, что анализы обнаружатъ во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ и большую соленость.

Николай Михайловичъ не ошибся! Во всѣхъ этихъ трехъ пунктахъ вода обладала наибольшей соленостью около 35 частей соли на 1000 частей воды.

Только теперь я понялъ, какъ въ настоящее время устанавливаются расположенія водъ различныхъ происхожденій!

Когда мы разговаривали, обсуждая результаты добытой серіи, къ намъ подошелъ Александръ Петровичъ.

— Николай Михайловичъ,—сказалъ онъ, — на горизонтѣ видно парусное судно!

Мы были поражены! Здѣсь, въ открытомъ океанѣ вдали отъ всякихъ торговыхъ рейсовъ—какое-то судно! Мы бросились на мостикъ, схватили бинокли и начали разсматривать. Дѣйствительно небольшой парусникъ въ родѣ «Помора» шелъ по направленію къ намъ.

— Вѣроятно, это какое-нибудь норвежское тюленебойное судно!—замѣтилъ Николай Михайловичъ. — Когда работы будутъ окончены, нужно будетъ подойти къ нему: навѣрное, оно было во льдахъ и можетъ дать намъ кое-какія свѣдѣнія объ ихъ расположеніи. Льды несомнѣнно близко!

— А почему вы такъ увѣрены въ этомъ?—спросилъ кто то изъ насъ.

— А вы посмотрите, какъ упала поверхностная температура!—отвѣчалъ Николай Михайловичъ.—На предыдущей станціи, всего въ 10 миляхъ южнѣе было +1,4, а здѣсь лишь +0,4.

По окончаніи работъ мы пошли къ паруснику. Вскорѣ ясно можно было различить его очертанія и отдѣльныя паруса. На мачтѣ была укрѣплена бочка, въ которой на тюленебойныхъ судахъ сидитъ матросъ и въ подзорную трубу оглядываетъ льды, отыскивая на нихъ тюленей.

— Isbjörn! Я ясно теперь вижу въ бинокль названіе! — сказалъ Александръ Петровичъ (рис. 80).

Мы видѣли, какъ начали спускать шлюпку. Скоро къ намъ на палубу вскарабкался типичный норвежецъ-морякъ. Онъ явился къ намъ, чтобы узнать широту и долготу мѣста. О льдахъ онъ сообщилъ, что они недалеко, что Новая Земля окружена льдами, среди которыхъ стоитъ какой-то большой пароходъ. Судя по описанію, это былъ «Ермакъ», что впослѣдствіи и подтвердилось.

Конечно, было бы интересно пойти дальше на сѣверъ, чтобы прослѣдить вновь открытую вѣтвь Гольфстрема, но рискъ застрять во льдахъ заставилъ повернуть и пойти по второй линіи нашего рейса.

Среди работы незамѣтно идетъ день за днемъ. Погода почти не мѣняется: однообразно сѣрое небо и такое же сѣрое море. Волненіе не прекращается, но и не усиливается настолько, чтобы нельзя было работать. Мы почти

Рис. 80. Isbjörn.

не замѣчали однообразія окружавшей насъ картины, такъ какъ работы вносили въ нашу жизнь много новаго и интереснаго. Здѣсь, въ мѣстахъ почти не изслѣдованныхъ, каждая новая температура, каждое пойманное животное представляло большой интересъ. Теперь часто, кромѣ оттертролля и описанной выше пелагической сѣтки, примѣнялись другія орудія лова. Такъ, напримѣръ, для сбора мельчайшихъ планктонныхъ организмовъ примѣнялась планктон-

Рис. 80. Isbjörn.

ная сѣтка, сдѣланная изъ очень густого шелковаго газа. Вполнѣ понятно, что черезъ такую густую ткань вода процѣживается слабо, и при подъемѣ внутри сѣтки можетъ образоваться обратный токъ воды, вымывающій собранный планктонъ. Чтобы избѣжать этого, необходимо, оставивъ ту же фильтрующую поверхность, уменьшить количество воды, которое должна профильтровать сѣтка. Достигается это тѣмъ, что къ обручу сѣтки (діаметромъ въ 1 метр.) прикрѣпляется кромѣ мѣшка еще другой конусъ изъ плотной не пропускающей воды матеріи съ отверстіемъ, діаметръ котораго равенъ всего лишь 35 см. Такимъ образомъ, фильтрующая поверхность сѣтки (мѣшокъ изъ шелковаго газа) осталась прежней, а діаметръ фильтруемаго столба воды уменьшился почти въ три раза.

Благодаря такому приспособленію удается добиться полной фильтраціи воды и собрать все количество планктонныхъ организмовъ, находящихся, напр., въ столбѣ воды діаметромъ въ 35 см. отъ дна до поверхности. Такимъ образомъ, ловъ, произведенный этой сѣткой, даетъ возможность опредѣлять не только, какія планктонныя организмы встрѣчаются въ той или иной области, но и судить объ ихъ количествѣ. Поэтому описываемая сѣтка называется *количественная планктонная сѣтка.*

Иногда она приносила какую-то слизистую желтоватую массу. Послѣдняя, какъ видно было подъ микроскопомъ, состояла изъ неимовѣрнаго количества діатомовыхъ водорослей, снабженныхъ кремневымъ скелетомъ.

Особенно поражали меня своей величиной двѣ пелагическія сѣтки, приспособленныя для лова болѣе крупныхъ пелагическихъ организмовъ. Проф. Іортъ, изобрѣтатель этихъ сѣтокъ, разсчитывалъ ловить ими мальковъ рыбъ. Обручъ одной изъ нихъ равнялся 15 футамъ, а другой—21 футу! Послѣдняя сѣтка была интересна еще и тѣмъ, что при помощи гирьки, брошенной по тросу, могла закрываться въ любой моментъ. Это давало возможность,

протянувъ сѣтку, скажемъ, отъ дна до глубины 100 метровъ, закрыть ее и получить пелагическихъ животныхъ, живущихъ только въ этихъ слояхъ воды, и т. п. (рис. 81).

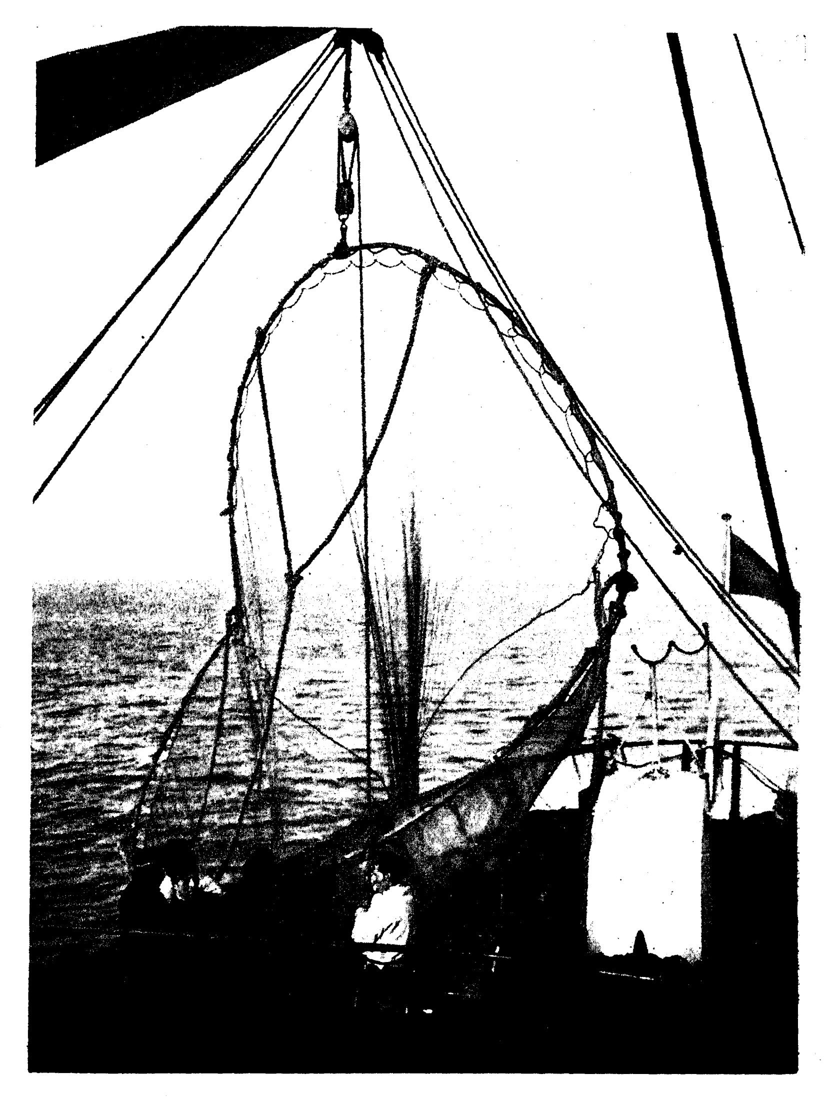

Рис. 81. Большая пелагическая сѣтка передъ спускомъ.

Обѣ эти сѣтки часто тянули горизонтально на извѣстной глубинѣ. Дѣлали это такъ: обручъ сѣтки привязы-

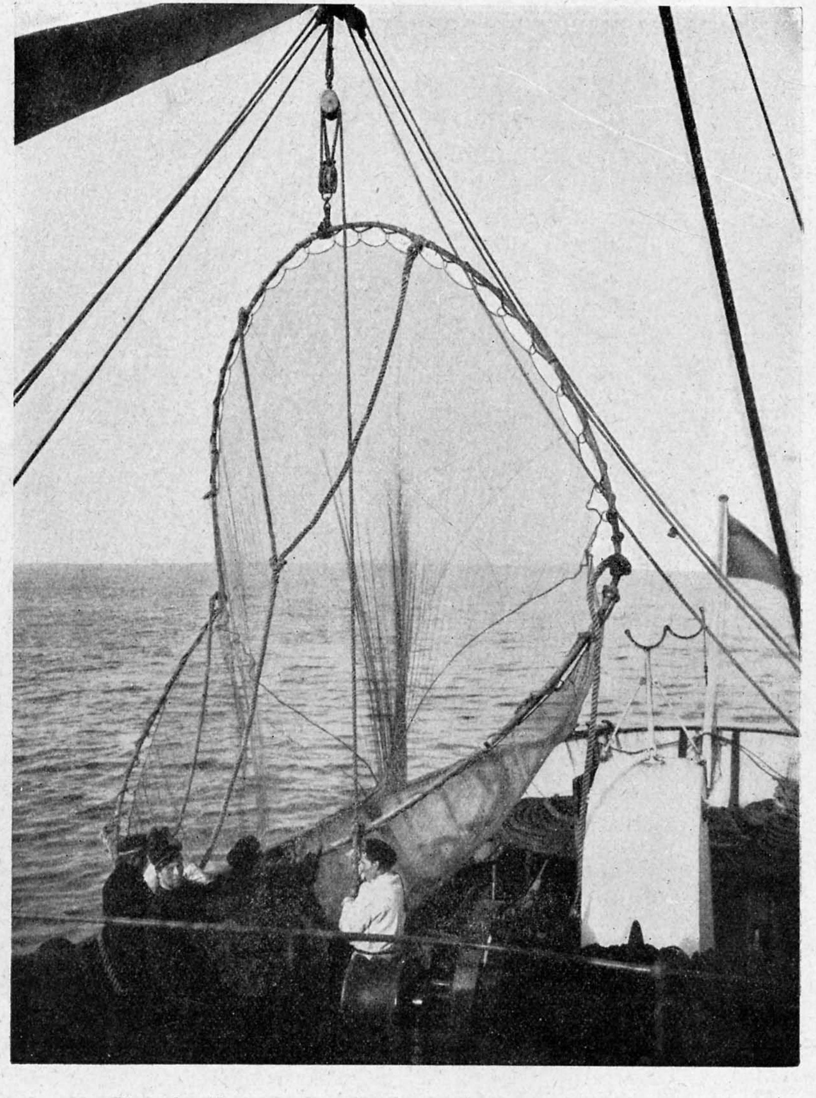

Рис. 81. Большая пелагическая сѣтка передъ спускомъ.

вался къ буйку веревкой, длина которой была, предположимъ 20 метровъ; если выбросить въ море буекъ и сѣтку, то первый будетъ плавать на поверхности, а послѣдняя будетъ идти и собирать всѣ болѣе крупные пелагическіе организмы на глубинѣ 20 метровъ. (рис. 82).

Рис. 82. Подъемъ большой пелагической сѣтки, она поднимается въ закрытомъ видѣ.

Бывали случаи, когда эти сѣтки приносили массы особыхъ пелагическихъ моллюсковъ — лимацинъ (рис. 84), и кліоновъ, (рис. 85) составляющихъ главную пищу китовъ. Только видя, какая масса попадалась ихъ въ наши

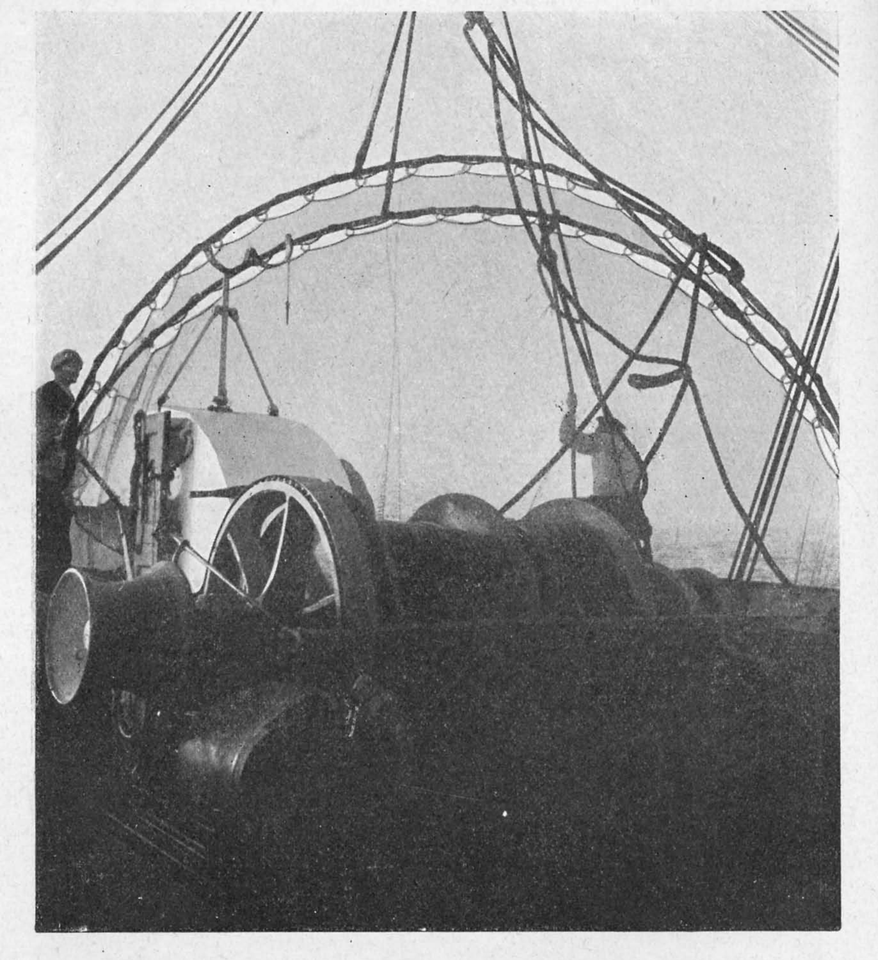

Рис. 82. Подъемъ большой пелагической сѣтки, она поднимается въ закрытомъ видѣ.

сѣтки, я могъ понять, какъ такой гигантъ можетъ насытиться такими небольшими животными. (рис. 83).

Изъ донныхъ орудій кромѣ драгъ и оттертролля, примѣнялись еще тралъ Петерсена и тралы Сигсби. О первомъ изъ нихъ я разскажу въ одной изъ слѣдующихъ главъ, а здѣсь упомяну лишь о тралахъ Сигсби.

Драга на иловомъ или песчаномъ грунтѣ обыкновенно сильно врѣзывается въ дно и даетъ только тѣхъ животныхъ, которыя живутъ въ самомъ грунтѣ; всѣ же мелкіе организмы, держащіеся у дна, въ такихъ случаяхъ почти не попадаютъ въ нее. Тралъ Сигсби дополняетъ въ подоб-

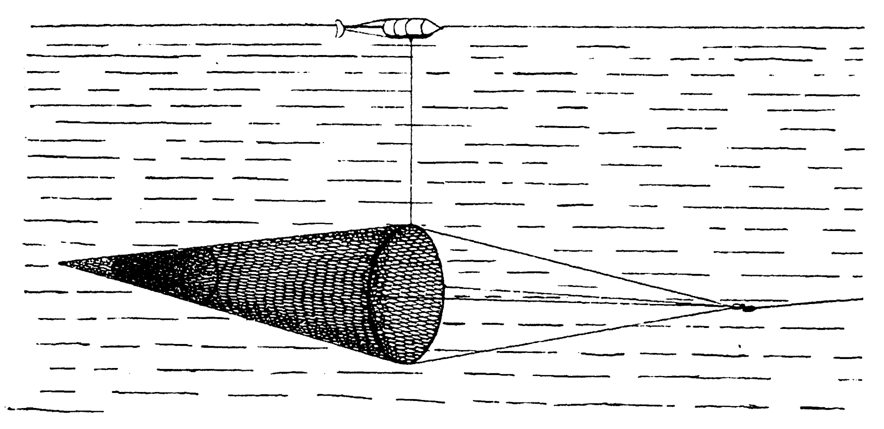

Рис. 83. Горизонтальный ловъ, большой пелагической сѣткой; на поверхности воды виденъ поплавокъ, непозволяющій сѣткѣ опускаться вглубь.

ныхъ мѣстахъ результаты, даваемые драгой, такъ какъ онъ не зарывается въ грунтъ, а идетъ по нему. Онъ состоитъ, какъ и драга, изъ прямоугольной желѣзной рамы, но — безъ ножей; боковые края рамы, заплетенныя сѣткой, выступаютъ впередъ, не позволяя уходить въ стороны животнымъ, потревоженнымъ приближеніемъ трала. Къ рамѣ прикрѣплена сѣтка съ внутреннимъ, какъ и у оттертролля, мѣшкомъ. У насъ эти орудія были двухъ размѣровъ: длина рамы одного была около 6 футовъ, а другого—4 фута. Добычу трала Сигсби составляютъ мелкія рыбы, ракообразныя, иглокожія и другія некрупныя животныя (рис. 86).

Ужъ 16-й день мы были въ морѣ! 16 дней болтали насъ океаническія волны! Работа шла непрерывно, какъ въ

Рис. 84. Лимацина (Увеличена въ нѣсколько разъ).

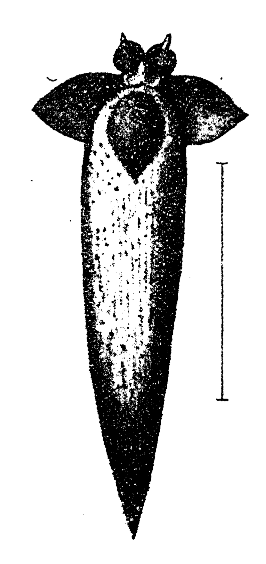

Рис. 85. Кліо. (Увеличенъ раза въ 2).

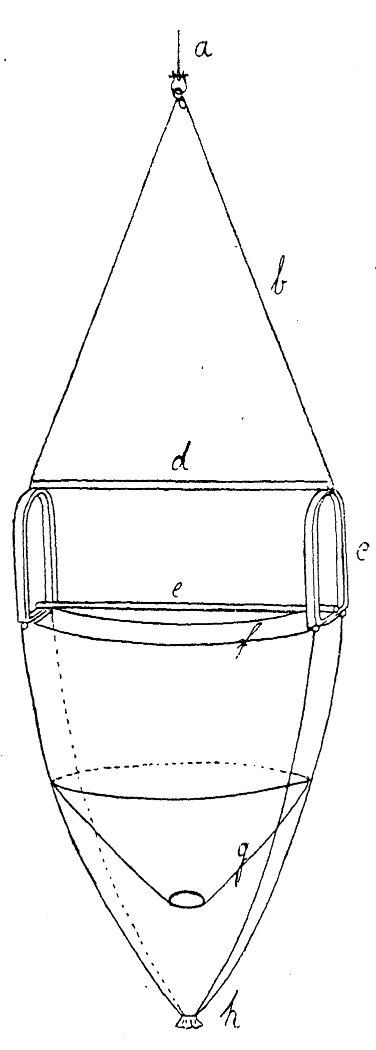

Рис. 86. Тралъ Сигсби. *c*, *d* *e* — рама; *g*—внутренній коническій мѣшокъ; *a* и *b*—тросы, къ которымъ привязывается тралъ.

хорошо заведенной машинѣ. Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія. Насъ утомила не работа, а море: для сухопутнаго человѣка тяжело не видѣть 16 дней земли!

Рис. 84. Лимацина (Увеличена въ нѣсколько разъ).

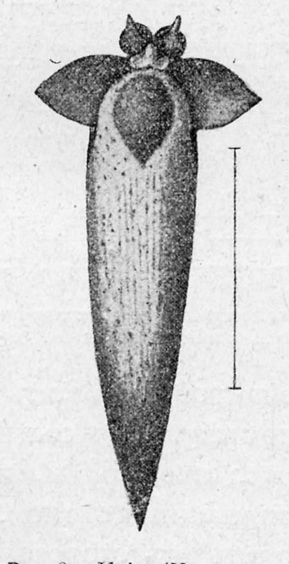

Рис. 85. Кліо. (Увеличенъ раза въ 2).

Кромѣ того быть 16 дней отрѣзаннымъ отъ всего міра тоже тяжело. Только испытавшій это пойметъ, какія мысли и ожиданія охватывали насъ въ этотъ моментъ!

Мы сидѣли въ каютъ-кампаніи за обѣдомъ. Наши пищевые запасы истощились: уже давно не было мяса и свѣжаго хлѣба, морскія галеты (сухари) составляли теперь наше меню. Новый провіантмейстеръ напрягалъ всѣ свои способности, чтобы сдѣлать столъ болѣе разнообразнымъ: но неблагодарная каютъ-кампанія рѣдко выражала похвалу его изобрѣтательности.

— Господа, открылся берегъ! — заявилъ только-что спустившійся къ намъ Александръ Петровичъ.

Почти всѣ мы бросились на капитанскій мостикъ. Такъ милъ и дорогъ былъ намъ берегъ! Но какъ ни напрягали мы наши глаза, ничего кромѣ однообразно вздымающихся, сѣровато-мутныхъ волнъ различить не могли.

— Гдѣ же берегъ? — съ разочарованіемъ спрашивали мы.

— А вотъ посмотрите сюда,—сказалъ Василій Николаевичъ, протягивая призматическій бинокль.

Я посмотрѣлъ въ указанное мѣсто и увидѣлъ на горизонтѣ едва замѣтную темную полоску. Никогда бы я не подумалъ, что это берегъ.

Когда я послѣ обѣда поднялся на мостикъ и посмотрѣлъ въ бинокль въ ту сторону, гдѣ долженъ показаться берегъ, я уже ясно увидѣлъ береговыя скалы; онѣ какъ будто выдвинулись изъ морской пучины. Что-то ждетъ меня тамъ, на берегу? Какія вѣсти, какія новости? Вѣдь 16 дней—срокъ вполнѣ достаточный для того, чтобы произошли самыя крупныя и важныя событія!

Вотъ и послѣдняя станція! Лабораторія убрана. Мы всѣ разбрелись по каютамъ и приводимъ себя въ береговой видъ: сбрасываемъ высокіе сапоги и теплыя фуфайки, переодѣваемся въ обыкновенный костюмъ и моемся, моемся безъ конца.

На капитанскомъ мостикѣ оживленіе. Тамъ тоже съ нетерпѣніемъ ожидаютъ берега.

Вотъ уже ясно видны береговые знаки, показывающіе входъ въ заливъ. Ласково встрѣчаетъ насъ земля! Тонкій ароматъ цвѣтовъ доносится къ намъ легкимъ береговымъ вѣтеркомъ. Солнце, котораго мы не видѣли больше двухъ недѣль, ярко освѣщаетъ и засинѣвшее море и зеленѣющіе берега! (Рис. 87).

Рис. 87. Береговой знакъ.

— А механикъ здорово пару пустилъ! — говоритъ Александръ Петровичъ, глядя на часы и считая по звуку обороты винта.

— Убрать лагъ! — раздается команда!

— Есть, убрать лагъ!— откуда-то снизу доносится отвѣтъ вахтеннаго матроса.

— Боцманъ!

— Есть!

— Свистать всѣхъ на верхъ, на якорь становиться!

— Есть!

Мы входимъ въ Кольскій заливъ. Василій Николаевичъ съ боцманомъ уже продуваютъ якорную лебедку.

Съ шумомъ разрѣзая водную гладь, входитъ «Андрей Первозванный» въ Екатерининскую гавань. Снова съ сосредоточеннымъ видомъ окидываетъ Александръ Петровичъ разстояніе до берега, выбирая мѣсто, гдѣ долженъ лечь якорь.

— Отдать якорь!

Гремитъ якорная цѣпь! Вздымая цѣлыя снопы брызгъ, падаетъ якорь въ воду!

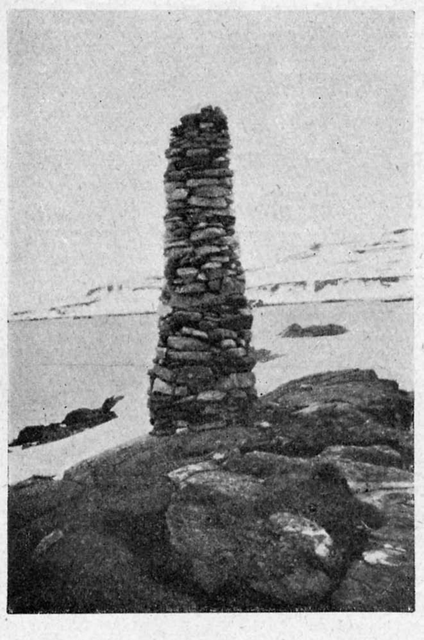

Рис. 87. Береговой знакъ.

А на берегу уже стоятъ наши товарищи, улыбаясь намъ и помахивая цѣлой пачкой газетъ и писемъ!

ГЛАВА XVIII.

Китъ.

— Китъ, китъ! Смотрите, вонъ тамъ онъ только что выбросилъ свой фонтанъ!—неистово кричалъ Маркъ Николаевичъ, указывая рукой въ море.

Встрѣча съ китами вообще не представляла рѣдкости. Но когда я первый разъ услышалъ этотъ крикъ, мое сердце забилось и, бросивъ работу, я началъ смотрѣть въ указанномъ направленіи. Увидѣть кита, этого колосса Ледовитаго океана, казалось мнѣ чуть-ли не счастьемъ.

Въ это время мы стояли на станціи. Только что былъ поднятъ оттертролль и начался спускъ пелагической сѣтки.

Минутъ 10 смотрѣлъ я въ слабо волнующуюся поверхность океана и началъ уже думать, что Маркъ Николаевичъ ошибся. Но вотъ среди волнъ показалось что-то черное, выпуклое и блестѣвшее, какъ хорошо вычищенный сапогъ; тонкая струйка воды блеснула въ воздухѣ и разсыпалась бѣлымъ облачкомъ, а вслѣдъ за нимъ послышался какой-то странный звукъ, напоминающій глубокій, отрывистый вздохъ. Послѣ этого все снова скрылось.

— Обождите, онъ скоро подойдетъ къ пароходу!— сказалъ капитанъ, замѣтивъ наше волненіе.

Дѣйствительно, слѣдующій фонтанъ былъ выброшенъ гораздо ближе, а затѣмъ мы увидѣли кита уже возлѣ самаго парохода. Это былъ не гренландскій китъ и не синій китъ, — самые громадные изъ китовъ, а полосатикъ, названный такъ потому, что вдоль его тѣла съ брюшной стороны тянутся складки кожи въ видѣ продольныхъ полосъ. Трудно было на глазъ опредѣлить его величину, но,

вѣроятно, въ длину онъ былъ не меньше 12 метровъ. Въ прозрачной водѣ было ясно видно, какъ онъ плавалъ, какъ, нырнувъ, уходилъ подъ пароходъ и появлялся у другого борта, какъ раскрывалъ свою огромную пасть съ висѣвшими въ ней пластинками уса. Что привлекало его къ пароходу? Быть можетъ, онъ видѣлъ въ немъ нѣчто сродное себѣ?!

Я смотрѣлъ на кита, и въ моей памяти вставала картинка, которую я такъ хорошо помнилъ по хрестоматіи, служившей мнѣ когда-то для чтенія: на горизонтѣ, освѣщенномъ сѣвернымъ сіяніемъ, стоялъ парусный корабль, а на первомъ планѣ—чудовищно громадный китъ, окруженный нѣсколькими лодками; одну изъ нихъ онъ подбросилъ высоко вверхъ, но въ это время къ нему подходила другая лодка, и стоящій на носу бородатый матросъ уже поднималъ гарпунъ, собираясь бросить его въ кита. И лодки, и люди, и особенно гарпунъ были такъ ничтожны по сравненію съ колоссальной громадой кита, что я всегда недоумѣвалъ, какъ могли они справиться съ нимъ.

— Василій Николаевичъ,—обратился я къ старшему штурману, тоже слѣдившему за китомъ,—вы плавали на китобойномъ суднѣ?

— Нѣтъ! А что?

— Мнѣ хотѣлось бы узнать, какъ на нихъ теперь охотятся. Я знаю, что теперь существуютъ особые китобойные пароходы, но я не могу себѣ представить, какъ они убиваютъ такое большое животное!

— У насъ есть матросъ, Николай, который раньше плавалъ на китобояхъ. Обратитесь къ нему!

Въ ближайшее воскресеніе я дежурилъ у лабораторіи, измѣряя температуру воды на поверхности, а Николай былъ вахтеннымъ. По воскресеньямъ для команды судовыхъ работъ не было, и вахтенные въ промежуткѣ между станціями, были свободны. Я началъ разспрашивать Николая о его плаваніи. Онъ очень охотно подѣлился со мной своими впечатлѣніями.

— Я давно уже плаваю на пароходахъ,—началъ Николай.—Былъ я матросомъ на одномъ изъ Мурманскихъ пароходовъ, и не поладили мы сначала съ боцманомъ, а потомъ и со штурманомъ. Вижу я, что здѣсь мнѣ не ужиться, и начинаю вездѣ спрашивать, не нуженъ ли куда матросъ. Пришли мы разъ въ Варде. Одинъ знакомый и говоритъ мнѣ, что спрашивали матроса на китобойный пароходъ.— Что-жъ думаю, почему не посмотрѣть, какъ китовъ бьютъ!

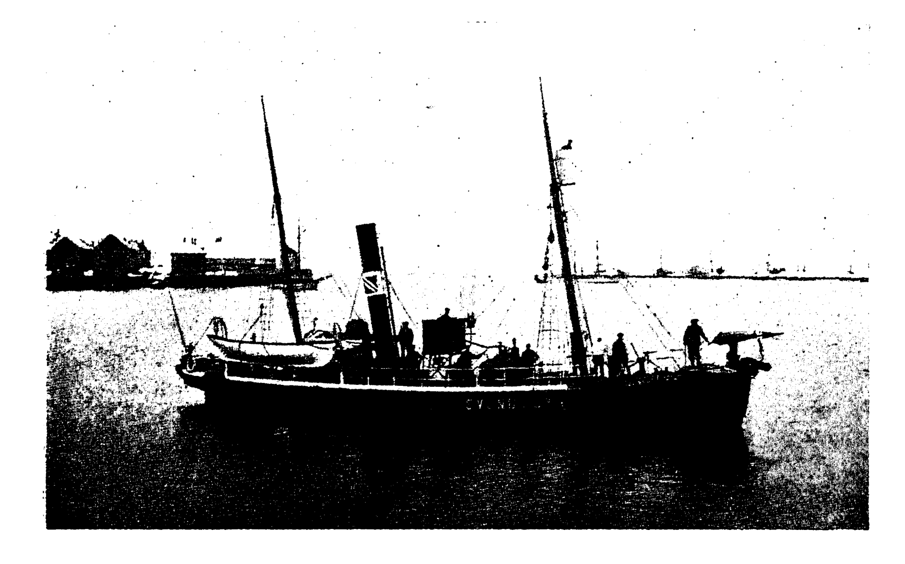

Рис. 88. Китобойный пароходъ.

Пошелъ я къ капитану... Кое-какъ, то по-русски, то по-норвежски, а сговорились мы съ нимъ, и я тогда-же перешелъ съ мурманскаго парохода на норвежскій. Пароходъ не большой, меньше нашего «Андрея», но крѣпкій (см. рис. 88). На полубакѣ [1]), гдѣ у насъ якорный брашпиль [2]) стоитъ, поставлена небольшая пушка въ родѣ тѣхъ, можетъ видѣли, какія на миноноскахъ бываютъ: отъ дула назадъ выступъ идетъ, какъ у пистолета; когда стрѣляютъ, бе-

[1]) Возвышеніе у самаго носа.

[2]) Лебедка.

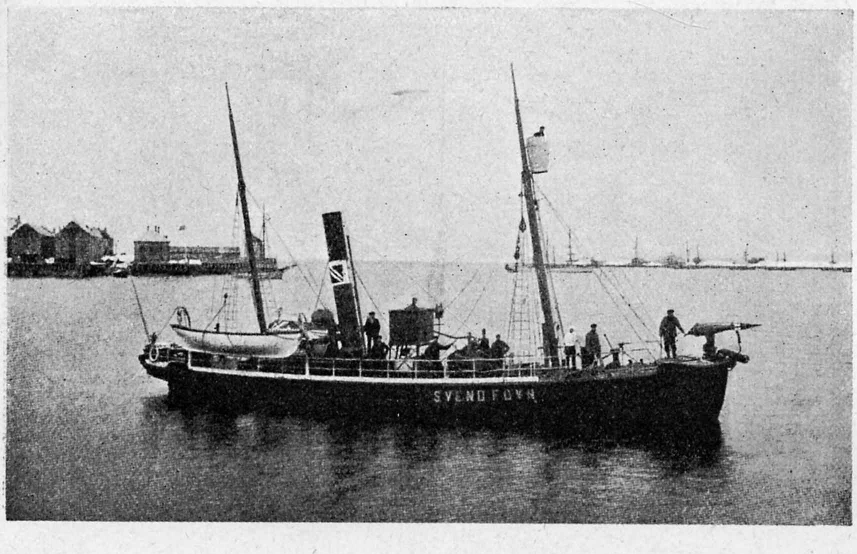

Рис. 88. Китобойный пароходъ.

рутъ ее въ руки и цѣлятся, поворачивая дуло вправо и влѣво, или опуская и поднимая его (рис. 89). Одинъ человѣкъ, какъ угодно, можетъ поворачивать эту пушку.

— Нагрузивши уголь, вышли мы изъ Варде. Нѣсколько дней ходили по морю, все кита въ подзорную трубу гарпуннеръ выглядывалъ. Наконецъ увидѣли и начали гоняться за нимъ. Большой былъ китъ и все увертывался отъ насъ. А пушку уже зарядили! Положили въ нее порохъ, а

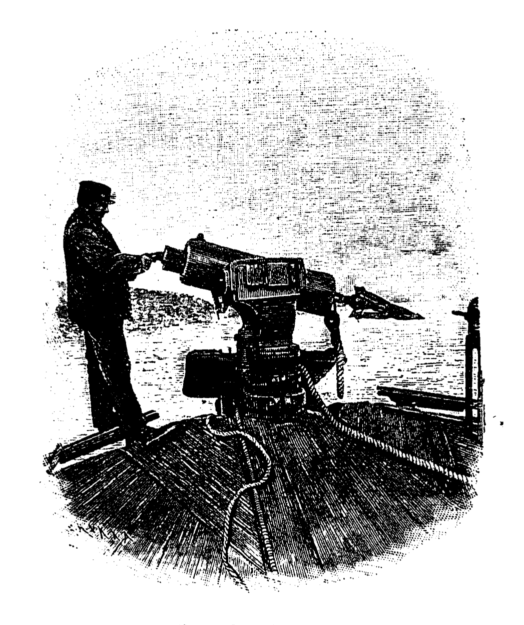

Рис. 89. Пушка.

вмѣсто гранаты или тамъ шрапнели вставили спереди гарпунъ.

— Какъ же онъ устроенъ?—перебилъ я разсказчика.

— А вотъ обождите, все разскажу. Гарпунъ—довольно толстая и тяжелая желѣзная палка, немного длиннѣе дула пушки. На переднемъ концѣ ея укрѣплены двѣ скобы на шарнирахъ. Когда гарпунъ летитъ, онѣ прижаты къ нему, когда же китъ дернетъ и потянетъ гарпунъ, онѣ отгибаются, и гарпунъ застреваетъ въ его тѣлѣ. На палкѣ гарпуна нахо-

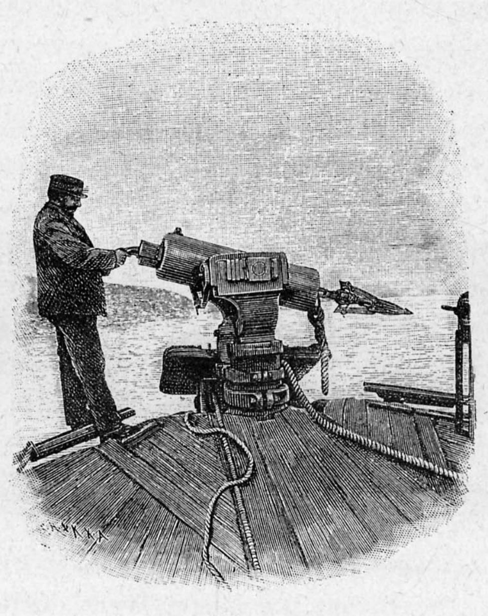

Рис. 89. Пушка.

дится кольцо, къ которому привязывается линь. При заряженіи пушки, кольцо оказывается впереди, у конца дула; когда же гарпунъ вылетитъ изъ пушки, кольцо отодвигается назадъ и остается на концѣ палки гарпуна. Но самая важная часть гарпуна—это разрывной снарядъ; онъ навинчивается впереди загибающихся боковыхъ скобъ и устроенъ такъ, что разрывается уже тогда, когда гарпунъ вонзится въ тѣло кита.

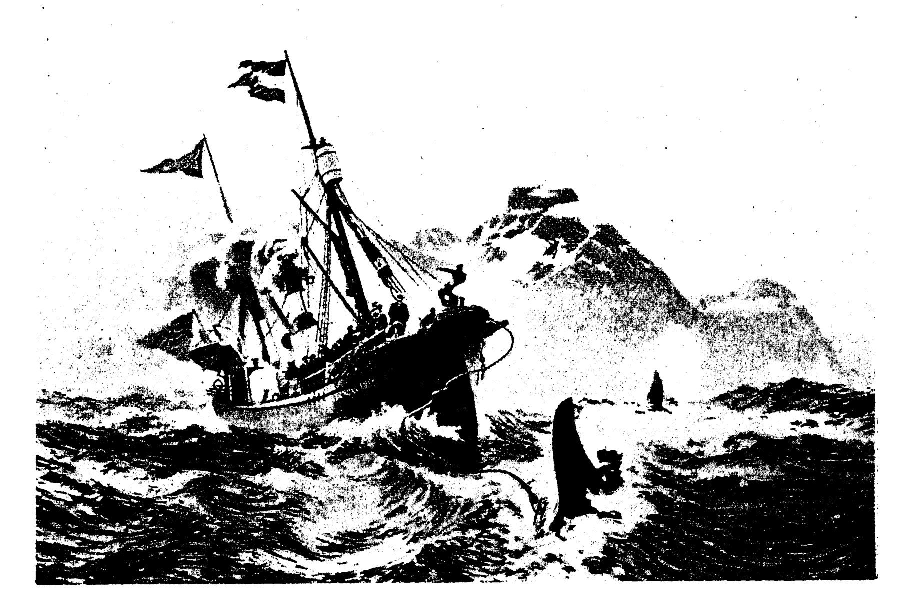

Рис. 90. Выброшенный пушкой гарпунъ попалъ въ тѣло кита.

— Завидѣвъ кита, зарядили пушку, вставили въ нее гарпунъ и къ кольцу привязали тонкій, но очень крѣпкій линь, который тутъ же лежалъ смотаннымъ въ бухту [1]. Гарпунеръ сталъ возлѣ пушки и приготовился стрѣлять. Но не такъ просто убить кита! Иной разъ онъ показывался и близко, да неудобно было стрѣлять въ него, а иной разъ всплывалъ надъ водой прямо бокомъ къ паро-

[1]) Кольцо.

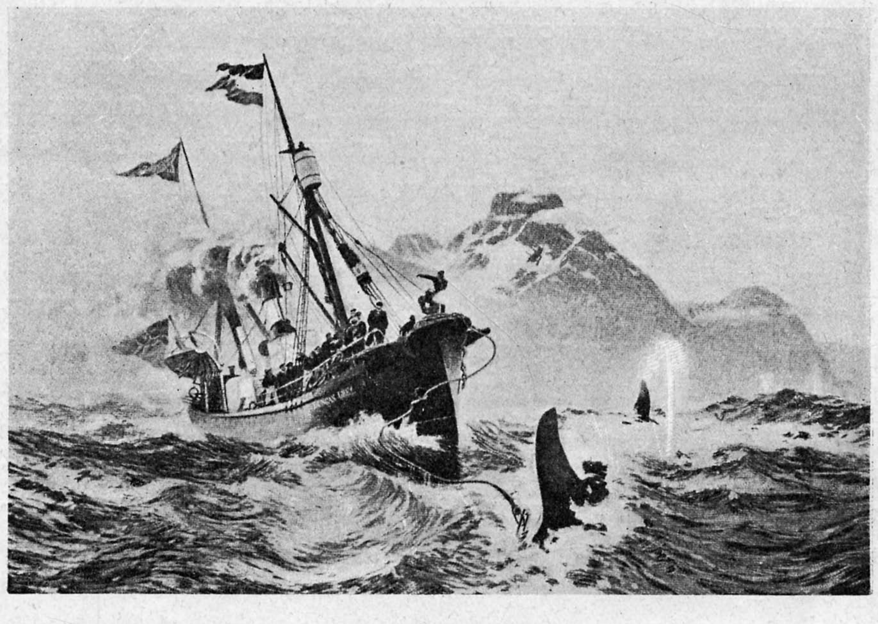

Рис. 90. Выброшенный пушкой гарпунъ попалъ въ тѣло кита.

ходу, но далеко, гарпунъ не долетитъ. Долго гонялись мы за нимъ и таки добились своего. Вынырнулъ китъ передъ пароходомъ какъ разъ такъ, что почти вся спина его показалась надъ водой... Гарпунеръ нацѣлился и выстрѣлилъ; какъ стрѣла полетѣлъ гарпунъ, разматывая линь (рис. 90). Китъ нырнулъ, но недолго оставался подъ водой: скоро онъ всплылъ; хорошо, видно, нацѣлился гарпунеръ, и разрывной снарядъ попалъ въ такое мѣсто, что сразу убилъ кита. А то, говорятъ, бываютъ случаи, когда и три, и и четыре раза приходится стрѣлять, прежде чѣмъ убьютъ его.

— Пароходъ подошелъ къ киту. Спустили шлюпки и, обхвативъ его цѣпями, привязали къ борту парохода; такъ и поволокли въ Варде. Медленно шли мы. Хорошо еще, что погода тихая была, а то въ бурю плохо бы пришлось намъ!

— А что же потомъ съ нимъ сдѣлали?—спросилъ я.

— Когда пришли въ Варде, сняли цѣпи и стали ждать прилива. Въ большую воду зацѣпили кита крюкомъ и начали подтягивать къ берегу. Когда вода спала, китъ оказался на сушѣ передъ заводомъ (рис. 91). Тутъ только я его хорошо разсмотрѣлъ. Вотъ какъ пароходы или корабли обрастаютъ подъ водой, такъ и на немъ были разныя ракушки.

— Тутъ и мы, матросы, и рабочіе съ завода начали его раздѣлывать.

— Что же кожу снимали?

— Нѣтъ, кожа у него тонкая, и ни на что не годится. А жиру подъ кожей много было! Въ иныхъ мѣстахъ, пожалуй больше фута въ толщину. Сняли жиръ и сейчасъ въ котлахъ начали перетапливать. Усы изо рта тоже вырѣзали.

— А что же съ мясомъ и съ костями сдѣлали? Выбросили ихъ?

— Зачѣмъ? Ихъ тоже сначала въ котлы бросаютъ, чтобы и изъ нихъ жиръ вытопить, а потомъ ихъ въ осо-

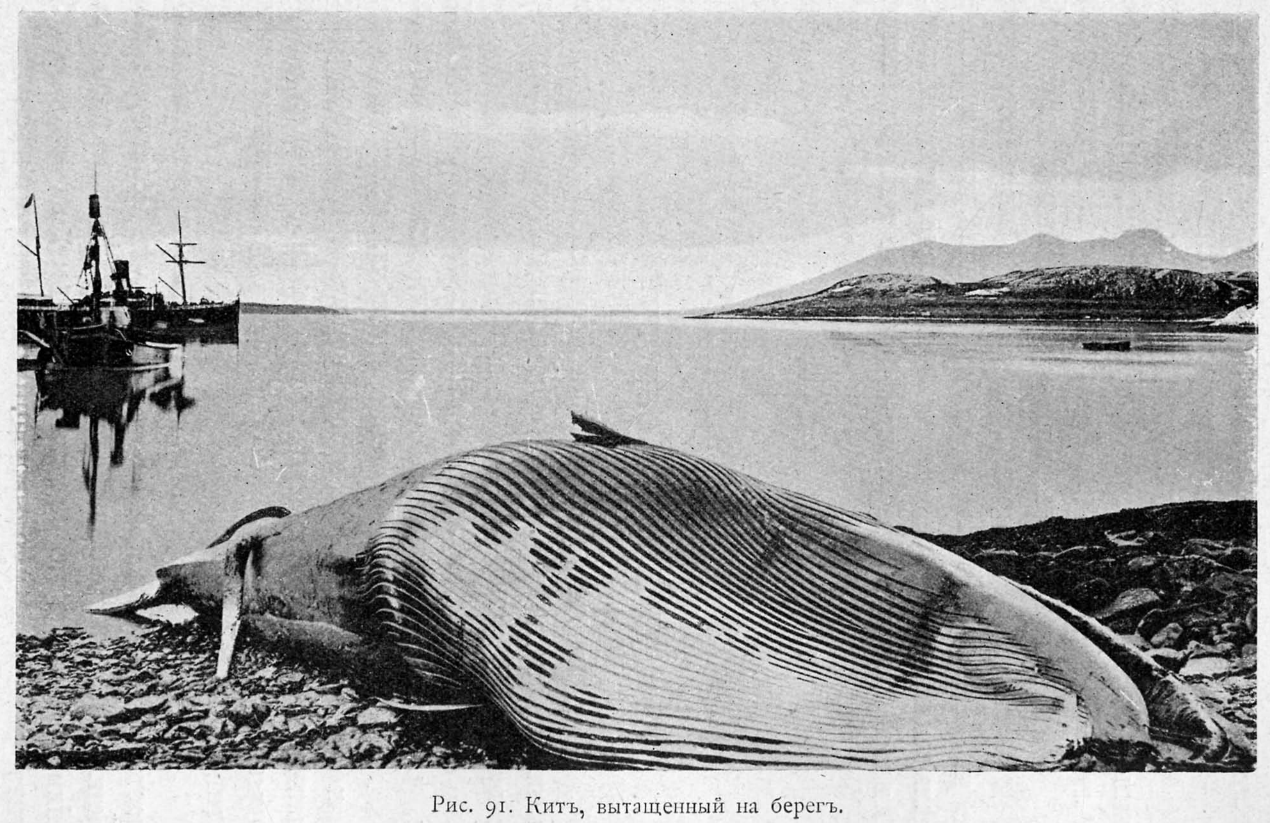

Рис. 91. Китъ, вытащенный на берегъ.

быхъ мельницахъ перемалываютъ. Получается гуано, какъ песокъ; его на поля вмѣсто навоза употребляютъ.

— Ну, а выгоденъ этотъ промыселъ?

— Очень выгоденъ, если, конечно, кита скоро встрѣтишь. На заводѣ говорили, что съ убитаго нами кита получили продуктовъ разныхъ тысячъ на 6 или 8 рублей.

— И долго вы плавали на китобойномъ пароходѣ?

— Нѣтъ, не понравилось мнѣ. Въ морѣ еще ничего, но на берегу ужъ очень работа грязная, когда кита раздѣлываютъ. Какъ услышалъ я въ Варде, что къ вамъ, на «Андрея» матросъ требуется сейчасъ же ушелъ съ китобоя.

ГЛАВА XIX.

На берегу.

Какъ пріятно послѣ длиннаго рейса идти по землѣ и ощущать подъ ногами не постоянно колеблющуюся палубу, а твердую землю.

Я забираюсь на самую вершину Екатерининскаго острова и, улегшись на пестромъ коврѣ изъ мха и цвѣтовъ, одно за другимъ читаю полученныя письма. Хотя авторы ихъ находятся отъ меня за тысячи верстъ, и нѣкоторыя письма написаны чуть не мѣсяцъ тому назадъ, я живо переношусь на югъ, совершенно забывая объ окружающей дѣйствительности.

Къ вечеру всѣ собираются въ береговую лабораторію, часть которой превращена въ столовую. Несмотря на окружающіе насъ приборы для анализовъ и банки съ коллекціями, такъ уютно сидѣть за столомъ, на которомъ блеститъ самоваръ, мурлыкающій свою тихую пѣсню!

Мы еще не читали газетъ и поэтому съ напряженнымъ вниманіемъ слушаемъ разсказы о томъ, что прои-

зошло въ мірѣ за этотъ промежутокъ времени. Шумно и оживленно обсуждаются всѣ совершившіяся событія.

Скоро полночь. Я сижу у себя въ каютѣ и не боюсь за стоящіе на столикѣ стаканъ чаю и чернильницу,—обстановка, необычная для каюты. Нужно написать письма, такъ какъ завтра придетъ почтовый пароходъ.

Какое наслажденіе—раздѣться совсѣмъ, какъ дома, и заснуть до утра съ мыслью, что никто не разбудитъ на вахту.

Съ утра снова кипитъ работа! Одни приводятъ въ порядокъ черновые дневники, занося всѣ сдѣланныя во время рейса наблюденія въ журналы, другіе перевозятъ съ парохода собранныя коллекціи и пробы воды въ береговую лабораторію, а третьи помогаютъ Николаю Михаиловичу болѣе детально разсортировать нѣкоторые сборы (рис. 92).

Я съ однимъ изъ товарищей, захвативъ батометръ Петерсона, отправился «на бочку» брать серію температуръ.

По серединѣ Екатерининской гавани въ самомъ глубокомъ ея мѣстѣ (около 50 метровъ) былъ брошенъ «мертвый» якорь, къ цѣпи котораго была прикрѣплена желѣзная бочка. Въ теченіе круглаго года черезъ извѣстные промежутки времени у этой бочки опредѣлялись температуры на различныхъ глубинахъ.

Привязавъ шлюпку къ бочкѣ и снарядивъ приборы, мы начали работу.

Я страшно удивился, когда мы получили придонную температуру: она равнялась всего лишь $+0{,}3^{\circ}$!

Въ открытомъ морѣ, хотя бы передъ входомъ въ Мотовскій заливъ въ это время года на глубинѣ 50 метровъ было по меньше мѣрѣ $+4^{\circ}$ или $+5^{\circ}$, а здѣсь почему-то $+0{,}3^{\circ}$?

Всѣ остальныя температуры были не менѣе удивительны... Вотъ онѣ:

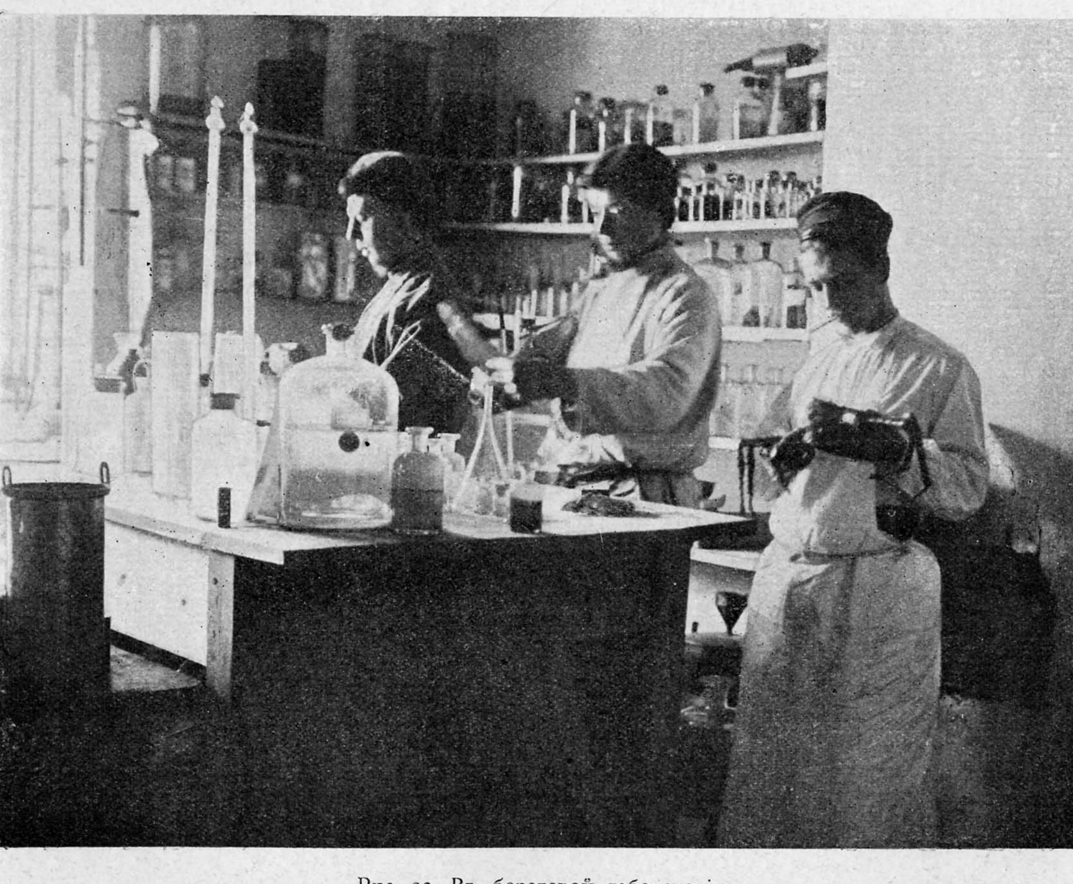

Рис. 92. Въ береговой лабораторіи.

0 метр.	5 м.	15 м.	25 м.	35 м.	49 м.
+12,0,	+7,8	+6,1	+1,4	+0,4	+0,3

Меня такъ заинтересовала эта серія, что я сейчасъ же по возвращеніи съ работы пошелъ въ лабораторію къ Николаю Михаиловичу и просилъ объяснить мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Видите ли,—началъ Николай Михаиловичъ,—такая, повидимому, несообразность происходитъ отъ того, что Екатерининская гавань представляетъ собою котловину, отдѣленную отъ Кольскаго залива, а слѣдовательно и отъ океана барьеромъ, находящимся при входѣ въ гавань. Глубина въ этомъ мѣстѣ не превышаетъ 20—25 метровъ. Вслѣдствіе этого приливная и отливная волны вносятъ и выносятъ изъ гавани только ту воду, которая находится выше этого уровня. Въ поверхностныхъ слояхъ вы поэтому и нашли воду съ довольно высокими температурами. На глубинахъ же, большихъ 20 метровъ вода гавани, не обмѣнивается съ водою океана, и здѣсь температуры, какъ видите,—значительно ниже. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы въ Бѣломъ морѣ. Оно тоже представляетъ собою котловину, отдѣленную отъ океана барьеромъ... И вотъ, поверхностный относительно тонкій слой метровъ въ 20 является сильно нагрѣтымъ—отъ +5,0 до +13° съ лишнимъ, но уже на 40 метр. глубины наблюдается 0°, а ниже идутъ отрицательныя температуры, на 100 метрахъ, напр.,—1,5°. Такую картину мы наблюдали въ августѣ. Едва ли можно допустить, чтобы поверхностное нагрѣваніе въ теченіе осени и зимы въ значительной степени передавалось нижележащимъ слоямъ. Такимъ образомъ въ глубинахъ Бѣлаго моря мы дѣйствительно находимъ холодную область съ температурами, неизмѣнно остающимися ниже 0°. До работъ нашей экспедиціи существовало мнѣніе, что и моря, омывающія сѣверъ Европы, относятся къ настоящей холодной области, но теперь мы можемъ утверждать, что

большая часть Мурманскаго моря (а можетъ быть и все или почти все оно), а также значительная часть Баренцова моря имѣютъ въ извѣстное время года придонныя температуры выше 0°.

— Я не понимаю, Николай Михаиловичъ, — сказалъ кто-то изъ товарищей, — какое можетъ имѣть значенiе изученiе температуръ и соленостей для промысла?

— Очень большое! — отвѣчалъ Николай Михаиловичъ.—Уже теперь мы знаемъ, что промысловая рыба, и особенно треска, встрѣчается преимущественно или въ области теплаго теченiя и его вѣтвей и непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними, или же въ прибрежномъ районѣ— области значительныхъ лѣтнихъ повышенiй температуры. Въ холодныхъ областяхъ промысловая рыба и особенно треска встрѣчается и рѣдко, и въ маломъ количествѣ. Теперь для насъ послѣ открытiя вѣтви Гольфстрема сѣвернѣе 75° с. ш. вполнѣ ясно, почему, напр., въ одномъ изъ рейсовъ подъ 75° с. ш. встрѣтили треску въ значительномъ количествѣ.

— А нашъ знаменитый ловъ въ развѣдочной экспедицiи тоже вѣдь происходилъ въ области теплаго теченiя!— добавилъ зашедшiй въ лабораторiю Александръ Петровичъ.

— Да, это прекрасный примѣръ! — продолжалъ Николай Михаиловичъ.—У береговъ рыбы еще совсѣмъ не было, а въ области теплаго теченiя (мы теперь знаемъ, что это была самая южная вѣтвь Гольфстрема) можно было производить прекрасный ловъ. Мы теперь уже твердо знаемъ, гдѣ нужно искать рыбу ранней весной. И если бы наши промышленники обладали другими судами, то промыселъ можно было бы начинать вдали отъ береговъ гораздо раньше, чѣмъ онъ начинается теперь. Благодаря именно гидрологическимъ работамъ удалось разрѣшить, пока только въ общемъ видѣ, самый основной вопросъ жизни здѣшнихъ промысловыхъ рыбъ: онѣ направляются въ область Мурмана именно по теплому теченiю; передви-

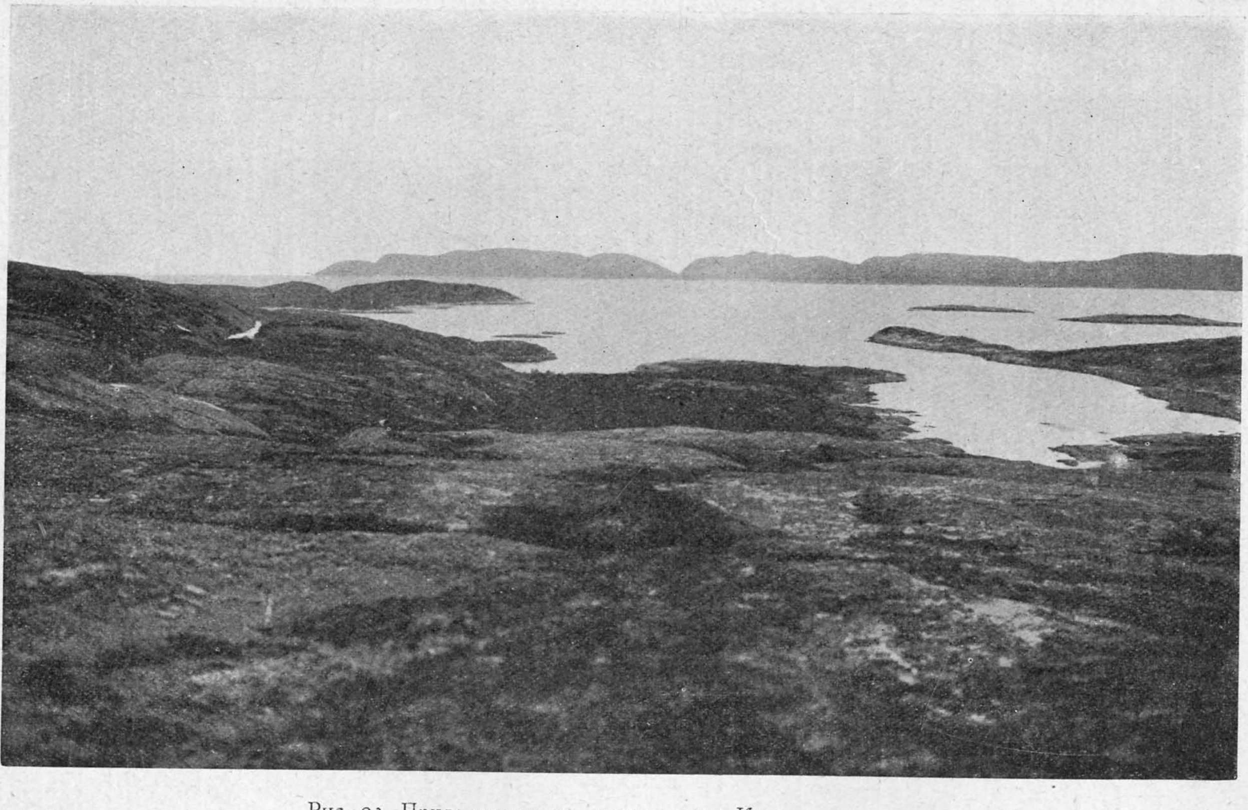

Рис. 93. Прилегающая къ океану часть Кольскаго залива.

гаясь на востокъ, громадныя стаи рыбы начинаютъ въ то же время приближаться и къ берегамъ.

Мы слушали, и ничего неговорящія температурныя данныя оживали предъ нами! Мы начинали понимать, что, какъ климатъ суши съ его воздушными теченіями — вѣтрами имѣетъ громадное значеніе въ жизни наземныхъ животныхъ и растеній, такъ и климатъ моря съ его теченіями обусловливаетъ жизнь морскихъ животныхъ. Только благодаря подобнымъ яркимъ примѣрамъ, убѣдились мы, какъ чисто научное изслѣдованіе океана можетъ имѣть громадное практическое значеніе. Мнѣ вспомнились теперь слова Николая Михаиловича, сказанныя мнѣ когда-то давнымъ давно, что въ основѣ научно-промысловыхъ изслѣдованій должно лежать строго научное изслѣдованіе промысловаго района, и что только глубокое всестороннее знаніе природы промысловыхъ водъ можетъ дать прочную основу для вполнѣ цѣлесообразнаго использованія ихъ естественныхъ богатствъ.

Подобныя бесѣды, конечно, не проходили для насъ безплодно. Никакія лекціи, никакія книги не могли намъ дать того, что давало общеніе съ жизнью океана подъ руководствомъ такого изслѣдователя, какъ Николай Михаиловичъ.

Особенно памятны мнѣ воскресенія. Этотъ день проходилъ у насъ очень разнообразно: мы дѣлали большія сухопутныя прогулки, прогулки на шлюпкахъ по губамъ Кольскаго залива, иногда собирались и устраивали импровизированные концерты на балалайкахъ и т. д.

Какъ сильно вліяетъ вѣтеръ на растительность. Берега Кольскаго залива, прилегающія къ океану — голыя скалы, слегка только покрытыя растительностью: лишаи, мхи и травы—вотъ все, что оживляетъ въ этихъ мѣстахъ мрачную поверхность гранита (рис. 93). Но стоитъ уйти на нѣсколько верстъ въ глубь страны, стоитъ попасть въ область, хоть немного защищенную отъ вѣтра, какъ кар-

тина сразу мѣняется: начинаютъ появляться низенькія, корявыя деревья. Уже недалеко отъ Александровска во время одной изъ прогулокъ мы нашли сосну, самую сѣверную сосну въ Россіи (рис. 94).

Рис. 94. Самая сѣверная сосна въ Россіи.

Я любилъ въ хорошую погоду выѣзжать въ шлюпкѣ въ окрестности гавани. Подъѣдешь бывало къ почти отвѣсно спускающейся въ море скалѣ, бросишь весла и смотришь въ воду. Вода прозрачная, прозрачная! Цѣлое волшебное подводное царство открывается передъ глазами. Вотъ медленно, медленно, едва замѣтно, ползутъ по камнямъ морскія звѣзды; баланусы, раскрывъ створки своего

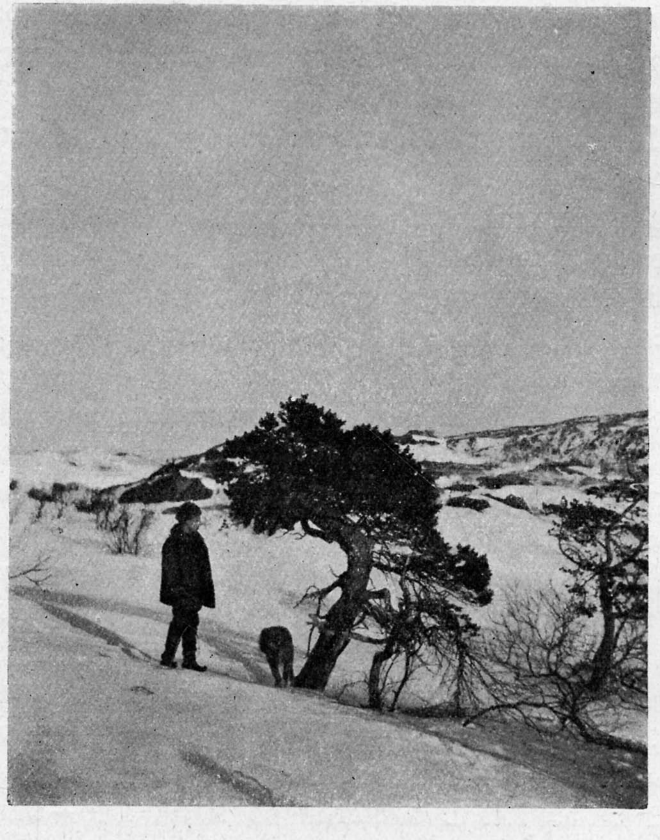

Рис. 94. Самая сѣверная сосна въ Россіи.

панцыря, непрерывно двигаютъ своими усиками, производя хватательныя движенія; красивыми подводными цвѣтами выглядятъ актиніи, распустившія свои щупальцы; вотъ цѣлый лѣсъ буровато-зеленыхъ фукусовъ тянется вверхъ, къ свѣту, а между ними шныряютъ различныя ракообразныя и мелкія рыбки. Точно громадный морской аквaріумъ предъ вами. Ласково грѣетъ солнце! Смотришь и мечтаешь, мечтаешь безъ конца.

— Константинъ Павловичъ! — раздается откуда-то сверху.

Поднимаю глаза и вижу высоко на скалѣ Маркъ Николаевичъ.

— Идемте купаться!

Я сначала не понялъ, о чемъ идетъ рѣчь. Вдругъ на Мурманѣ—купаться?!

— Куда?—съ удивленьемъ спрашиваю я его.

— Здѣсь за Екатерининскимъ островомъ я нашелъ бухточку. Дно чистое, чистое, песчаное и вода очень теплая! Идемте, выкупаемся!

А вѣдь и вправду заманчиво! Я гребу къ пристани. Скоро мы съ полотенцами и на всякій случай съ термометромъ идемъ купаться.

Дѣйствительно, чудное мѣсто нашелъ Маркъ Николаевичъ. Лучшаго для купанья и придумать трудно. Нигдѣ ни раньше, ни позже я не видѣлъ въ мѣстахъ для купанья такой кристально-чистой воды. А дно—одинъ восторгъ!

Мы измѣрили температуру... 14°! Быстро раздѣвшись, мы бросились въ воду...

Я не помню, какъ я вылетѣлъ обратно. Вѣроятно, на это потребовалось очень немного времени! Дѣло въ томъ, что поверхностный слой воды въ бухточкѣ дѣйствительно нагрѣлся, но глубже температура была, вѣроятно, совсѣмъ неподходящая для купанья. Ощущеніе было такое сильное, что мы, сами не зная почему, долго, долго хохотали

и, какъ ни старались, не могли удержаться отъ хохота. Дрожимъ, одѣваемся и хохочемъ, хохочемъ безъ конца!

Такъ неудачно окончилась наша попытка искупаться въ водахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Вѣроятно, въ другомъ мѣстѣ мы поплатились бы за нее. Здѣсь же все прошло безъ всякихъ послѣдствій: настолько здѣсь въ воздухѣ мало бактерій.

По этому поводу мнѣ вспоминается, сколько разъ приходилось быть здѣсь на холодѣ мокрымъ съ головы до ногъ, и никогда ни кашля, ни насморка! Когда мы уходили въ длинный рейсъ, на пароходъ привозили цѣлую тушу быка, вѣшали ее на ванты и только прикрывали парусомъ. Недѣлю и больше оставалось мясо на воздухѣ и никогда не портилось. Едва ли можно приписать это вліянію низкой температуры, такъ какъ обыкновенно въ воздухѣ всегда бывало не менѣе $+5^\circ$ $+6^c$. Приходится и это явленіе объяснять отсутствіемъ въ воздухѣ гнилостныхъ бактерій.

— Господа, поѣдемте завтра на шлюпкѣ въ Среднюю губу! — предложилъ Николай Михайловичъ въ одинъ изъ промежутковъ между рейсами.

Мы всѣ съ восторгомъ откликнулись на эту мысль.

— Къ «Тунъ-фискѣ» въ гости!—заявилъ Александръ Петровичъ.

— Что это за «Тунъ-фиска»?—спросилъ я.

— А вотъ увидите интереснѣйшаго человѣка!

— Но почему же вы его какой-то «Тунъ-фиской» называете? Неужели это его фамилія?

— Это одинъ колонистъ, шведъ. Его фамилія Ш. Въ прошломъ году въ его сѣти, выставленныя для лова семги, попался тунецъ. Какими судьбами занесло эту рыбу среднеевропейскихъ водъ сюда, на сѣверъ, трудно сказать. И Ш. былъ такъ пораженъ своей находкой, что приволокъ ее сейчасъ же къ Николаю Михайловичу... Представьте себѣ здоровеннѣйшаго мужчину (какъ онъ гово-

ритъ по-русски, вы завтра услышите!), который бѣжитъ, запыхавшись, съ пристани, размахиваетъ руками и не переставая повторяетъ: «Тунъ-фиска! Тунъ-фиска!» А какъ онъ надоѣлъ намъ потомъ этой своей тунъ-фиской! Когда-бы его ни встрѣтилъ, прежде всего разговоръ идетъ о тунъ-фискѣ. Такъ мы его «Тунъ-фиской» и прозвали!

На слѣдующій день большой компаніей размѣстились мы въ парусной шлюпкѣ. На рулѣ сидѣлъ Александръ Петровичъ, а мы въ качествѣ матросовъ подъ его командой управляли парусами. Пользуясь приливомъ, мы перешли черезъ покрытую водой перейму и вышли въ Кольскій заливъ.

Какой чудный день! Тепло, какъ въ хорошій майскій день гдѣ-нибудь у насъ въ центральной Россіи! Яркое, солнце освѣщало зеленѣющія скалы и синюю, синюю гладь залива. Тихій вѣтерокъ, надувая паруса, незамѣтно несъ нашу шлюпку къ противоположному берегу, ясно выдѣлявшемуся на горизонтѣ. А какой удивительно чистый воздухъ! Какъ легко, полной грудью дышалось здѣсь на водѣ.

Шумъ, остроты, смѣхъ раздавались безъ конца.

Мы не замѣтили, какъ переплыли заливъ и вошли въ Среднюю губу (рис. 95).

Насъ очень привѣтливо встрѣтилъ «мистеръ Ш», какъ его здѣсь всѣ величали. Его «русскій» языкъ, дѣйствительно, былъ поразителенъ: приходилось употреблять всѣ усилія, чтобы не расхохотаться, а тутъ еще Александръ Петровичъ смѣшилъ насъ.

Мы долго лазили по скаламъ, покрытымъ массой цвѣтовъ. Здѣсь, вдали отъ открытаго океана, чаще попадались и корявыя березки и рябина. Недалеко отъ жилища мистера Ш. протекаетъ рѣка и на ней невысокій, но удивительно красивый водопадъ (рис. 96). Поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, мы дошли до озера, изъ котораго она вытекала.

Трудно не только описать, но и представить себѣ, какъ все это было поразительно и величественно, и вмѣстѣ

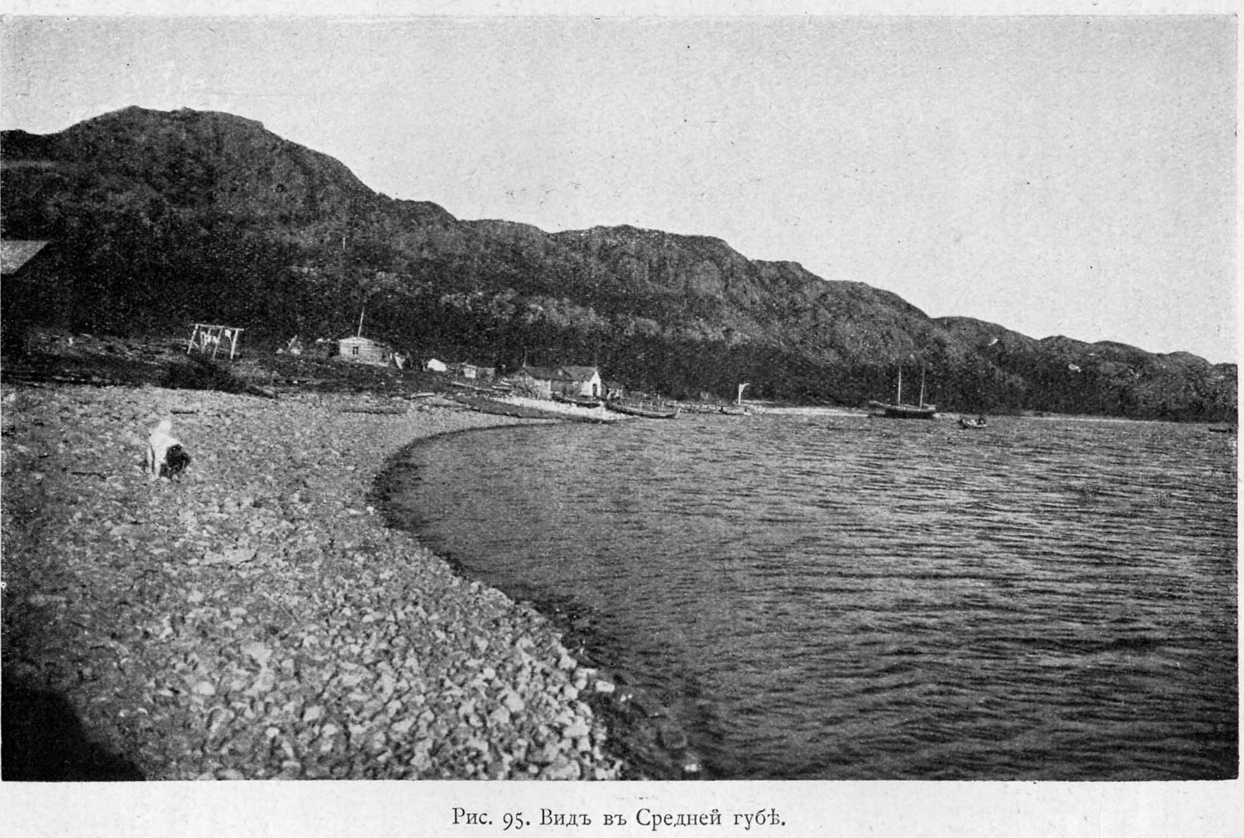

Рис. 95. Видъ въ Средней губѣ.

съ тѣмъ красиво. Величественъ и красивъ Нордкапъ, но тамъ—дикая, суровая, грозная красота. Здѣсь-же въ этотъ яркій солнечный день исчезла вся суровость сѣвернаго ландшафта... На небольшомъ пространствѣ вы могли наблюдать и широкій заливъ, и устье рѣки, и водопадъ, и величественно поднимающіяся отвѣсныя скалы берега! (рис. 97). А вдали съ возвышенныхъ точекъ видна была безпредѣльная, широкая, мощная поверхность океана! Обыкновенно,

Рис. 96. Водопадъ въ Средней губѣ.

говоря о сѣверѣ, всегда указываютъ на бѣдность его красками.... Какъ несправедливо такое сужденіе! Какая масса оттѣнковъ, какое разнообразіе освѣщенія, какая яркость тоновъ! По крайней мѣрѣ въ этотъ день и въ этомъ мѣстѣ.

Здѣсь-же, въ Средней губѣ я впервые увидѣлъ жилище лопарей—низкую, темную землянку (рис. 98); приходится только удивляться, какъ могутъ они проводить въ ней суровую полярную зиму.

Къ вечеру мы сидѣли въ гостиной мистера Ш., ѣли вкус-

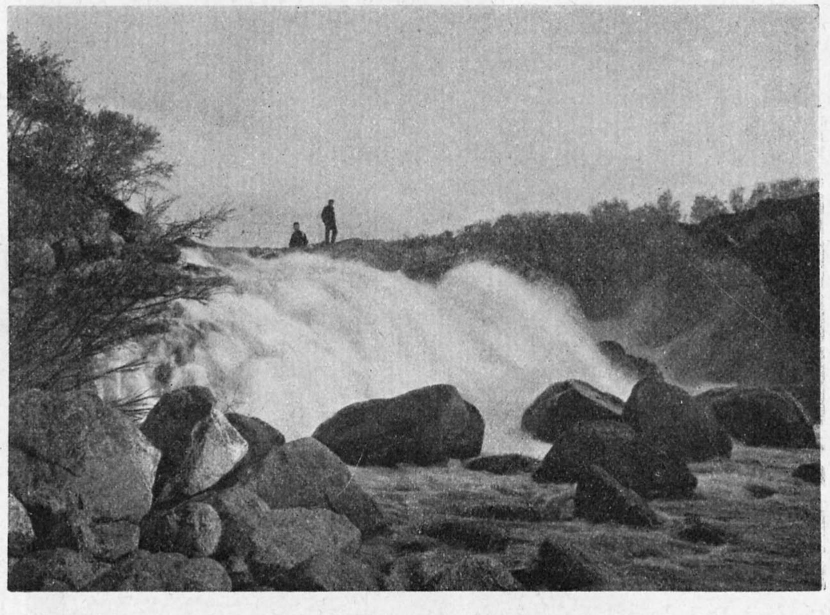

Рис. 96. Водопадъ въ Средней губѣ.

ную сочную семгу и слушали разсказы о его жизни. Сумѣлъ же человѣкъ и здѣсь устроиться хорошо! Вся обстановка

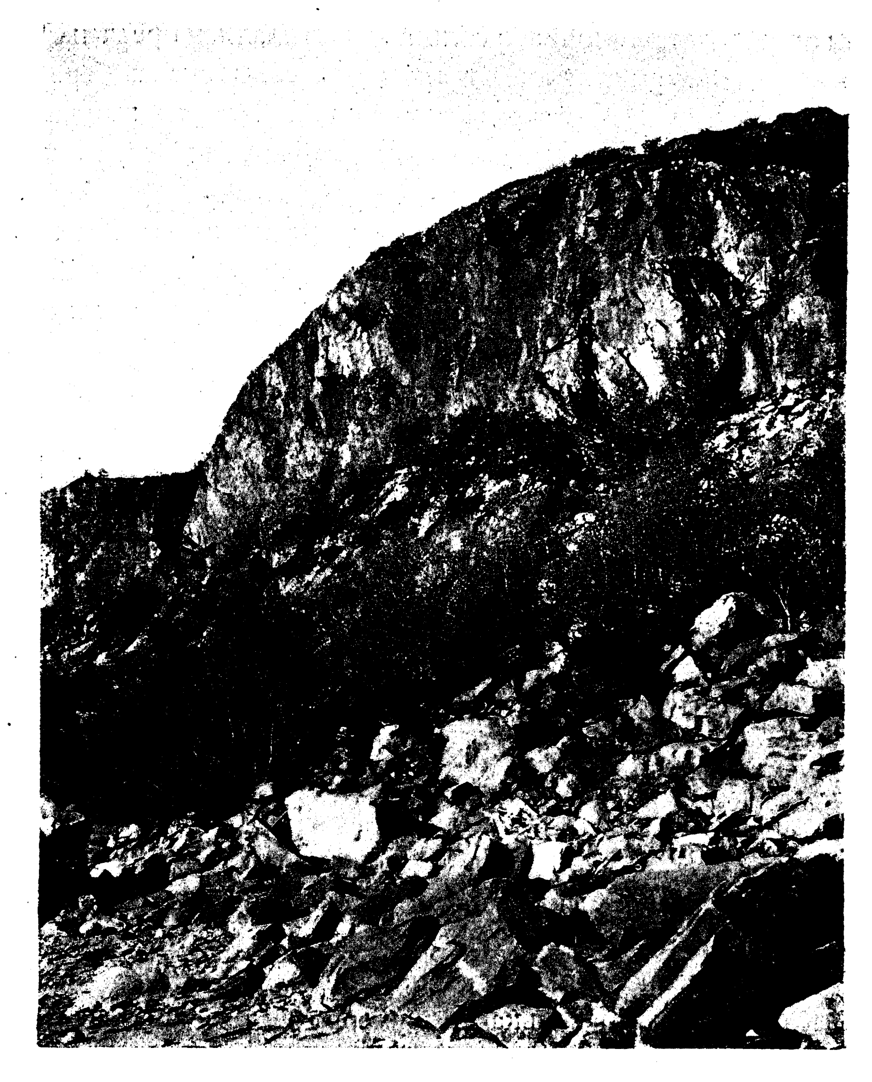

Рис. 97. Скалы въ Средней губѣ.

его указывала на значительный достатокъ. А сколько заманчивыхъ сторонъ въ такой жизни, какую велъ онъ въ непосредственной близости къ природѣ!

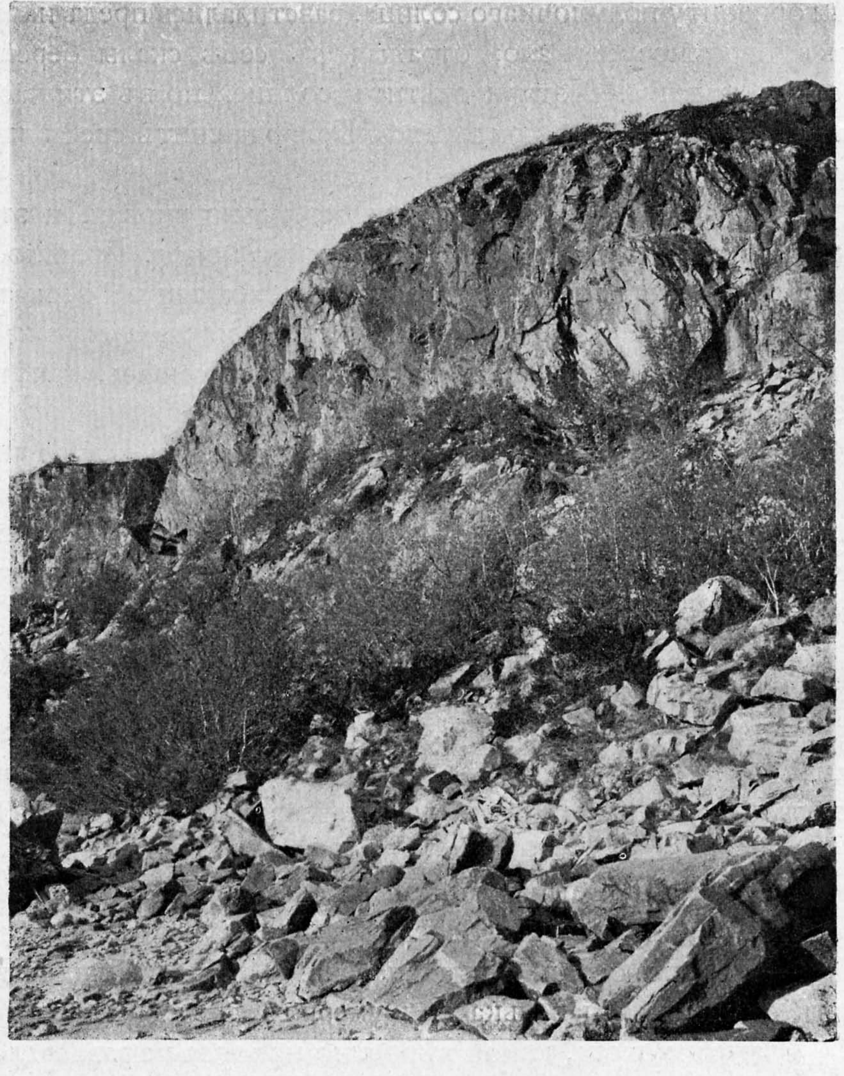

Рис. 97. Скалы въ Средней губѣ.

Уже къ ночи мы выбрались изъ Средней губы. Вѣтеръ стихъ, и совершенно спокойныя воды залива, освѣщенныя розовато-оранжевымъ отблескомъ спустившагося къ горизонту полуночнаго солнца, разстилались предъ нами, какъ огромное зеркало, отражая въ себѣ скалы берега. Полная тишина! Хотя и свѣтитъ солнце, но въ эти часы даже и птицы гдѣ-то притаились. Природа спитъ среди полуночнаго дня!

Мы подняли паруса, но они безсильно висѣли, и это еще болѣе усиливало впечатлѣніе полнаго покоя. Пришлось взяться за весла.... Поднятая ими рябь всколыхнула зеркало залива: заколебалась неподвижная гладь моря, а отражавшійся въ ней берегъ, какъ-то странно извиваясь, началъ медленно удаляться.

Сначала дѣло шло хорошо, такъ какъ мы сильно навалились на весла, но очень скоро всѣ устали. Первымъ запротестовалъ Владимиръ Константиновичъ С., большой юмористъ; онъ заявилъ, что грести больше не можетъ, такъ какъ у него «заблуждающая почка».

— Это еще что такое?—спрашивалъ Николай Михаиловичъ среди всеобщаго хохота.

— А вы не слышали? Это мистеръ Ш. разсказывалъ намъ, что у одной его родственницы — «заблуждающая почка». Тогда вы не слышали и разсказа о его работникѣ?

— Нѣтъ. А что?

Александръ Петровичъ скорчилъ уморительную физіономію и, подражая Ш. голосомъ и жестикуляціей, началъ:

— О, это ошень петная парень! Ему маменька умерилъ сейшасъ, а папенька ему умерилъ два года обратно!

Взрывъ хохота, какой вѣроятно никогда не раздавался въ этихъ мѣстахъ, огласилъ воздухъ. Хохотали всѣ, хохотали до боли въ животѣ!

А шлюпка наша спокойно стояла среди залива. Не было и намека на вѣтеръ. Мы уговорились грести по очереди по 15 минутъ; но и при этомъ мы медленно подви-

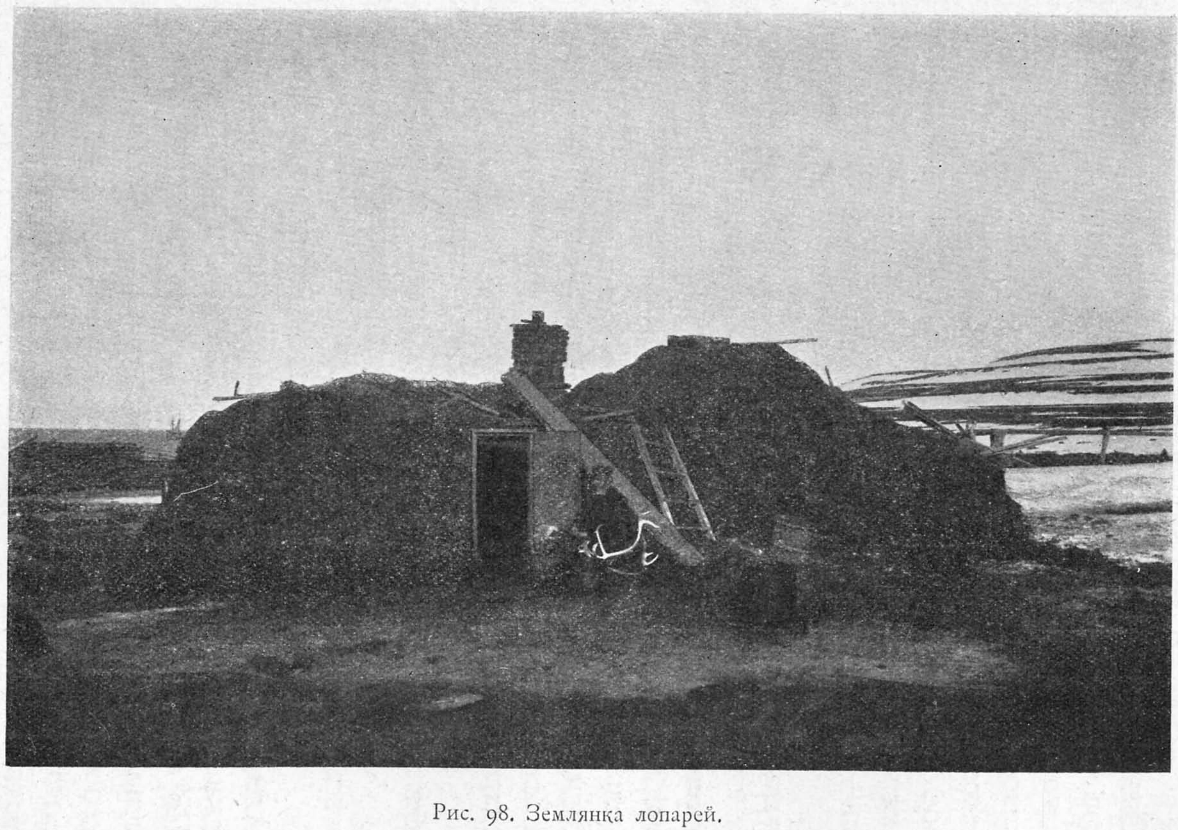

Рис. 98. Землянка лопарей.

гались впередъ. Пока одна смѣна гребла, другая хохотала, разсказывая анекдоты и смѣшные случаи изъ жизни.

— Что вы, господа, смѣетесь надъ языкомъ мистера Ш? Онъ изучалъ его за полярнымъ кругомъ,—говорилъ одинъ изъ насъ.—А вотъ какимъ языкомъ нашъ учитель нѣмецкаго языка диктовалъ намъ текстъ работы. Входитъ въ классъ, усаживается и начинаетъ: «одинъ матрозе, прогулеваясь на берегу, нѣчто отдаленно увидѣлъ львицу. Но которое же ему было удивленіе, когда львица кладилась ему у ногъ и, льстя ему, о помощи умоляла... Умолять—anflehen, an—у, flehen—молять! Пишите!»

И снова хохотъ. Гребцы бросили весла и тоже хохочутъ безъ конца.

Кое-какъ часамъ къ 3, 4 утра добрались мы до Екатерининскаго острова. Тутъ—новая бѣда: ушли мы во время прилива, теперь-же былъ отливъ, и черезъ перейму перейти нельзя. Пробовали пристать къ берегу, но наша шлюпка садилась на мель саженяхъ въ трехъ отъ суши. Что было дѣлать? Неужели идти на веслахъ кругомъ Екатерининскаго острова?

Примѣръ храбрости показалъ нашъ капитанъ. Онъ прыгнулъ со шлюпки и сразу очутился по поясъ въ водѣ.

— Садитесь ко мнѣ на плечи, я перенесу васъ на сухое мѣсто!—предлагалъ онъ намъ.

Кто-то согласился и взгромоздился на широкую спину Александра Петровича, который храбро зашагалъ къ берегу, тяжело переступая въ водѣ по усѣянному камнями дну. Но онъ не сдѣлалъ и 5 шаговъ, какъ произошла катастрофа: Александръ Петровичъ поскользнулся и вмѣстѣ со своей ношей полетѣлъ въ воду... Мокрые, дрожа отъ холода, фыркая и отплевываясь, они подъ общій крикъ и хохотъ, уже не выбирая теперь дороги и безъ всякой осторожности, направились къ берегу и скоро были на сушѣ.

Очередь была за нами. Какъ ни непріятно было лѣзть въ холодную воду, но теперь уже никто не думалъ пере-

ѣзжать на чьей-либо спинѣ. Поднимая милліоны брызгъ и подбадривая другъ друга, мы начали прыгать въ воду!

Скорѣе домой, на пароходъ!

Вода была очень холодная, но эта вынужденная ванна для всѣхъ прошла безслѣдно: ни насморка, ни кашля!

Благодатный сѣверъ!

ГЛАВА XX.

Маленькій рейсъ.

Въ промежуткахъ между большими рейсами часто предпринимались кратковременные выходы въ море на 1, 2 и 3 дня. Особенной популярностью у насъ пользовалась губа Ура, глубоко вдающаяся въ материкъ около входа въ Мотовскій заливъ.

— Завтра пойдемъ въ Мотовскій заливъ и въ губу Уру,—сообщилъ какъ-то намъ Николай Михайловичъ.— Какъ у насъ въ лаборатіи, посуды и реактивовъ достаточно?

— Посуды хватитъ и на два такихъ рейса, а спирта и формалина нужно будетъ приготовить!

У насъ всегда въ небольшихъ акваріумахъ жили болѣе интересныя изъ животныхъ, и матросы въ свободное время любили заходить полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ.

Было какъ разъ свободное время послѣ обѣда, и въ лабораторіи человѣкъ 5 молодыхъ матросовъ съ удивленіемъ глядѣли на привезенныхъ съ прошлаго рейса головоногихъ моллюсковъ, двухъ небольшихъ полярныхъ каракатицъ (рис. 99) и одного осьминога (рис. 100). Особенно интересовали всѣхъ каракатицы. Присосавшись ко дну своими щупальцами, онѣ дѣйствительно напоминали какихъ-то морскихъ чудовищъ. Засучивъ рукавъ, я хотѣлъ поймать одну изъ нихъ... Моя рука была совсѣмъ ужъ

близка къ цѣли, но вдругъ каракатица выпустила свои чернила, вода помутилась, и я схватилъ пустое мѣсто. Когда муть осѣла, каракатица уже сидѣла въ другомъ углу, блестя своими большими, зелеными глазами. Осьминогъ былъ не менѣе увертливъ, но у него не было чернильной железы, и онъ не могъ скрываться такъ, какъ каракатицы.

— Вишь, какъ мути-то напустила, такъ и не видать ея!—слышались замѣчанія.

— Да, вотъ и поймай ее!

— А что она ѣстъ?—спросилъ кто-то.

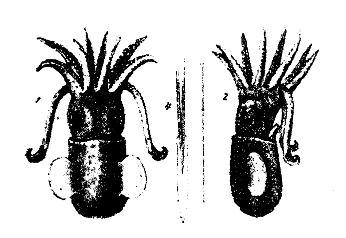

Рис. 99. Россіа—полярная каракатица; 1—видъ со спины, 2—видъ сбоку, 3—раковина ея.

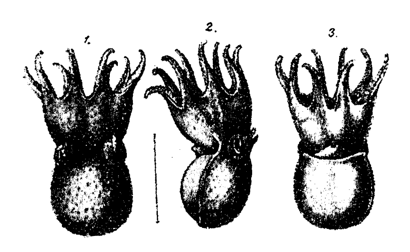

Рис. 100. Осьминогъ; видъ со спины, сбоку и снизу.

— Другихъ животныхъ, иногда даже рыбокъ маленькихъ ловитъ,—отвѣчали мы.

— Ишь, какая! другихъ значитъ ѣстъ, а сама муть пускаетъ, чтобы ее никто не съѣлъ!

— А вотъ я читалъ, и нарисовано было, какъ такая каракатица, или похожая на нее, цѣлый корабль въ море утянула!—сказалъ одинъ изъ матросовъ.

— Ну, это — сказки! Попадаются изрѣдка большіе осьминоги—спруты, но такихъ, чтобы корабль или лодку могли утащить, не бываетъ.

Мы приготовляли растворы спирта и формалина, а матросы долго еще толковали о нашихъ плѣнникахъ.

Утромъ на слѣдующій день мы были въ морѣ. Въ подобные рейсы всѣ шли, какъ на прогулку: качать не

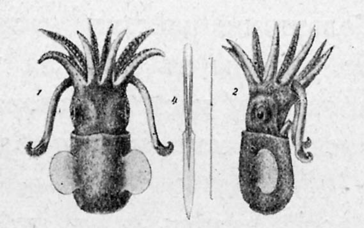

Рис. 99. Россiа—полярная каракатица; 1—видъ со спины, 2—видъ сбоку, 3—раковина ея.

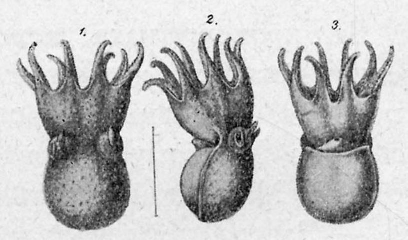

Рис. 100. Осьминогъ; видъ со спины, сбоку и снизу.

будетъ, напряженная работа, если и предстояла, то на очень непродолжительное время.

Передъ входомъ въ Мотовскій заливъ взяли серію температуръ.

— Для чего, Николай Михайловичъ,—спросилъ одинъ изъ товарищей,—въ этомъ мѣстѣ такъ часто производятъ температурныя наблюденія?

— А для того, — отвѣчалъ Николай Михайловичъ, раскрывая одинъ изъ рабочихъ журналовъ,—чтобы прослѣдить измѣненія температуръ на различныхъ глубинахъ въ теченіе круглаго года. Вотъ смотрите, у меня здѣсь вычерчены кривыя температуръ какъ разъ этого мѣста за 2 года (рис. 101). Для того, чтобы болѣе наглядно представить на чертежѣ, на какое время года падаетъ на различныхъ глубинахъ наибольшее нагрѣваніе и наибольшее охлажденіе, на немъ отмѣчены подъ названіемъ «лѣто» и «зима» три самыхъ теплыхъ и три самыхъ холодныхъ мѣсяца. Вы видите, какъ запаздываетъ «лѣто» и «зима» на глубинѣ! Какъ, слѣдовательно, медленно передается въ глубоко лежащіе слои поверхностное нагрѣваніе. Вотъ, напр., въ 98-мъ году на поверхности самыми теплыми мѣсяцами были VII, VIII и IX мѣсяцы, т.-е. іюль, августъ и сентябрь (по новому стилю), а на глубинѣ 250 м.—X, XI и XII, т.-е. октябрь, ноябрь и декабрь!

— Слѣдовательно, нашъ Мурманскій промыселъ происходитъ какъ разъ въ то время, когда у дна — «зима»?

— Совершенно вѣрно! — отвѣчалъ Николай Михайловичъ. — И все-же, какъ мы видѣли, приближеніе рыбы къ Мурманскому побережью стоитъ въ самой тѣсной зависимости отъ теплаго теченія!

Послѣ температурной серіи спустили оттертролль; онъ пришелъ перегруженный иломъ, среди котораго было довольно много рыбъ и другихъ крупныхъ животныхъ. Въ данномъ случаѣ тралъ шелъ, какъ исполинская драга. Чтобы получить мелкихъ животныхъ, пришлось принесен-

ный илъ класть въ рѣшета и промывать подъ струей воды, накачиваемой машиной (рис. 102). Я вспомнилъ, какъ медленно и тяжело шло промываніе ила на «Поморѣ»... Какъ легко и быстро дѣлалось все это на «Андреѣ Первозванномъ»!

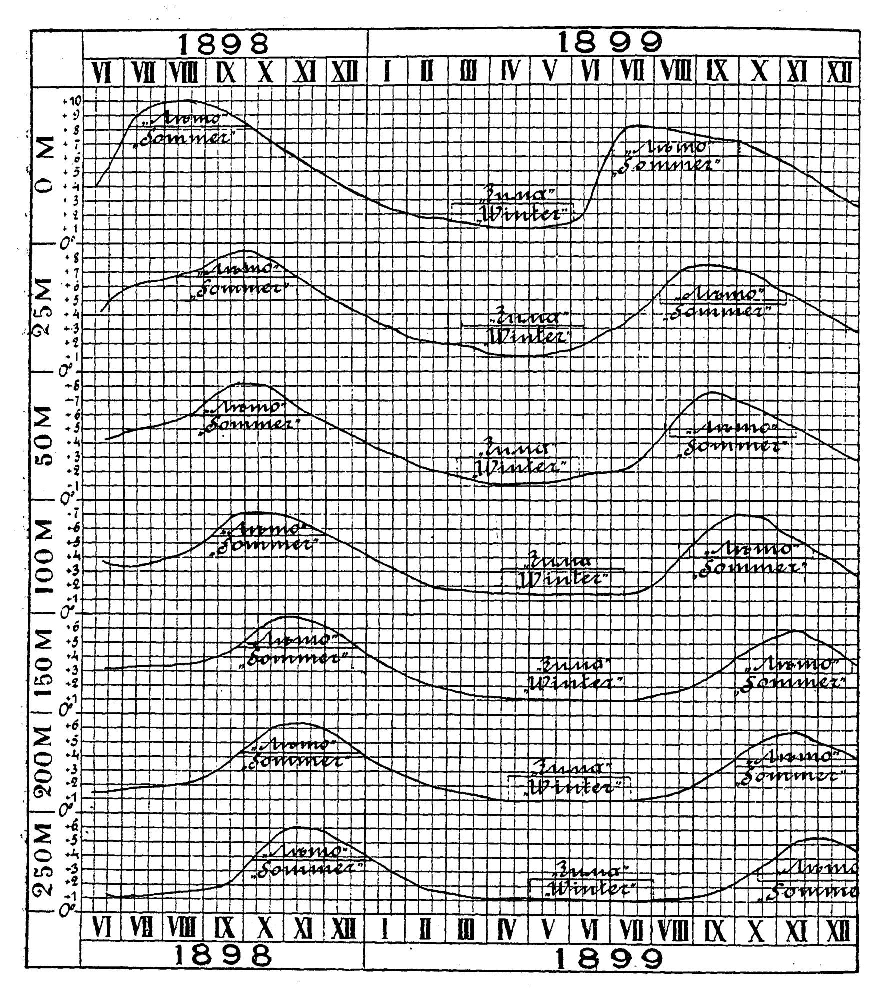

Рис. 101. Годовой ходъ температуръ на различныхъ глубинахъ предъ входомъ въ Мотовскій заливъ.

Пока мы возились надъ матеріаломъ, принесеннымъ траломъ, пароходъ пришелъ въ Ура-губу. Длинный и довольно узкій фіордъ съ гранитными, куполообразно сгла-

женными берегами, покрытыми ярко зеленѣвшей на солнцѣ растительностью, напоминалъ красивое озеро. Только от-

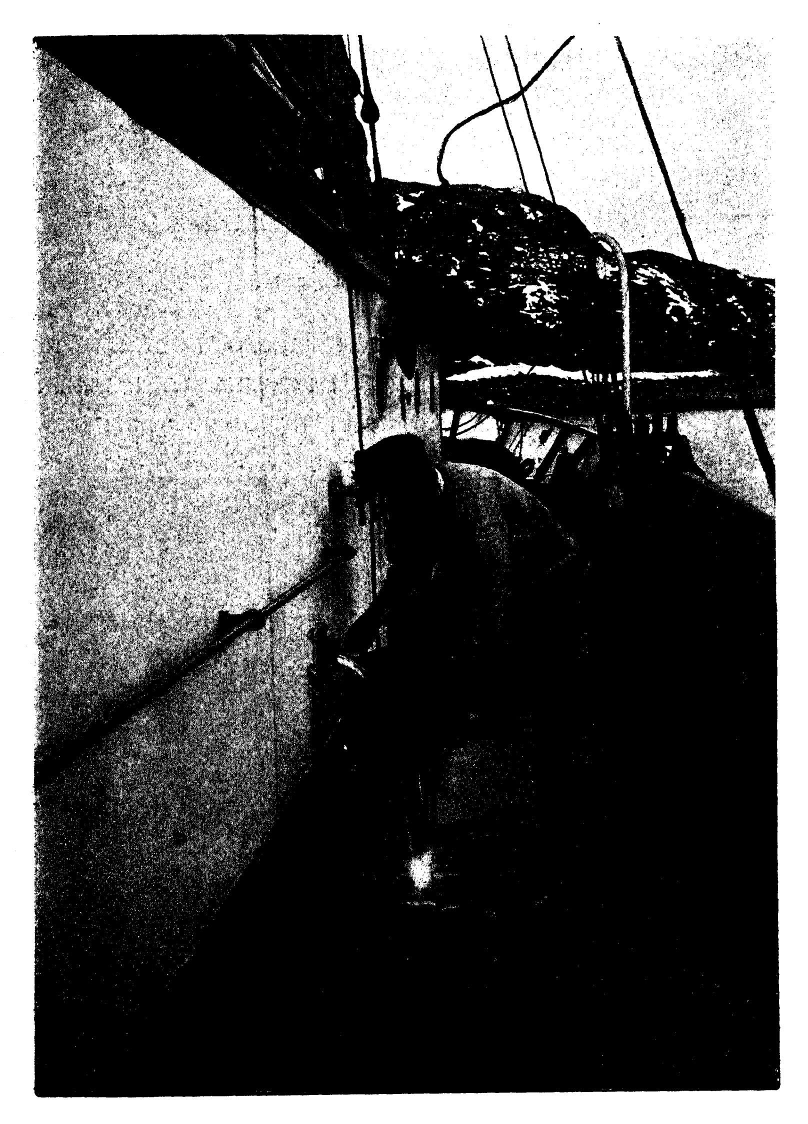

Рис. 102. Промывка ила.

сутствіе деревьевъ заставляло вспоминать, что мы на крайнемъ сѣверѣ, а не въ болѣе южныхъ широтахъ.

Начали готовить тралъ Петерсена. Это тотъ же от-

Рис. 102. Промывка ила.

тертролль, но гораздо меньшихъ размѣровъ, съ мелкой ячеистой сѣткой и съ одинаковой длины верхней и нижней подборами (рис. 103).

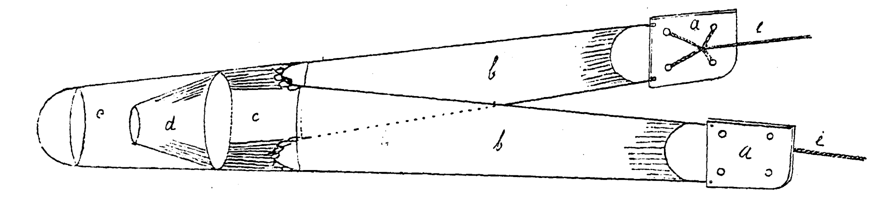

Рис. 103. Тралъ Петерсенъ.

Когда послѣ получасового лова его подняли на палубу и развязали мотню, изъ нея высыпалась цѣлая груда чего-то красного... Тысячи, десятки тысячъ красныхъ жи-

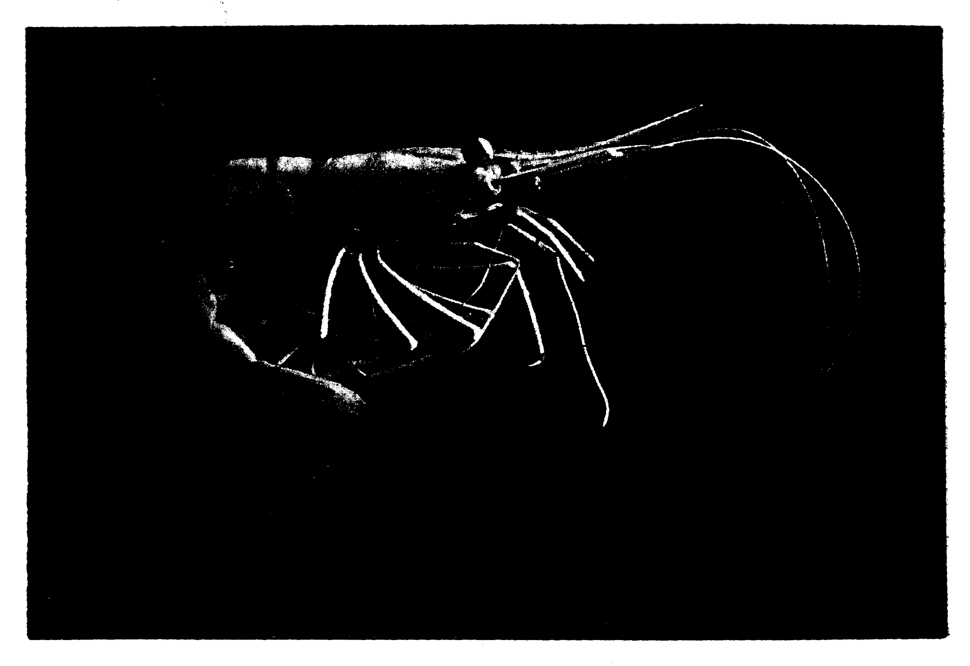

Рис. 104. Сѣверная креветка.

вотныхъ, напоминающихъ нашихъ рѣчныхъ раковъ, шевелились и прыгали, подгибая свое брюшко. Ихъ было такъ много, что остальныя пойманныя животныя совсѣмъ

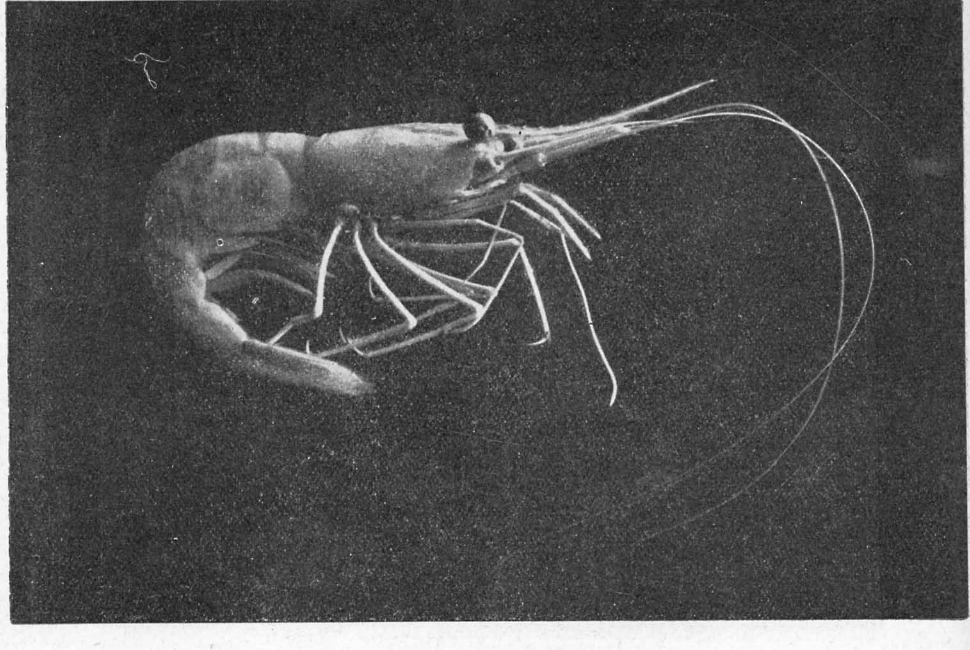

Рис. 104. Сѣверная креветка.

не бросались въ глаза, а ихъ тоже было очень и очень много.

— Это тѣ-же сѣверныя глубоководныя креветки (рис. 104), которыхъ мы уже не разъ ловили, — пояснялъ Николай Михайловичъ тѣмъ изъ насъ, которые не были раньше въ этихъ мѣстахъ.—Посмотрите, какая ихъ масса! А между тѣмъ до работъ нашей экспедиціи никто и не подозрѣвалъ объ ихъ присутствіи!

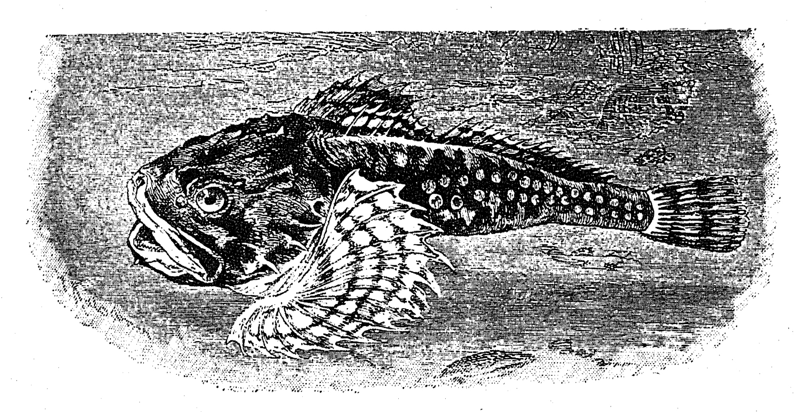

Рис. 105. Керчакъ.

— Ну, господа, сегодня на обѣдъ лишнее блюдо!— заявилъ Александръ Петровичъ, съ удовольствіемъ потирая руки.

— А развѣ ихъ можно ѣсть? — спросилъ одинъ изъ товарищей.

— А вотъ за обѣдомъ увидите!

Мы начали переносить въ лабораторію полученный матеріалъ. Груда его все росла и росла. Интересно было опредѣлить количество пойманныхъ креветокъ... Поэтому ихъ отбирали въ отдѣльную кучу. Конечно, можно было-бы ихъ пересчитать, но на это понадобилось-бы очень много времени. Мы поступили такъ: вымѣрили вмѣстимость одного изъ акваріумовъ и при помощи послѣдняго измѣрили потомъ объемъ пойманныхъ креветокъ. Ихъ оказалось больше 30 литровъ.

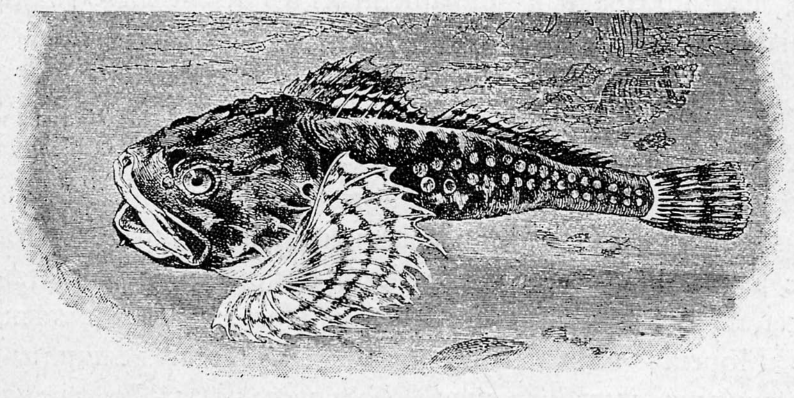

Рис. 105. Керчакъ.

Нѣчто невѣроятное и по количеству и по разнообразію животныхъ представлялъ собою уловъ трала! Здѣсь были и обыкновенныя мурманскія рыбы: треска, пикша и морскіе окуни; были 2 породы камбалъ; были также скаты; кромѣ того попалось нѣсколько «керчаковъ» (рис. 105) и другихъ мелкихъ непромысловыхъ рыбъ, представлявшихъ, однако, большой интересъ для зоолога. Изъ нихъ меня особенно поразила одна рыбка—Cyclogaster gelatinosus; полупрозрачная, окрашенная въ нѣжный блѣднорозовый цвѣтъ, она напоминала желе, настолько нѣжно было все ея тѣло.

Кишмя кишѣли различныя ракообразныя. Были рачки, похожія на нашихъ рѣчныхъ раковъ и на креветокъ—Sabinea, было нѣсколько раковъ-отшельниковъ, но особенно поражали разнообразіемъ формы и окраски небольшіе рачки, нѣсколько похожіе на бокоплавовъ: они также, лежа на боку, двигались, сгибая и разгибая свое тѣло.

Морскія звѣзды различной формы и величины, съ различнымъ числомъ лучей, большею частью окрашенныя въ красный цвѣтъ разнообразныхъ оттѣнковъ, почти не шевелились. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминали собою причудливой формы пирожныя. Между ними попадались экземпляры съ неодинаково развитыми лучами: у 5-ти лучевой звѣзды, напримѣръ, 3 луча длинныхъ, а 2—маленькихъ уродливыхъ. Вѣроятно, кто-нибудь полакомился частью этой звѣзды и откусилъ ей 2 луча! Но звѣзда не погибла, а напротивъ начала отращивать утерянныя части! (Рис. 106).

Это явленіе—способность возстанавливать утерянныя части,—называемое въ наукѣ регенераціей, еще въ большей степени свойственно животнымъ, очень похожимъ на морскихъ звѣздъ,—офіурамъ (рис. 107). Ихъ тоже была масса. Своими длинными змѣевидно извивающимися лучами, рѣзко отдѣляющимися отъ туловища, онѣ сразу отличаются отъ морскихъ звѣздъ. Одинъ изъ видовъ офіуръ попался въ

количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, но, несмотря на это, трудно было выбрать изъ нихъ хоть нѣсколько штукъ неиспорченныхъ: у одной чуть не всѣ лучи были отломаны, у другой—вмѣсто 5 было только 2 луча и т. д. Сколько-нибудь неосторожное прикосновеніе приводило къ тому, что лучи ломались. Это то же самое явленіе, которое мы наблюдаемъ у ящерицъ: если ее схватить за хвостъ, то послѣдній останется у васъ въ рукахъ, а ящерица убѣжитъ; оторванный хвостъ выростетъ у нея вновь;

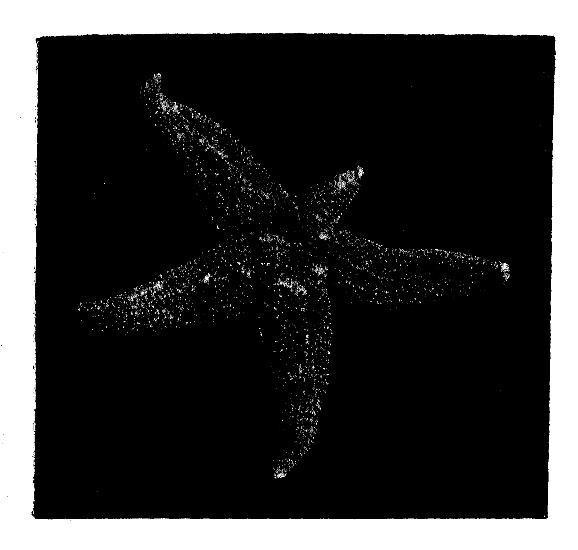

Рис. 106. Морская звѣзда съ однимъ регенерирующимъ лучомъ.

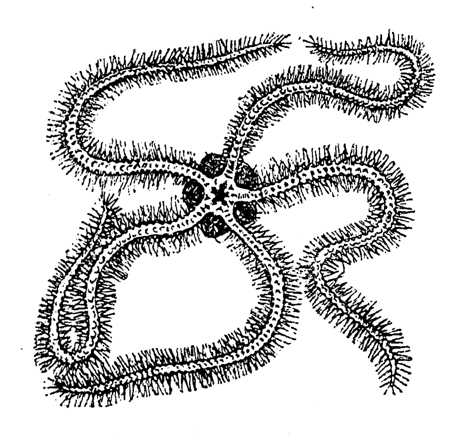

Рис. 107. Офіура.

точно также, если кто-нибудь схватитъ офіуру за лучъ, онъ отламывается и потомъ выростаетъ вновь.

Николай Михайловичъ отобралъ въ чашечку нѣсколько экземпляровъ одного вида офіуръ (Ophiopholis aculeata) и, отойдя въ темный уголъ лабораторіи, брызнулъ на нихъ спиртомъ... Весь комокъ вспыхнулъ голубоватымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Потомъ, когда наступили темные вечера и ночи, мы иногда продѣлывали этотъ опытъ въ темнотѣ. Я не могу передать, какъ красивъ былъ этотъ нѣжно-голубой «живой свѣтъ»!

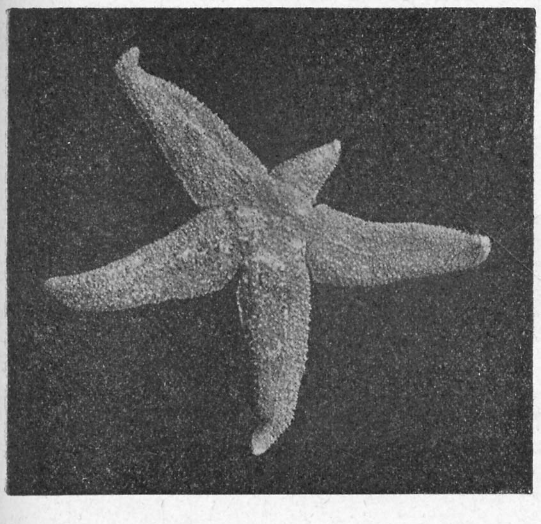

Рис. 106. Морская звѣзда съ однимъ регенерирующимъ лучомъ.

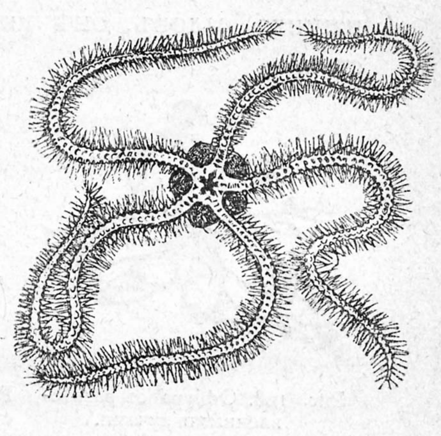

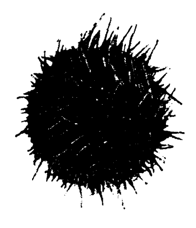
Рис. 107. Офіура.

Среди офіуръ были удивительныя формы съ развѣтвленными спиралью завитыми лучами (рис. 108). Было много колючихъ твердыхъ морскихъ ежей, видъ которыхъ великолѣпно оправдывалъ данное имъ названіе (рис. 109).

Довольно многочисленные моллюски здѣсь не бросались въ глаза ни своей величиной, ни своей красотой. На раковинахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сидѣли актиніи желтаго и оранжеваго цвѣта. Вынутыя изъ воды онѣ сжались и свернули свои щупальцы, но воображаю, какъ красивы были онѣ на днѣ моря! Недаромъ называютъ ихъ то «морскими розами», то «морскими анемонами»! Какъ цвѣты нашихъ садовъ, онѣ украшаютъ пучины подводнаго царства.

Рис. 108. Офіура съ развѣтвленными лучами.

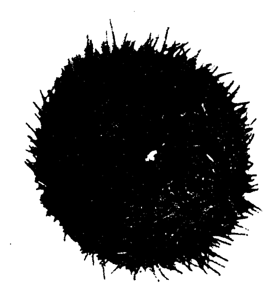

Рис. 109. Морской ежъ; налѣво—видъ со спинной стороны, направо — съ брюшной, виденъ ротъ съ пятью зубами.

Раковины, въ которыхъ жили раки-отшельники, иногда кругомъ были облѣплены актиніями. Это наблюдается во всѣхъ моряхъ, гдѣ встрѣчаются эти животныя. Здѣсь два различныхъ животныхъ поселяются вмѣстѣ и ведутъ совмѣстный образъ жизни, доставляя другъ другу извѣстную выгоду: актиніи—неподвижному, сидячему животному, выгодно то, что ее переноситъ съ мѣста на мѣсто ракъ-отшельникъ, а послѣднему выгодно то, что щупальцы актиніи, усаженныя милліонами обжигающихъ, какъ крапива, органовъ, защищаютъ его отъ цѣлаго ряда враговъ.

Какъ ни старался я, разбирая всю эту массу животныхъ, представить себѣ видъ морского дна со всѣмъ его

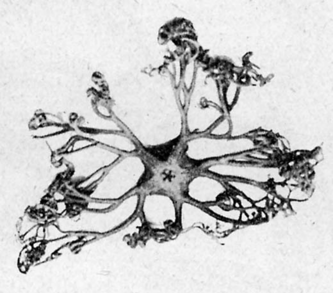

Рис. 108. Офіура съ развѣтвленными лучами.

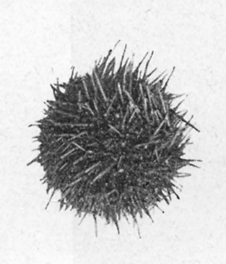

Рис. 109. Морской ежъ; налѣво—видъ со спинной стороны, направо — съ брюшной, виденъ ротъ съ пятью зубами.

населеніемъ, мое воображеніе было безсильно нарисовать эту картину въ сколько-нибудь цѣльномъ видѣ. Поражало одно: масса и разнообразіе придоннаго населенія сѣверныхъ водъ. Всегда кажется, что южныя моря должны быть богаче, что населеніе этихъ морей должно быть болѣе разнообразнымъ и болѣе ярко окрашеннымъ... Мнѣ приходилось бывать на Черномъ морѣ и видѣть его фауну; какъ бѣдна она и количествомъ, и разнообразіемъ, и красками по сравненію съ тѣмъ, что я видѣлъ здѣсь! Ключемъ бьетъ жизнь на крайнемъ сѣверѣ, но только въ морѣ и возлѣ моря!

— А вѣдь многихъ изъ этихъ животныхъ мы уже встрѣчали и раньше!—замѣтилъ одинъ изъ товарищей.

— Конечно!—отвѣтилъ Николай Михайловичъ.—Эта фауна, характеризуемая особеннымъ обиліемъ глубоководныхъ креветокъ, распространена очень широко. Намъ удалось прослѣдить ее на сѣверъ до 75° с. ш. и на западъ до Медвѣжьяго острова!

— Но почему же въ другихъ мѣстахъ намъ не попадалось такого множества животныхъ?

— Ура-губа,—продолжалъ Николай Михайловичъ,—Мотовскій и Кольскій заливы, а также и нѣкоторыя другія мѣста отличаются исключительнымъ богатствомъ своего населенія! Вѣдь эту кучу животныхъ съ такой массой креветокъ далъ намъ ловъ, продолжавшійся всего полчаса. Представьте себѣ, какую массу животныхъ можно было-бы здѣсь захватить, тралируя 10—15 часовъ! Вотъ вамъ новый промыселъ!

— А куда же ихъ дѣвать?

— Конечно, пока не будетъ сбыта, до тѣхъ поръ этотъ промыселъ и не разовьется. Но если только когда-нибудь Мурманъ будетъ связанъ желѣзной дорогой, хотя бы съ Петербургомъ, сбытъ креветокъ обезпеченъ. Какую массу подобныхъ же креветокъ получаетъ Петербургъ изъ Франціи!

— А почему, Николай Михайловичъ, вы уже теперь обращаете такое вниманіе на эту фауну?

— Да прежде всего съ чисто научной точки зрѣнія— это въ высшей степени важное и интересное открытіе! На громадномъ пространствѣ Ледовитаго океана распространена такая богатая и своеобразная фауна, о которой раньше, до работъ нашей экспедиціи и не подозрѣвали! Подумайте, какое громадное значеніе имѣетъ она для питанія промысловыхъ рыбъ! Вѣдь вотъ вы вскрывали сотни тресокъ; чѣмъ чаще всего наполнены ихъ желудки?

— Животными, характерными для этой фауны! Я раньше и не подумалъ объ этомъ!—замѣтилъ товарищъ, задавшій раньше вопросъ.

— А теперь припомните,—продолжалъ Николай Михайловичъ,—сколько креветокъ мы находили иногда въ желудкахъ тресокъ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ вскрываемые экземпляры были набиты креветками! Попадалась часто треска, въ желудкѣ которой было 80—100 крупныхъ креветокъ! Громадная масса ракообразныхъ, населяющихъ обширныя пространства изучаемой нами области, представляетъ гигантскій запасъ пищи для промысловыхъ рыбъ и, вѣроятно, имѣетъ большое значеніе въ ихъ жизни.

— Да, это, конечно, такъ! Но, вѣроятно, и креветки, и другія, сопровождающія ихъ животныя, не являются для рыбъ особенно лакомымъ блюдомъ.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ Николай Михайловичъ.

— Да потому, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается креветочная фауна, желудки рыбъ часто были наполнены мойвой или сельдью. Слѣдовательно, стоитъ появиться этимъ мелкимъ рыбкамъ, какъ треска сейчасъ же набрасывается на нихъ, не обращая вниманія на креветокъ.

— Это не совсѣмъ такъ,—замѣтилъ Николай Михайловичъ.—Вы не приняли во вниманіе того, что и мойва и сельдь отличается блестящей серебристой чешуей, дѣлаю-

щей ихъ несравненно болѣе замѣтными, чѣмъ полупрозрачныя красныя креветки. Вѣдь красные лучи сильно поглощаются морской водой, и потому на глубинѣ, гдѣ живутъ креветки, и гдѣ вообще царитъ вѣчный полумракъ, красные полупрозрачные предметы, очевидно, должны быть мало замѣтны. А кромѣ того важную роль играетъ и запахъ, напр., мойвы: при отыскиваніи добычи рыба несомнѣнно руководится и обоняніемъ.

Во время обѣда мы всѣ по достоинству оцѣнили вкусъ креветокъ. Ѣли ихъ много: блюдо за блюдомъ появлялось на столѣ и какъ-то незамѣтно очень скоро оказывалось пустымъ. Теперь уже никто не сомнѣвался въ съѣдобности креветокъ.

Намъ предстояло еще долго возиться съ разборкой добытаго раньше матеріала... До вечера было еще далеко, и потому Николай Михайловичъ рѣшилъ произвести нѣкоторыя работы въ другомъ мѣстѣ.

Выйдя изъ Мотовскаго залива и обогнувъ восточный берегъ Рыбачьяго полуострова, «Андрей Первозванный» остановился недалеко отъ мыса Ципъ Наволокъ. Здѣсь спустили оттертролль. Къ его подъему наши работы въ лабораторіи были закончены, и всѣ мы высыпали на палубу въ ожиданіи новаго улова.

Вотъ пришли доски. Мотня трала оказалась очень тяжелой и сквозь воду просвѣчивала бѣловатой массой. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ея подъема, думая, что тралъ захватилъ много рыбы. Ближе и ближе подтягиваютъ мотню. Чѣмъ же она такъ загружена? Это—не рыба... Какіе-то сѣроватые и желтые предметы, напоминающіе по величинѣ и формѣ большіе хлѣбы, до того переполнили тралъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣть прорвалась.

— Это—губки!—сказалъ Николай Михайловичъ.

Ихъ было такъ много, что поднять мотню на палубу оказалось невозможнымъ. Пришлось разрѣзать сѣть трала; въ полученное отверстіе забрался одинъ изъ матросовъ и

выбросилъ въ воду добрую половину губокъ. Только послѣ этого, да и то съ трудомъ, удалось поднять на палубу нашъ уловъ.

Когда всю эту груду вывалили на палубу, со всѣхъ сторонъ посыпались остроты. Кто-то очень удачно сравнилъ груду губокъ съ качанной капустой.

— Смотри, да здѣсь и огурцы есть!—сострилъ одинъ изъ матросовъ, поднимая голотурію, по формѣ и величинѣ дѣйствительно напоминавшую огурецъ.

— А вотъ и картофель! — сейчасъ-же подхватилъ другой, показывая небольшую губку.—Хорошая закуска!

Мы начали разбирать уловъ. Среди губокъ попалось нѣсколько рыбъ. Но самыми интересными были все же губки. Это не были тѣ грецкія губки, роговой скелетъ которыхъ употребляютъ для мытья, для стиранія съ классныхъ досокъ и т. д. Скелетъ нашихъ губокъ состоялъ изъ мельчайшихъ кремневыхъ иголочекъ, едва видимыхъ невооруженнымъ глазомъ. Послѣ того какъ мы ихъ перетащили въ лабораторію, наши руки горѣли отъ массы ихъ уколовъ. Ладони были покрыты какъ щеткой массой тончайшихъ какъ будто стеклянныхъ иголочекъ. На поверхности губокъ была цѣлая фауна: въ углубленіяхъ сидѣли офіуры и черви; небольшими кустиками, напоминающими кустики мховъ, поднимались колоніи гидроидовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались своеобразные моллюски — довольно крупные хитоны (рис 110), представлявшіе по словамъ Николая Михайловича для Мурмана новость. Чтобы отыскать всѣхъ этихъ животныхъ, приходилось, поворачивая губку съ одной стороны на другую, внимательно осматривать всѣ ея неровности: часто нѣкоторыя животныя такъ плотно сидѣли на ея поверхности и такъ были похожи на нее по окраскѣ, что отыскать ихъ было очень трудно.

Рис. 110. Хитонъ.

Рис. 110. Хитонъ.

Были въ тралѣ и другія животныя, характерныя для креветочной фауны: офіуры, звѣзды, пикногоны, ракообразныя; было также нѣсколько креветокъ. Но всѣ они составляли ничтожное количество по сравненію съ массой губокъ.

Дальнѣйшія работы экспедиціи показали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ мелководныхъ пространствахъ, окружающихъ Рыбачій полуостровъ, и на банкахъ къ сѣверу отъ острова Кильдина, все дно покрыто громадными скопленіями этихъ крупныхъ кремневыхъ губокъ.

Пока мы разбирали принесенный матеріалъ, а двое изъ товарищей снимали для коллекціи кожу изъ пойманнаго крупнаго палтуса (рис. 111), «Андрей Первозванный» быстро шелъ въ Екатерининскую гавань.

Среди тихой, почти неподвижной глади океана часто поднимались круглыя головы тюленей. Фыркая и какъ будто съ удивленіемъ поглядывая на пароходъ, они нѣсколько секундъ оставались на поверхности воды, а потомъ снова ныряли.

Александръ Петровичъ долго смотрѣлъ на эту картину и наконецъ не выдержалъ: схвативъ винтовку, онъ началъ стрѣлять по тюленямъ. Но изъ его стрѣльбы ничего не вышло: тюлени какъ будто поддразнивая его, выставляли изъ воды свои головы, а при выстрѣлѣ ныряли, чтобы вынырнуть снова черезъ нѣсколько минутъ.

Но вотъ и берега Кольскаго залива.... Снова слышится знакомая команда:

— Боцманъ!

— Есть!

— Свистать всѣхъ на верхъ, на якорь становиться!

— Есть!

Вмѣстѣ со свисткомъ боцмана мы окончили свою работу и начали приводить себя въ береговой видъ.

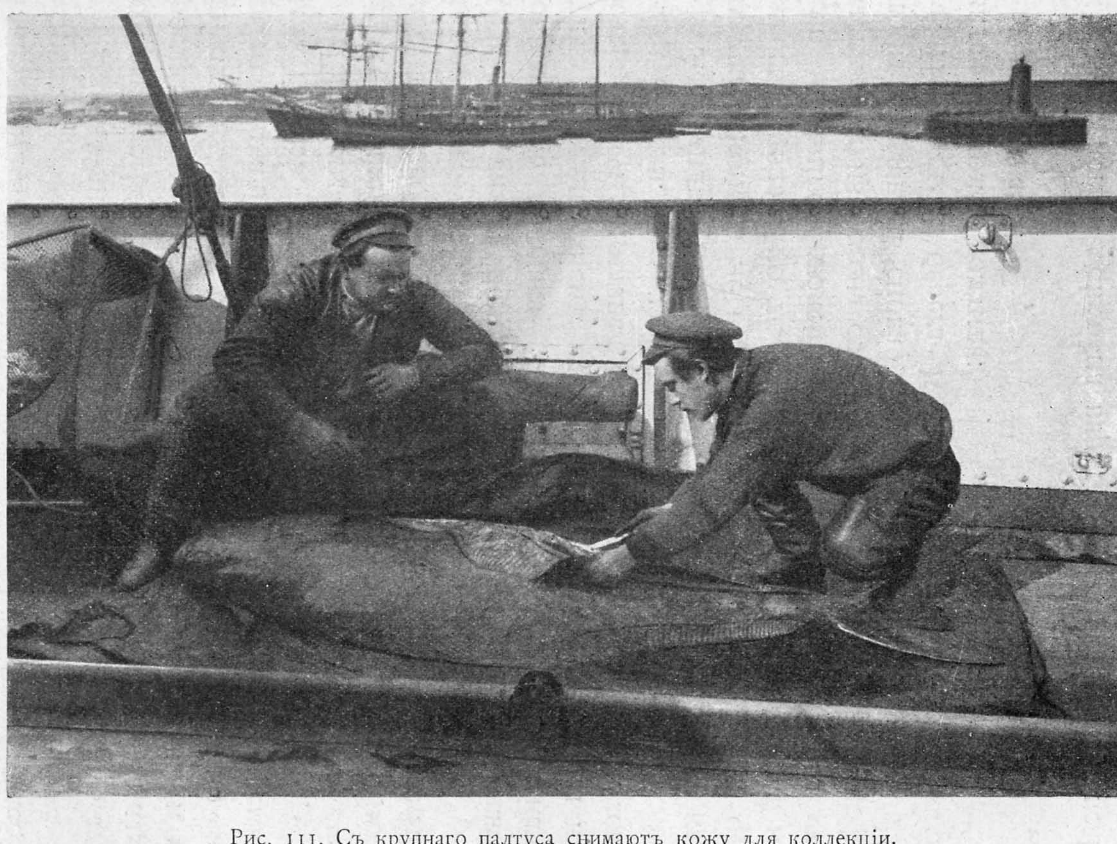

Рис. 111. Съ крупнаго палтуса снимаютъ кожу для коллекціи.

ГЛАВА XXI.

На островѣ Кильдинѣ.

Погода становилась все хуже и хуже... Сильный нордъвестъ быстро гналъ тяжелыя низко нависшія тучи и высоко вздымалъ такія-же сѣрыя волны. Мы разбирали въ лабораторіи матеріалъ, полученный на предыдущей станціи. Качало такъ сильно, что при работѣ приходилось придумывать различные способы, чтобы удержаться на ногахъ. Уже нѣсколько разъ я стремительно перелеталъ черезъ всю лабораторію, натыкаясь на столы и шкапы и вызывая всеобщій хохотъ. Но при слѣдующемъ сильномъ и внезапномъ кренѣ кто-нибудь, только что хохотавшій надъ другимъ, самъ срывался съ мѣста и съ пинцетомъ въ одной рукѣ и какимъ-нибудь ракомъ или моллюскомъ въ другой продѣлывалъ такое-же невольное путешествіе. И поза и мимика при этомъ были настолько комичны, что нельзя было удержаться отъ хохота.

Время отъ времени почти всѣ мы клали пинцетъ на столъ и, выбѣжавъ на палубу, склонялись за бортъ, какъ будто внимательно разсматривали воду возлѣ парохода...

— Что? планктонъ кормили? — встрѣчали возвращавшагося въ лабораторію.

Несмотря на то, что всѣ мы уже попривыкли къ морю, на этотъ разъ мы отдавали ему свою дань, и, нужно сознаться,—дань обильную. Даже Николай Михайловичъ при общемъ хохотѣ тоже разъ «покормилъ планктонъ». Мы привыкли теперь смотрѣть на морскую болѣзнь, какъ на неизбѣжное зло. Какъ только, бывало, начнетъ тошнить и передъ глазами пойдутъ зеленые круги сейчасъ-же бросаешь работу и идешь къ борту... Черезъ минуту непріятное ощущеніе пропадаетъ, и минутъ на 10—15 опять

становишься свѣжимъ, бодрымъ и вполнѣ пригоднымъ къ работѣ....

— Николай Михайловичъ, пришли на станцію!—пробасилъ Василій Николаевичъ, заглядывая въ лабораторію, въ своемъ штормовомъ костюмѣ: непромокаемое пальто и шапка съ опущенными наушниками.

— А какъ вы думаете, Василій Николаевичъ, работать можно?

— По моему, попробовать нужно, тогда и увидимъ!

Кое-какъ взяли серію температуръ. Во время работы пароходъ сильно дрейфовало; гребни волнъ часто взлетали на палубу, обдавая работавшихъ солеными брызгами, съ головы до ногъ. Когда приступили къ спуску трала и для этого повернулись бортомъ къ вѣтру, волны начали заливать палубу такъ сильно, что работа оказалась невозможной.

— Что теперь будемъ дѣлать, Николай Михайловичъ?—спрашивалъ капитанъ, тоже нарядившійся въ непромокаемое пальто.

— Жалко бросать работу, но кажется придется... Трудно вѣдь ожидать, чтобы погода измѣнилась къ лучшему?

— Барометръ падаетъ! Вѣтеръ усиливается. Будетъ хорошій штормъ!

— Ну, что-же? Будемъ удирать! Зайдемъ въ Кильдинскій проливъ и произведемъ работы на Могильномъ озерѣ.

Приведя въ порядокъ лабораторію, мы разбрелись по каютамъ. Проходя мимо каютъ-компаніи, я увидѣлъ столъ, накрытый для обѣда. Весь онъ покрытъ былъ перегородками, образовавшими для каждаго прибора гнѣздо; тарелки, ложки, вилки при всякомъ кренѣ съ шумомъ и звономъ ударялись о стѣнки гнѣздъ и другъ о друга. Кое-какъ, цѣпляясь за перила, дотащился я до своей койки, снялъ сапоги и легъ. Почти моментально прекратились всѣ не-

пріятныя ощущенія, но когда пришелъ Эрнстъ и сказалъ, что обѣдъ поданъ, то уже одна мысль о ѣдѣ вызвала тошноту. Прислушиваясь къ говору въ каютъ-компаніи, я понялъ, что къ обѣду вышли только трое: Николай Михайловичъ, капитанъ и Маркъ Николаевичъ. Несмотря на качку, они шумѣли, смѣялись и ѣли, кажется, съ аппетитомъ. Я страшно завидовалъ имъ; и не тому, что они ѣдятъ, а тому, что могутъ чувствовать себя такъ бодро и хорошо въ такую погоду.

Рис. 112. Островъ Кильдинъ.

Убаюканный качкой, я скоро заснулъ.

Меня разбудилъ шумъ якорной цѣпи. Качки не было! Значитъ, мы стояли у Кильдина! Я быстро одѣлся и вышелъ на палубу. Вѣтеръ, повидимому, еще усилился; онъ гудѣлъ въ вантахъ и съ силой рвалъ и трепалъ развѣвающійся за кормой флагъ; но волны не было: узкій проливъ между островомъ (рис. 112) и материкомъ оказался хорошо защищенной гаванью.

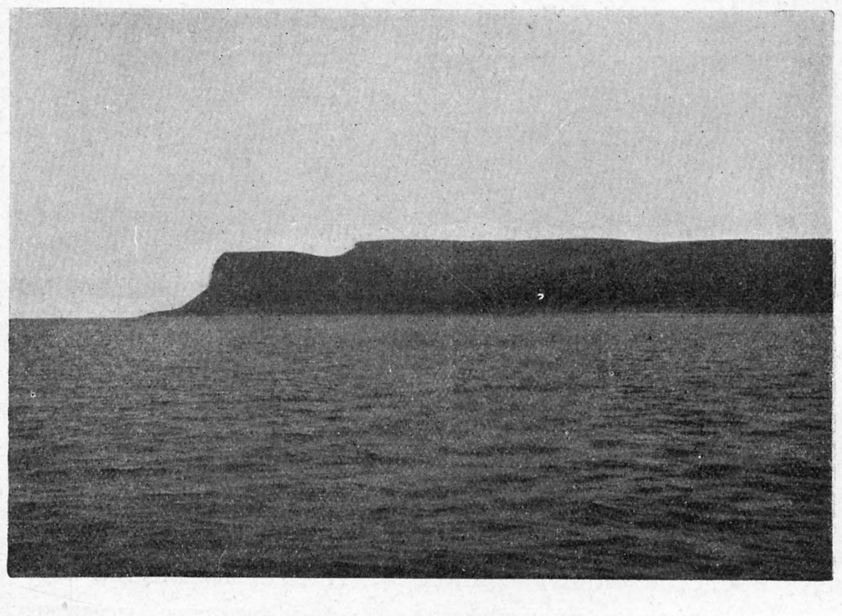

Рис. 112. Островъ Кильдинъ.

Скоро спустили шлюпку, и мы, захвативъ батометръ, драгу и пелагическую сѣтку отправились на берегъ. Было начало лѣта, и вездѣ еще лежали сугробы снѣга.

Почти у самаго берега стоялъ довольно большой домъ единственнаго жителя Кильдина, норвежскаго колониста Эриксона. Уже по своему внѣшнему виду онъ рѣзко отличался отъ тѣхъ домовъ, которые мнѣ приходилось видѣть и въ другихъ мѣстахъ Мурмана (рис. 113): подъ крышей виднѣлись окна мезонина, а выступавшій впередъ небольшой балкончикъ совсѣмъ ужъ не гармонировалъ съ создавшимся у

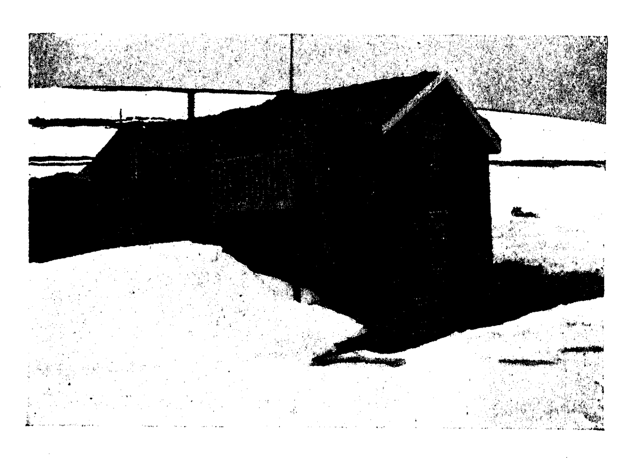

Рис. 113. Домъ колониста-норвежца на Кильдинѣ.

меня представленіемъ о сѣверѣ. Когда мы вошли внутрь, глазамъ нашимъ представилась очень чистая комната съ простой, но удобной мебелью. На стѣнахъ висѣли въ рамкахъ картинки и портреты, среди которыхъ я сразу узналъ Нансена. Поднявшійся намъ навстрѣчу высокій, широкоплечій старикъ и былъ самъ Эриксонъ. Пока Николай Михайловичъ разговаривалъ съ нимъ (по-норвежски), я занялся осмотромъ комнаты. Все указывало на то, что хозяева живутъ иной жизнью, чѣмъ наши промышленники. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояли письменныя принадлежности и лежало нѣсколько книгъ; у низкаго само-

дѣльнаго кресла, въ которомъ сидѣлъ старикъ Эриксонъ, были разбросаны норвежскія газеты.

— Вотъ какъ могутъ жить здѣсь промышленники! — говорилъ Николай Михайловичъ, когда мы уходили отъ Эриксона.—Прошло всего нѣсколько лѣтъ, какъ онъ здѣсь поселился, а благосостояніе его растетъ очень замѣтно. Онъ промышляетъ круглый годъ: лѣтомъ—рыбу, зимою—тюленей. У него теперь цѣлое стадо оленей, есть и рогатый скотъ... (Рис. 114).

Рис. 114. Стадо оленей на Кильдинѣ.

— Въ чемъ же заключается секретъ его успѣха? — спросилъ я.—Почему и наши колонисты не могутъ достигнуть того, чего добился Эриксонъ!

— Онъ значительно развитѣе нашихъ промышленниковъ! Онъ не боится новизны, внимательно присматривается ко всему и охотно примѣняетъ все, что кажется ему полезнымъ. Прибавьте сюда энергію, предпріимчивость и большое трудолюбіе всей его семьи, и вамъ станетъ понятнымъ, почему онъ устроился такъ хорошо тамъ, гдѣ русскіе колонисты влачатъ жалкое существованіе. Не малую роль во всемъ этомъ играетъ, конечно, и трезвость, которой наши поморы похвалиться не могутъ.

На пути къ Могильному озеру мы наткнулись на цѣлые десятки тюленьихъ тушъ — результатъ зимняго промысла Эриксоновъ.

Посрединѣ озера уже сдѣлали прорубь и приступили къ работѣ.

На Мурманѣ много озеръ, но Могильное озеро издавна привлекало особенное вниманіе изслѣдователей тѣмъ, что вода въ немъ была соленая, и въ немъ жили различные представители морской фауны, между прочимъ и треска. Все это заставляло считать это озеро реликтовымъ, т.-е. оставшимся отъ того времени, когда уровень воды у Мурмана стоялъ значительно выше. Во многихъ мѣстахъ Мурмана среди гранитныхъ скалъ мы находили остатки морскихъ отложеній, заключавшихъ въ себѣ раковины моллюсковъ и съ несомнѣнностью свидѣтельствовавшихъ о томъ, что въ прежніе геологическіе періоды эти мѣста были покрыты моремъ. Позднѣе суша поднялась, море отступило, и котловина Могильнаго озера оказалась отдѣленной отъ моря барьеромъ (рис. 115).

Когда мы пришли къ проруби, глубина была уже измѣрена; она равнялась $15^1/_2$ метрамъ. Добытый лотомъ со дна илъ издавалъ замѣтный запахъ сѣроводорода. Это показывало, что у дна озера живутъ особыя бактеріи, которыя, разрушая органическія вещества, выдѣляютъ ядовитый газъ—сѣроводородъ. Послѣдній дѣлаетъ невозможнымъ существованіе животныхъ въ болѣе глубокихъ частяхъ озера.

Чтобы изслѣдовать, гдѣ же въ озерѣ живетъ треска, мы ставили вертикальный ярусъ, и всегда рыба попадалась на крючки, прикрѣпленные не глубже 8—9 метровъ. Какъ показали анализы, уже на глубинѣ 13 метровъ вода озера содержитъ замѣтное количество сѣроводорода.

Нѣчто подобное наблюдается и въ Черномъ морѣ: тамъ тоже большія глубины заражены сѣроводородомъ,

Рис. 115. Барьеръ, отдѣляющій Могильное озеро отъ Кильдинскаго пролива; налѣво видны воды пролива, направо—поверхность озера.

и животныя населяютъ только слой воды толщиною въ 200 съ лишнимъ метровъ.

А штормъ разыгрался во всю. Стоять безъ дѣла у Кильдина не имѣло смысла, и Николай Михайловичъ рѣшилъ перейти въ Екатерининскую гавань.

На переходъ требовалось всего 2 — 3 часа, но меня пугала перспектива качки и связанная съ нею морская болѣзнь. Поэтому, какъ только начали катать якорь, я забрался въ койку и рѣшилъ отлеживаться до самой гавани.

Уже при выходѣ изъ пролива началась сильная качка, а въ морѣ нашъ пароходъ бросало какъ щепку. Я чувствовалъ это очень хорошо: лежа въ койкѣ, я оказывался иногда почти стоящимъ на головѣ, а въ слѣдующій моментъ меня бросало въ другую сторону, и я почти становился на ноги. Иллюминаторъ моей каюты то и дѣло оказывался подъ водой. Кругомъ все шумѣло и стучало. А что творилось на палубѣ?! Вотъ что-то большое и тяжелое упало на нее какъ разъ надъ моей головой и затѣмъ зашумѣло, разбѣгаясь во всѣ стороны...

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть на разбушевавшуюся стихію, и я рѣшилъ лучше немного «покормить планктонъ», чѣмъ продѣлывать гимнастическія упражненія, лежа въ койкѣ. Стараясь возможно скорѣе натянуть сапоги, я усѣлся на диванчикъ, но черезъ нѣсколько секундъ уже былъ въ другомъ концѣ каюты, между тѣмъ какъ мой сапогъ, который я не успѣлъ схватить, отправился путешествовать въ корридоръ. Но вотъ какъ будто минута затишья... Сидя на полу, я натягиваю сапоги, быстро хватаю куртку и шапку и лечу на палубу.

Съ трудомъ добрался я до капитанскаго мостика. Уцѣпившись за окружающіе его желѣзныя перила и широко разставивъ ноги, я укрѣпился на мѣстѣ и теперь могъ наблюдать. Вотъ навстрѣчу намъ медленно надвигается громадная волна съ клокочущимъ и пѣнящимся бѣлымъ гребнемъ... «Андрей Первозванный», покачиваясь съ борта

на бортъ, несется къ ней, взлетаетъ на нее и врѣзывается носомъ въ ея гребень; на мгновеніе онъ скрывается въ пѣнѣ, а громадная масса воды съ шумомъ обрушивается на палубу и, растекаясь по ней, большими струями выливается въ море черезъ отверстія въ бортахъ. Мы на вершинѣ волны! Впереди насъ открывается пропасть, и мы летимъ въ нее навстрѣчу новой такой же волнѣ.

Цѣлые снопы брызгъ обдаютъ насъ на мостикѣ. Вскорѣ я слышу во рту вкусъ соли и чувствую, какъ по спинѣ у меня бѣжитъ холодная струйка воды; но и мысли нѣтъ о возвращеніи въ каюту.

Такъ шли мы до самаго Кольскаго залива. Здѣсь качка сразу сдѣлалась тише. Уже не нужно было держаться, и я могъ наконецъ спрятать въ карманъ и согрѣть закоченѣвшія руки.

Теперь я зналъ, что такое штормъ!

Планктонныя животныя, вѣроятно, были мнѣ очень благодарны: на этомъ переходѣ я кормилъ ихъ хорошо.

ГЛАВА XXII.

Во льдахъ.

Во время нашихъ скитаній, мы нѣсколько разъ встрѣчали полярный ледъ. Особенно памятна мнѣ первая встрѣча. Мы совершали рейсъ по плану стокгольмской конференціи, но шли въ направленіи, обратномъ тому, которое описано въ одной изъ предыдущихъ главъ: мы вышли изъ Екатерининской гавани и пошли къ Новой Землѣ (ниже я разскажу о посѣщеніи этого интереснѣйшаго уголка русскаго сѣвера); оттуда мы взяли курсъ на сѣверо-западъ къ точкѣ пересѣченія 75° с. ш. съ кольскимъ меридіаномъ (33°30′ в. д.).

Почти все время погода была ясная и довольно ти-

хая. Работа, какъ и всегда, шла непрерывно. Въ началѣ рейса нѣсколько разъ дѣлали опытъ яруснаго лова. На ярусъ иногда попадались акулы. Эти моменты для тѣхъ изъ товарищей, которые не жили въ Териберкѣ и не плавали на Поморѣ, представляли особенный интересъ (рис. 116). Акула привлекала всеобщее вниманіе. и ее вскрывали и изучали внимательнѣе другихъ рыбъ. (рис. 117).

Мы были уже недалеко отъ сѣвернаго угла нашего треугольника. Станція подъ 74°17′45″ с. ш. и 40°20′ в. д. дала намъ много зоологическаго матеріала, и мы, занятые его разборкой, мало обращали вниманія на море.

Но протяжный гудокъ парохода заставилъ насъ выглянуть на палубу... Мы шли въ густомъ туманѣ. Хотя трудно было допустить возможность столкновенія въ этихъ мѣстахъ съ какимъ-либо судномъ, но наши моряки строго соблюдали морской уставъ, и гудокъ за гудкомъ уныло раздавался въ безпредѣльномъ пространствѣ океана.

— Какъ быстро падаетъ температура воды!—замѣтилъ товарищъ, стоявшій на вахтѣ.

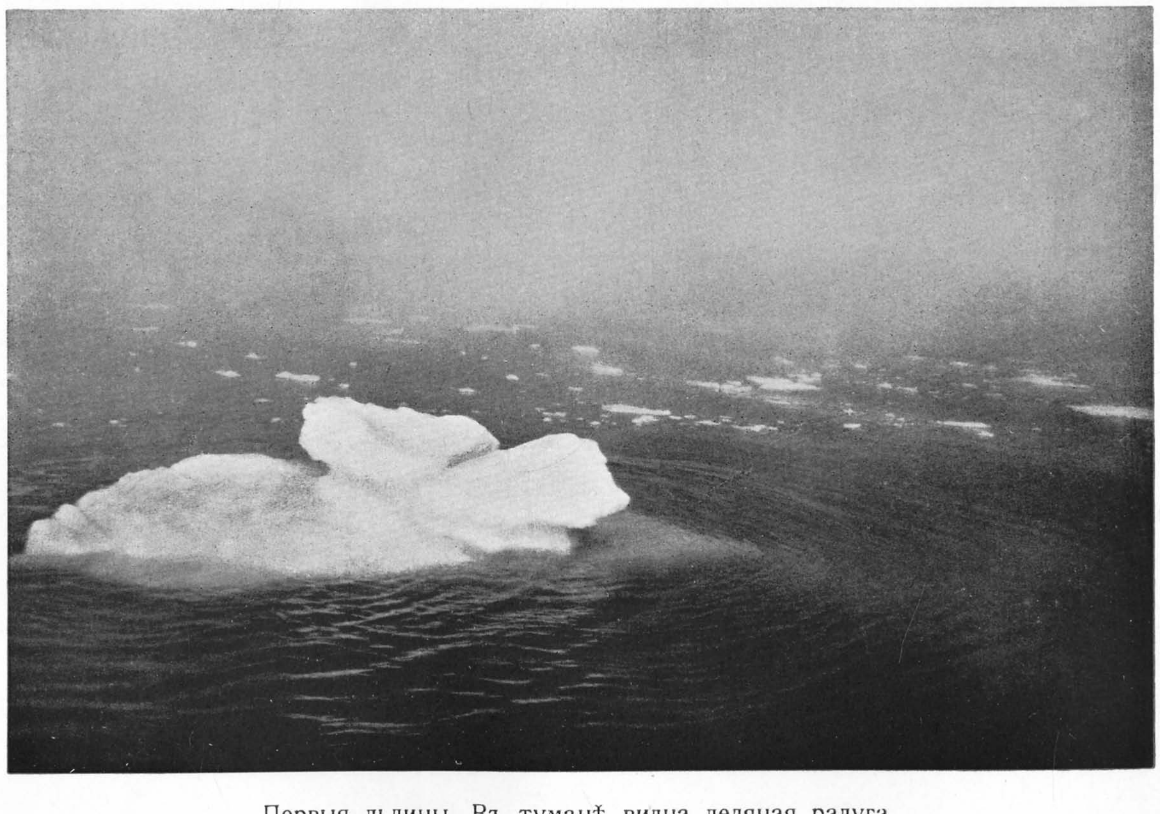
— А какая въ этомъ мѣстѣ температура?—спросилъ Николай Михайловичъ.

— На послѣдней станціи было на поверхности +1,8, а послѣднее измѣреніе дало—1,3!

— Ого! Несомнѣнно мы приближаемся ко льдамъ: и этотъ густой туманъ, и особенно такое пониженіе температуры воды могли быть вызваны только близостью льдовъ!

Я бросился къ борту въ полной увѣренности, что сейчасъ же увижу громадныя льдины и ледяныя горы; но туманъ окутывалъ насъ такой густой пеленой, что уже въ нѣсколькихъ шагахъ ничего нельзя было различить. Такъ какъ работа въ лабораторіи была окончена, я отправился на капитанскій мостикъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія первой льдины.

Прошло и полчаса, и часъ, а мы попрежнему шли въ

Первыя льдины. Въ туманѣ видна ледяная радуга.

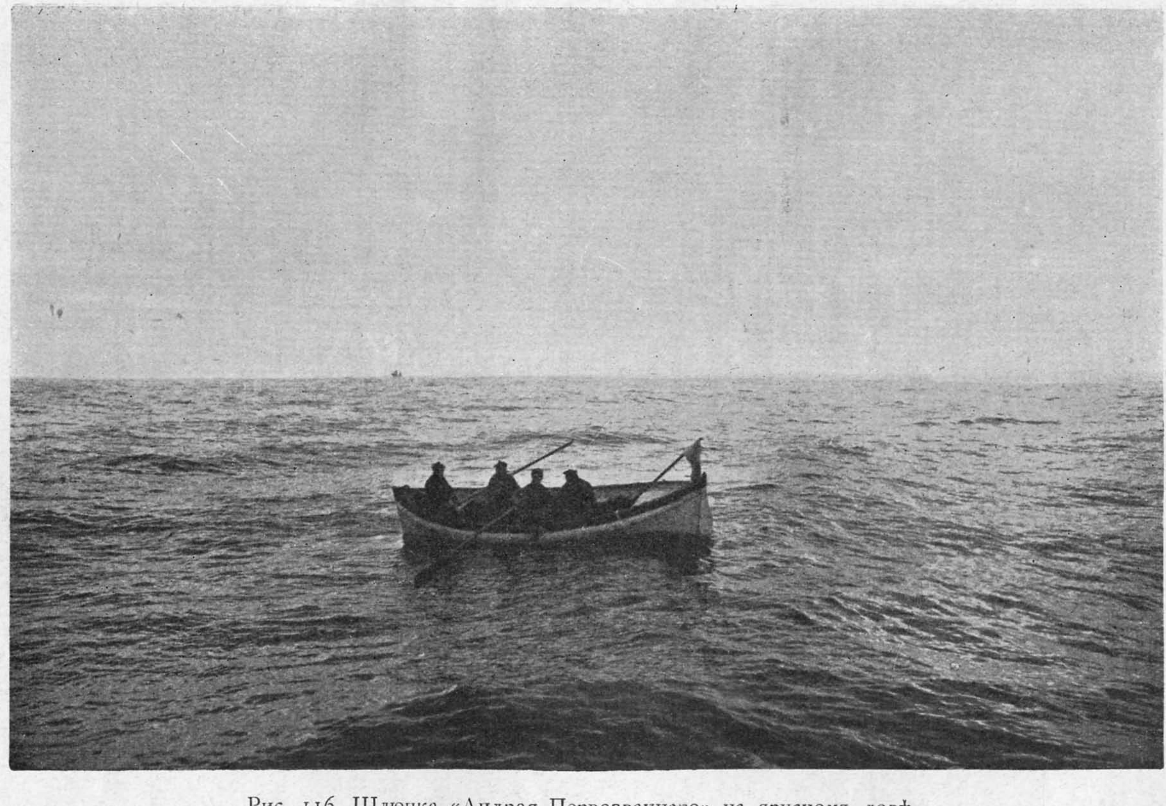

Рис. 116. Шлюпка «Андрея Первозваннаго» на ярусномъ ловѣ.

густомъ туманѣ, и на небольшомъ доступномъ наблюденію пространствѣ океана не появлялось ничего новаго. Я побѣжалъ на корму, чтобы узнать о температурѣ воды; она понизилась еще больше: послѣднее опредѣленіе дало —1,5.—Ну, значитъ льды скоро!—подумалъ я и снова побѣжалъ на мостикъ.

— А вотъ и льдинка!—указывалъ Александръ Петровичъ куда-то впередъ. Но какъ ни напрягалъ я свое зрѣніе, ничего кромѣ свинцовыхъ волнъ, терявшихся въ пеленѣ тумана, я не видѣлъ. Вѣроятно, только зоркіе глаза моряка могли различить что-нибудь въ этой мглѣ.

Прошло минуты двѣ-три, и съ праваго борта какъ будто вынырнула довольно большая льдина причудливой формы. Медленно покачиваясь на волнѣ, она скоро исчезла, такъ же быстро, какъ и появилась.

— Вахтенный!

— Есть.

— Поди внизъ и доложи Николаю Михайловичу, что появились льды!

Скоро всѣ были на мостикѣ. Теперь все чаще и чаще попадались на пути «Андрея Первозваннаго» громадныя плоскія льдины. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ расталкивалъ, если же льдина оказывалась прямо передъ носомъ парохода, онъ съ разбѣга взлеталъ на нее и на мгновеніе какъ будто останавливался... Льдина, не выдержавъ его тяжести, съ шумомъ ломалась, и мы шли дальше.

Волненіе улеглось почти совершенно. Кругомъ слышался очень характерный для льдовъ шумъ: какой-то своеобразный шелестъ, прерываемый отдѣльными глухими ударами.

— Смотрите, вонъ ледяная радуга! — указалъ намъ Александръ Петровичъ.

Дѣйствительно, на сѣверѣ въ туманѣ виднѣлся болѣе свѣтлый полукругъ, похожій по формѣ на низкостоящую надъ горизонтомъ радугу.

Разбитый ледъ.

Рис. 117. Подъемъ пойманной акулы на бортъ парохода.

— А что это такое, ледяная радуга?—поинтересовался я.

— Надъ большими ледяными полями часто бываетъ такой болѣе свѣтлый полукругъ. Нужно думать, что и теперь въ этомъ направленіи тянутся льды на большомъ пространствѣ.

Уже нѣсколько разъ останавливался «Андрей Первозванный» между льдами, выбирая болѣе удобное мѣсто для работъ; но подходившія къ бортамъ льдины заставляли насъ поднимать приборы и прекращать работу. Наконецъ мы попали въ большую полынью и здѣсь начали брать серію температуръ.

Въ это же время спустили шлюпку, на которой отправилось нѣсколько человѣкъ, чтобы произвести ловъ сачкомъ и посмотрѣть, какія животныя встрѣчаются въ верхнихъ опрѣсненныхъ и охлажденныхъ слояхъ воды. Ловъ нашъ былъ неудаченъ: въ прозрачной водѣ не видно было никакихъ признаковъ жизни. Но картина льдовъ, среди которыхъ красиво выдѣлялся силуэтъ парохода, со шлюпки казалась еще болѣе величественной (рис. 118). На бѣлоснѣжной поверхности льдинъ во многихъ мѣстахъ виднѣлся пометъ животныхъ, вѣроятно, тюленей... А быть можетъ, и бѣлый медвѣдь, этотъ господинъ полярныхъ льдовъ, оставилъ на нихъ слѣды своего пребыванія!

Работать съ оттертроллемъ на этой станціи не пришлось: нѣсколько разъ пытались спустить его, но всякій разъ подплывавшія льдины заставляли поспѣшно поднимать сѣть. Пришлось поэтому ограничиться драгой, траломъ Сигсби и планктонными сѣтками.

По окончаніи работъ предъ нами всталъ вопросъ, въ какомъ направленіи идти дальше. Мы были подъ 74°34′ с. ш. 36°45′ в. д. Идти къ 75° с. ш. нельзя было и думать, такъ какъ дорога была преграждена льдами. Курсъ прямо на югъ казался намъ наиболѣе удобнымъ, такъ какъ на этомъ пути мы не ожидали встрѣтить серьезныхъ препятствій. Но ожиданія наши не оправдались: скоро мы попали въ

Разбитый ледъ.

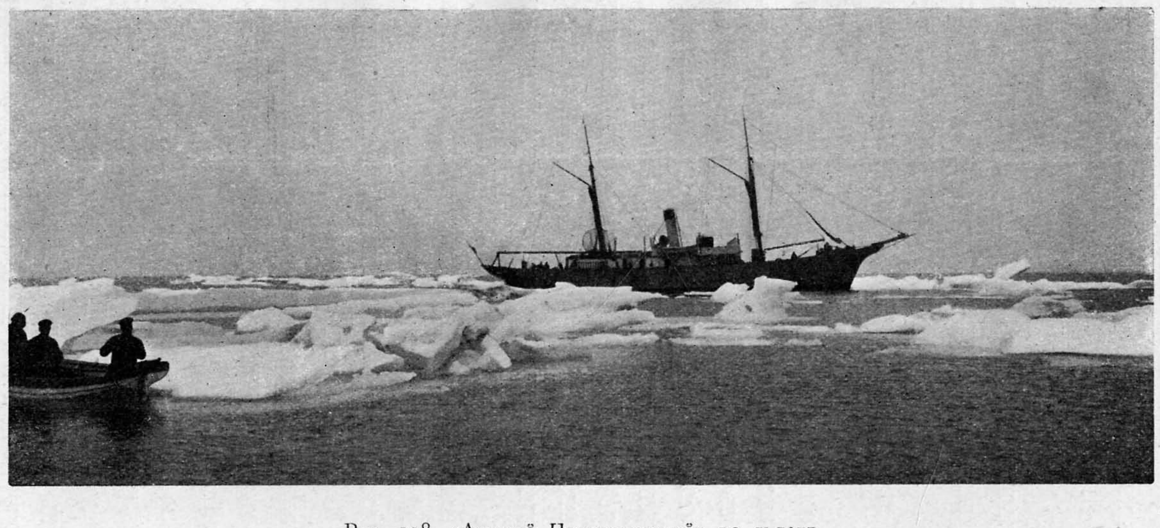

Рис. 118. «Андрей Первозванный» во льдахъ.

довольно густой ледъ, среди котораго только изрѣдка встрѣчались небольшія полыньи. Съ трудомъ пробирался «Андрей Первозванный» между громадными льдинами, то раздвигая ихъ, то давя и ломая своей тяжестью, какъ ледоколъ.

Въ это время мнѣ для чего-то понадобилось спуститься внизъ. Тамъ стоялъ такой шумъ, что разговаривать было невозможно; приходилось со всей силы кричать другъ другу въ ухо... Съ такой силой ударялись и терлись о стальные борта парохода раздвигаемыя имъ льдины!

Стоя возлѣ лабораторіи, мы весело болтали, наблюдая, какъ медленно проплывали мимо насъ льдины: съ шумомъ ломаясь и наскакивая другъ на друга, онѣ то громоздились одна на другую, то передавали полученный толчекъ слѣдующимъ льдинамъ, образуя около нихъ цѣлые водовороты. Вдругъ весь пароходъ вздрогнулъ! Вслѣдъ за тѣмъ быстро съ озабоченнымъ видомъ пробѣжалъ мимо насъ Александръ Петровичъ и, наклонившись надъ кормой, началъ что-то за ней осматривать.

— Боцманъ!—крикнулъ онъ съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ.—Сейчасъ же поставить здѣсь двухъ человѣкъ съ баграми! Пусть хорошо смотрятъ и отталкиваютъ льдины отъ винта!

— Николай Михайловичъ,—взволнованнымъ голосомъ обратился онъ въ нашу сторону, — льдомъ отломало лопасть винта!

— Чего же вы волнуетесь? Одну отломало, осталось еще цѣлыхъ три!—замѣтилъ кто-то изъ насъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не три, а одна!

— Какъ такъ? Вѣдь у насъ же винтъ съ 4 лопастями?

— Былъ когда-то! Еще весной мы потеряли одну лопасть, когда пробивались во льду къ рѣкѣ въ Териберкѣ, чтобы запастись прѣсной водой; противуположную лопасть пришлось отрубить, такъ какъ вращеніе винта при трехъ

Остановка во льдахъ.

несимметрично расположенныхъ лопастяхъ было очень неправильно. Теперь отломана еще одна лопасть.

Мы поняли серьезность положенія: еще одно такое столкновеніе съ льдиной и мы застрянемъ во льду.

Всѣ притихли и съ напряженіемъ слѣдили за борьбой «Андрея Первозваннаго» съ льдинами, которыя, казалось, становились все больше и гуще.

— Ну, а что, господа, будетъ съ нами, если мы потеряемъ и эту послѣднюю лопасть? — задалъ кто-то вопросъ.

И я почувствовалъ всю возможность очутиться въ безвыходномъ положеніи! Застрять среди льдовъ здѣсь, куда обыкновенно только очень рѣдко попадаютъ какія-нибудь норвежскія тюленебойныя суда, означало почти вѣрную гибель! — Ну, предположимъ, — разсуждалъ я, — льды угонитъ вѣтромъ, насъ тоже угонитъ тогда вмѣстѣ съ ними! Предположимъ даже, что мы какъ-нибудь освободимся ото льдовъ... Что мы можемъ сдѣлать безъ винта за нѣсколько сотъ верстъ отъ берега! Насъ, конечно, не бросятъ и черезъ 2 — 3 недѣли пошлютъ какой-нибудь пароходъ въ поиски за нами... Но гдѣ онъ насъ станетъ искать? И сколько времени пройдетъ, прежде чѣмъ онъ увидитъ насъ или услышитъ наши сигналы?

Не меня одного занимали эти вопросы...

— А насколько времени можетъ хватить имѣющейся на пароходѣ провизіи? — спросилъ одинъ изъ товарищей.

— Кажется, по морскому уставу полагается имѣть сухарей и воды на мѣсяцъ!

— Неужели мы не можемъ воспользоваться нашими парусами?

— Ну, наша парусность слишкомъ ничтожна для такого судна; она имѣетъ только вспомогательное значеніе, и разсчитывать на наши паруса, какъ на двигатель, не приходится.

Крайне осторожно и тихо подвигался теперь «Андрей

Первозванный». Не довѣряя матросамъ и сознавая всю лежащую на немъ отвѣтственность, Александръ Петровичъ съ младшимъ помощникомъ оставался на мостикѣ, а Василія Николаевича отправилъ на корму слѣдить за винтомъ.

Больше 6-ти часовъ боролись мы со льдомъ. Наконецъ впереди среди тумана зачернѣла вода... Что это? Конецъ льдамъ, или это только полынья, за которой идетъ новая полоса льда?

Но льдовъ больше не было, если не считать отдѣльныхъ льдинъ, не представлявшихъ для насъ никакой опасности.

Машинѣ дали полный ходъ, и черезъ полчаса туманъ былъ позади. Снова ярко свѣтило солнце, и всѣ мы съ облегченіемъ и даже съ удовольствіемъ вспоминали объ испытанныхъ моментахъ тревоги.

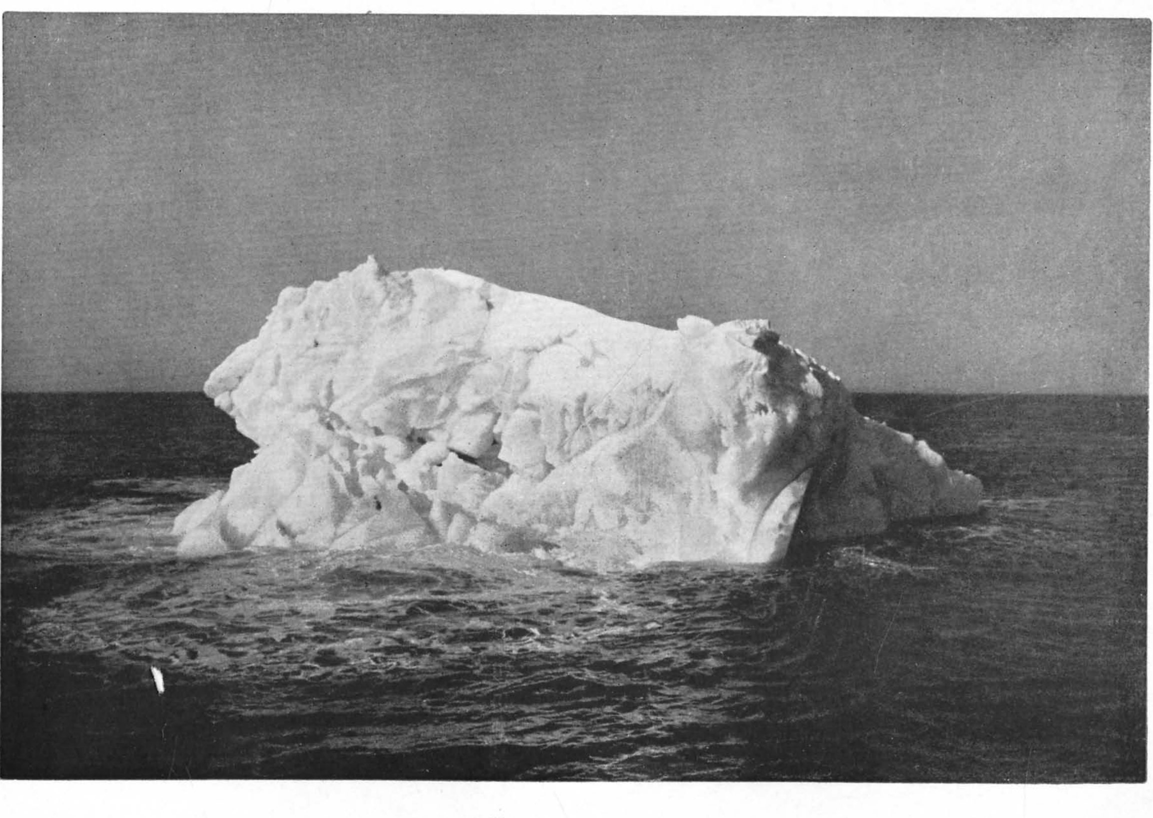
Тамъ и сямъ на горизонтѣ сверкали бѣлыя точки — огромныя ледяныя горы. Мы подошли къ одной изъ нихъ. Какими красивыми нѣжно голубыми тонами преломлялся солнечный свѣтъ въ этой глыбѣ льда! Точно гигантскій аквамаринъ сверкалъ передъ нами!

— А какой высоты эта гора?

Александръ Петровичъ, прикинувъ на глазъ разстояніе и измѣривъ секстантомъ уголъ, приблизительно опредѣлилъ ея высоту: она была выше рангаута нашего парохода. И это только надводная часть, составляющая $^1/_9$ всей глыбы.

Не рискуя подходить къ ней ближе, такъ какъ бываютъ случаи, когда такія горы переворачиваются, производя цѣлые водовороты, мы издали сфотографировали этого скитальца и пошли на югъ по направленію къ гавани. Скорость парохода нѣсколько уменьшилась, но и съ одной лопастью «Андрей Первозванный» двигался гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было предполагать.

Вполнѣ понятно, что послѣ перенесенныхъ треволненій,

Ледяная гора.

разговоръ долго вращался около темы, связанной съ вопросомъ о полярныхъ льдахъ.

— Скажите, пожалуйста, Николай Михайловичъ, — спрашивалъ одинъ изъ товарищей,—почему льды никогда не встрѣчаются вблизи Мурмана?

— Это вполнѣ объясняется положеніемъ теплаго теченія. Широкая полоса гольфштремной воды защищаетъ Мурманъ отъ полярныхъ льдовъ. Къ сѣверу отъ Западнаго Мурмана они встрѣчались намъ лишь сѣвернѣе 74° с. ш., т.-е. за проходящей подъ этой широтой вѣтвью теплаго теченія. Вотъ почему воды, омывающія Мурманское побережье, оказываются незамерзающими въ теченіе всего года.

— А какъ у восточнаго Мурмана?

— Тамъ картина совершенно иная: на востокѣ главная масса теплаго теченія исчезаетъ, смѣшиваясь съ холодной водой, надвигающейся, повидимому, съ сѣвера, и полярные льды встрѣчаются тамъ гораздо южнѣе. Подобное распредѣленіе льдовъ имѣетъ большое практическое значеніе: на всемъ промысловомъ побережьи Мурмана круглый годъ можетъ происходить навигація. Вѣроятно, въ будущемъ и зимою эти мѣста будутъ посѣщаться пароходами!

Несмотря на то, что винтъ нашъ обладалъ всего лишь одной лопастью, мы не прекратили работъ и на всемъ пути до Екатерининской гавани произвели рядъ изслѣдованій, намѣченныхъ программой рейса. Но работать дальше при такихъ условіяхъ, конечно, было невозможно. Необходимо было перемѣнить винтъ.

Всѣ совѣтовали намъ идти въ докъ въ Норвегію. Это было крайне нежелательно, такъ какъ пришлось бы прервать работу на значительное время въ самый горячій періодъ нашей дѣятельности.

Изъ создавшагося затрудненія вывелъ насъ нашъ капитанъ. Онъ долго совѣтовался со старшимъ механикомъ;

много разъ они вдвоемъ осматривали положеніе винта и наконецъ что-то рѣшили.

— Николай Михайловичъ, — обратился однажды Александръ Петровичъ къ начальнику экспедиціи, — разрѣшите мнѣ смѣнить винтъ своими средствами.

— Что же, вы докъ собираетесь строить? — улыбаясь спросилъ Николай Михайловичъ.

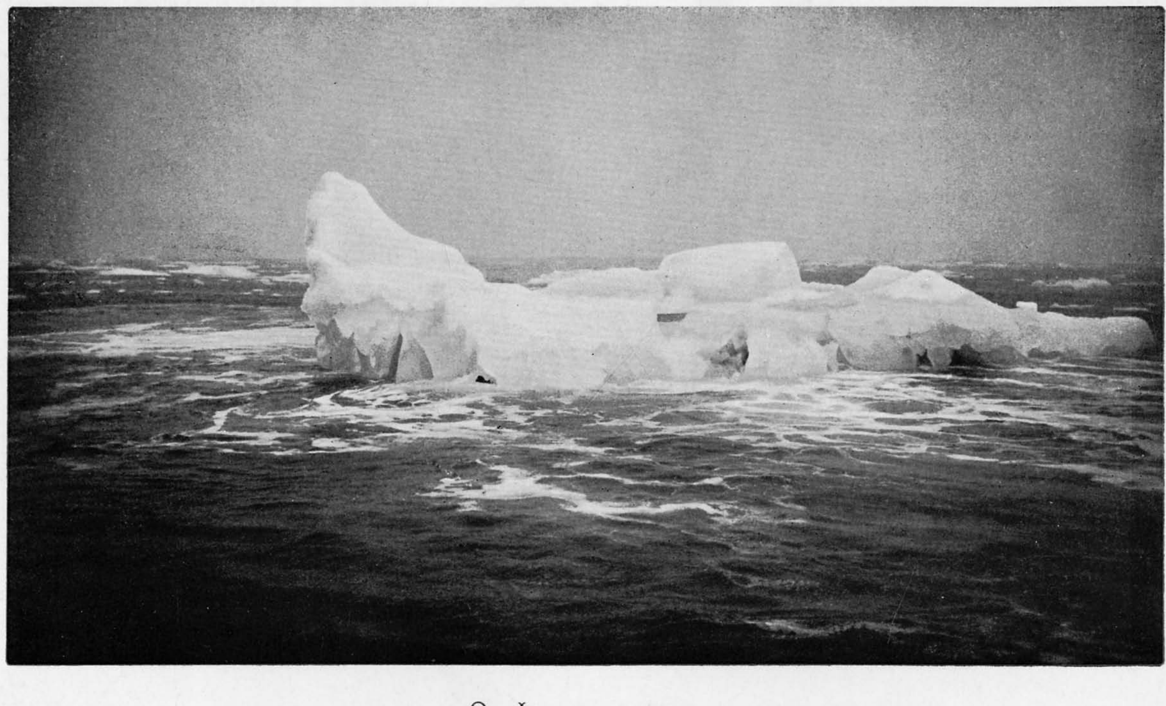
— Тамъ вы увидите! Нужно будетъ, такъ и докъ построимъ! А черезъ 2 дня, если вы разрѣшите, «Андрей Первозванный» будетъ съ новымъ винтомъ!

Зная Александра Петровича за энергичнаго и предпріимчиваго моряка, Николай Михайловичъ вполнѣ довѣрился ему, хотя всѣ мы недоумѣвали, какъ можно сдѣлать эту сложную и трудную работу въ Екатерининской гавани, гдѣ не было ни спеціальныхъ мастеровъ, ни какихъ-либо приспособленій.

На слѣдующій день работа закипѣла. На берегу Екатерининскаго острова было очищено отъ камней большое пространство; пароходъ, насколько было возможно, разгрузили, а носовую его часть напротивъ загрузили, наполнивъ всѣ имѣющіяся здѣсь цистерны водой. Во время прилива «Андрей Первозванный» подошелъ къ расчищенному мѣсту и сталъ къ нему кормой. Укрѣпивъ въ такомъ положеніи пароходъ цѣлымъ рядомъ канатовъ, привязанныхъ къ завезеннымъ на берегъ якорямъ, стали ожидать отлива. Скоро вода понизилась, и кормовая часть «Андрея Первозваннаго» оказалась на сушѣ (рис. 119). Работали во всю! Въ два отлива старый винтъ былъ снятъ и замѣненъ новымъ!

Вспоминается мнѣ и другая встрѣча со льдами...

Уже дней 10 болтались мы въ морѣ. Погода была скверная: сѣрое небо, рѣзкій, холодный вѣтеръ и сильное волненіе сопровождали насъ съ самаго выхода изъ Ека-

Отдѣльная льдина.

терининской гавани. Но работать все еще было можно, и мы полностью выполняли намѣченную программу.

Идя отъ точки пересѣченія 75° с. ш. съ меридіаномъ Кольскаго залива, мы приближались къ Новой Землѣ. Всѣ мечтали о томъ, что скоро удастся отдохнуть отъ непрерывной качки въ такомъ интересномъ пунктѣ, какъ Новая Земля! Мы боялись одного — тумана, потому что подходить въ туманѣ къ мало изслѣдованнымъ берегамъ было опасно, тѣмъ болѣе, что пасмурная погода не позволяла произвести астрономическія наблюденія, и мы не знали точно, къ какому мѣсту мы подойдемъ.

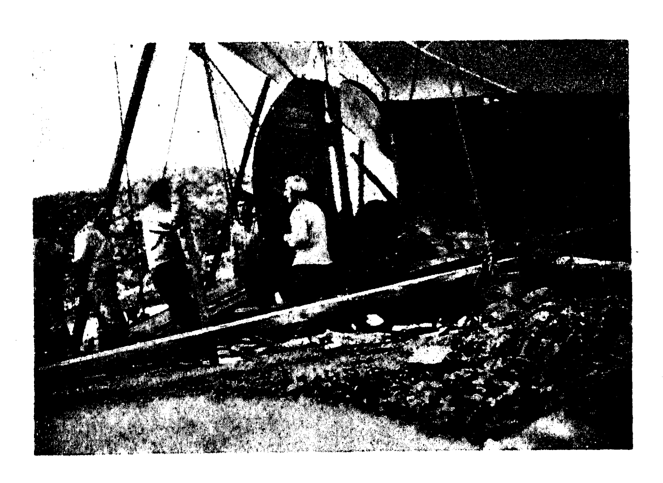

Рис. 119. Смѣна винта.

Наши опасенія вскорѣ разсѣялись: вѣтеръ усилился, разогналъ тучи, и яркое солнце освѣтило поверхность океана.

— Открылся берегъ! — сообщилъ кто-то, вбѣгая въ лабораторію.

Дѣйствительно, въ бинокль можно было различить на горизонтѣ темную полосу. Это была Новая Земля.

Александръ Петровичъ со своими помощниками, воспользовавшись появленіемъ солнца, сейчасъ же произвелъ астрономическое опредѣленіе широты и долготы мѣста;

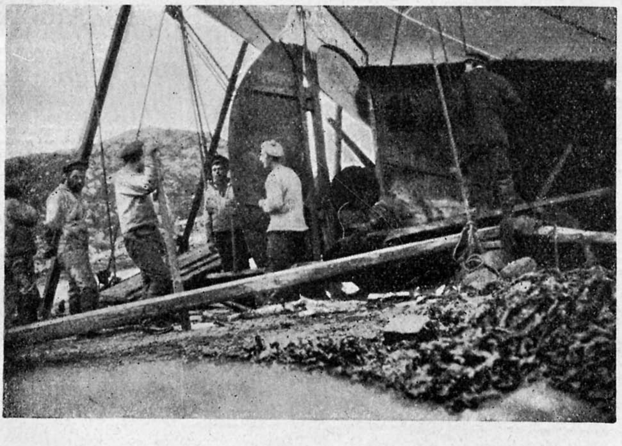

Рис. 119. Смѣна винта.

оказалось, что мы шли совершенно правильно и теперь приближались къ Малымъ Кармакуламъ,—такъ называется одно изъ очень немногихъ новоземельскихъ становищъ.

Казалось, теперь ничто уже не могло помѣшать нашему заходу въ Малыя Кармакулы, и всѣ мы, не бывавшіе раньше на Новой Землѣ, съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали приближенія къ берегу.

Часы шли за часами. Черезъ каждыя 10—15 минутъ кто-нибудь изъ насъ бѣжалъ на мостикъ и, схвативъ бинокль, смотрѣлъ туда, гдѣ черная полоска выступала все яснѣе и яснѣе.

— А вѣдь на берегъ намъ, пожалуй, и не попасть!— сказалъ Александръ Петровичъ, входя въ лабораторію.

Мы приняли это за шутку, думая, что капитанъ хочетъ насъ немного позлить.

— Это почему же? Быть можетъ, вы на мель рѣшили сѣсть? Тогда, конечно, не попадемъ!

— Нѣтъ, серьезно! Берегъ опоясанъ льдомъ!

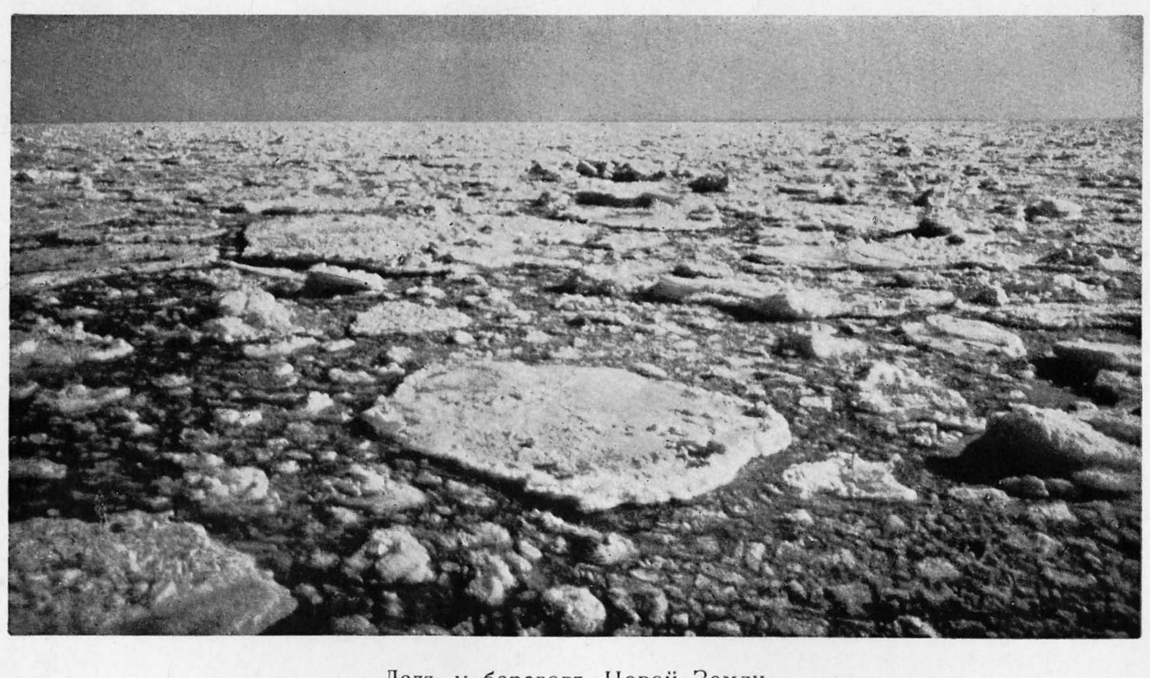
Хотя Александръ Петровичъ, повидимому, и не шутилъ, но мы все же ему не повѣрили и снова побѣжали на мостикъ смотрѣть въ бинокль. Берегъ виденъ былъ теперь очень отчетливо; а передъ нимъ сверкала узкая бѣлая полоска... Неужели это льды?

Капитанъ былъ правъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы подходили къ поясу льда, отдѣлявшаго насъ отъ берега.

Ледъ оказался довольно густымъ, но особенно большихъ льдинъ, повидимому, не было. Въ бинокль ясно можно было видѣть за довольно широкой полосой льда чистую воду, которая, казалось, простиралась вплоть до берега. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія Николая Михайловича, который въ это время совѣтовался съ Александромъ Петровичемъ.

Наконецъ, рѣшено! Мы идемъ черезъ ледъ и скоро будемъ на берегу!

Когда мы вошли въ ледъ, качка сразу прекратилась;

Ледъ у береговъ Новой Земли.

прекратился также и вѣтеръ, который все усиливался по мѣрѣ приближенія нашего ко льдамъ.

Здѣсь не было высокихъ ледяныхъ горъ. Плоскія разбитыя льдины не представляли собою ничего величественнаго, но при яркомъ солнечномъ свѣтѣ онѣ такъ сверкали, что нельзя было не залюбоваться этой картиной! Вотъ льдина, покрытая бѣлымъ, чистымъ снѣгомъ! На нее невозможно смотрѣть безъ боли въ глазахъ! А края ея отливаютъ и искрятся самыми нѣжными, голубыми тонами! Вотъ между льдинами небольшая полынья... Темная и синяя, какъ индиго, вода временами покрывается мелкой рябью, сверкающей на солнцѣ милліонами блестокъ! Мы идемъ окруженные льдомъ, а на палубѣ такъ тепло, что, закроешь глаза, и не вѣрится въ существованіе этихъ льдовъ.

Сначала мы шли довольно быстро, но чѣмъ дальше, тѣмъ борьба со льдомъ становилась все труднѣе: рѣже встрѣчались полыньи, и льдины оказывались гораздо болѣе крупными, чѣмъ были въ началѣ. На кормѣ стоялъ Василій Николаевичъ, распоряжаясь двумя матросами, которые длинными баграми отталкивали льдины, попадавшія подъ винтъ. Уже нѣсколько разъ подходилъ Александръ Петровичъ къ Николаю Михайловичу и высказывалъ сомнѣніе въ возможности пробиться черезъ ледъ; но до чистой воды, казалось, было такъ близко, и работа въ малоизслѣдованномъ побережьи Новой Земли обѣщала такъ много интереснаго, что Николай Михайловичъ не рѣшался повернуть обратно.

Но вотъ прежній знакомый уже намъ толчекъ встряхнулъ все судно. Всѣ бросились къ кормѣ: въ прозрачной водѣ ясно виднѣлся винтъ уже не съ 4, а только лишь съ 3 лопастями. Дѣло принимало серьезный оборотъ...

— Намъ придется повернуть обратно!—заявилъ Александръ Петровичъ, съ озабоченнымъ видомъ подходя къ Николаю Михайловичу. — Вѣтеръ повернулъ съ моря, и

льды начинаютъ сжиматься, напирая на пароходъ. Мы рискуемъ застрять среди льдовъ. Если даже мы теперь и доберемся до чистой воды, намъ предстоитъ обратный путь черезъ широкій сплоченный вѣтромъ поясъ льда. Если западный вѣтеръ окажется затяжнымъ, мы рискуемъ попасть въ ловушку!

Все это было такъ вѣрно, что никто и не подумалъ возражать.

Медленно, описавъ большую дугу, повернулся «Андрей Первозванный» кормой къ виднѣвшемуся вдали берегу и пошелъ обратно. Только теперь, идя противъ вѣтра замѣтили мы перемѣну въ его направленіи. Скоро мы убѣдились также и въ томъ, какъ онъ измѣнилъ условія плаванія во льдахъ. Тамъ, гдѣ за полчаса передъ этимъ мы проходили по довольно рыхлому льду, насъ встрѣчала плотная ледяная масса. Прежнія полыньи куда-то исчезли. Льдины такой сплошной массой окружали пароходъ, что отталкивать ихъ отъ кормы стоило невѣроятныхъ усилій. Какъ ни старались оберегать винтъ, мы все же скоро потеряли еще по половинѣ отъ двухъ лопастей, такъ что снова шли съ одной цѣлой лопастью!

Я понималъ теперь, какъ можно быть *затертымъ* льдами!

Но вотъ впереди уже темнѣетъ чистая, свободная поверхность океана. Еще нѣсколько усилій, и льды пройдены!

Только теперь подѣлился съ нами Александръ Петровичъ своими опасеніями и выяснилъ намъ, насколько серьезнымъ было наше положеніе. Чтобы уберечь винтъ, приходилось идти малымъ ходомъ, а это не позволяло пароходу вполнѣ успѣшно ломать напиравшій спереди ледъ. Стоило вѣтру немного усилиться, мы были бы затерты льдомъ, такъ какъ ускорить ходъ было невозможно, а при маломъ ходѣ борьба съ уплотненнымъ льдомъ оказалась бы не по силамъ.

Впослѣдствіи оказалось, что мы не преувеличивали

серьезности нашего положенія: у насъ не только былъ поломанъ винтъ, но былъ вогнутъ напоромъ льда одинъ бортъ!

Недѣли черезъ 3 мы прочитали въ газетахъ, что сѣвернѣе Малыхъ Кармакулъ едва не застрялъ въ этихъ же льдахъ ледоколъ «Ермакъ»!

ГЛАВА XXIII.

На Новой Землѣ.

И на палубѣ, и въ лабораторіи «Андрея Первозваннаго» шла та суетливая работа, которая всегда предшествовала большому рейсу. Мы завтра уходимъ въ море недѣли на 2—3 съ заходомъ на Новую Землю. На этотъ разъ нашъ докторъ тоже принималъ дѣятельное участіе въ сборахъ.

Была половина іюня. Въ это время еще ни одно судно не заходило на Новую Землю; съ сентября прошлаго года она была отрѣзана отъ всего культурнаго міра. Мы думали, что обитателямъ этого острова можетъ понадобиться наша помощь и прежде всего помощь врачебная. Вотъ почему докторъ, отвоевавъ себѣ часть шкапа, наполнялъ его всякими медикаментами.

Новая Земля состоитъ изъ двухъ острововъ, изъ которыхъ сѣверный необитаемъ, а на южномъ живутъ самоѣды, переселенные туда Архангельской администраціей изъ устьевъ рѣки Мезени съ цѣлью колонизаціи. Два раза въ годъ, въ концѣ іюня и въ августѣ, туда приходитъ изъ Архангельска пароходъ. При первомъ заходѣ онъ беретъ у самоѣдовъ продукты ихъ промысла, которые потомъ поступаютъ въ продажу; въ августѣ привозитъ на Новую Землю все необходимое для ея жителей: ружья, порохъ, пули, дробь, чай, сахаръ, матеріи и т. д. Этимъ

и ограничивается общеніе новоземельскихъ обитателей со всѣмъ остальнымъ міромъ, если не считать случайнаго захода норвежскихъ, а иногда и русскихъ промысловыхъ судовъ.

На третій или на четвертый день нашего плаванія выяснилось очень непріятное обстоятельство: на пароходъ почему то не погрузили цѣлую тушу быка, такъ что весь рейсъ намъ предстояло оставаться безъ мяса. Если бы мы работали въ западной части области нашихъ изслѣдованій, то отсутствіе мяса насъ не безпокоило бы, такъ какъ мы всегда могли бы наловить рыбы, но мы шли на востокъ, куда промысловая рыба не заходитъ. Была предпринята цѣлая ревизія нашихъ пищевыхъ запасовъ. Результаты оказались не блестящими: хлѣба, галетъ и масла было достаточно, такъ что голодать мы не могли; было также немного соленой рыбы и бочка солонины, которая хранилась на пароходѣ, какъ неприкосновенный въ обычное время запасъ, предназначавшійся на экстренный случай; на небольшое количество жестянокъ съ консервами нужно было смотрѣть только, какъ на лакомство. Когда все это было выяснено, рѣшили, что жить и работать возможно, и пошли дальше.

Къ вечеру на 5-й день нашего плаванія открылся берегъ Новой Земли, и мы пошли по направленію къ становищу Малыя Кармакулы.

Медленно идетъ «Андрей Первозванный». Эти мѣста изслѣдованы слишкомъ недостаточно, чтобы можно было идти полнымъ ходомъ. Вотъ и полночь! Стоящее у горизонта полуночное солнце при безоблачномъ небѣ окрашиваетъ все въ волшебный, золотисто-розовый цвѣтъ. Море спокойно. Едва-едва всплескиваютъ волны, вспыхивающія на своихъ гребняхъ отраженіемъ солнца. Берегъ все ближе и ближе. Громадныя пространства его еще покрыты снѣгомъ, тоже окрашеннымъ въ розоватый цвѣтъ. И какъ рѣзко выдѣляются среди него черныя обнаженныя проталины!

Уже давно минула полночь, но мы не уходимъ съ мостика. Все кругомъ такъ красиво, и виднѣющійся впереди берегъ обѣщаетъ такъ много новаго и интереснаго, что никто и не думаетъ о снѣ. На бинокли большой спросъ. Они поминутно переходятъ изъ рукъ въ руки, и каждый отмѣчаетъ что-нибудь новое, чего не видѣли другіе. Вотъ и Малыя Кармакулы. На берегу видна небольшая бѣлая церковь, около нея—маленькій домикъ, а въ сторонѣ—еще нѣсколько строеній (рис. 120).

Съ шумомъ падаетъ якорь, и въ то же время раздается протяжный гудокъ, извѣщающій о нашемъ прибытіи. Мы съ жадностью смотримъ въ бинокли, стараясь уловить тотъ эффектъ, который произведетъ нашъ пароходъ. Но... на берегу все, какъ будто, вымерло! Не только не было толпы, не только никто не бросился въ лодку и не поплылъ къ намъ навстрѣчу, но даже никто не вышелъ изъ дому. Лишь бѣгающія по берегу 2—3 собаки нарушали полную безжизненность открывавшейся предъ нами картины.

Я былъ глубоко разочарованъ и даже возмущенъ. Я никакъ не могъ понять людей, которые такъ хладнокровно отнеслись къ приходу парохода послѣ того, какъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ они не видѣли ни одного посторонняго человѣка. Подумайте, 9 мѣсяцевъ жить среди снѣговъ, 9 мѣсяцевъ не знать, что дѣлается на всемъ остальномъ земномъ шарѣ, и теперь, когда пришли свѣжіе люди, спать! Конечно, всякій изъ насъ, находясь въ подобномъ положеніи, давнымъ давно былъ бы уже на «Андреѣ Первозванномъ». Я представлялъ себѣ, какъ билось бы мое сердце, если бы я послѣ полярной зимы, послѣ 9-ти мѣсячной жизни среди небольшой кучки людей, увидѣлъ вдругъ на горизонтѣ дымокъ парохода!

Конечно, и въ своихъ ожиданіяхъ, и въ своемъ разочарованіи я былъ неправъ; я не принималъ во вниманіе того, какъ отличаются наши интересы, отъ того, чѣмъ

живутъ новоземельцы. Все, что ихъ занимало, и что могло представляться имъ сколько-нибудь существеннымъ, было здѣсь на ихъ островѣ; весь остальной міръ былъ для нихъ

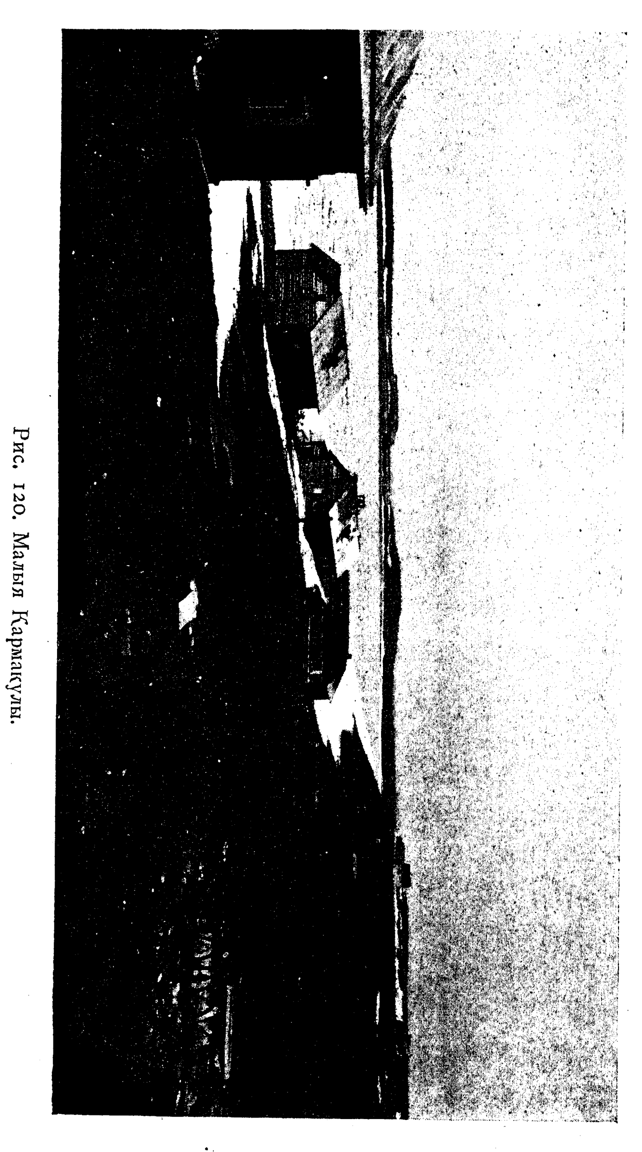

Рис. 120. Малыя Кармакулы.

важенъ и интересенъ только какъ мѣсто, откуда они получаютъ ружья, порохъ, хлѣбъ и т. д. Быть можетъ, я ошибался, но я такъ разсуждалъ, лежа у себя въ койкѣ

Рис. 120. Малыя Кармакулы.

и стараясь заснуть послѣ остановки «Андрея Первозваннаго» на рейдѣ передъ Малыми Кармакулами.

Въ 9 ч. утра мы подходили въ шлюпкѣ къ становищу. Какъ только мы вышли на берегъ, на насъ бросилась цѣлая стая собакъ. Какая-то закутанная съ ногъ до головы въ мѣха фигура, крикнула на нихъ, и они сейчасъ же успокоились. Прежде всего мы пошли къ небольшому домику у церкви, чтобы навѣстить священника, отца Іону. Я уже раньше слышалъ объ этой замѣчательной личности. Отецъ Іона, монахъ соловецкаго монастыря, поселился на Новой Землѣ, въ буквальномъ смыслѣ удаливъ такимъ образомъ себя отъ міра. Просвѣщая самоѣдовъ, онъ жилъ съ ними ихъ жизнью. Нельзя было не удивляться его подвигу, потому что только, какъ на подвигъ, можно было смотрѣть на его добровольное изгнаніе на Новую Землю.

Намъ открылъ дверь молодой человѣкъ, русскій, вѣроятно, прислужникъ.

— Можно видѣть отца Іону?

— Его нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—теперь здѣсь отецъ Досифей.

— А гдѣ же отецъ Іона?

— Онъ заболѣлъ и прошлой осенью съ пароходомъ уѣхалъ въ монастырь, а на смѣну ему сюда прибылъ отецъ Досифей.

— Доложите, пожалуйста, что мы хотѣли бы его видѣть.

— Пожалуйте!

Въ небольшой очень чистой комнаткѣ, напоминающей гостиную, съ низкими потолками и съ тѣмъ особымъ запахомъ, который вы услышите только въ монашескихъ келіяхъ, насъ встрѣтилъ высокій монахъ, еще не старикъ, съ крупными чертами лица и съ большой черной съ просѣдью бородой. Мы назвали себя и начали разспрашивать о его житьѣ-бытьѣ.

— Не вамъ, а мнѣ нужно спрашивать. Ну, что можетъ быть у насъ новаго и интереснаго? Вотъ вы лучше разскажите, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Вѣдь съ сентября прошлаго года я не видѣлъ ни одного человѣка, кромѣ здѣшнихъ жителей.

Мы начали припоминать и сообщать «новости». Здѣсь я убѣдился, какъ трудно вспомнить даже важныя, существенныя событія, происшедшія такъ давно. Помогая другъ другу и взаимно дополняя наши воспоминанія, мы ознакомили нашего хозяина со всѣмъ, что запечатлѣлось нашей памятью, какъ изъ жизни Россіи, такъ и другихъ странъ, и снова приступили къ разспросамъ.

— Почему это, батюшка, людей почти не видно?

— На промыселъ, на Карскую сторону [1]) ушли! Здѣсь остались почти только однѣ женщины и дѣти.

— А какъ вы здѣсь годъ провели? Вы вѣдь первый разъ замѣщаете отца Іону?

— Да, первый разъ! И тяжело здѣсь страшно! Одиночество тяжело! Потомъ бури ужасныя! Вы не повѣрите, на Пасху едва въ церковь попалъ, такой вѣтеръ былъ! Вотъ сижу и съ нетерпѣніемъ ожидаю парохода. Все надѣюсь, что отецъ Іона поправился и снова вернется къ своей паствѣ, а меня ужъ пусть Богъ проститъ! Хочу скорѣе въ свой монастырь.

— Не нужно ли вамъ, батюшка, чего-нибудь? Можетъ быть, лишенія въ чемъ испытываете? Докторъ тоже съ нами здѣсь!

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю! Благодареніе Богу, пока не голодаемъ!

Мы распростились съ отцомъ Досифеемъ и вышли изъ его чистенькой кельи-гостиной. Насъ уже поджидалъ другой и послѣдній новоземельскій европеецъ—фельдшеръ.

[1]) Карская сторона—восточное побережье Новой Земли, обращенное къ Карскому морю.

Нашъ докторъ сейчасъ же сталъ разспрашивать, нѣтъ ли больныхъ и не нужны ли лекарства.

— Нѣтъ, этого не требуется.

— Какъ такъ?—удивились мы.

— Не болѣютъ самоѣды! Вотъ я сюда цѣлую аптеку привезъ, да почти ее и не раскрывалъ: никакихъ болѣзней нѣтъ!

— Что же вы здѣсь дѣлаете, въ такомъ случаѣ?

— А я принимаю отъ самоѣдовъ то, что они напромышляютъ: тюленьи шкуры и сало, шкуры бѣлыхъ медвѣдей и т. п. Все это записываю, кто сколько мнѣ чего доставилъ, и потомъ сдаю чиновнику на пароходъ. Если кому изъ самоѣдовъ нужно что-нибудь получить изъ Архангельска, это тоже идетъ черезъ меня; я составляю списки.

— Скажите, пожалуйста, бываетъ такъ, что какой-нибудь изъ самоѣдовъ выручаетъ больше, чѣмъ тратитъ на свою жизнь?

— О, да! У нѣкоторыхъ по нѣсколько тысячъ рублей скоплено въ архангельскомъ банкѣ.

Фельдшеръ показалъ намъ жилище самоѣдовъ. Для нихъ здѣсь выстроили дома, на подобіе казармъ. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ. Большая комната съ нарами поразила насъ своей грязью. На нарахъ были навалены груды мѣховъ, среди которыхъ копошились маленькія дѣти съ комичными, грязными рожицами, на которыхъ сверкали наискось прорѣзанные черненькіе глазки.

Здѣсь же мы увидѣли и костюмы самоѣдовъ (рис. 121). И мужчины, и женщины, и дѣти одѣваются въ «малицы»; это — длинная почти до пятъ рубаха, сшитая изъ двухъ шкуръ дикаго оленя, одна мѣхомъ внутрь, другая — наружу; возлѣ воротника пришитъ мѣховой же мѣшокъ для головы, напоминающій капоръ; въ хорошую погоду его откидываютъ на спину, а въ дурную—надвигаютъ на голову. Обувью служатъ «пимы», — мягкіе мѣховые сапоги

Рис. 121. Группа самоѣдовъ.

тоже изъ двойной оленьей шкуры; подошву дѣлаютъ изъ медвѣжьей шкуры, такъ какъ оленій мѣхъ недостаточно проченъ и быстро вытирается.

До чего комичны были маленькіе самоѣдики въ своемъ мѣховомъ нарядѣ! Точно пушистые шарики вертѣлись они у ногъ своихъ матерей.

— Неужели и цынги у васъ не бываетъ?—спросилъ докторъ.

— Бываетъ, но сравнительно рѣдко. Очень подвижную жизнь ведутъ они! Вѣдь и зимою въ страшные морозы, запряжетъ собакъ въ нарты и отправляется на охоту. Вотъ я живу съ ними нѣсколько лѣтъ, а все никакъ не могу себѣ представить, какъ оріентируются они здѣсь въ снѣгахъ, гдѣ нѣтъ и намековъ на дороги. Вѣдь у насъ, въ Россіи, чуть мятель, ужъ и сбился съ дороги, а здѣсь какія бури бываютъ, и все—ничего!

Мы пригласили фельдшера къ себѣ на пароходъ и снабдили его потомъ газетами, о которыхъ онъ насъ очень просилъ.

Выйдя изъ становища, мы наткнулись на двухъ бѣлыхъ медвѣжатъ (рис. 122). Уже большіе звѣри, величиной съ крупную собаку, они были привязаны на цѣпяхъ. Съ рычаніемъ и сверкающими глазами они тянулись къ намъ, пока мы разставляли аппаратъ, чтобы ихъ сфотографировать. Скоро имъ предстояло путешествіе въ Архангельскъ, а оттуда въ какой-нибудь изъ зоологическихъ садовъ.

Хотя снѣгу было еще много, но и здѣсь природа просыпалась. На проталинкахъ уже появились растенія и даже зацвѣли. Изрѣдка попадались и насѣкомыя. Мы дѣятельно принялись за собираніе ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій.

По возвращеніи на пароходъ былъ произведенъ рядъ работъ по изслѣдованію фауны и гидрологіи того мѣста, на которомъ стоялъ «Андрей Первозванный».

Послѣ обѣда на шлюпкѣ подъ парусомъ отправились

къ Базарному острову, отчасти, чтобы осмотрѣть его, а отчасти и съ цѣлью пополнить наши пищевые запасы дичью. Поэтому мы взяли съ собою ружья. Длинный островъ съ отвѣсно-падающими въ воду берегами весь былъ покрытъ птицами, почти исключительно гагарками. Это была не охота, а прямо бойня. Птицъ было такъ много, что можно было ихъ настрѣлять, сколько угодно, въ буквальномъ смыслѣ! Промаховъ при стрѣльбѣ не могло быть,

Рис. 122. Бѣлые медвѣжата.

такъ какъ скалы сплошь были усѣяны птицами. Къ концу вся наша шлюпка была наполнена ими.

Послѣ охоты мы пристали къ острову и вышли на берегъ. Весь онъ былъ покрытъ гнѣздами; приходилось выбирать мѣсто, чтобы не наступить на яйца или на сидѣвшихъ на нихъ птицъ. Послѣднія очень неохотно покидали гнѣзда, и при желаніи ихъ можно было брать руками. Вотъ, дѣйствительно, птичье царство!

Снявшись съ якоря, мы пошли на сѣверъ и послѣ

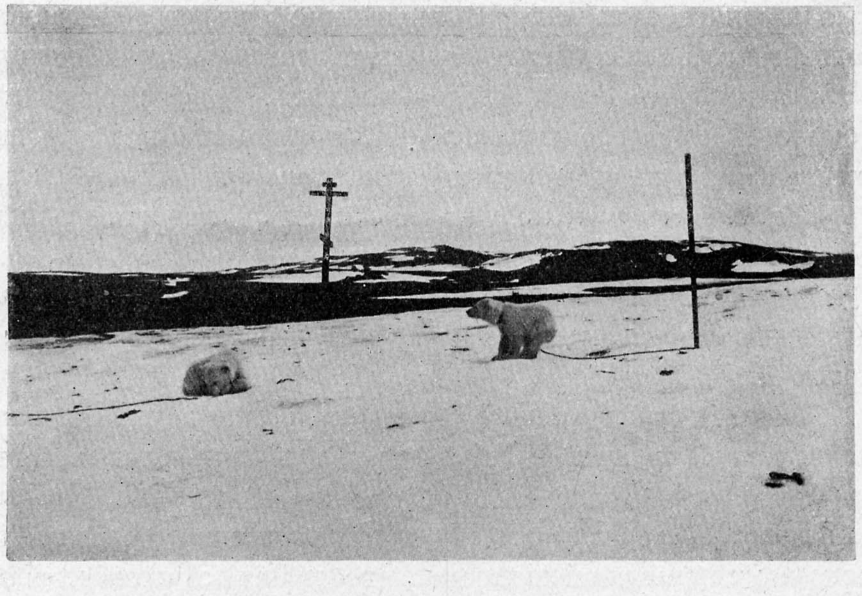

Рис. 122. Бѣлые медвѣжата.

нѣкоторыхъ работъ зашли въ Маточкинъ шаръ—проливъ, отдѣляющій сѣверный и южный острова Новой Земли.

Мрачныя величественныя скалы Маточкина шара встрѣтили насъ непривѣтливо: спустившійся вскорѣ послѣ нашего прихода густой туманъ заставилъ насъ торопиться. Вообще это мѣсто очень опасно для судовъ: здѣсь дуетъ временами такой ужасный вѣтеръ, что всякій морякъ стремится поскорѣе уйти отъ этихъ гиблыхъ береговъ.

Рис. 123. Самоѣдскій чумъ.

Мы все же успѣли посѣтить самоѣдовъ и здѣсь. Какъ и въ Малыхъ Кармакулахъ, поселеніе оказалось сильно опустѣвшимъ: много мужчинъ ушло на Карскую сторону, много погибло. Мнѣ здѣсь впервые удалось видѣть самоѣдскій чумъ (рис. 123); высокіе колья образуютъ коническій остовъ, обтянутый снаружи оленьими кожами; получается палатка, вверху которой остается отверстіе для выхода дыма (рис. 124).

Вотъ мы и снова въ морѣ. Въ нашихъ каютахъ стоятъ букеты первыхъ новоземельскихъ цвѣтовъ, а на вантахъ гирляндами висятъ сотни убитыхъ гагарокъ. Такимъ образомъ, посѣщеніе Новой Земли не прошло безслѣдно даже и съ внѣшней стороны!

Рис. 123. Самоѣдскій чумъ.

Ярко встаетъ въ моей памяти еще одно посѣщенiе Новой Земли.

6-го августа пришли мы въ Костинъ шаръ,—проливъ, отдѣляющiй южный островъ Новой Земли отъ острова Вайгача, и бросили якорь недалеко отъ берега.

Мы знали, что здѣсь нѣтъ никакого поселка, и все же жуткое чувство охватило насъ, когда мы вступили на этотъ удивительно пустынный берегъ. Столько дней блуждали мы по океану, не видя ни паруса ни дымка парохода, и теперь на сушѣ насъ встрѣтило такое-же полное безлюдье.

Рис. 124. Группа самоѣдовъ около чума.

Невдалекѣ сиротливо стояла полуразрушенная промысловая избушка (рис. 125); крыши не было, вся внутренность указывала на то, что ее давно уже покинули; въ окнахъ еще сохранились остатки пузыря, которымъ ея обитатели стремились замѣнить стекла. Кто здѣсь жилъ? Какiе отважные промышленники хотѣли устроить здѣсь свою базу? Ради чего они перевезли сюда срубъ и стремились создать жилище, пригодное для зимовки въ этомъ суровомъ климатѣ? И мнѣ рисовались картины отчаянной борьбы, которую должна была выдержать эта кучка поморовъ, отрѣзанная

Рис. 124. Группа самоѣдовъ около чума.

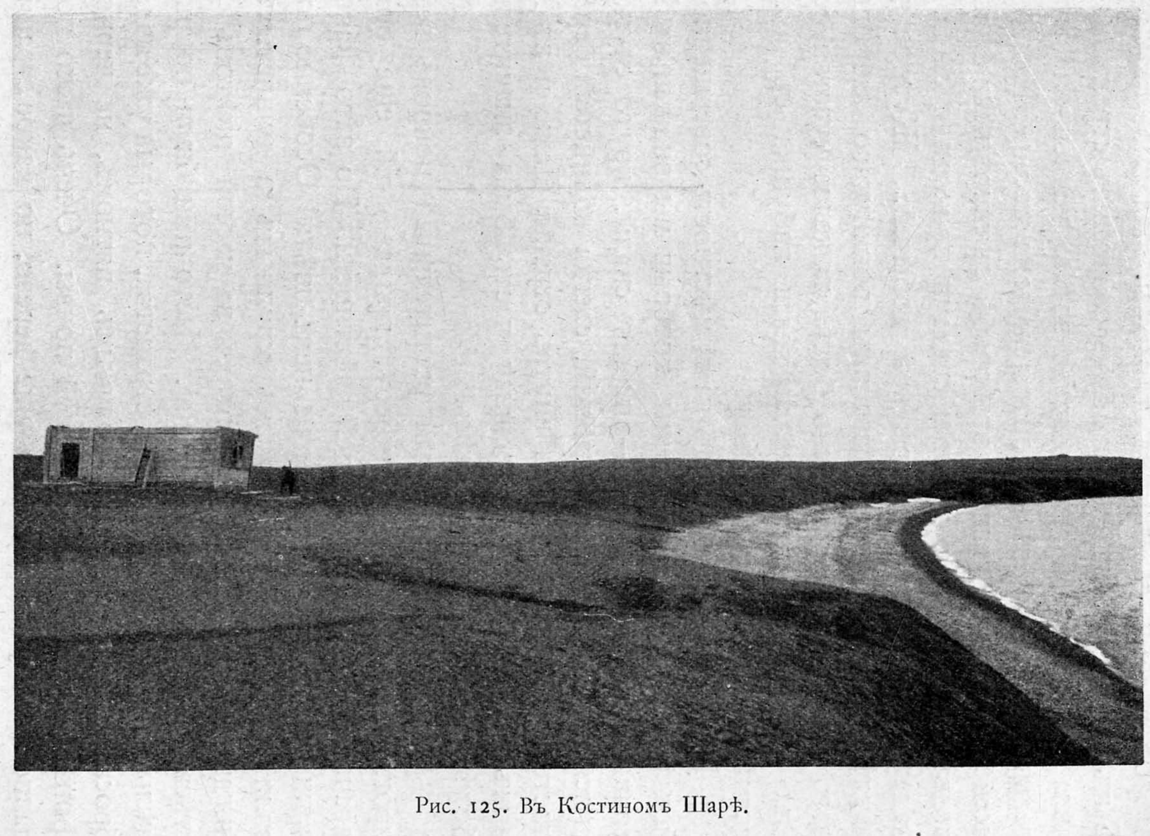

Рис. 125. Въ Костиномъ Шарѣ.

отъ всего міра. Какими одинокими и заброшенными должны были они чувствовать себя въ полярную ночь, когда снѣжный ураганъ потрясалъ стѣны этой избушки! Почему-же забросили они съ такимъ трудомъ созданное жилище? Быть можетъ цынга, этотъ бичъ полярныхъ странъ, измучила ихъ всѣхъ, и они умирали здѣсь медленной, мучительной смертью безъ всякой надежды на спасеніе? Или, быть можетъ, всѣ они погибли въ борьбѣ съ свирѣпыми бѣлыми медвѣдями, которые цѣлыми стадами приходили сюда, въ надеждѣ полакомиться рѣдкой добычей... Жуткое впечатлѣніе производятъ развалины покинутаго заброшеннаго замка, но несравненно болѣе тяжелое чувство оставила во мнѣ эта полуразвалившаяся избушка съ лохмотьями пузыря вмѣсто стеколъ!

Разстилавшаяся передъ нами мѣстность совершенно непохожа была на тѣ картины, которыя мы видѣли въ Маточкиномъ Шарѣ: тамъ—высокія скалы, круто спускавшіяся къ водѣ, здѣсь—плоскій, слегка волнистый берегъ, постепенно повышавшійся внутрь страны. Даже и въ Малыхъ Кармакулахъ прибрежная часть была значительно болѣе гористой, чѣмъ здѣсь.

Сквозь слабо развитый растительный покровъ вездѣ проглядывалъ черный шиферъ, придававшій еще болѣе мрачный видъ окружающей мѣстности. Но зато какими яркими пятнами пестрѣли на немъ цвѣты! Особенно поразили меня незабудки: такихъ крупныхъ и душистыхъ я нигдѣ не встрѣчалъ. При этомъ за массой цвѣтовъ листьевъ почти не было видно. Часто ими были покрыты цѣлыя довольно большія пространства, которыя уже издали бросались въ глаза ярко-голубымъ пятномъ, на черномъ фонѣ окружающей ихъ голой почвы. Очень часто попадались ползучія ивы. Это уже дерево, но какое странное, какое удивительное дерево! Представьте себѣ стволикъ толщиною въ палецъ и высотою всего въ нѣсколько сантиметровъ! Выше онъ не поднимается, и вѣтви его, распол-

заясь во всѣ стороны, стелются у самой земли. Когда вы подходите къ такому дереву, вы видите на самой землѣ зеленое пятно діаметромъ въ 30—50 сантиметровъ и только! Лишь въ такомъ видѣ и можетъ существовать этотъ карликъ; плотно прижатый къ землѣ онъ не страдаетъ отъ вѣтровъ, его не обламываетъ также и снѣгъ, толстымъ тяжелымъ слоемъ покрывающій землю; стелющійся по землѣ стволъ съ массой вѣтвей и листьевъ не такъ страдаетъ и отъ холода. Я сдѣлалъ поперечный разрѣзъ главнаго ствола одного изъ подобныхъ «деревьевъ».... Какія удивительно ничтожной толщины годовыя кольца! Въ теченіе короткаго полярнаго лѣта въ листьяхъ приготовляется такъ мало органическихъ веществъ, что утолщеніе стебля происходитъ очень медленно.

Мы собрали коллекцію растеній и даже насѣкомыхъ, послѣднихъ было очень мало, и приходилось быть очень внимательнымъ, чтобы замѣтить ихъ. Кромѣ того, мы цѣлыми дерновинами брали цвѣты и потомъ украшали ими наши каюты. Окраска ихъ была такъ ярка, и они испускали такой тонкій ароматъ, что сильно могли-бы поспорить съ большинствомъ цвѣтовъ, украшающихъ наши цвѣтники.

Вездѣ виднѣлись слѣды дикихъ сѣверныхъ оленей; ихъ широкія копыта, такъ хорошо приспособленныя для хожденія по снѣгу, ясно отпечатались вездѣ, гдѣ почва была мягче.

Въ одномъ изъ овраговъ мы наткнулись на рѣку, по берегамъ которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохранились громадныя массы снѣга... (Рис. 126, 127 и 128). А было уже 6-е августа!

Въ глубинѣ другихъ овраговъ было много озеръ. Одно изъ нихъ, лежавшее ближе къ морю, очень напоминало ралектовое озеро, и вода въ немъ оказалась соленой.

Послѣ обѣда и нѣкоторыхъ работъ, произведенныхъ

съ парохода мы, захвативъ ружья и приборы для изслѣдованій, снова отправились на берегъ: очень интересно было поработать въ озерѣ съ соленой водой; кромѣ того

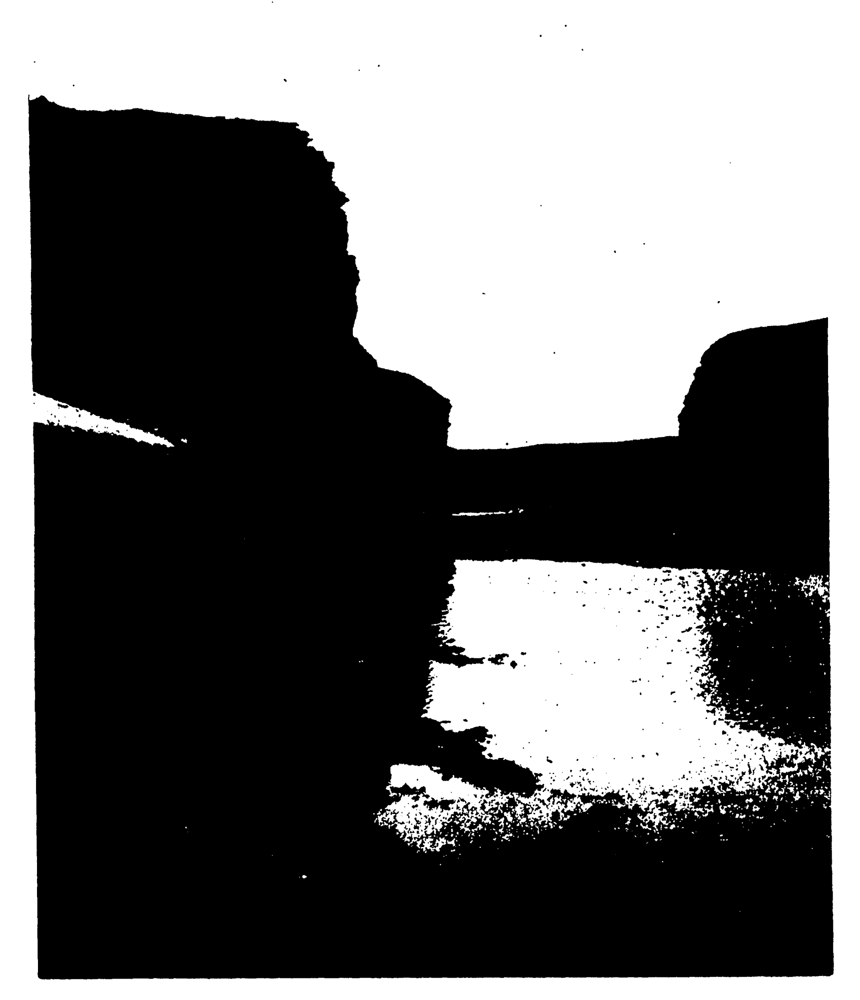

Рис. 126. Рѣка въ Костиномъ Шарѣ.

оленьихъ слѣдовъ было такъ много, и охота на крупную добычу представлялась такой заманчивой, что мы собирались устроить цѣлую облаву.

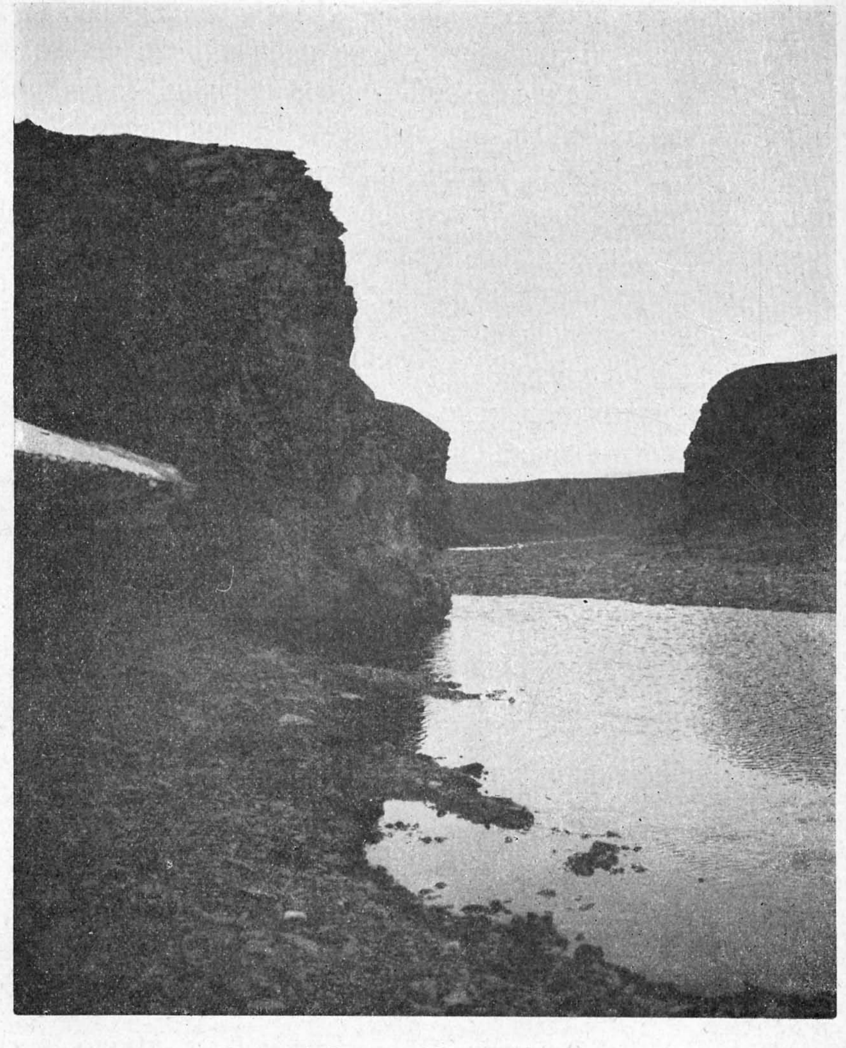

Рис. 126. Рѣка въ Костиномъ Шарѣ.

Перетащивъ шлюпку на озеро, приступили къ работамъ, но драга принесла намъ только лишь шиферный илъ, совершенно лишенный жизни. Даже и воды на этомъ берегу были такъ-же безжизненны, какъ и суша!

Рис. 127. Рѣка въ Костиномъ Шарѣ.

Пока мы возились на озерѣ, капитанъ и еще нѣсколько человѣкъ отправились побродить въ окрестностяхъ съ

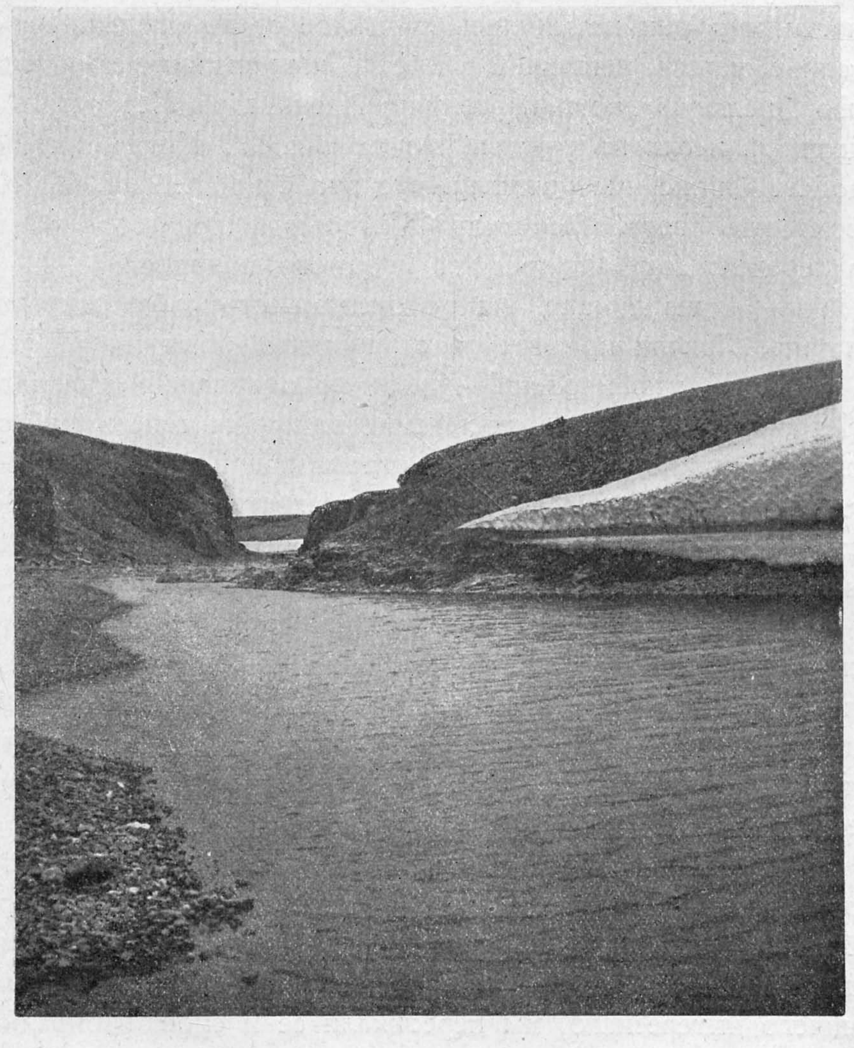

Рис. 127. Рѣка въ Костиномъ Шарѣ.

тѣмъ, чтобы потомъ всѣмъ вмѣстѣ идти на оленей. Вдругъ одинъ за другимъ раздается рядъ выстрѣловъ! Въ это время наши работы подходили къ концу; наскоро собравъ инструменты, мы сейчасъ-же бросились въ ту сторону, куда ушелъ Александръ Петровичъ, въ полной увѣренности, что они наткнулись на цѣлое стадо оленей. Переваливъ черезъ невысокій хребетъ, мы увидѣли всю компанію, шедшую намъ навстрѣчу; Александръ Петровичъ и докторъ несли въ рукахъ что-то бѣлое.... Когда они подошли ближе, мы увидѣли, что это были лебеди. На одномъ изъ озеръ Александръ Петровичъ и докторъ убили 3 лебедей; двухъ взрослыхъ и одного молодого.

— А мы думали, вы по оленямъ стрѣльбу открыли, и ужъ бѣжали помогать вамъ тащить добычу!

— Будутъ и олени!—увѣренно отвѣчалъ Александръ Петровичъ — Давайте, господа, раздѣлимся теперь на двѣ партіи и пойдемъ въ разныя стороны, а потомъ сойдемся гдѣ-нибудь. Такимъ образомъ мы захватимъ большое пространство, и если только здѣсь есть олени, они отъ насъ не уйдутъ!

Мы раздѣлились и, условившись приблизительно относительно времени встрѣчи, пошли одни—направо, другіе—налѣво. Я попалъ въ партію съ Николаемъ Михайловичемъ и Александромъ Петровичемъ; оба они хорошіе стрѣлки, и я былъ увѣрѣнъ, что наша партія не упуститъ оленя, если только онъ намъ попадется.

Мы шли, не разговаривая и стараясь ступать возможно осторожнѣе. Попавъ въ оврагъ, мы поднимались на гребень и, скрываясь за выступами шифера, внимательно оглядывали открывавшуюся предъ нами котловину. Не видя ничего интереснаго, мы пересѣкали ее и снова взбирались на слѣдующій гребень. Описывая такимъ образомъ большую дугу, мы медленно подвигались впередъ, съ одного гребня на другой. Прошло уже часа 2; небо, покрытое сѣрыми тучами, заалѣло на западѣ заревомъ заката; на-

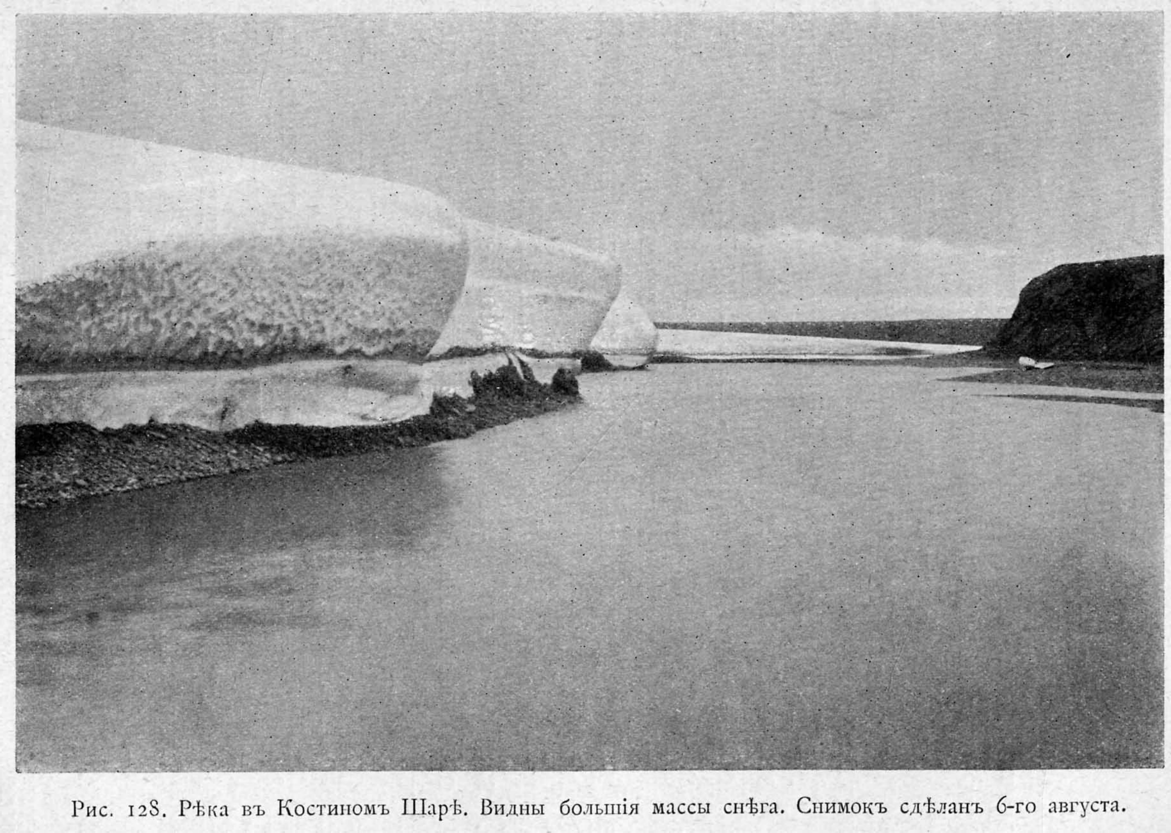

Рис. 128. Рѣка въ Костиномъ Шарѣ. Видны большія массы снѣга. Снимокъ сдѣланъ 6-го августа.

ступили сумерки. Александръ Петровичъ, раньше насъ взобравшійся на гребень, быстро снимая ружье, повернулся къ намъ и тревожнымъ шопотомъ сказалъ:

— Тише! Олени!

У меня екнуло сердце, и задрожали руки. Крѣпко сжимая ружье, я быстро взобрался на возвышенность и, притаившись за камнемъ, началъ внимательно осматривать открывшуюся равнину.

— Гдѣ они?—спросилъ я едва слышнымъ шопотомъ.

— Смотрите вотъ на ту гряду... видите, что-то движется между камнями!

Дѣйствительно, за широкимъ оврагомъ съ пологими склонами возвышался новый гребень, между выступами котораго что-то передвигалось. Александръ Петровичъ готовился стрѣлять.

— Обождите, Александръ Петровичъ, вѣдь ничего все равно не выйдетъ!—удерживалъ его Николай Михайловичъ.

— Нѣтъ, Николай Михайловичъ! Нужно стрѣлять! Подойти ближе намъ нельзя! Моя винтовка достанетъ и отсюда, лишь бы онъ изъ за камней больше выступилъ!

Въ это время къ намъ подошелъ отставшій нѣсколько товарищъ.

— Ну что? гдѣ олени?—шопотомъ спросилъ онъ.

Мы молча указали ему на то мѣсто, гдѣ все что-то перебѣгало. Вынувъ бинокль, онъ началъ разглядывать противуположный гребень.

— Стойте!—вдругъ крикнулъ онъ.—Да вѣдь это же докторъ!

Представьте себѣ наше состояніе! Александръ Петровичъ чуть-было не выстрѣлилъ въ доктора, принявъ его за оленя!

Сложивъ руки въ видѣ рупора, мы стали кричать:

— Докторъ, докторъ!

Вскорѣ намъ отвѣтили, и съ гребня начала спускаться компанія, ушедшая съ докторомъ.

— Я васъ чуть было не подстрѣлилъ!—началъ Александръ Петровичъ, когда мы сошлись вмѣстѣ, и разсказалъ затѣмъ, какъ мы ихъ выслѣживали и ожидали только удобнаго момента для выстрѣла.

Оказалось, что они, проблуждавъ часа 2 и видя, что приближается время встрѣчи, усѣлись на вершинѣ высокаго гребня и начали ожидать нашего появленія. Видѣть насъ они не могли, такъ какъ мы старательно прятались за камнями.

Сумерки сгущались все больше и больше (вѣдь былъ уже августъ мѣсяцъ). Мы прямымъ путемъ направились къ мѣсту высадки.

Какой чудный запахъ незабудокъ встрѣтилъ меня, когда я усталый послѣ прогулки вошелъ къ себѣ въ каюту!

Скоро мы всѣ оживленные и возбужденные сидѣли въ каютъ-компаніи и дѣлились впечатлѣніями минувшаго дня. Докторъ возился у музыкальнаго шкапа, и каждый изъ насъ просилъ его поставить свою любимую пьесу. А надъ нами на палубѣ стучали сапоги матросовъ, поднимавшихъ шлюпку.

Загремѣла якорная лебедка; пароходъ вздрогнулъ, и затѣмъ послышались мѣрные удары винта и всплески воды у борта. Мы выходили въ море.

ГЛАВА XXIV.

Чешская губа.

Въ восточной части изслѣдуемой нами области за Канинскимъ полуостровомъ лежитъ большой заливъ, называемый Чешской губой (см. карту). Не только о фаунѣ

этого мѣста, но даже и о глубинахъ ея почти ничего не было извѣстно. Вполнѣ понятно поэтому, какъ были мы всѣ заинтересованы, когда Николай Михайловичъ объявилъ, что мы пойдемъ для работъ въ эту почти совершенно неизслѣдованную область, въ которой еще не былъ ни одинъ натуралистъ.

Какъ и всегда, по пути былъ сдѣланъ рядъ остановокъ, во время которыхъ производились наши обычныя работы.

Передъ входомъ въ Чешскую губу начали дѣлать приблизительно черезъ каждые полчаса измѣренія глубинъ.

Къ сѣверу отъ острова Колгуева и Канинскаго полуострова мы встрѣтили громадныя мелководныя пространства съ чистымъ песчанымъ грунтомъ. Это лучшія мѣста на всемъ пространствѣ нашихъ работъ для траловаго лова. Въ другихъ частяхъ океана мы часто натыкались на подводныя скалы и камни, и часто тралъ приходилъ съ разорванной сѣтью. Здѣсь часами можно было тралировать безъ всякой опасности для оттертролля. Песокъ и большинство мелкихъ животныхъ легко проходили черезъ его крупную ячею, но зато какую массу великолѣпныхъ крупныхъ камбалъ добыли мы въ этихъ мѣстахъ!

— Для чего мы такъ часто измѣряемъ глубину?— спросилъ одинъ изъ товарищей.

— А вы посмотрите на наши карты,—отвѣчалъ Александръ Петровичъ,—на нихъ для этихъ мѣстъ почти нѣтъ глубинъ!

— А кромѣ того,—добавилъ Николай Михайловичъ,— для насъ очень важно прослѣдить, не отдѣляется ли Чешская губа отъ океана подводнымъ барьеромъ. Если бы таковой существовалъ, то для ея фауны этимъ бы создавались въ высшей степени своеобразныя условія существованія, какъ напр. въ Бѣломъ морѣ.

Но барьера не оказалось. По мѣрѣ проникновенія въ губу, глубины постепенно уменьшались, начиная съ 50 мет-

ровъ до 30 метровъ. Грунтъ, какъ показывалъ нашъ лотъ, почти вездѣ оказался каменистымъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы останавливались для работъ. Вслѣдствіе небольшой глубины вода въ губѣ обладала довольно высокой температурой; лѣтнее нагрѣваніе (мы были здѣсь въ половинѣ іюня) проникло до самаго дна. Вотъ, напр., одна изъ серій:

0 м.	10 м.	25 м.	30 м.
+ 7,2	+ 7,0	+ 7,0	+ 6,8

Когда мы разбирали зоологическій матеріалъ, доставленный намъ различными орудіями, Николай Михайловичъ сразу обратилъ наше вниманіе на нѣкоторыхъ животныхъ, свойственныхъ болѣе теплымъ водамъ. Присутствіе ихъ здѣсь, вѣроятно, объясняется болѣе высокими придонными температурами, вызванными сильнымъ лѣтнимъ нагрѣваніемъ.

Желая собрать представителей прибрежной и береговой фауны и флоры, мы пошли къ губѣ Индигской, составляющей какъ бы часть Чешской губы.

— Что это за островокъ?—обратился Николай Михайловичъ къ Александру Петровичу, указывая на скалистые берега небольшого острова.

— Это Тиманецъ! По указаніямъ въ нашихъ мореходныхъ книгахъ онъ шиферный, но очертанія его заставляютъ сильно въ этомъ сомнѣваться!

— Да, на шиферъ эти скалы совсѣмъ ужъ не похожи. Нужно думать, что тамъ есть птичій базаръ. Знаете что, Александръ Петровичъ, когда станемъ на якорь, спустите шлюпку. Интересно взглянуть на этотъ островокъ вблизи, а вы, господа, захватите все необходимое для литоральнаго сбора, да и геологическіе молотки не забудьте!

Николай Михайловичъ не ошибся. Уже подходя къ острову, мы были восхищены красотой открывшейся картины. Красивыя, плотно сжатыя, шестигранныя колонны

діабаза въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти отвѣсно спускались къ водѣ. Весь островокъ былъ составленъ изъ такихъ колоннъ. Въ одномъ мѣстѣ, вѣроятно, водой промыло ущелье очень удобное для высадки. Когда мы вышли на берегъ, насъ какъ бы обступили діабазовыя колонны. Вскорѣ предъ нами открылся сквозной гротъ, сквозь который блестѣла и сверкала слегка волнующаяся голубая гладь моря! (См. рис. 129). Какіе чудные уголки таитъ въ себѣ нашъ сѣверъ!

На островѣ, дѣйствительно, оказался птичій базаръ (см. рис. 130). Здѣсь были чайки двухъ видовъ; у однѣхъ птенцы еще сидѣли въ гнѣздахъ (см. рис. 131), между тѣмъ какъ у другихъ они уже ходили по острову, но летать еще не могли (см. рис. 132). Удивительно неуклюжій и нелѣпый видъ имѣли они и такъ не походили на своихъ родителей, красиво летавшихъ въ воздухѣ.

Желая выломать для коллекціи нѣсколько кусковъ діабаза, мы наткнулись на очень красивые жеоды горнаго хрусталя и аметиста. Среди бураго діабаза онѣ попадались довольно часто въ видѣ болѣе свѣтлыхъ овальныхъ желваковъ величиною съ кулакъ и больше; когда мы ихъ разбивали, внутри оказывалась пещерка, стѣнки которой были покрыты, какъ щеткой, друзами красивыхъ кристалловъ то совершенно безцвѣтныхъ, то отливавшихъ прекрасной фіолетовой окраской аметиста.

Литоральный сборъ далъ очень немного животныхъ: здѣшнее населеніе полосы отлива и по количеству, и по разнообразію оказалось много бѣднѣе, чѣмъ то, которое привыкли мы находить на всемъ пространствѣ Мурманскаго побережья.

Мнѣ жалко было покидать этотъ островокъ, давшій столько интересныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній.

Вечеромъ съ неводами мы отправились на берегъ Индигской губы. Песчано-глинистыми обрывами онъ довольно круто спускался къ водѣ. Здѣсь мы нашли довольно

много раковинъ моллюсковъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что и это мѣсто когда-то было морскимъ дномъ, и по нему перекатывались океаническія волны. Въ одномъ мѣстѣ изъ подъ этихъ отложеній выступалъ въ море мысъ, сразу

Рис. 129. Островъ Тиманецъ. Гротъ.

отличавшійся отъ нихъ своей окраской: блѣдно-желтая масса его совершенно не походила на буровато-сѣрые обрывы. Это — Желѣзный мысъ. Только побывавъ на немъ, мы поняли, почему ему дано такое названіе: звонко, какъ на желѣзѣ, звучали на немъ удары нашихъ геологическихъ

Рис. 129. Островъ Тиманецъ. Гротъ.

молотковъ! Это были каменноугольные известняки съ массой окаменѣлостей.

Когда мы поднялись наверхъ, предъ нами открылась плоская равнина, покрытая травой и цвѣтами. Какъ широкій лугъ гдѣ нибудь въ центральной Россіи, развернулась она передъ нами! А внизу видно устье рѣки, возлѣ котораго только что выметали неводъ! А дальше—морская гладь, освѣщенная спустившимся къ горизонту солнцемъ,

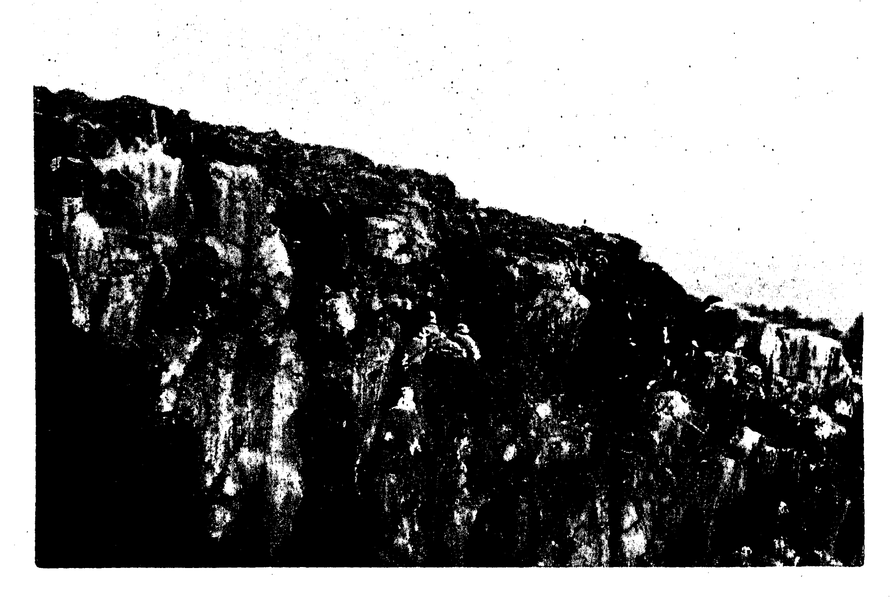

Рис. 130. Островъ Тиманецъ. Птичій базаръ.

и на ней красиво выдѣляется своими очертаніями «Андрей Первозванный»! Все кругомъ такъ прекрасно, воздухъ такъ чистъ, вечеръ такой теплый, что невольно глазъ искалъ тѣхъ людей, которые должны были жить въ такомъ уютномъ и красивомъ уголкѣ. Казалось, здѣсь было все для привольной, спокойной жизни! Но кругомъ—ни души, никакихъ признаковъ жилья! Только остовъ какого-то паруснаго судна, Богъ вѣсть, какими судьбами занесеннаго сюда и выброшеннаго на берегъ, показывалъ, что и помимо

насъ здѣсь когда-то были люди! Конечно, въ бурную осень и темной полярной зимой окружающая природа не могла быть такой ласкающей, но теперь, въ этотъ теплый, лѣтній вечеръ она манила къ себѣ разнообразіемъ и красотой открывавшихся картинъ!

Наши охотники, попавъ въ такую обстановку, забыли обо всемъ и, захвативъ ружья, отправились на охоту въ полной увѣренности, что разъ существуетъ такой лугъ,

Рис. 131. Островъ Тиманецъ. Гнѣздо чайки съ птенцами.

то должна быть и соотвѣтствующая дичь. Они жалѣли объ одномъ: съ ними не было собаки. И представьте себѣ, что испытали они, когда одинъ изъ товарищей вскорѣ явился съ убитымъ бекасомъ! Вотъ ужъ на какую дичь они навѣрное не разсчитывали, когда собирались на охоту! Разговорамъ и мечтаніямъ о томъ, сколько набили-бы они, если-бы была хоть какая-нибудь плохенькая собаченка, не было конца!

Но вся прочая ихъ добыча заставляла забыть о бе-

касѣ и вспомнить, что мы на крайнемъ сѣверѣ: только здѣсь въ срединѣ лѣта можно было встрѣтить бѣлыхъ куропатокъ, а ихъ они убили довольно много!

Ловъ неводомъ, а затѣмъ и драгами еще ярче подчеркнулъ то, что мы не только на сѣверѣ, но и на востокѣ, лишенномъ живительнаго вліянія вѣтвей Гольфштрема! Фауна оказалась бѣдной: неводъ принесъ очень немного животныхъ, среди которыхъ было нѣсколько кам-

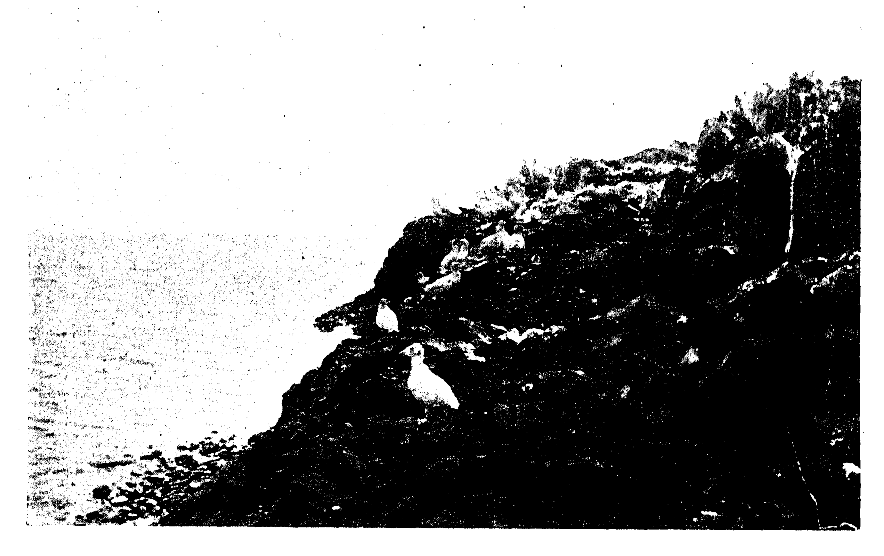

Рис. 132. Островъ Тиманецъ. Молодыя чайки.

балъ и между прочимъ 4 корюшки; уловъ драги былъ также ничтоженъ. Совсѣмъ не то, что на Мурманѣ, омываемомъ гольфштремной водой!

Покинувъ эти мѣста, съ которыми у меня до сихъ поръ связано впечатлѣніе чего-то удивительно уютнаго и симпатичнаго, мы долго еще работали въ окрестностяхъ Канинскаго полуострова и очутились наконецъ около острова Колгуева.

Изслѣдованіе этого острова, очень рѣдко посѣщаемаго

натуралистами, могло дать въ высшей степени цѣнные и интересные результаты. Но попасть на него оказалось не легко: онъ окруженъ мелями, такъ что подойти близко къ берегу невозможно, и кромѣ того, на немъ нѣтъ ни одной бухточки сколько-нибудь удобной для высадки. Уже нѣсколько разъ подходили мы къ нему, но попасть на самый островъ намъ все не удавалось: то буря, то туманъ заставляли насъ отказываться отъ нашего намѣренія. На этотъ разъ, повидимому, ничто не могло помѣшать намъ: было ясно и довольно тихо; небольшая мертвая зыбь насъ не безпокоила.

«Андрей Первозванный» отдалъ якорь миляхъ въ двухъ отъ берега: подходить ближе вслѣдствіе окружающихъ островъ мелей было опасно. Скоро спустили шлюпку, и въ ней размѣстилась наша большая компанія съ ружьями, банками и другимъ экскурсіонnымъ снаряженіемъ. Весело болтая, мы все ближе и ближе подходили къ отлогимъ, темнымъ берегамъ Колгуева. Намъ осталось пройти не больше 50—70 саженей. Но тутъ мы встрѣтили препятствіе: несмотря на довольно тихую погоду, прибой оказался сильнымъ, и прибрежная полоса кипѣла и пѣнилась линіей буруновъ.—Гдѣ бы пристать?—Эта мысль занимала всѣхъ насъ, и каждый все свое вниманіе устремилъ на берегъ, чтобы отыскать хоть маленькую бухточку, въ которую могла бы проскочить наша шлюпка.

Вдругъ сзади насъ, со стороны океана послышался какой-то рокотъ... Мы оглянулись и увидѣли громадную волну съ ревомъ стремительно надвигавшуюся на насъ!

— Право греби, лѣво табань!—скомандовалъ Василій Николаевичъ, сидѣвшій на рулѣ.

Но было уже поздно. Шлюпка едва успѣла повернуться наискось къ волнѣ, какъ на насъ съ шумомъ обрушилась масса мутной, зеленоватой воды. На мгновеніе все скрылось предо мной; я почувствовалъ только, какъ меня ударило что-то холодное... Благодаря тому, что мы

стояли къ волнѣ въ косомъ направленіи, залило только корму. Отплевываясь отъ горько-соленой воды, мы видѣли, какъ окатившая насъ волна понеслась дальше къ берегу. Мы были мокры съ ногъ до головы, но живы и невредимы. Зѣвать было некогда: за первой волной шла вторая, не менѣе грозная. Но Василій Николаевичъ не растерялся и успѣлъ повернуть къ ней шлюпку носомъ. Вотъ она, какъ высокая вогнутая по направленію къ намъ стѣна, съ клокочущимъ и пѣнящимся гребнемъ несется на насъ... Кажется, что вся эта масса сейчасъ должна поглотить шлюпку...

— Держись!—командуетъ Василій Николаевичъ.

Я хватаюсь за бортъ и закрываю глаза... Какъ щепочку, подбросило нашу шлюпку, поставивъ ее почти вертикально носомъ вверхъ, но только брызги попали на насъ. Слѣдующія волны были уже не страшны.

Возбужденные послѣ перенесенной опасности, возвращались мы на пароходъ. Насъ встрѣтилъ Александръ Петровичъ, который былъ встревоженъ не меньше насъ.

— Ну, счастливо отдѣлались! А я приготовился уже спасать васъ и даже шлюпки приказалъ спустить!

— Развѣ было такъ опасно?—спрашивали мы.

— Я слѣдилъ за вами въ бинокль, и когда увидѣлъ, что вы всѣ заняты разсматриваніемъ берега въ то время, какъ на васъ надвигалась волна, рѣшилъ уже, что шлюпку опрокинетъ... Въ этотъ моментъ я и закричалъ, чтобы спускали остальныя шлюпки. Вѣдь если бы вы стояли къ волнѣ бортомъ, мнѣ теперь пришлось бы отыскивать каждаго изъ васъ въ этихъ бурунахъ.

— Скажите, пожалуйста, откуда вдругъ, такъ неожиданно взялась эта волна?

— Вѣтеръ поднялся, да и приливъ начался... Въ океанѣ это совсѣмъ незамѣтно, а вотъ когда волна докатилась до мелководья, она и встала такой стѣной. Это самая опасная форма волны. Вы обратили вниманіе, какъ она во-

гнута была по направленію къ берегу? Черезъ такую волну проскочить удается не всегда!

Только теперь я понялъ, насколько серьезную опасность пришлось пережить намъ нѣсколько минутъ назадъ!

ГЛАВА XXV.

Звѣриный промыселъ.

Желая получить точныя данныя о тюленьемъ и моржовомъ промыслѣ и выяснить, какое значеніе онъ можетъ имѣть для русскаго сѣвера, зимою 1900—1901 года отправили «Помора» въ Норвегію, именно въ Тромзе, чтобы приспособить его къ плаванію во льдахъ. Тамъ его ремонтировали, обшили его борта дубовыми досками, чтобы онъ могъ выдерживать треніе и напоръ льдовъ, и снабдили всѣмъ необходимымъ для промысла (см. рис. 133).

Въ роли наблюдателя за промысломъ на «Поморѣ» отправился мой товарищъ Несторъ Александровичъ С.; я искренно завидовалъ тому, что онъ попалъ въ такое интересное плаваніе!

«Поморъ» выходилъ на промыселъ два раза; первый разъ—со 2 марта по 26 апрѣля (рис. 134), и во второй разъ—съ 15 мая по 27 іюня 1901 года (рис. 135).

27 іюля я сидѣлъ въ береговой лабораторіи и приводилъ въ порядокъ дневники нашихъ работъ послѣдняго рейса. Изъ окна былъ чудный видъ на всю Екатерининскую гавань, ярко освѣщенную солнцемъ, и я, оторвавшись отъ работы, любовался знакомыми мѣстами, съ которыми было связано столько воспоминаній. Мое вниманіе привлекло довольно большое парусное судно, входившее въ гавань. Да вѣдь это же «Поморъ»!

Плавно и величественно направлялся онъ къ Екатерининскому острову, распустивъ всѣ свои паруса. Вотъ

загремѣла якорная цѣпь, и въ то же самое время сразу опустились всѣ паруса. Я вспомнилъ, какъ любилъ Григорій Ивановичъ щегольнуть такимъ маневромъ! Оказывается, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ погони за тюленями

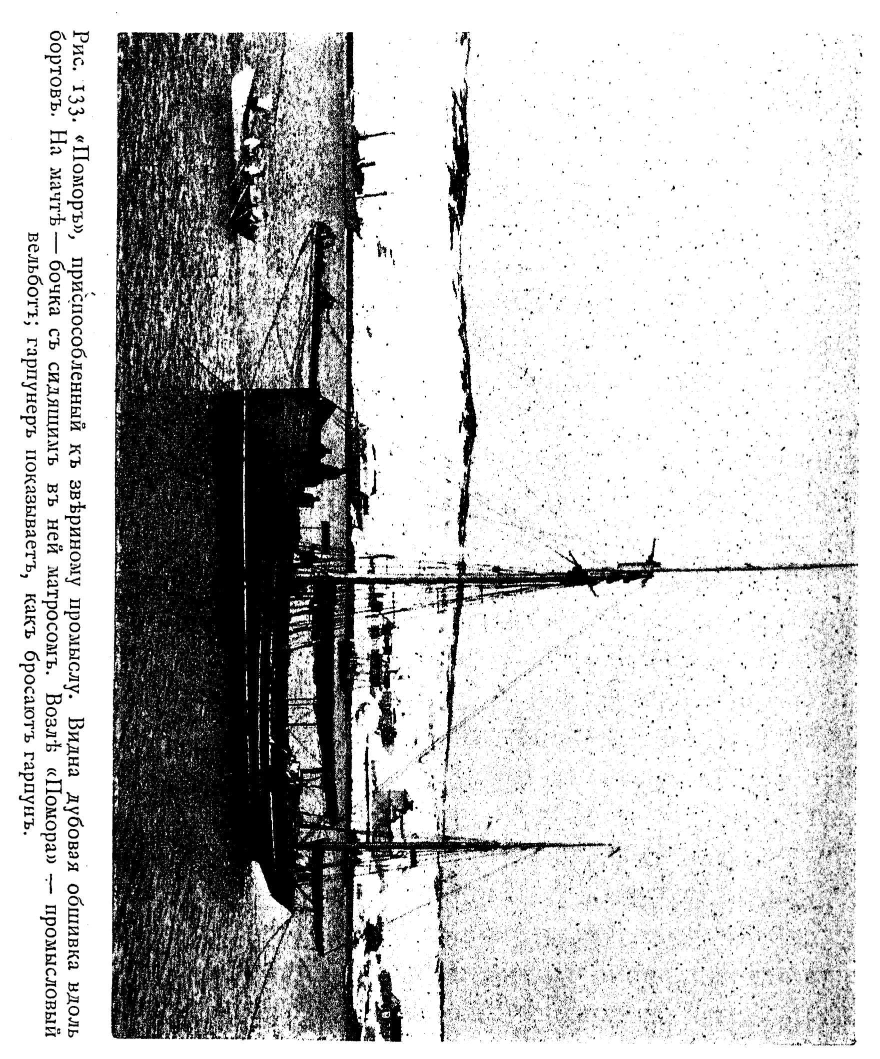

Рис. 133. «Поморъ», приспособленный къ звѣриному промыслу. Видна дубовая обшивка вдоль бортовъ. На мачтѣ — бочка съ сидящимъ въ ней матросомъ. Возлѣ «Помора» — промысловый вельботъ; гарпунеръ показываетъ, какъ бросаютъ гарпунъ.

и моржами онъ все также старался показать свое судно въ болѣе эффектномъ видѣ.

Наша встрѣча была искренно радостная.

Прошло дня два въ безпрерывной суетѣ. Какъ-то

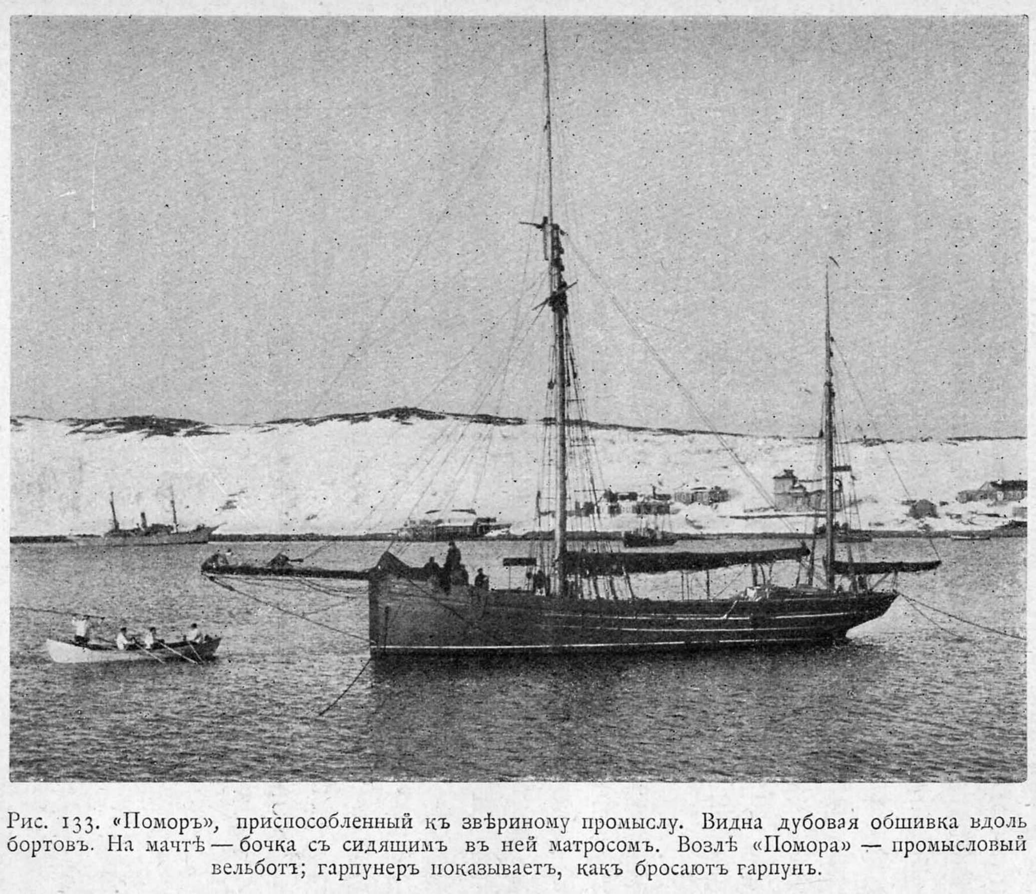

Рис. 133. «Поморъ», приспособленный къ звѣриному промыслу. Видна дубовая обшивка вдоль бортовъ. На мачтѣ — бочка съ сидящимъ въ ней матросомъ. Возлѣ «Помора» — промысловый вельботъ; гарпунеръ показываетъ, какъ бросаютъ гарпунъ.

Рис. 134. Группа лицъ, участвовавшихъ въ первомъ плаваніи «Помора». Въ центрѣ группы съ винтовкой въ рукѣ— капитанъ «Помора», Григорій Ивановичъ П. Въ бѣлыхъ рубахахъ—гарпунеръ, его помощникъ и два матроса, выѣзжавшіе на промысловомъ вельботѣ.

Рис. 134. Группа лицъ, участвовавшихъ въ первомъ плаваніи «Помора». Въ центрѣ группы съ винтовкой въ рукѣ—капитанъ «Помора», Григорій Ивановичъ П. Въ бѣлыхъ рубахахъ—гарпунеръ, его помощникъ и два матроса, выѣзжавшіе на промысловомъ вельботѣ.

послѣ обѣда въ береговомъ помѣщеніи, на которомъ присутствовалъ и Григорій Ивановичъ, онъ началъ меня упрекать:

— Что это вы насъ совсѣмъ забыли! И не заглянете на «Поморъ».

— Какъ, Григорій Ивановичъ? Я былъ у васъ, и моржей, которыхъ вы набили, и медвѣдя видѣлъ!

Рис. 135. Участники второго плаванія «Помора».

— Это не въ счетъ! Вотъ вы бы къ намъ вечеркомъ собрались! Чайку бы попили, въ шахматы партію сыграли! Помните, какъ когда-то вы мнѣ все маты давали?

Я отъ души поблагодарилъ Григорія Ивановича и въ тотъ-же вечеръ отправился на «Поморъ».

Какъ и раньше, сидѣли мы другъ передъ другомъ въ каютѣ за шахматами, а штурманъ, наблюдая за игрой, сопровождалъ каждый ходъ иной разъ очень ѣдкими замѣчаніями. Но игра шла вяло: сначала мы вспоминали наше прежнее плаваніе, а потомъ я началъ разспрашивать о звѣ-

Рис. 135. Участники второго плаванія «Помора».

риныхъ промыслахъ. Впечатлѣнія только что законченнаго плаванія живо волновали моихъ хозяевъ, и они охотно разсказывали мнѣ о своихъ приключеніяхъ. Сначала разговоръ шелъ довольно безпорядочно, но такъ какъ меня очень заинтересовали детали промысла, то я началъ задавать вопросы, чтобы выяснить всю картину этой интересной охоты.

— Позвольте, Григорій Ивановичъ,—перебилъ я разсказчика,—гдѣ же вы собственно плавали?

— У льдовъ. Въ первый рейсъ—главнымъ образомъ у восточнаго Мурмана, а въ послѣдній — доходили и до Новой Земли и даже въ Карское море выходили.

— Какъ же вы отыскивали звѣря?

— Гарпунеръ сидитъ въ бочкѣ и въ подзорную трубу осматриваетъ льды. Тюлени любятъ грѣться на льдахъ, моржи тоже. Какъ только увидитъ онъ ихъ на льду, сейчасъ-же спускаютъ вельботы и отправляются на промыслъ. И вотъ тутъ интересно бываетъ смотрѣть на гарпунера... Ужъ потому, какъ онъ спускается на палубу, сразу можно сказать, какого звѣря онъ увидѣлъ. Если гарпунеръ торопится и сверху уже знаками даетъ знать, чтобы не шумѣли, пари можно держать, что онъ увидѣлъ моржа. Это звѣрь осторожный; запахъ дыма, крикъ или шумъ на палубѣ иной разъ за версту и больше могутъ спугнуть его. Въ такихъ случаяхъ на суднѣ сразу тихо становится. Безъ шума спускаютъ вельботъ и отправляются за моржемъ.

— А что это такое вельботъ? почему не просто — шлюпка?

— А ужъ такъ называется шлюпка для этого промысла.

— Что же въ ней есть какія-нибудь особенности?

— Идемте посмотримъ! У насъ одинъ вельботъ нарочно почти въ полномъ вооруженіи стоитъ, чтобы показать тѣмъ, кто не былъ на этомъ промыслѣ.

Мы вышли на палубу. Тамъ стояла большая шлюпка, мимо которой я уже проходилъ, но не обратилъ на нее вниманія. Это и былъ вельботъ. Въ длину онъ былъ больше 6 метровъ; снаружи, передняя его часть была обита цинкомъ для того, пояснилъ Григорій Ивановичъ, чтобы предохранить деревянные борта отъ поврежденія льдомъ.

— Что же въ немъ особеннаго?—спросилъ я.

— Прежде всего, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ,— постройка: благодаря частымъ и тонкимъ шпангоутамъ *) его борта отличаются такой упругостью, что, сжимаясь при давленіи льдомъ, они снова принимаютъ прежнюю форму, какъ только давленіе прекращается; при сильномъ же сдавливаніи его выпираетъ на ледъ, а не раздавливаетъ. Кромѣ того, и внутреннее его устройство специально разсчитано на охоту за такими звѣрями, какъ моржи и тюлени.

— Разсказывайте, Григорій Ивановичъ, лучше все по порядку!—попросилъ я.

— Хорошо! На вельботѣ отправляются 4 человѣка: гарпунеръ (рис. 136), его помощникъ, весельщикъ и корщикъ. Всѣ они надѣваютъ поверхъ платья бѣлыя рубахи, а гарпунеръ еще и голову обматываетъ бѣлымъ платкомъ.

— Для чего же это?—удивился я.

— Чтобы незамѣтно подкрасться къ звѣрю! Вы посмотрите, и вельботъ снаружи окрашенъ въ бѣлый цвѣтъ!

— Неужели этимъ можно кого-нибудь обмануть, хотя бы даже и моржа?

— Не только звѣрь, а и люди съ трудомъ различаютъ такую шлюпку среди льдовъ! Бывали случаи, когда два вельбота, не замѣчая другъ друга, подходятъ къ одному мѣсту, и только, услышавъ выстрѣлъ, убѣждаются въ томъ, что это не льдина, а промысловый вельботъ. Идти приходится крайне осторожно. Разговоровъ не полагается. Гарпунеръ, сидящій на носу, командуетъ знаками, особымъ

*) Ребра, къ которымъ прикрѣпляются доски, образующія борта судна.

образомъ опуская и поднимая то одну, то другую руку. Ударъ весломъ о льдинку, даже капли, падающія съ веселъ,

Рис. 136. Гарпунеръ; у его ногъ—гарпунъ со штокомъ и линемъ.

уже могутъ испугать звѣря, и, такъ какъ онъ лежитъ всегда на краю льдины, то онъ моментально уходитъ въ воду.

— Да вѣдь во льдахъ всегда стоитъ шумъ! Неужели

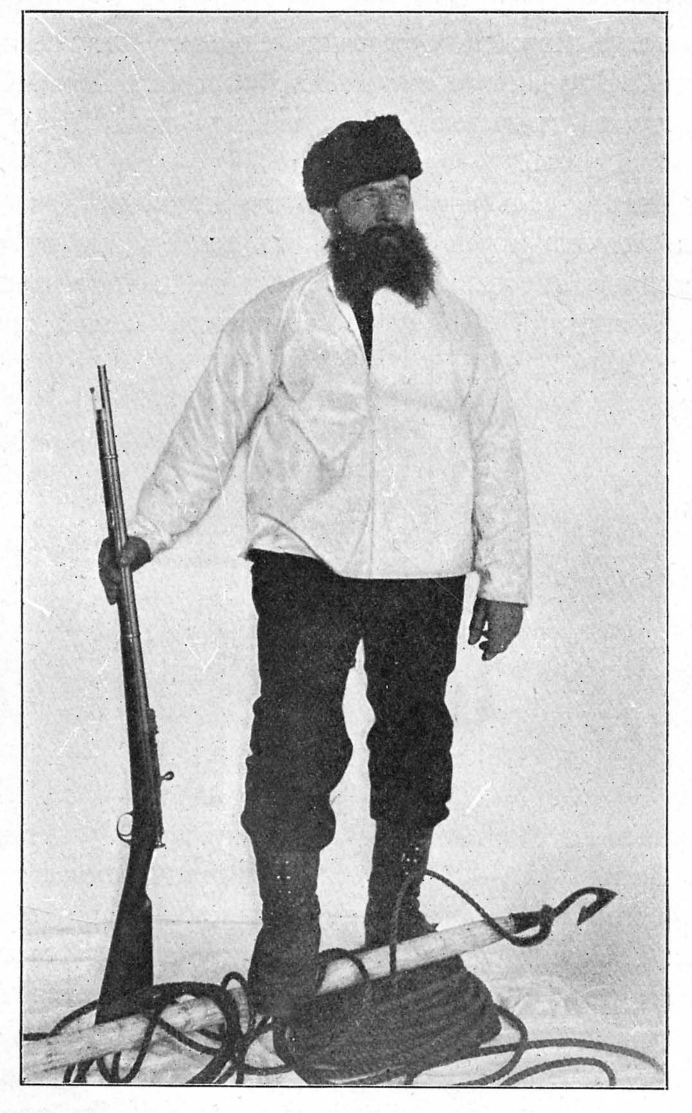

Рис. 136. Гарпунеръ; у его ногъ—гарпунъ со штокомъ и линемъ.

можно при этомъ придавать большое значеніе такимъ ничтожнымъ звукамъ.

— Представьте себѣ, мы на опытѣ убѣдились, какъ это важно. Удивительно тонкимъ слухомъ отличаются эти животныя! Обоняніе у нихъ тоже поразительное: если вѣтеръ дуетъ по направленію ко льдамъ, тогда и не думай подойти къ нимъ!

— Итакъ вельботъ незамѣтно подходитъ къ лежащему на льдинѣ моржу шаговъ на 20. Въ это время гарпунъ уже налаженъ. Вотъ посмотрите на это приспособленіе! (Рис. 137). Къ этой веревочной петлѣ привязы-

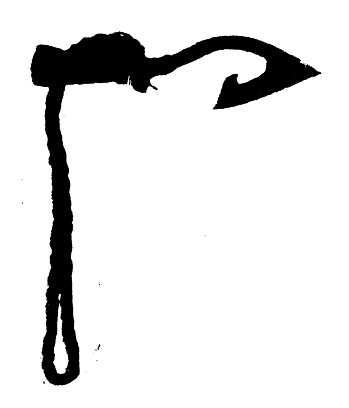

Рис. 137. Остріе гарпуна.

вается крѣпкій тонкій линь, а въ эту трубку вставляется штокъ. Вотъ онъ!—И Григорій Ивановичъ показалъ мнѣ тонкую гибкую палку сажени 2 длиною.—Гарпунеръ поднимается и, размахнувшись, обѣими руками бросаетъ гарпунъ въ моржа. Послѣдній моментально бросается въ воду и при этомъ часто ломаетъ штокъ, но онъ уже выполнилъ свое назначеніе: гарпунъ сидитъ въ тѣлѣ звѣря, и моржъ оказывается привязаннымъ на линѣ. Въ этотъ моментъ гарпунеру нельзя зѣвать! Бываетъ такъ, что моржъ удираетъ, тогда приходится травить линь и въ то же время держать наготовѣ винтовку, потому что скоро онъ всплываетъ на поверхность воды, и тогда въ него нужно стрѣ-

лять. Но бываетъ и иначе: часто моржъ бросается на шлюпку! Стрѣлять при этомъ удается далеко не всегда, и у гарпунера должны быть готовы топоръ и вотъ эта спица: (рис. 138) если моржъ вынырнетъ около вельбота, его закалываютъ спицей, если же онъ сразу бросится на вельботъ и зацѣпитъ своими бивнями за его бортъ, остается одно—рубить его голову топоромъ. А бываетъ иногда, что моржъ уходитъ подъ льдину... Сначала линь травятъ, но его сравнительно немного, саженей 25, и тогда онъ можетъ утянуть подъ ледъ и вельботъ; въ такихъ случаяхъ приходится, жертвуя и линемъ, и взятымъ на гарпунъ звѣремъ, перерѣзывать линь!

— Я одного только не понимаю, Григорій Ивановичъ для чего бросаютъ гарпунъ? Почему сразу не стрѣляютъ въ моржа?

Рис. 138. Спица.

— Да потому, что убить его сразу нельзя! Вы посмотрите, какими пулями приходится стрѣлять въ него!— И Григорій Ивановичъ протянулъ мнѣ патронъ, свинцовая пуля котораго на верхушкѣ была снабжена стальнымъ наконечникомъ.—Только такая пуля и можетъ пробить его черепъ! Да и то рѣдко удается убить моржа однимъ выстрѣломъ обыкновенно приходится стрѣлять въ него 2 и 3 раза. А обыкновенная свинцовая пуля расплющивается о его лобъ! Если же моржъ, хотя бы и смертельно раненый, уйдетъ въ воду, вы его не достанете, такъ какъ онъ въ водѣ тонетъ.

— А если бы вы видѣли, Константинъ Павловичъ, какъ стрѣляютъ гарпунеры?! Безъ промаха! — вмѣшался штурманъ—Ну да и упражняются же они! Когда мы шли на промыселъ, такъ они намъ надоѣли своей стрѣльбой: все, что только можно, пустую бутылку, полѣно, сей-

часъ же—за бортъ и бацъ! Это, чтобы къ винтовкѣ пристрѣляться!

— Вотъ посмотрите теперь, — продолжалъ Григорій Ивановичъ—какъ на вельботѣ все приспособлено для такой охоты: вотъ здѣсь сидитъ гарпунеръ, тутъ у него гарпуны, тутъ 4 линя, тутъ онъ держитъ винтовку, за этими рейками насыпаны патроны, здѣсьвотъ лежитъ спица, а сюда втыкается топоръ. Все подъ руками! Но конечно одному справиться трудно, и, какъ только подходятъ къ звѣрю, помощникъ бросаетъ весла и помогаетъ гарпунеру, подавая ему все, что нужно. Иной разъ секунда замедленія можетъ повести къ печальнымъ результатамъ: или звѣря потеряютъ, а то такъ и всѣмъ плохо придется!

— А большая выгода убить моржа?—полюбопытствовалъ я.

— Особенно цѣнится его кожа, очень толстая и удивительно прочная; а кромѣ того клыки и жиръ тоже идутъ въ продажу. Въ среднемъ доходъ съ моржа достигаетъ 100 рублей, а иногда и больше.

Когда моржа убьютъ, тушу его вытягиваютъ на льдину и снимаютъ кожу вмѣстѣ съ находящимся подъ ней слоемъ жира (рис. 139 и 140). Мясо и кости бросаютъ, а шкуру перевозятъ на судно (рис. 141 и 142). Здѣсь съ нея соскабливаютъ жиръ (рис. 143) и затѣмъ кладутъ въ соль, чтобы кожа не испортилась.

— Скажите, пожалуйста, а при охотѣ на тюленей, тоже требуется такая осторожность?

— Морской заяцъ (рис. 144), самый крупный изъ нашихъ тюленей, поразительно остороженъ; подходить къ нему приходится, пожалуй, съ еще большими предосторожностями, чѣмъ къ моржу. Гренландскіе тюлени или, какъ ихъ называютъ промышленники,—«кожа», (рис. 145), попадающіеся чаще другихъ, нѣсколько менѣе осторожны.

— А ихъ тоже берутъ на гарпунъ?

— Нѣтъ, ихъ прямо стрѣляютъ разрывными пулями.

Рис. 139. На льдинѣ снимаютъ кожу съ убитаго моржа.

Рис. 140. На льдинѣ снимаютъ кожу съ убитаго моржа.

Рис. 139. На льдинѣ снимаютъ кожу съ убитаго моржа.

Рис. 140. На льдинѣ снимаютъ кожу съ убитаго моржа.

Рис. 141. Шкуру моржа поднимаютъ на палубу «Помора»

Рис. 142. Шкуру моржа поднимаютъ на палубу «Помора».

При этомъ важно бываетъ убить тюленя сразу, чтобы онъ и не шелохнулся. Часто «кожа» лежитъ на льдахъ цѣлыми массами. Когда подходитъ вельботъ, то гарпунеръ прежде всего стрѣляетъ въ того тюленя, который лежитъ на самомъ краю льдины. Встревоженная выстрѣломъ вся стая поднимаетъ голову и смотритъ впередъ на стараго самца, лежащаго у самой воды; если онъ убитъ сразу, не шевелится и не уходитъ въ воду, большинство успо-

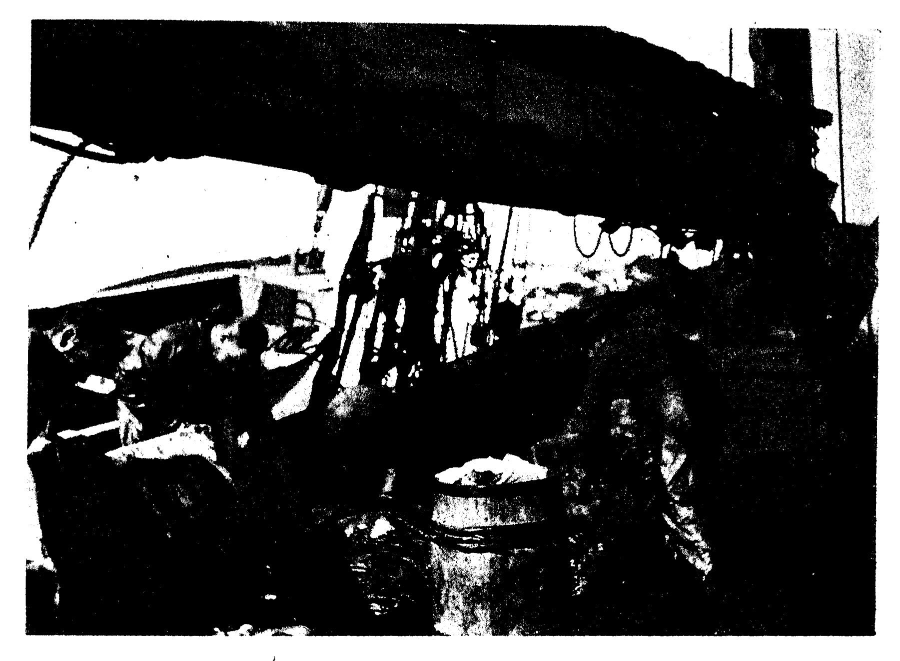

Рис. 143. На «Поморѣ» снимаютъ жиръ съ тюленьихъ и моржевыхъ шкуръ.

каивается, и тогда снова можно стрѣлять. Но лучше всего бить «сѣрку». Это — молодые гренландскіе тюлени; они сѣраго цвѣта, почему ихъ такъ и называютъ. Иной разъ она такими массами покрываетъ ледъ, что онъ издали кажется сѣрымъ. Когда сѣрка, полежавши на льдинѣ обогрѣется и высохнетъ, тогда къ ней можно идти смѣло: ни выстрѣлы, ни видъ человѣка ее не пугаютъ. Но и она, если почуетъ запахъ, уходитъ въ воду.

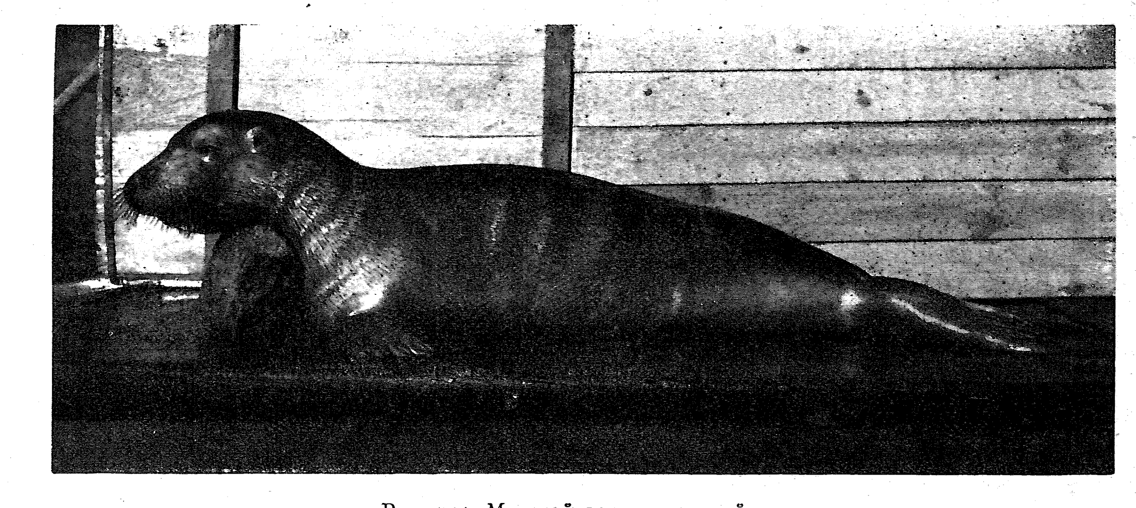
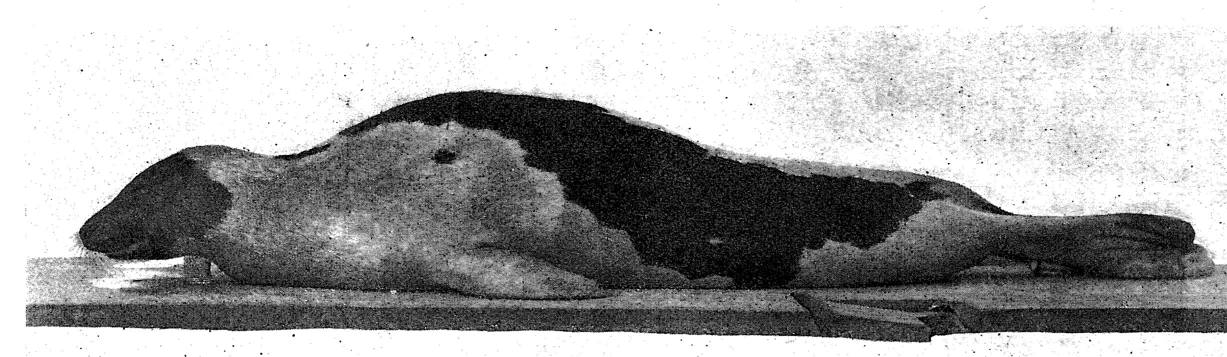

Рис. 144. Морской заяцъ, молодой.

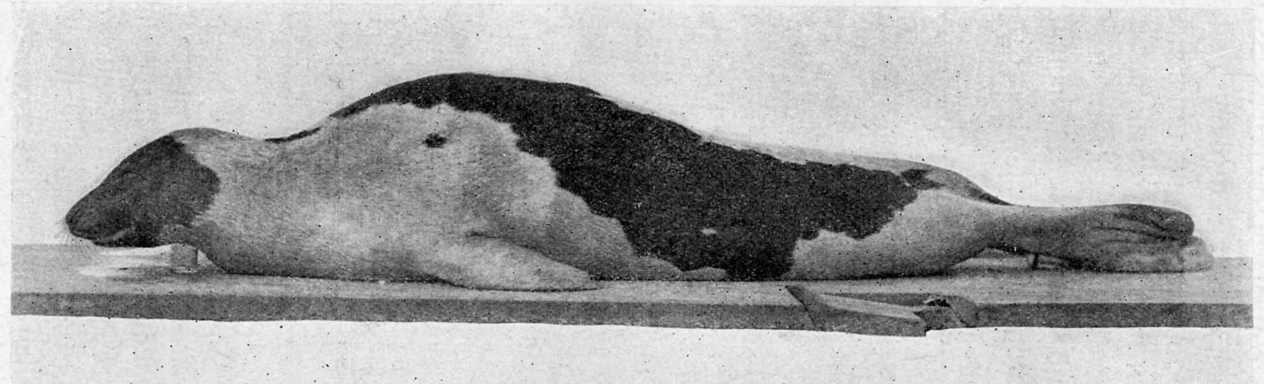

Рис. 145. Гренландскій тюлень—«кожа».

Рис. 144. Морской заяцъ, молодой.

— Ну, а въ общемъ, насколько выгоденъ звѣриный промыселъ?

— Да вотъ первый рейсъ далъ намъ около 2200 рублей, да теперь у насъ есть кожъ и сала рублей на 1000!

— Почему же такъ мало имъ занимаются на Мурманѣ?

— Снаряженіе дорого стоитъ. Прежде всего нужно хорошее судно, такъ какъ съ плохимъ нельзя идти во льды. Вотъ и въ этомъ году у мыса Городецкаго раздавило льдомъ промысловую яхту одного помора. Намъ еще пришлось спасать ея команду.

— Позвольте, а какъ-же вы бѣлаго медвѣдя убили? Я объ этомъ и забылъ васъ спросить.

— Это намъ ужъ подвезло! Ходили мы у льдовъ... Вдругъ изъ бочки гарпунеръ кричитъ, что въ морѣ плыветъ бѣлый медвѣдь. Сейчасъ же спустили вельботъ и погнались за нимъ. А онъ, видя, что его нагоняютъ, нырять началъ. Вынырнулъ онъ, а тутъ его двумя пулями и уложили! Думали уже, что пропадетъ звѣрь, такъ какъ мертвый медвѣдь тонетъ, а онъ всплылъ и лежитъ на водѣ. Жирный ужъ очень былъ, да и въ желудкѣ у него много тюленьяго жира нашли. Не будь этого, пропалъ бы нашъ медвѣдь!

Мы снова вернулись въ каюту, но о шахматахъ больше и не думали: меня очень заинтересовали разсказы Григорія Ивановича да и онъ увлекся воспоминаніями.

— Что жъ, были въ вашемъ плаваніи и тяжелыя минуты?

— Всяко бывало. Въ мартѣ мѣсяцѣ штормъ былъ, и мы отстаивались у Іоканскихъ острововъ. Съ нами еще одна яхта промысловая стояла. Вдругъ сразу ударилъ морозъ, и мы оказались во льду. Тутъ пришлось поработать! Чтобы выбиться на чистую воду, пришлось передъ «Поморомъ» рубить ледъ. Сдѣлаютъ рядъ прорубей, потомъ взломаютъ между ними ледъ и тянутъ судно на тросѣ. Медленно мы подвигались тогда. На наше счастье поднялся

свѣжій вѣтеръ; мы подняли паруса, и тогда «Поморъ» самъ уже шелъ по сдѣланной проруби (рис. 146); а когда ледъ сталъ тоньше, и рубить не пришлось: «Поморъ» нашъ такимъ ледоколомъ сталъ, что и вашъ «Андрей» ему позавидуетъ!

— Вотъ вы были здѣсь ранней весной, какъ въ это время по берегамъ? все мертво, конечно?

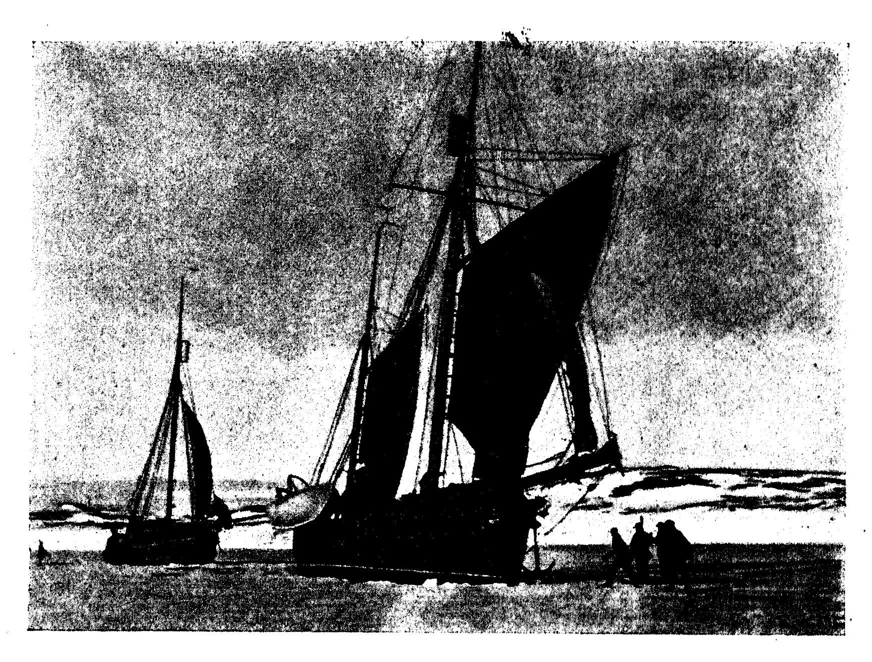

Рис. 146. «Поморъ» пробивается среди льдовъ; сзади видно другое промысловое судно.

— Ну, нѣтъ! Тамъ же, въ Іоканскихъ островахъ мы съ Несторомъ Александровичемъ на бѣлыхъ куропатокъ охотились въ началѣ марта!

— Какъ же они живутъ среди снѣга? Чѣмъ питаются?

— Убитыхъ нами Несторъ Александровичъ вскрывалъ, такъ въ зобу у нихъ полно было ягодъ и листочковъ вероницы. А гагъ мы тамъ сколько въ это время видѣли! Прямо тысячами сидѣли онѣ у самаго прибоя! Однимъ выстрѣломъ можно было-бы много штукъ убить!

— И что-же вы на нихъ тоже охотились?

— Нѣтъ! Ихъ вѣдь запрещено стрѣлять на Мурманѣ. Несторъ Александровичъ только для коллекціи убилъ нѣсколько штукъ.

— Ну, а еще какихъ вы звѣрей видѣли?

— На песцовъ *) охотились, да — неудачно! Очень ужъ хитрый и ловкій звѣрекъ. Много птицъ разныхъ видѣли мы на Колгуевѣ, правда это было уже въ іюнѣ мѣсяцѣ...

— Разскажите мнѣ про Колгуевъ! Сколько разъ мы собирались попасть на него, и все не удается.

— Да что же о немъ разсказывать? Пробыли мы на немъ всего нѣсколько часовъ. Становище оказалось совершенно пустымъ; амбары и избы не заперты, несмотря на то, что тамъ въ бочкахъ было много тюленьихъ шкуръ. Вѣроятно, зимой напромышляли, да такъ почему-то и оставили. Вотъ на землѣ Кусова интереснѣе было: тамъ мы на оленей охотились. И какъ кстати подошла намъ эта охота! Запасы подходили къ концу, ѣли мы уже кое-какъ, а тутъ свѣжая оленина! Въ тѣхъ же мѣстахъ лебедей и гусей дикихъ стрѣляли. Шкурки Несторъ Александровичъ поснималъ для коллекціи, а мясо мы съѣли. Безъ шкурки оно, пожалуй, еще вкуснѣе!

Далеко за полночь затянулась наша бесѣда. Распростившись съ хозяевами, я собирался уходить.

— Что же вы, Константинъ Павловичъ, не поздравите Григорія Ивановича?—спросилъ вдругъ штурманъ.

— Съ чѣмъ? удивился я.

— А теперь нашъ Григорій Ивановичъ не только капитанъ, а и судовладѣлецъ! «Помора» покупаетъ!

Я отъ души поздравилъ Григорія Ивановича и пожелалъ ему успѣха!

Полусонный вахтенный скоро доставилъ меня на

*) Полярная лисица.

шлюпкѣ домой, т.-е. въ мою каюту на «Андреѣ Первозванномъ».

ГЛАВА XXVI.

Возвращеніе.

Вотъ и конецъ августа. Близится возвращеніе въ Петербургъ, и, когда во время работы я вспоминаю объ этомъ, у меня сжимается сердце и холодѣютъ руки. Почти полгода незамѣтно пролетѣли въ напряженной работѣ. Почти полгода я сколько-нибудь близко сталкивался только со своими товарищами. И хотя за это время я успѣлъ всѣхъ ихъ оцѣнить и полюбить, но, несмотря на это, всѣ мы немного другъ другу надоѣли. Чувствовалась потребность перемѣнить обстановку и на время уйти другъ отъ друга. Какъ-то не вѣрилось, что скоро я буду среди другихъ людей и среди другихъ интересовъ.

Уже давно прекратился непрерывный полярный день. Такъ пріятно было зажечь у себя въ каютѣ электричество и мечтать о томъ, что скоро я окунусь въ клокочущую жизнь большого города; и въ то же время было жалко покинуть, быть можетъ, навсегда и это безпрерывно волнующееся море, и эти маленькія каютки, въ которыхъ было столько пережито и перечувствовано.

На берегу кипитъ работа. Всѣ мы заняты укладкой коллекцій, которыя вмѣстѣ съ нами ѣдутъ въ Петербургъ. Непрерывно раздается стукъ заколачиваемыхъ ящиковъ.

Но вотъ и послѣдній взглядъ на Екатерининскую гавань, и послѣднее рукопожатіе тѣмъ изъ товарищей, которые остаются здѣсь на зиму. Въ душѣ копошится зависть: такъ интересно было бы провести здѣсь полярную зиму! Но въ то же время такъ сладко тянетъ къ той далекой и бурно кипящей жизни, которая ожидаетъ насъ въ Петербургѣ!

Мы идемъ въ Архангельскъ, производя свои обычныя изслѣдованія. По ночамъ на палубѣ ярко свѣтятъ электрическія лампы, позволяя вести непрерывную работу. Какой черной кажется теперь вода, когда послѣ яркаго освѣщенія посмотришь за бортъ!

Доставая парусиновымъ ведромъ воду для опредѣленія поверхностной температуры, я съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ вспыхнула холоднымъ зеленоватымъ свѣтомъ морская поверхность, когда ея коснулось ведро. Неужели это свѣченіе моря? Неужели и здѣсь за полярнымъ кругомъ можно наблюдать это удивительное явленіе?

Я вытащилъ ведро и началъ опускать термометръ... Снова слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ блеснула вода въ ведрѣ. Стоило мнѣ поболтать воду, какъ въ ней загорались миріады блѣдныхъ голубоватыхъ искорокъ.

Темная ночь! Мы работаемъ въ ярко освѣщенной лабораторіи. Время отъ времени къ намъ заходитъ Александръ Петровичъ.

— Почему вы не спите?—удивляемся мы.

— Нельзя теперь спать! Мы идемъ въ горлѣ Бѣлаго моря, а въ такихъ мѣстахъ намъ спать не полагается!

— Да вѣдь есть же вахтенный штурманъ!

— Штурманъ штурманомъ, а за все, что можетъ произойти, отвѣчаю я.

Работа окончена. До утра остановокъ не будетъ, но не хочется идти къ себѣ въ каюту. Мы сидимъ въ лабораторіи и говоримъ уже о томъ, что ожидаетъ насъ впереди.

— Господа, сѣверное сіяніе!—зоветъ насъ Александръ Петровичъ.

Въ сѣверной части небосклона, дѣйствительно, мерцаетъ и переливается таинственный голубой свѣтъ.

— Это сѣверъ прощается съ нами!—говоритъ кто-то среди наступившей тишины.

Я снова завидую оставшимся въ гавани товарищамъ:

они будутъ наблюдать не такія блѣдныя, а настоящія сѣверныя сіянія, когда почти все небо охватывается ихъ заревомъ.

— А это что за свѣтлая точка? Вотъ она скрылась... Вотъ опять блеснула!

— Это маякъ! — слышится въ темнотѣ голосъ Александра Петровича.

Я долго стою и смотрю на эту періодически потухающую и снова ярко вспыхивающую точку, но мысли мои далеко отсюда, среди моихъ близкихъ, ожидающихъ моего возвращенія.

Раннимъ утромъ мы были у выхода изъ «горла» въ самое Бѣлое море. Глубина небольшая, всего—86 метровъ; температуры высокія: даже у дна + 5,4. Послѣ работъ идемъ дальше.

На слѣдующей станціи подъ 65°52′ с. ш. и 36°16′ в. д.— глубина 236 метровъ! Поразительны здѣсь были температуры: на поверхности — + 13,3, но уже на 50 м. — 0,8, а на 230 м. — 1,6!

— Подобное распредѣленіе температуръ, — поясняетъ Николай Михайловичъ, — очень характерно для Бѣлаго моря: верхніе слои воды вслѣдствіе сильныхъ береговыхъ нагрѣваній обладаютъ очень высокими температурами сравнительно съ тѣми же слоями воды въ океанѣ; но зато болѣе глубокіе слои, изолированные отъ вліянія океаническихъ водъ барьеромъ, находящимся въ «горлѣ», сохраняютъ очень низкія температуры.

— А Бѣлое море зимою замерзаетъ?

— О да! Даже въ началѣ іюня пароходы не всегда могутъ пройти изъ Архангельска на Мурманъ. Бывали случаи, что они недѣлями стояли во льдахъ въ «горлѣ» Бѣлаго моря.

Зоологическія орудія принесли намъ животныхъ, среди которыхъ даже нашъ неопытный глазъ сразу отличилъ такихъ, которыхъ мы въ океанѣ не встрѣчали.

— Что это за моллюски въ такомъ громадномъ количествѣ?—спрашивали мы Николая Михайловича.

— Это Ioldia arctica!

— Почему же она не встрѣчается на Мурманѣ?

— Это животное болѣе холодной области. Было время, когда весь сѣверъ Европы отличался вѣроятно тѣми же климатическими условіями, которыя находимъ мы теперь въ Бѣломъ морѣ; тогда Ioldia arctica встрѣчалась и тамъ. Бѣлое море тѣмъ и интересно, что какъ его физико-географическія особенности, такъ и фауна въ значительной степени объясняютъ намъ условія жизни въ томъ холодномъ морѣ, которое омывало когда-то значительную часть береговъ Европы.

Среди рыбъ, принесенныхъ оттертроллемъ, обыкновенной трески не было, но попалось нѣсколько «саекъ» или полярныхъ тресокъ. Очень удивило даже и Николая Михайловича нахожденіе среди добытыхъ животныхъ тѣхъ самыхъ митилюсовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ литоральной полосѣ. Здѣсь мы ихъ добыли съ глубины 236 метровъ!

Очень странно выглядѣли крупные Gorgonocephalus — большія офіуры съ сильно развѣтвленными лучами. Интересны также были роскошныя колоніи гидроидовъ и особыхъ коралловъ (Alcyonium), которые однако не строятъ такихъ известковыхъ построекъ, какъ ихъ южные родственники.

И здѣсь на днѣ жизнь била ключемъ! Такъ, напр., среди массы животныхъ, принесенныхъ траломъ Петерсена, одинъ видъ офіуры (Ophiacautha bidentata) попался въ количествѣ 699 экз., звѣзда (Asterias stellionura)—въ количествѣ 490 экз. и т. д.

Чѣмъ ближе къ Архангельску, тѣмъ чаще и чаще попадаются намъ суда. Сразу замѣтно, что мы попали въ мѣста, болѣе населенныя и болѣе культурныя. Вотъ и маякъ, на которомъ мы беремъ лоцмана, вводящаго насъ въ устье Сѣверной Двины.

Лѣсъ мачтъ! (Рис. 147). Громадные пароходы съ различными незнакомыми мнѣ флагами выгружаютъ свои товары. Шумъ лебедокъ, лязгъ цѣпей, крики, говоръ,... какъ все это было ново послѣ безлюдныхъ водъ Мурмана! Скорѣе, скорѣе въ городъ!

Но самый Архангельскъ меня разочаровалъ: удивительно безжизненный, скучный и неинтересный городъ. Въ 3 — 4 часа я осмотрѣлъ его не только съ внѣшней стороны, но ознакомился и со всѣми его достопримѣчательностями. Архангельскій музей послѣ Норвежскихъ музеевъ показался мнѣ такимъ жалкимъ... А памятникъ Ломоносову?—Неинтересный, нехудожественный онъ заросъ травой и находится, повидимому, въ полномъ пренебреженіи. Какъ мы, русскіе, не умѣемъ чтить своихъ національныхъ героевъ! Величайшій, разносторонній умъ, предвосхитившій, какъ оказывается, идеи Лавуазье и стоявшій въ свое время въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко впереди изслѣдователей всего міра, даже здѣсь, на своей родинѣ не удостоился болѣе величественнаго увѣковѣченія своей памяти!

Но что меня поразило въ Архангельскѣ, такъ это — деревья! Какъ ни странно, но я испытывалъ особенное острое наслажденіе, глядя на настоящія высокія деревья и слушая шумъ ихъ листьевъ. Такимъ роднымъ и близкимъ повѣяло на меня отъ этой картины! Столько воспоминаній вызвала она во мнѣ.

Вотъ я и въ вагонѣ. Медленно тянется узкоколейный поѣздъ среди непрерывнаго лѣса. Лѣсъ и лѣсъ, то низкорослый, мелкій, то старый съ высокими деревьями, но одинаково запущенный и безлюдный. Только изрѣдка блеснетъ просѣка, а за ней непрерывная стѣна деревьевъ. На маленькихъ станціяхъ къ окнамъ вагона подходили охотники, предлагая массами тетеревовъ и рябчиковъ. Да, здѣсь дичи много.

На всемъ пути вплоть до Ярославля я не испытывалъ

Рис. 147. Передъ Архангельскомъ.

того ощущенія, которое охватываетъ и поднимаетъ меня всегда, когда я попадаю въ водоворотъ человѣческой жизни. До Ярославля я видѣлъ людей, иногда много, но ихъ жизнь не трогала, не заражала меня... Въ Ярославлѣ прямо съ поѣзда нужно было садиться на пароходъ, чтобы переправиться черезъ Волгу. И вотъ здѣсь впервые послѣ Архангельскаго порта я почувствовалъ себя окруженнымъ живыми людьми со всѣми ихъ горемъ, радостями, заботами и волненіями! Но тамъ, въ Архангельскѣ, я видѣлъ только внѣшнюю сторону жизни, здѣсь же именно душевныя переживанія доносились ко мнѣ въ каждомъ слышанномъ мною словѣ, и въ каждомъ движеніи, которое я видѣлъ. Была темная сентябрьская, но очень тихая ночь. Съ нами на пароходѣ изъ-за Волги возвращалась въ городъ масса публики; самые незначительные ихъ разговоры объ игрѣ въ крокетъ, о какомъ-то Петрѣ Ивановичѣ, который заболѣлъ и не могъ сегодня кататься на лодкѣ и т. д., были мнѣ такъ близки и дороги, какъ будто именно я только что игралъ съ ними въ крокетъ, а этотъ Петръ Ивановичъ былъ мнѣ самымъ близкимъ человѣкомъ!

Какъ хороша и многообразна жизнь!

ГЛАВА XXVII.

Мурманъ зимою.

Какъ ни тяжелы условія зимней жизни за полярнымъ кругомъ, я до сихъ поръ жалѣю, что мнѣ не пришлось провести ни одной зимы на Мурманѣ. Сколько своеобразной прелести было въ этой жизни! Я представляю себѣ, какъ въ тихую морозную ночь ярко освѣщенный пароходъ идетъ для работъ въ открытый океанъ... Темное, темное море и такое же темное небо, усѣянное миріадами

ярких звѣздъ. Вы приступаете къ работамъ... Конечно, холодно, руки зябнутъ! Вамъ то и дѣло приходится спускаться въ каюту, чтобы отогрѣть закоченѣвшіе пальцы!

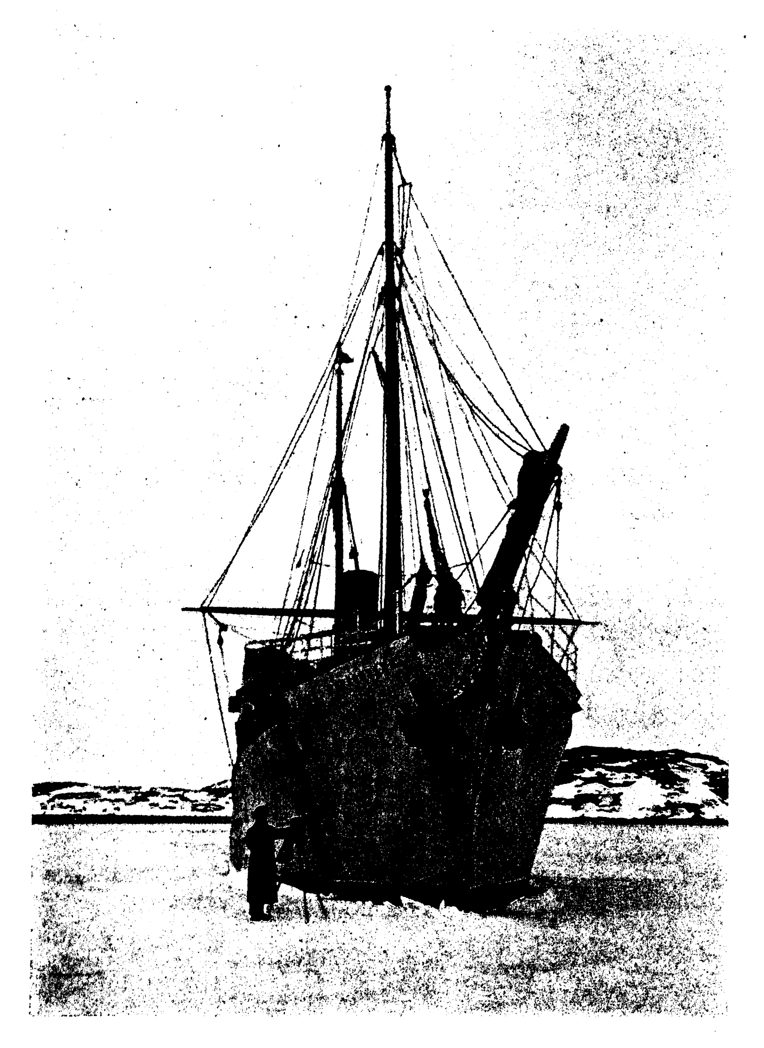

Рис. 148. «Андрей Первозванный», зимою въ Екатерининской гавани.

Но зато каждая добытая вами температура, каждое пойманное животное уже открываютъ предъ вами то, что до сихъ поръ никому не было извѣстно. Вѣдь условія

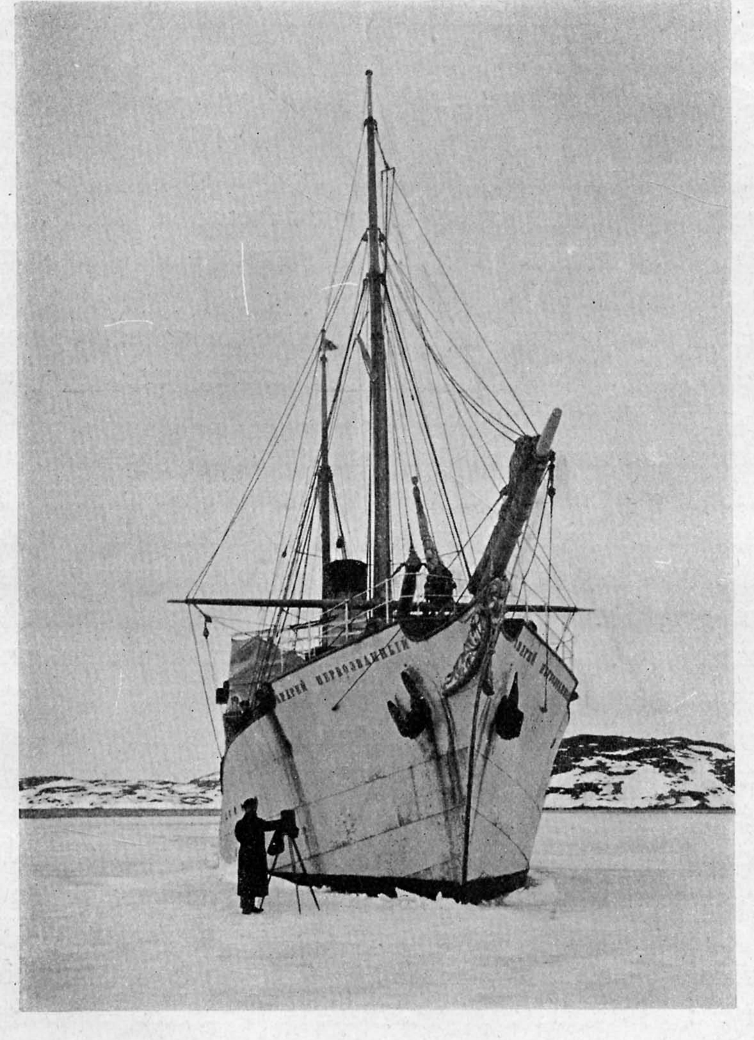

Рис. 148. «Андрей Первозванный», зимою въ Екатерининской гавани.

жизни океаническихъ животныхъ въ это время и въ этихъ мѣстахъ не изучались сколько-нибудь детально ни однимъ натуралистомъ! И вотъ среди работы вы въ изумленіи останавливаетесь: все небо загорается и вспыхиваетъ; цѣлыя полосы таинственнаго свѣта нѣжно сверкаютъ и переливаются, волшебно освѣщая и слабо плещущіяся волны, и заброшенный среди нихъ вашъ пароходъ! (Рис. 148).

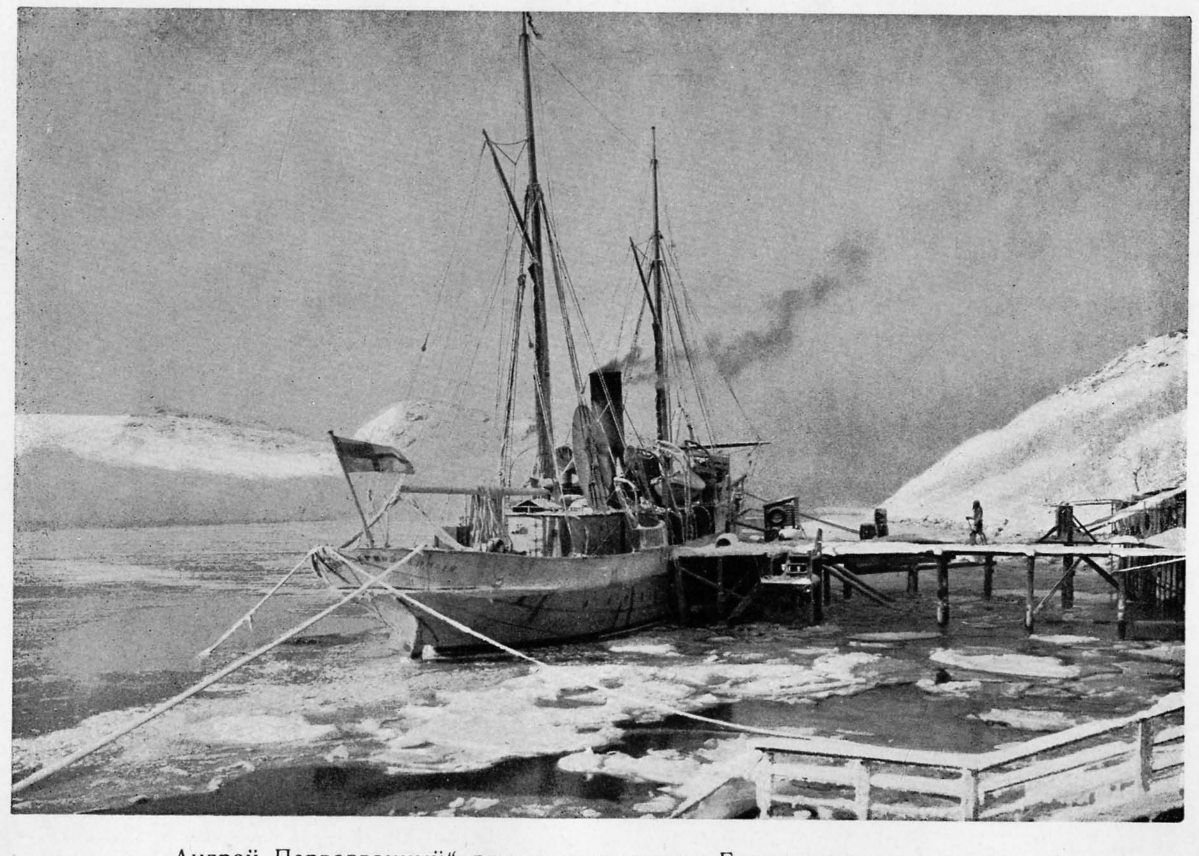
Близится день, и вмѣсто сѣвернаго сіянія на югѣ загорается розовая заря. Уже полдень, а небо только слегка поблѣднѣло, и звѣзды попрежнему глядятъ на васъ съ высоты!

Но вотъ задулъ штормъ! Небо покрылось тучами, и сдѣлалось еще темнѣе! Страшныя волны взлетаютъ на палубу и, замерзая, покрываютъ ее ледяной корой. Работать въ океанѣ нельзя, и вы полнымъ ходомъ идете въ гавань.

Вотъ и ваша комната въ береговомъ помѣщеніи! Приготовляясь къ полярной зимѣ, вы обставили ее возможно уютнѣе. Въ печкѣ, потрескивая и тлѣя, горятъ дрова, и пріятная теплота разливается вокругъ васъ; на столѣ, ярко освѣщенномъ лампой, лежатъ книги и стоитъ микроскопъ, а изъ за нихъ на васъ смотрятъ портреты вашихъ друзей... Гдѣ они? Вспоминаютъ ли они васъ съ такой же любовью, съ какой вы вглядываетесь въ ихъ дорогія вамъ черты?

А за окномъ воетъ буря. Кто-то стучитъ въ дверь... Вы открываете, и Александръ Петровичъ, закутанный въ шубу, занесенную снѣгомъ, съ обледенѣвшими усами входитъ къ вамъ; и здѣсь среди полярной ночи, отрѣзанные отъ всего міра, вы начинаете вести не сухую дѣловую бесѣду, а открываете другъ передъ другомъ свою душу.

Стихла буря. При слабомъ свѣтѣ полуденной зари вы на лыжахъ шагаете по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ и наблюдаете слабыя проявленія полярной жизни. Продрогнувъ и проголодавшись послѣ хорошей прогулки вы идете на пароходъ... — А вамъ телеграмма! — Вы съ тре-

„Андрей Первозванный“ зимою у пристани Екатерининскаго острова.

вожно забившимся сердцемъ вскрываете сѣрый листокъ телеграфнаго бланка и сразу успокаиваетесь: всѣ здоровы, васъ не забыли, вспоминаютъ и ждутъ весны, когда вмѣстѣ съ тепломъ и солнцемъ вы появитесь среди вашихъ друзей.

Въ ярко освѣщенной каютъ-компаніи собираются всѣ ваши товарищи, съ которыми вы сошлись такъ близко. Подъ звуки мелодично звенящихъ аккордовъ любимыхъ вами пьесъ оживленно и весело проходитъ обѣдъ, и долго еще длится послѣ него ваша бесѣда.

Такъ мнѣ рисовалась жизнь тѣхъ товарищей, которые оставались на зиму въ Екатерининской гавани. Бесѣда съ ними и дневники работъ заставляютъ меня думать, что я не слишкомъ уклонился отъ истины: среди тяжелыхъ минутъ было не мало и такихъ, которыя на всю жизнь сохранятся, какъ свѣтлое воспоминаніе.

Я позволю теперь себѣ на основаніи журналовъ экспедиціи охарактеризовать въ самыхъ краткихъ словахъ нѣкоторые моменты изъ ея зимнихъ работъ.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ препятствій, мѣшавшихъ правильнымъ работамъ «Андрею Первозванному» зимою, былъ недостатокъ прѣсной воды. Лѣтомъ въ Александровскѣ функціонировалъ водопроводъ; это была труба, по которой изъ лежащаго высоко на берегу озера вода проходила къ пристани. «Андрей Первозванный», какъ и другіе пароходы, могъ получать, сколько угодно, прѣсной воды для питанія своихъ котловъ. Зимою этотъ водопроводъ не дѣйствовалъ: трубы были проложены на поверхности земли, и вода въ нихъ замерзала.

Въ первую зимовку на долю команды «Андрея Первозваннаго» выпало много очень тяжелой работы, связанной съ доставкой воды. При морозахъ, иногда въ 10 градусовъ и больше, приходилось подходить въ шлюпкѣ къ какому-нибудь ручью, наливать ведрами воду въ особую шлюпку и буксировать послѣднюю къ пароходу. Все

это отнимало столько времени и требовало такихъ усилій, что Александръ Петровичъ съ Василіемъ Николаевичемъ начали поговаривать объ устройствѣ собственнаго водопровода. Мы, какъ и передъ смѣной винта, относились сначала скептически къ ихъ планамъ, но потомъ принуждены были преклониться передъ изобрѣтательностью нашихъ моряковъ.

Разспросивъ мѣстныхъ жителей и сдѣлавъ нѣсколько развѣдочныхъ поѣздокъ на шлюпкѣ въ окрестностяхъ Екатерининской гавани, Александръ Петровичъ отыскалъ въ одной изъ губъ Кольскаго залива незамерзающій ручей; онъ впадалъ въ такомъ мѣстѣ, что пароходъ могъ подойти къ его устью довольно близко. Здѣсь была устроена плотина; когда нужно было брать воду, шлюзы ея спускались, и тогда вода шла по трубѣ и далѣе по привинченнымъ къ ней парусиновымъ «шлангамъ» прямо въ цистерны парохода. Передъ нашимъ отъѣздомъ съ Мурмана Александръ Петровичъ продемонстрировалъ намъ свой «водопроводъ» (рис. 149); дѣйствовалъ онъ великолѣпно, и зимою команда парохода была избавлена отъ чрезвычайно тяжелой работы.

Продолжительные и очень сильные штормы тоже не мало мѣшали правильности рейсовъ «Андрея Первозваннаго». Уже съ осени начинались такія бури, при которыхъ о работахъ въ морѣ нельзя было и думать. О силѣ ихъ можно составить себѣ представленіе по слѣдующимъ фактамъ: 28 сентября съ «Помора», стоявшаго въ Лодейной губѣ, послали шлюпку въ Териберку; въ это время началась буря и шлюпка вернулась на судно только 1-го октября! Въ другой разъ 5 и 6 ноября дулъ такой штормъ, что пришедшій въ Лодейную губу «Поморъ» два дня не могъ отправить шлюпку на берегъ, находившійся отъ него всего въ нѣсколькихъ саженяхъ!

Въ такіе дни оставалось одно: отстаиваться въ какой-нибудь хорошо защищенной гавани.

Рис. 149. Самодѣльный водопроводъ.

Какъ ни случайны и кратковременны были выходы «Андрея Первозваннаго» въ море, они все же выяснили многое изъ того, что прежде было совершенно неизвѣстнымъ.

Съ наступленіемъ осени постепенно начинаютъ понижаться температуры поверхностныхъ слоевъ океана, но пониженіе это происходитъ очень медленно Въ то время какъ лѣтомъ сильно нагрѣваемые берега повышали температуру воды въ прибрежныхъ областяхъ, зимою наблюдается совершенно обратное явленіе: прибрежныя области оказываются болѣе охлажденными, что опять-таки становится вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что зимою суша охлаждается быстрѣе, чѣмъ море.

Очень эффектно выступало зимой вліяніе Гольфштрема. Вдоль меридіана Кольскаго залива льдовъ не было. Несмотря на низкія температуры воздуха, поверхностныя слои воды не охлаждались ниже $+2^\circ$ или $+1^\circ$, и только далеко на сѣверѣ, тамъ, гдѣ и лѣтомъ часто можно встрѣтить полярный ледъ, температура поверхностныхъ слоевъ опускалась ниже 0°.

Совершенно иная картина наблюдалась въ восточныхъ частяхъ Мурмана, куда умѣряющее вліяніе теплаго теченія не достигало: тамъ температуры опускались замѣтно ниже 0°, и иногда массами встрѣчался ледъ.

Екатерининская гавань подъ вліяніемъ водъ Гольфштрема не замерзаетъ (рис. 150). Только на нѣсколько дней покрывается она иногда тонкимъ слоемъ льда, который не могъ помѣшать «Андрею Первозванному» свободно входить и выходить изъ нея. (Рис. 151).

Какое дѣйствительно поразительное явленіе: стоитъ сильный морозъ, каждая капля воды, попадающая на палубу, сейчасъ же замерзаетъ, а за бортомъ плещутся волны, температура которыхъ не ниже $+2^\circ$!

Этимъ же вліяніемъ теплаго теченія объясняется и мягкій климатъ всего Мурманскаго побережья. Въ то время,

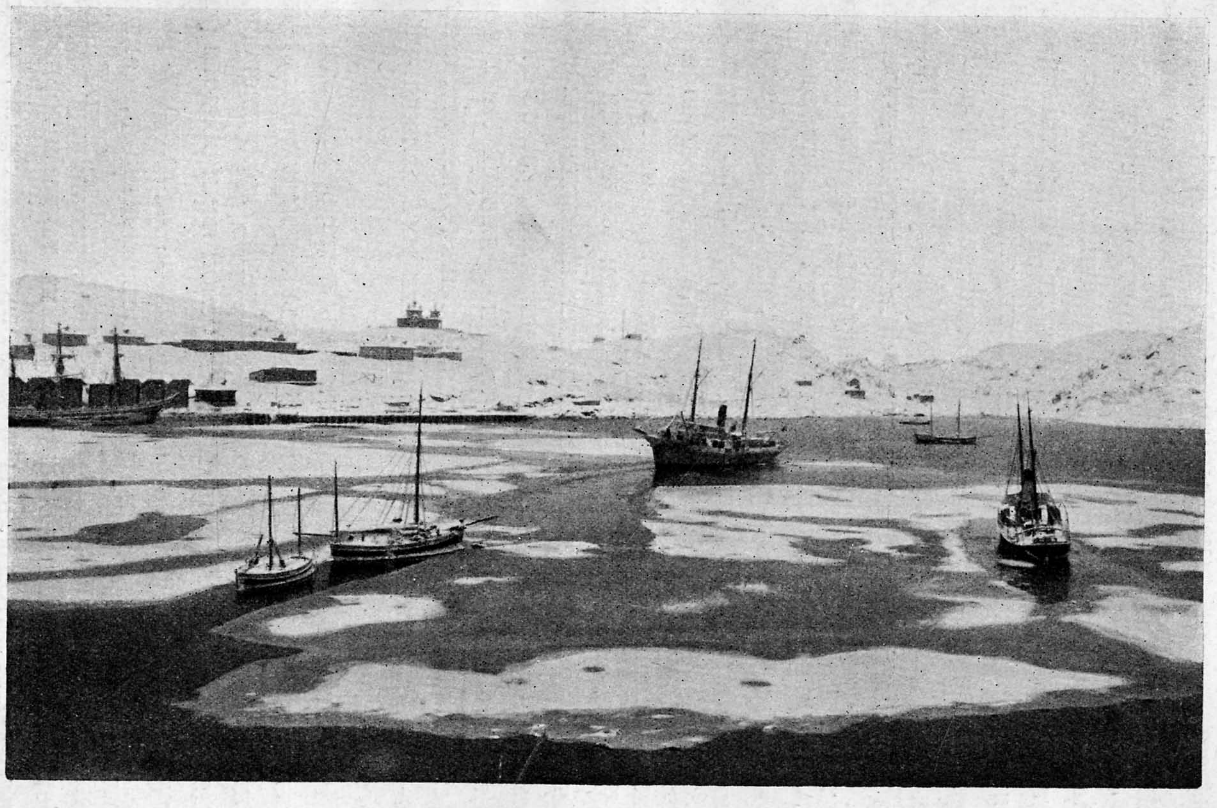

Рис. 150. Екатерининская гавань зимою.

какъ въ центральной Россіи стоятъ трескучіе морозы, здѣсь, далеко за полярнымъ кругомъ, большихъ холодовъ почти не бываетъ, и въ теченіе всей зимы возможна навигація.

Изслѣдованіе распредѣленія рыбъ, особенно интересовавшее нашу экспедицію, показало что уже съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ рыба уходитъ отъ береговъ въ открытое море и держится тамъ преимущественно въ вѣтвяхъ теплаго теченія или въ сосѣдствѣ съ ними. Но потомъ и въ открытомъ море промысловыхъ рыбъ становится все меньше и меньше. Ранней весною она громадными стаями снова появляется въ области гольфштремной воды. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1901 года получасовой ловъ оттертроллемъ далъ 481 треску. Гдѣ-же это? Въ какомъ мѣстѣ?—Подъ 71°29′ с. ш., т. е. какъ разъ въ южной вѣтви теплаго теченія! Подъ 73° с. ш. трески не было, но какъ только вступили въ слѣдующую вѣтвь теплаго теченія подъ 74° с. ш., снова появилась треска.

Что-же влечетъ эту рыбу въ наши сѣверныя воды? Это тоже удалось до извѣстной степени выяснить: въ желудкахъ пойманныхъ тресокъ оказалась въ массѣ мойва. Очевидно безчисленныя стаи трески являются сюда кормиться сначала мойвой въ вѣтвяхъ теплаго теченія, а позднѣе—креветками и сопровождающими ихъ животными у береговъ Мурмана!

Какъ просто и ясно рѣшались теперь всѣ эти вопросы и цѣлый рядъ другихъ! Когда на карту были нанесены наши гидрологическія наблюденія, ярко выступила картина теплаго теченія въ изслѣдуемой нами области (см. карту теченій). И распредѣленіе льдовъ, и подходъ рыбы къ берегамъ Мурмана стали для насъ явленіемъ, самымъ тѣснымъ образомъ связаннымъ съ распредѣленіемъ Гольфштремной воды. Сдѣлалось понятнымъ также и то, почему мы встрѣчали лѣтомъ льды у береговъ Новой Земли: здѣсь, какъ оказалось, проходитъ полярное теченіе съ очень низкими температурами (см. карту).

Рис. 151. Послѣднія льдины въ Екатерининской гавани.

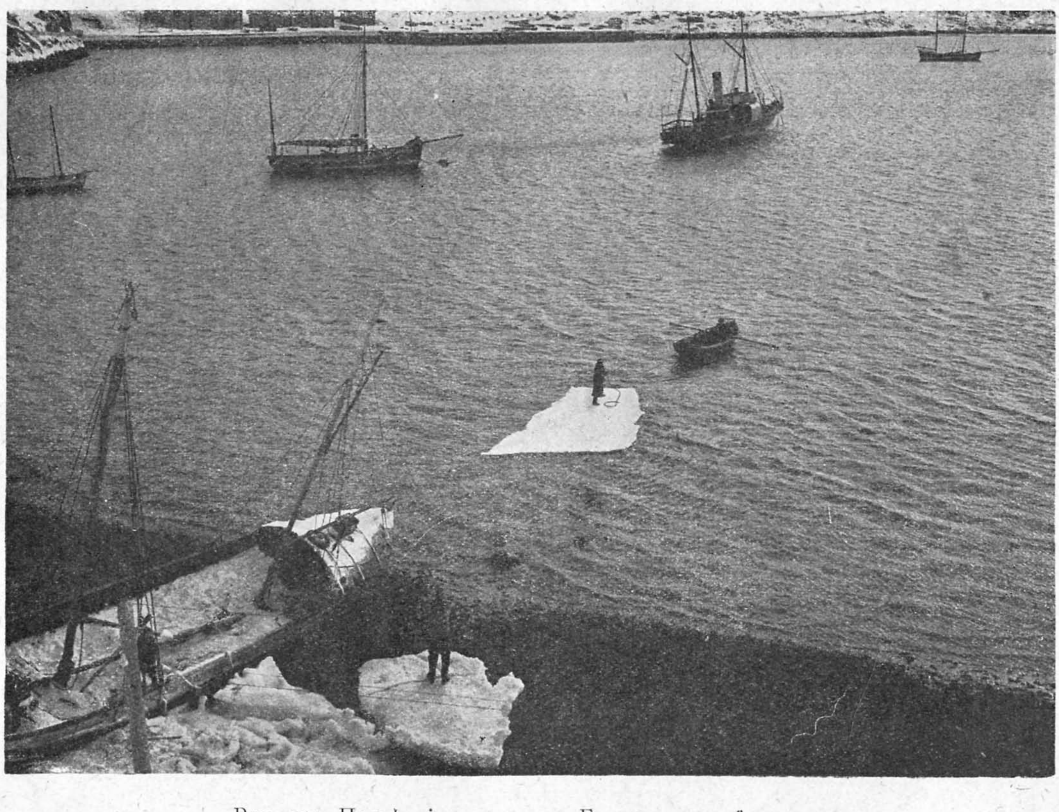
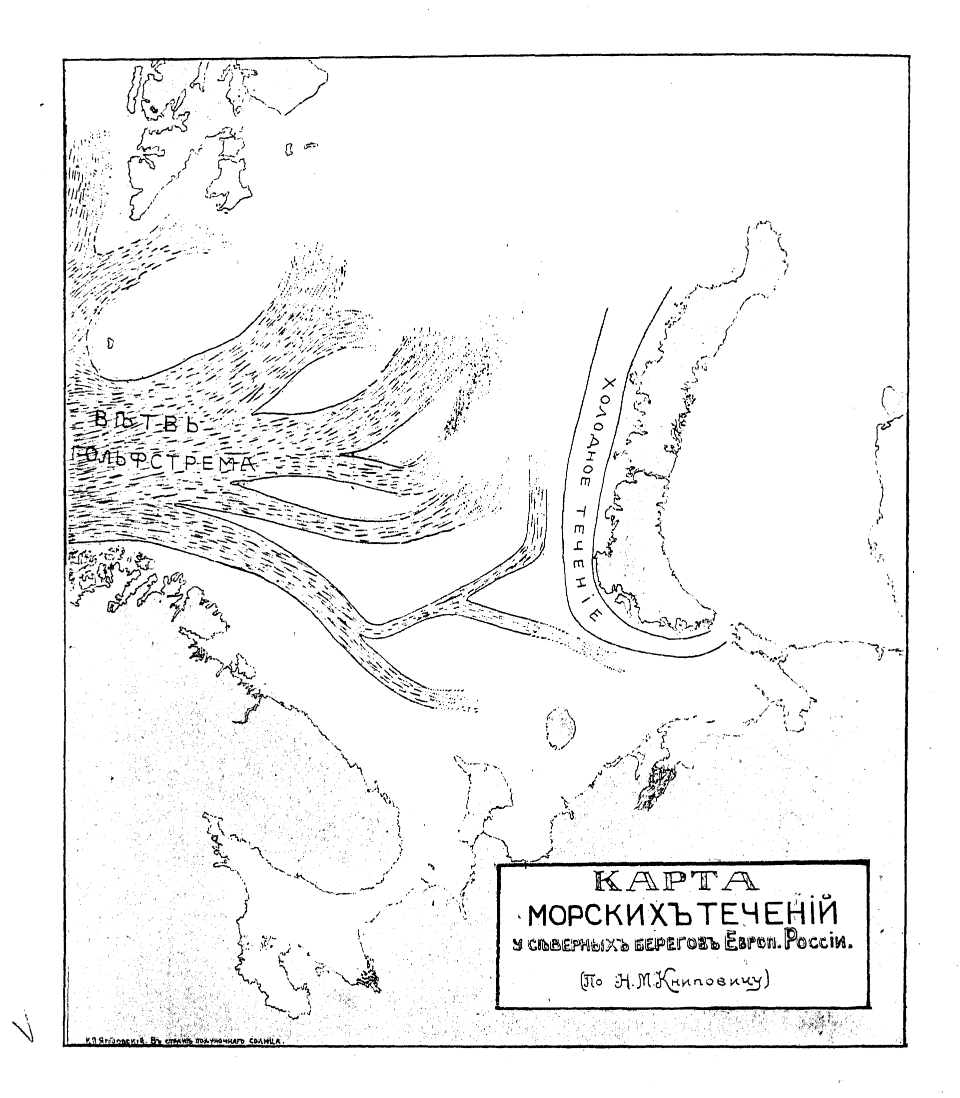
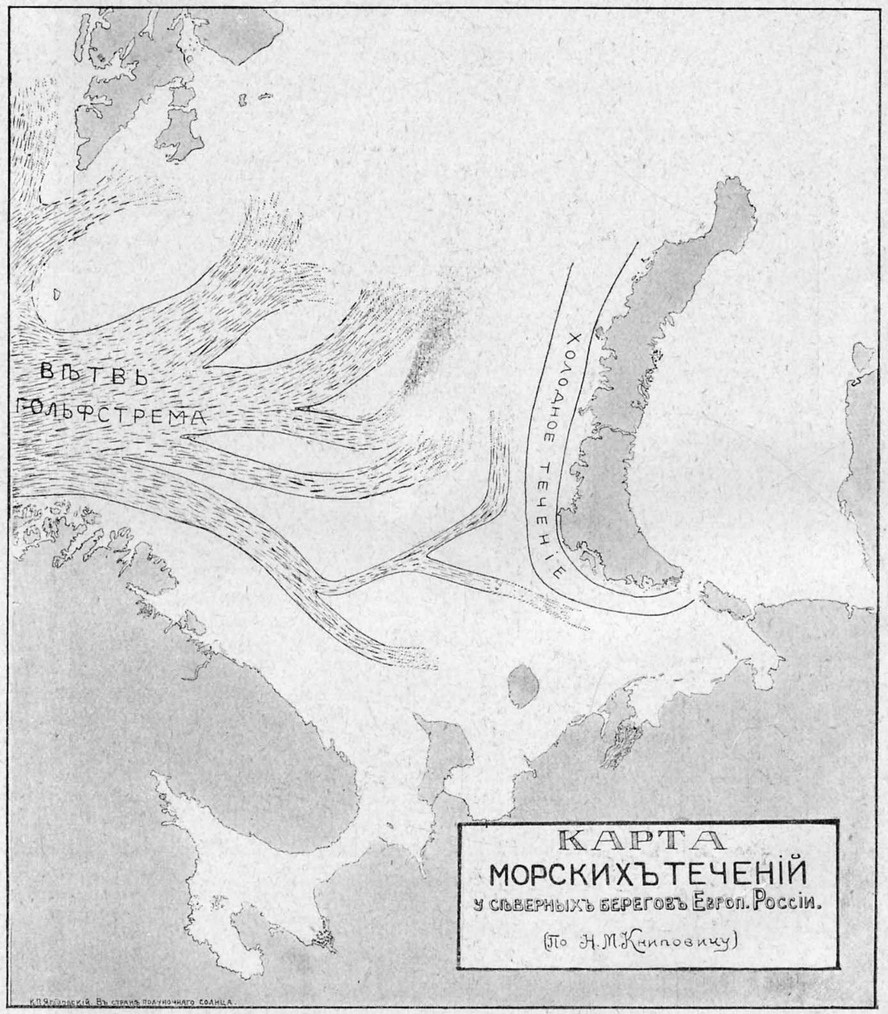

Рис. 151. Послѣднія льдины въ Екатерининской гавани.

Вотъ прекрасный примѣръ того, какъ чисто научное изслѣдованіе можетъ разрѣшить и выяснить цѣлый рядъ вопросовъ чисто практическаго характера. На этомъ фактѣ

я лишній разъ убѣдился въ томъ, что, если мы хотимъ получить правильное рѣшеніе практическихъ вопросовъ, ихъ прежде всего необходимо подвергнуть строгому научному изслѣдованію.

ВѢТВЬ
ГОЛЬФСТРЕМА
ХОЛОДНОЕ ТЕЧЕНІЕ
КАРТА
МОРСКИХЪ ТЕЧЕНІЙ
у сѣверныхъ береговъ Европ. Россіи.
(По Н. М. Книповичу)
К.П.Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца.

Кромѣ этихъ рейсовъ, для изслѣдованія вдали отъ береговъ, «Андрей Первозванный» время отъ времени обходилъ становища, причемъ нашъ докторъ оказывалъ медицинскую помощь больнымъ колонистамъ. А больныхъ было много! Въ нѣкоторыхъ становищахъ чуть не всѣ поголовно лежали въ цынгѣ. Бездѣятельная жизнь, отсутствіе свѣта и свѣжихъ здоровыхъ пищевыхъ продуктовъ являются главными причинами, вызывающими появленіе этой ужасной болѣзни. По порученію Комитета, снарядившаго экспедицію, въ такихъ становищахъ раздавали колонистамъ кислую капусту и другіе пищевые запасы, предохраняющіе отъ цынги.

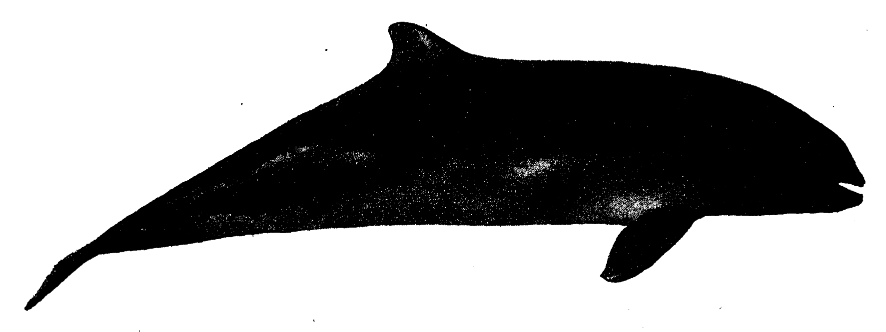

Рис. 152. Дельфинъ.

Болѣе энергичные колонисты не бездѣйствовали: зимою у береговъ Мурмана они промышляли акулъ и тюленей. Этотъ промыселъ не только давалъ имъ иногда очень значительный доходъ, но и предохранялъ отъ цынги.

Въ рабочихъ журналахъ экспедиціи отмѣчается между прочимъ одно любопытное явленіе: иногда въ морѣ массами попадались дельфины (рис. 152), между тѣмъ какъ лѣтомъ мы ихъ почти не встрѣчали.

Во время штормовъ, когда волей-неволей приходилось сидѣть въ гавани, были произведены наблюденія надъ жизнью литоральныхъ животныхъ. Къ 30 декабря большинство ушло въ воду, и во время отлива ихъ можно было наблюдать только въ немногихъ, сравнительно, мѣ-

Рис. 152. Дельфинъ.

стахъ, причемъ многіе изъ нихъ оказались мертвыми. Другой литоральный моллюскъ, Litorina, который лѣтомъ массами встрѣчается въ полосѣ отлива, теперь держался въ водѣ. Литоральныя морскія звѣзды тоже избѣгали оставаться на сушѣ; тѣ изъ нихъ, которыя при отливѣ не успѣвали уйти въ воду, обмерзали на берегу и потомъ трудно оправлялись. Балянусы были живы, но очень вяло двигали своими усиками.

Извѣстно, что лягушки иногда совершенно замерзаютъ и потомъ при осторожномъ оттаиваніи снова возвращаются къ жизни. Одинъ изъ товарищей задался цѣлью прослѣдить, какъ вліяетъ сильный холодъ на нѣкоторыхъ изъ животныхъ, населяющихъ придонныя пространства океана и живущихъ, слѣдовательно, всегда при температурахъ только на нѣсколько градусовъ выше нуля. Съ этой цѣлью онъ наловилъ морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ, морскихъ гребешковъ (крупный моллюскъ—Pecten) и раковъ-отшельниковъ и оставилъ ихъ на воздухѣ при температурѣ—6°; черезъ часъ онъ перенесъ ихъ въ морскую воду, температура которой была + 1,6; всѣ они ожили. Онъ повторилъ тотъ же опытъ съ тѣми же животными, но оставилъ ихъ на воздухѣ 6 часовъ... Этого они не вынесли и всѣ погибли.

Что же дѣлается въ это время на сушѣ? Можно было бы думать, что всѣ наземныя животныя уходятъ изъ этихъ мѣстъ... Во время одной экскурсіи на лыжахъ въ окрестностяхъ Екатерининской гавани одинъ изъ товарищей въ декабрѣ мѣсяцѣ насчиталъ свыше 20 видовъ различныхъ птицъ! Когда у убитыхъ экземпляровъ вскрыли желудки, то въ нихъ оказались раковины литоральныхъ моллюсковъ мальки рыбъ, остатки краба и т. д. Оказывается, и въ это время Ледовитый океанъ является кормильцемъ своихъ пернатыхъ сосѣдей!

ГЛАВА XXVIII.

Заключенiе.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ я въ послѣднiй разъ берега Мурмана.

Возвращаясь осенью 1901 года въ Петербургъ, я былъ увѣренъ, что ближайшей весною я снова увижу такое измѣнчивое, то безпредѣльно ласковое и спокойное, то, напротивъ, страшно суровое и бурное побережье полярной Россiи. Но ожиданiя мои не оправдались... Комитетъ, снарядившiй экспедицiю, рѣшилъ, что научныхъ изслѣдованiй достаточно, что настало время придать работамъ экспедицiи практическiй характеръ. Николай Михайловичъ не раздѣлялъ этого взгляда и потому оставилъ работу въ экспедицiи, а съ нимъ вмѣстѣ изъ ея состава выбыли и другiя лица.

Прошло много лѣтъ, но и до сихъ поръ я не знаю въ моей жизни другого перiода, который давалъ бы мнѣ столько мыслей, столько воспоминанiй, сколько связано съ пребыванiемъ на Мурманѣ.

Описывая работы экспедицiи, я всегда старался подчеркивать главнѣйшiе добытые ею результаты, а также и то, какъ могутъ они отразиться на промыслахъ, а слѣдовательно и на всей жизни нашей сѣверной окраины.

Вы, читатель, въ правѣ спросить меня теперь, ну, а на дѣлѣ оказали ли работы экспедицiи сколько-нибудь замѣтное влiянiе на развитiе Мурманскихъ промысловъ?

Къ сожалѣнiю — нѣтъ. Жизнь Мурмана замѣтно не измѣнилась. Число промышленниковъ не увеличилось, количество добываемой рыбы тоже значительно не возросло. Характеръ промысловъ остался прежнимъ: на той же шнякѣ выѣзжаютъ поморы и мечутъ свои яруса въ сравнительно узкой прибрежной полосѣ. Тѣ громадныя количества рыбы,

которыя были открыты экспедиціей въ открытомъ океанѣ, остаются неиспользованными.

Можно подумать, что работы экспедиціи не дали ничего цѣннаго, ничего нужнаго въ практическомъ смыслѣ.

Насколько ошибочнымъ было бы такое заключеніе, показалъ, къ сожалѣнію, не ходъ мурманскихъ промысловъ, а отчеты о рыбныхъ промыслахъ Англіи!

Въ этихъ отчетахъ мы встрѣчаемъ удивительныя цифры. Оказывается, англичане уже давно посылаютъ свои рыболовные пароходы, снабженные оттертроллями въ область, которую обслѣдовала Мурманская экспедиція. Въ 1906 году эти пароходы выловили въ этихъ мѣстахъ рыбы $140^1/_2$ тысячъ пудовъ, а въ 1911 году — уже *1 милліонъ 158 тысячъ пудовъ!*

Какая же это рыба, и гдѣ они ее ловили?—Главнымъ образомъ—камбала, и хотя въ названныхъ отчетахъ и нѣтъ точныхъ указаній о мѣстѣ лова, но несомнѣнно это большія мелководныя пространства, тянущіяся къ сѣверо-западу отъ Канинскаго полуострова и острова Колгуева. Тамъ именно мы встрѣтили много крупныхъ камбалъ, при чемъ чистый песчаный грунтъ безъ камней и подводныхъ скалъ дѣлаетъ эти мѣста въ высшей степени удобными для траловаго лова.

Интересно сопоставить нѣкоторыя цифры. Въ 1910 году всѣ наши сѣверные морскіе промыслы дали 759140 пудовъ рыбы, а англичане въ томъ же году привезли къ себѣ съ нашего сѣвера *больше милліона* пудовъ рыбы! Въ 1909, 1910 и 1911 годахъ англичане вылавливали *одной камбалы больше*, чѣмъ русскіе промышленники (сѣверные) всякой рыбы вообще!

Насколько значительна эта цифра, можно заключить изъ того, что привезенная съ нашего сѣвера рыба въ 1911 году составляла 4,27% добываемой со дна моря рыбы всѣми промышленниками Англіи и Уэльса!

По тѣмъ же отчетамъ видно, что промыселъ произ-

водится очень интенсивно. Онъ продолжается почти круглый годъ за исключеніемъ января и февраля мѣсяцевъ; но наибольшее количество рыбы добывается лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ. Въ 1911 году въ наши сѣверныя воды было сдѣлано изъ Англіи 306 выѣздовъ промысловыхъ пароходовъ.

Можно было бы удивляться тому, какая причина заставляетъ англичанъ отправляться для промысла въ столь отдаленный районъ, но въ отчетахъ есть указанія, объясняющія это явленіе. Оказывается, во всей области англійскихъ промысловъ нѣтъ такого мѣста, которое давало бы въ день столько рыбы, сколько добывали они въ водахъ, омывающихъ сѣверъ Россіи! Настолько богатыми оказались эти воды!

Но вотъ еще рядъ цифръ, заставляющихъ призадуматься. Уже въ 1911 году количество рыбы, добытой англичанами на сѣверѣ, нѣсколько уменьшилось, а въ 1912 году это уменьшеніе оказалось болѣе значительнымъ; понизился также и дневной уловъ, сократилось и число выѣздовъ...

Почему это произошло, на это въ отчетахъ нѣтъ никакихъ указаній, но разъ сократился промыселъ, то несомнѣнно рыбы стало меньше. Ее вылавливали такъ энергично, что промыселъ очень быстро сталъ падать. Если бы объектомъ промысла была треска или другая передвигающаяся, переселяющаяся рыба, этого не могло бы произойти, но камбала—рыба осѣдлая, ее вылавливали въ мѣстахъ ея постояннаго пребыванія и вылавливали такъ интенсивно, что количество ея очень быстро начало уменьшаться.

Любопытно, что съ уменьшеніемъ количества камбалы, англичане стали ловить пикшу и треску, на которыхъ раньше не обращали вниманія. Быть можетъ, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и мы будемъ читать о милліонахъ пудовъ этихъ рыбъ, добываемыхъ англійскими троллерами въ водахъ, омывающихъ сѣверное побережье Россіи!

Я такъ подробно остановился на приведенномъ фактѣ потому, что онъ очень ярко показываетъ, насколько цѣнными были нѣкоторые добытые экспедиціей результаты съ чисто практической стороны. Не вина экспедиціи, что этими данными воспользовались не мы, русскіе, а далекіе, чужіе этимъ водамъ англичане.

Вдумываясь во все изложенное, мы еще разъ можемъ подчеркнуть, насколько богата наша сѣверная окраина. Забытая, заброшенная, внушающая страхъ, она таитъ въ себѣ возможности развитія самой кипучей жизни. Будемъ надѣяться, что настанетъ время, когда сюда устремятся одни—съ тѣмъ, чтобы полюбоваться своеобразной картиной сѣверной природы, а другіе—съ тѣмъ, чтобы собрать съ океана ту богатую дань, которую скрываетъ онъ въ своихъ пучинахъ.

Если сбудутся эти надежды, рѣзко измѣнится картина Мурмана! Не измѣнится одно: попрежнему полуночное солнце своимъ мягкимъ волшебнымъ свѣтомъ будетъ оживлять и окрашивать суровую сѣверную природу, придавая ей своеобразную, только ей свойственную прелесть.

